Отечественныя
Записки
№ 1. Май

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1867

МАЙ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

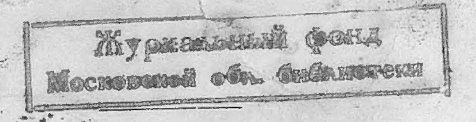
ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

издаваемый

А. КРАЕВСКИМЪ.



ТОМЪ CLXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, №38).

ТЕРЕНТІЙ МУЖЪ ДАНИЛЬЕВИЧЪ.

СВЯТОЧНАЯ КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Не увидѣлъ бы старикъ-жадовикъ,
Не ударилъ бы березиною,
Не прибавилъ черемшиною.

Нар. пѣсня (*Рыбн. III, 434;*
Былина о Терентьи, тамъ же, 251).

ЛИЦА ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Терентій мужъ Данильевичъ.
Катерина, Терентьева жена, Васильевна.
Гаврюшка Бѣляй, изстари государевъ вольный человѣкъ.
Васюта-Плакунъ, Терентьевъ племянникъ.

ЛИЦА ВТОРАГО И ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

Терентій.
Катерина.
Гаврюшка.
Васюта.
Скоморошій атаманъ.
Бабушка Ивановна.
Хоръ дѣвушекъ; хоръ скомороховъ.

Дѣйствіе при Тишайшемъ Царѣ, не дошедши до Орѣховца, а прошедши Онтоновецъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Ясный день на вечерѣ. Терентьевъ зеленый садъ. За садомъ рѣка и крутой бережокъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Катерина, *одна, ходючи по саду, приговариваетъ:*

Мнѣ-ка, Катеринѣ, бѣда прилучилася:
На дняхъ дома мужа не случилося,

Одна я, Катерина, пригодилася.
Я пошла ли молоденька погулять
По садочку по зелененькому;
Черезъ тынъ на улушку глянула:
Ужь я глянь-поглянь, добрый молодецъ идетъ,
Онъ идетъ-бредетъ посвистываетъ,
Желтыми кудерками потряхиваетъ.
Изсушилъ ты, молодецъ, меня,
Безъ морозу сердце вызнобилъ,
Что своимъ ли бѣлымъ лицомъ,
Что своими желтыми кудёрышками.
Мнѣ не хочется, младенькѣ, на мужа глядѣть,
На стараго мужа на Терентьище:
Онъ старъ добре, да не ровня мнѣ,
Да не ровня мнѣ, да не по̀ версту
Да не по́ версту, мнѣ не по́ мыслу.
Только мысли какъ бы ровню повидать,
Какъ бы мнѣ его повидѣти: —
Я бы молодца къ себѣ позвала,
Къ себѣ позвала, милымъ дружкомъ назвала.
(Помолчавъ)
А вотъ не идетъ! Который день не видно!
Ужь я въ саду и днюю и ночую:
Устерожить никакъ не удается.
И старый-то сидитъ все дома сиднемъ,
Хоть бы ушолъ куда. А то тоска;
А на него взгляну, тошнѣе вдвое.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Катерина; Терентій *въ окнѣ показывается.*

Терентій.

Ты поди сюда, молода жена,
Ты поди ко мнѣ въ новъ высокъ теремъ.

Катерина.

Ужь пойду ли къ тебѣ, мужу старому!
Не пойду, не иду въ новъ высокъ теремъ,
Не охота мнѣ со старымъ сидѣть,
Мнѣ охота молодой во садочкѣ гулять,
Во садочкѣ гулять, спѣлыхъ ягодъ щипать,
Что калину со малинушкою,
Съ черной ягодой смородинкою,
Съ засадихою черемухою.

Терентій.

Да, слышь, поди! Я со двора собрался!
Ищу ключа-то, не сыщу нигдѣ!

Катерина.

Куда собрался? Денегъ накопилъ,
Такъ пропивать идешь?

Терентій.

Охъ, нѣту.
На площадь надобеть сходить; Демёшка
Изъ кабалы, чу, выкупиться хочетъ,
Такъ надо подыскать другого, въ мѣсто.
На Ваську — хоть племянникъ родный мнѣ —
Плоха надёжа. Охъ!

Катерина (*про себя*).

Знать, въ дядю вышелъ!

Терентій.

Бѣда бѣдой!

Катерина.

Какая тамъ бѣда?

Терентій.

Аль не бѣда: за три рубли служилъ,
Да не одинъ служилъ, вдвоемъ съ женою,
А нонѣ, чу, за полпята не сыщешь.
Такое время: вовсе нѣтъ народу.

Катерина.

Найдешь, не клиномъ міръ сошолся!

Терентій.

Демёшку жаль! Куда теперь пойдетъ?
Сопьется съ кругу; только и дороги!
Недѣли нѣтъ, какъ спрашивалъ его:
«Внесешь ли деньги-те?»—наврядъ, отвѣтилъ.
Ума не приложу, откуда добылъ.
(*Вздохнувъ*).
А въ кабалѣ-то какъ чудесно было
Прописано: «а молъ полягутъ деньги
По сроцѣ, по вся дни ему служити».—
А нонѣ пропадетъ. Сопьется. Вѣрно.

Катерина.

Послушать, такъ безъ васъ, безъ міроѣдовъ,
И міру не стоять!

Терентій.

А что жь? и точно
Безъ міроѣдовъ міру не стоять;
Всѣ по міру пойдутъ, весь міръ-отъ вашъ.

*

Катерина (*смѣючись*).

Сказалъ!

Терентій.

Ну, какъ тебя, скажи, не лаять?
Другая-то жена того и смотритъ,
Какъ мужу бы нажить корысть какую,
А ты—такъ на смѣхъ подняла меня.

Катерина.

Другіе-то мужья до жонъ добры...
Искупили жонамъ новые бобры...

Терентій.

Аль мало у тебя обновъ?

Катерина.

Обнова
Покуда ново. Такъ дошло теперь,
На улицу-то не въ чѣмъ показаться.

Терентій (*нѣжно*).

Ну ужь куплю.

Катерина.

Какъ знаешь.

Терентій (*еще нѣжнѣе*).

Ужь куплю.
Такъ ключикъ, Катеринушка, подай.

Катерина.

И самъ возьмешь.

Терентій.

Да гдѣ найти, не знаю.

Катерина.

А подъ подушкою лежитъ, направо,
Тамъ въ уголочкѣ, въ ямочкѣ такой.

Терентій.

Найду (*скрывается*).

Катерина (*одна*).

И ладно. — Вотъ теперь бы время;
Уйдетъ на долго; чтобъ ему теперь
По бережку по крутому пройтися,
Меня ли, молоденьку, взвеселить!

Терентій (*опять высовывается*)

Ну, я иду.

Катерина.

Иди — пошолъ, пожалуй.

Терентій.

Я скоро не приду.

Катерина.

Проходишь долго,
Такъ скоро не придешь.

Терентій.

Что жь не идешь
Со мной прощаться?

Катерина.

Не на вѣкъ уходишь.
Чай, ныньче жь къ вечеру домой вернешься.

Терентій.

Охъ, Катерина! Что̀ съ тобою сталось,
Ума не приложу. Ужь больно нонѣ
Ты непослушлива, перечишь мужу;
А по закону-то не такъ стоитъ.

Катерина.

Ты, что же, властвовать теперь задумалъ?
А помнишь, обѣщался миловать
Да жаловать?

Терентій.

Да по закону надоть...

Катерина.

Да не про насъ съ тобой законъ-отъ писанъ.

Терентій.

Вотъ погоди: управлюсь съ кабалою
И за тебя примуся.

Катерина.

Поглядимъ.

Терентій.

Прощай, жена. (*Скрывается въ окнѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Катерина, *одна. Вскорѣ на томъ, на крутомъ берегу является* Гаврюшка.

Катерина (*вслѣдъ мужу*).

Прощай, ходи подольше!
Ишь, старый чортъ, туда же по закону!
Избаловала; надо бы покруче.
Да погоди: со мной не совладаешь.
Я захочу: нетолько что обнову... (*Гаврюшка свищетъ*).
Охъ, кто тамъ свищетъ?... Испужалъ... Не онъ ли?...

Не желтокудрый ли, треклятый бродитъ?
Пойти взглянуть (*идетъ къ тыну, снова свистъ*).
Ну, онъ и есть! Ишь, свищетъ!
(*Глядитъ черезъ тынъ*).
Кой чортъ тамъ бродитъ, за рѣкою свищетъ?

Гаврюшка (*съ той стороны*).

Скажи, молодка, сдоложи, пожалуй,
Къ вамъ нѣтъ ли черезъ рѣчку переброду,
Черезъ рѣку переброду, черезъ тынъ перелазу?

Катерина.

Къ намъ перебродовъ, молодецъ, не мало,
Отъ насъ одинъ: зовется «въ зашей крѣпче».

Гаврюшка.

Мнѣ только къ вамъ бы, а отъ васъ и сами
Дорогу сыщемъ.

Катерина.

Мы тебя проводимъ:
Найдется чѣмъ!

Гаврюшка.

Спасибо и на томъ.
А черезъ тынъ-отъ нѣту перелазу?

Катерина.

Какъ не найтись для милова дружка,
Да только вотъ что надобно сказать:
Удалая голова,
Не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда.
Милъ, дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто замужъ не возьметъ.

Гаврюшка.

Тебѣ не надо замужъ.

Катерина.

Такъ-то, такъ...

Гаврюшка.

Такъ гдѣ жь перебрести укажешь?

Катерина.

Тàкъ вотъ
И указала: и по той побродишь.

Гаврюшка.

Мнѣ для того: подходитъ Спасовъ День,

Такъ я бы по ночамъ къ вамъ въ садъ ходилъ,
Чтобъ яблокъ спѣлыхъ воровать.

КАТЕРИНА.

Охъ, ловокъ!

Да не пущу тебя!

ГАВРЮШКА.

Аль старый дома?

КАТЕРИНА.

Кабы былъ дома! Чу, пошолъ на площадь,
Кабальнаго слугу себѣ искать.

ГАВРЮШКА.

Демёшка, что ль, отъ васъ отходитъ?

КАТЕРИНА.

Онъ.

А что тебѣ?

ГАВРЮШКА.

А надо поспѣшать,

Другой какой ему не подвернулся бъ.
Прощай покуда.

КАТЕРИНА.

Ты куда жь спѣшишь?

ГАВРЮШКА.

Сейчасъ вернуся. Да взойду въ вороты;
Не надо намъ, молодка, перелазу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАТЕРИНА (*одна*).

И слѣдъ простылъ!—Куда такъ поспѣшилъ?
Аль къ намъ въ кабальные пойти задумалъ?
Ну, ловокъ парень! Молодецъ, кудрявый!
И хорошо бы... Охъ, да грѣхъ великъ... (*Задумывается*).
(*За сценой слышна пѣсня, дѣвки поютъ не очень громко*).

ДѢВИЧЬЯ ПѢСНЯ.

Вдоль по бережку дѣвка ходила,
Вдоль по крутому красная ходила:
Она думушку удумывала,
Сама съ собой разговаривала:
«За кого мнѣ, дѣвкѣ, за мужъ пойти?
Мнѣ за стараго не хочется,
Мнѣ за малаго тошнехонько,
Мнѣ бы дѣвушкѣ за ровнюшку пойти».
(*Потише*).

Выдавали дѣвку, красну за мужъ повели,
Ейной думушки не спрашиваючи,
Что по разуму по батюшкину,
По благословеньицу по матушкину,
По совѣту рода племени *(затихаетъ вдали).*

Катерина.

Вотъ такъ-то и меня вѣнчали дѣвку.
Не такъ-то думалось прожить за мужемъ;
Хоть не по мысли довелось — живи!
Охъ, вы, батюшка со матушкою,
Вамъ легко было кашу заваривати.
Каково-то мнѣ, младой, расхлебывати!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Катерина; *входитъ* Васюта *(парень лѣтъ 18-ти—20-ти, худой изъ себя, говоритъ словно нюнитъ, конецъ слова растягиваетъ, особенно если буква и на концѣ).*

Васюта.

Дядина, а дядина!

Катерина.

Чего тебѣ?

Васюта.

Не видала ли грабелекъ?

Катерина.

Какихъ еще грабель? Что нюнить пришолъ, и безъ тебя тошно.

Васюта.

Да мнѣ не то...

Катерина.

Что не то?

Васюта.

Мнѣ не грабель...

Катерина.

Чего жь тебѣ?

Васюта.

А такъ, дядина, мнѣ бы...

Катерина.

Пошолъ; не докучай!

Васюта.

Нѣтъ, а что же? надо правду говорить, по божьему, какъ слѣдуетъ *(смотритъ на нее; она молчитъ)*... Что жь, дядина, любить обѣщалась, а нонѣ гонишь...

Катерина.

Я нѣшто не люблю тебя, Васюта? Я люблю; съ чего мнѣ тебя не любить? Ты мнѣ родный, по мужу племянникъ приходишься.

Васюта.

Да нѣтъ, ты не такъ...

Катерина.

А какъ же, голубчикъ?

Васюта.

Какъ слѣдуетъ. Какъ дѣвицы дородныхъ добрыхъ молодцовъ любятъ...

Катерина.

Ни я дѣвица, ни ты дородній добрый молодецъ.

Васюта.

Чѣмъ я не молодецъ? Что обижаешь? скажи.

Катерина.

Такіе ль, Васюта, какъ ты, молодцы бываютъ? Ты на себя взгляни, одумайся.

Васюта.

Какіе же? какіе? ты докажи.

Катерина.

Извѣстно какіе:

Изъ себя-то молодецъ становитъ, красовитъ,
Станетъ рѣчь держать — соловей поётъ,
Яснымъ соколомъ на дѣвушекъ глядитъ,
Онъ соколикомъ на молодушекъ.
Онъ желтыми кудерками потряхиваетъ,
Къ себѣ дѣвицъ привораживаетъ.

Вотъ какіе молодцы-то бываютъ. А ты такой ли? Куда тебѣ! Далеко!

Васюта.

Нѣтъ, ты скажи: за что̀ не любишь?

Катерина.

Больно нюнишь—вотъ за что̀. Пошолъ. Сказала, не докучай.

Васюта.

А я про тебя знаю...

Катерина.

Что узналъ-провѣдалъ?

Васюта.

Черезъ тынъ ты глядѣла—вотъ что̀!

Катерина.

Что жь, глядѣть — глядѣла. Правда.

ВАСЮТА.

Съ молодцомъ разговаривала...

КАТЕРИНА.

Много знаешь. Молодъ еще про все знать-то.

ВАСЮТА.

Молодъ нѐ молодъ, а знаю.

КАТЕРИНА.

Ахъ ты, Васинька, ахъ ты глупенькій!
Черезъ тынъ, молода, я глядѣла на рѣченьку:
Куда въ рѣченькѣ вода бѣжитъ?
Куда быстрая путь держитъ?
Увидала заприметила,
Сизый селезень полощется,
Съ сизымъ селезнемъ разговаривала,
Ко двору къ себѣ приманивала.

ВАСЮТА.

Разсказывай! я знаю, видѣлъ, докажу...

КАТЕРИНА.

Видѣть-то было нечево.

ВАСЮТА.

А я видѣлъ... мужа обмануть хочешь...

КАТЕРИНА.

Захотѣла-бъ, обманула, не спросилася,
Я тебя бы, Васюта, не спрашивала.
Одного обмануть, что по горенкѣ пройдти;
Наша сестра на отверточки догадлива,
Хоть-бы сотня была, всѣхъ одна провела.

ВАСЮТА.

У тебя одинъ только, и того обмануть хочешь...

КАТЕРИНА.

Не твое дѣло. Про себя знай.

ВАСЮТА.

А я вотъ дяденькѣ сдоложу, чтобъ глядѣлъ...

КАТЕРИНА.

Что сдоложишь-то, Васюта? Что просилъ, чтобъ любила тебя, а мнѣ не хотѣлося? Охъ ты горюнъ, горюнъ, Васюта-Плакунъ!

ВАСЮТА.

А вотъ я сдоложу, тогда поглядимъ.

(Голосъ Терентья, за сценой).

Жена! Встрѣчай! Работника веду.

КАТЕРИНА.

Хозяинъ, чу, идетъ. Увидитъ, со мной сидишь, дѣла не дѣлаешь — будетъ тебѣ!

Васюта.

Охъ, куда бы мнѣ припрятаться! Боюсь я его...

Катерина.

То-то боишься; а то: «сдоложу».

Васюта *(топчется на мѣстѣ)*.

Дядина, а дядина! я въ баню схоронюсь.

Катерина.

Хоть въ баню схоронись, хоть скрозь землю провались, пошолъ только.

Терентій *(за сценой, ближе)*.

Что жь не встрѣчаетъ? Аль голоса не слыхала?

Катерина.

Слышь, идетъ.

Васюта.

Такъ я въ баню *(самъ не знаетъ, куда дѣться)*.

Катерина *(притопнувъ)*.

Охъ, пошелъ скорѣй!

Васюта *(торопливо)*.

Ладно-ка, я въ баню *(хоронится въ баню)*...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Катерина; *входитъ* Терентій и Гаврюшка.

Терентій.

Ты примай, молода жена, работничка:
Ты корми его ѣствушками сахарными,
Ты пои его медами стоялыми.

Гаврюшка.

А спасибо, государь, тебѣ великое,
Спасибо на словѣ на ласковомъ:
У насъ, государь, было пообѣдамши,
У насъ, государь, про запасъ было выпито.
Вели, государь, работу работати,
Накинь, государь, малу службицу.

Терентій *(женѣ)*.

Хорошо у насъ кабалушка написана.
Ты послушай, жена, стану сказывати.

Катерина.

А на что мнѣ знать, на кого стану писать?

Терентій.

А помру я — отъ слова не станется —
Все богачество тебѣ вѣдь достанется.

Такъ надо знать, кабалу какъ писать.
Молъ такого числа, я-де займовалъ —
У такого-сякого вотъ столько рублей,
Московскаго серебра ходячяго,
А за росты мнѣ во дворѣ служить,
Во дворѣ служити, всяко дѣло дѣлати;
А деньги по сроцѣ полягутъ-де,
Потому же мнѣ осударю своему
За росты служити, всяко дѣло дѣлати,
И черно, и бѣло, что хозяинъ велитъ.

Катерина.

Охъ постой ты, мужъ!

Терентій.

Погоди, жена.

Чу, прописано: на то послуси
Василій Горшковъ, Семенъ Іевлевъ,
А служилу кабалу писалъ-строчилъ
Площадной подъячій Закрюченскій,
А и въ книгу кабалушка записана
Въ губѣ, передъ губнымъ старостой
Предъ Михайломъ Матвѣичемъ Побѣдинскимъ.

Катерина.

Да постой ты мужъ, я работу дамъ.

Терентій.

Инъ давай, давай: заболтался старъ.

Катерина (*Гаврюшкѣ*).

У меня для тебя и работа сыскалася:
Почини-ка ты новъ дубовый тынъ,
Чтобы малые ребята не лазили,
Спѣлыхъ яблокъ не воровывали.

Гаврюшка (*хозяину*).

И, знать, что Спасовъ День подходитъ. Чуютъ,
Что слѣтье доброе Господь послалъ,
Тынъ поломали!

Терентій.

Аль въ заправду сломанъ?

Въ коёмъ же мѣстѣ?

Катерина.

Укажу сама.

Аль у тебя другого дѣла нѣту,
Что хочешь тынъ глядѣть?

Терентій.

Ай-да жена!

Кабы всегда ты этакъ разсуждала,
Такъ лучшей бы хозяйки и не надо.
И дѣло: ты пойдешь да тынъ укажешь
Гдѣ починить, и я пойду за дѣломъ:
Кобылка тамъ легла свалилась. Охъ!

Гаврилка.

А тынъ я мигомъ заберу.

Терентій.

И ладно.
А то задаромъ слѣтье пропадетъ.
Такъ я пойду.

Катерина (*внушительно*).

Иди за дѣломъ.

Терентій.

За дѣломъ, осударыня, пойду;
А что напомнила — за то хвалю
Тебя (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Катерина и Гаврюшка.

Гаврюшка.

Гдѣ тынъ-отъ забирать укажешь?
Радъ, государыня, во всемъ служить.

Катерина.

Ты это что же? Этакъ-то со мною?
За то, что ласково взглянула?

Гаврюшка.

Что̀ ты?

Катерина.

Да нешто этакъ дѣлать можно, парень?
Мнѣ ни словечка прежде не замолвилъ,
Да прямо шасть на дворъ.

Гаврюшка.

Аль не по мысли?

Катерина.

По мысли, нѣтъ ли, только не годится
Такъ дѣлать, парень... какъ тебя зовутъ?

Гаврюшка.

Гаврюшкой звали.

Катерина.

Не годится этакъ,
Не такъ бы надоть; нѣтъ, не такъ.... Ты, что же,
Изъ-за меня въ кабальные пошолъ?

Гаврюшка.

Коль не по нраву, я назадъ уйду.

Катерина.

Гаврюша ты, Гаврюша! Ужь не знаю,
Какой тебѣ на спросъ отвѣтъ держать;
Сказать «поди!» такъ не промолвлю слова,
А «оставайся!» такъ предъ Богомъ грѣхъ,
Передъ Богомъ грѣхъ, передъ міромъ стыдъ.

Гаврюшка.

Какъ вѣдаешь, такой отвѣтъ держи.

Катерина.

А ты, небось, учить меня не станешь,
А коли станешь, не добру научишь.

Гаврюшка.

Мнѣ, Катеринушка, учить не слѣдъ:
Ты — осударыня, я твой кабальный. (*Молчаніе*).

Катерина.

Ты, что жь, въ кабальные и вправь пошолъ?

Гаврюшка.

Какъ слѣдъ; за полтретья задался.

Катерина

За полтретья! Поди-ка, стар[illegible]адъ!

Гаврюшка.

Ну, какъ не радъ! Совсѣмъ задаромъ добылъ.

Катерина.

Купилъ бобра. Ужь нечего сказать! (*Отворачивается*).

Гаврюшка (*приступая*).

У насъ съ государемъ улажено,
Ты, государыня, велишь ли служить,
У дверей служить придверничкомъ,
У воротъ ли приворотничкомъ,
Али этімъ постельничкомъ?

Катерина (*повернувшись, строго*).

Мнѣ вотъ что надо сдѣлать по закону:
Пойти да въ ноги мужу поклониться,
Во всемъ предъ государемъ повиниться.

Гаврюшка.

Тогда прощай. Я черезъ тынъ да въ рѣку,

Поищемъ сами, нѣтъ ли переброду;
А нѣту — инъ туда мнѣ и дорога.

Катерина.

Замолчи ужь ты, не гляди ужь ты;
Мнѣ не можется отъ ясныхъ очей,
Не здоровится отъ желтыхъ кудрей.
Ты зазноба моя, сухота ты моя!
Не глядѣть бы, тебя я не видѣла,
Не слыхать бы, тебя не услышала,
Твоихъ ли сокольихъ очей,
Твоихъ зазнобныхъ рѣчей.

Гаврюшка.

Какъ повелишь...

Катерина.

Уйди ты отъ меня;
Уйди ты прочь; уйди куда подалѣ.

Гаврюшка.

Какъ повелишь... уйду...

Катерина (*припадая къ нему*).

Охъ, парень, парень!
Примучилъ ты меня къ себѣ, примучилъ.

Гаврюшка (*обнимая ее*).

Давно бы такъ! Разлапушка моя!

Катерина.

Ужь скажи ты мнѣ, ты повѣдай мнѣ,
Ты гдѣ меня высмотрѣлъ?
Гдѣ молодую выглядѣлъ?

Гаврюшка.

Ужъ я высмотрѣлъ, ужь я выглядѣлъ,
По крутому по бережку ходючись,
Во быструю во рѣченьку глядючись,
Чрезъ быстру рѣку, во зеленый садъ.

Катерина.

Отъ кого жь про меня ты повывѣдалъ?

Гаврюшка.

Отъ Терентьева племянника,
Отъ Васюты плакуна-горюна.
По кружалу Васинька похаживалъ,
Востроносыми сапожки притоптывалъ,
Таковы слова приговаривалъ:

Молъ тетку грѣхъ
И невѣстку грѣхъ,

А я дядину жену
Поцалую, обойму,
Поцалую обойму,
Крѣпко къ сердцу прижму.

Катерина.

Ахъ, Васька дьяволъ! Погоди ужо!
Да нешто Васька бродитъ по кружаламъ?

Гаврюшка.

Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ;
А выпьетъ когда, какъ придетъ бѣда,
Али съ радости хватитъ великія.

Катерина.

Ишь, по кружаламъ научился хвастать,
А дома нюней.

Гаврюшка.

Ну, покинь Васюту.
Теперь бы, Катерина, намъ придумать:
Какъ бы Терентья намъ сбыть,
Какъ бы однимъ погулять.

Катерина.

Ужь не знаю, не придумаю,
Право же я не придумаю.

Гаврюшка.

Скажись: молъ трудна-больна,
Трудна-больна, очень немочна.
Скажи: молода я почуяла
Будетъ у насъ сынъ аль дочь.

Катерина.

Какъ мнѣ сказать, не придумаю.

Гаврюшка.

Кричи-вопи: очень немочна.
Шолъ бы Терентій мужъ,
Поискалъ бы молодыхъ скомороховъ,
Молодцовъ поученныхъ,
Чтобы тебя, молоду, вылечили,
Чтобы тебя, молоду, выпользовали.

Катерина.

Ужь не знаю, какъ сказать-то мнѣ,
Право же я не придумаю.

Гаврюшка (*подойдя къ дому, громко*).

Подь сюда, Терентій мужъ,
Подь сюда, Данильевичъ!

У тебя сдѣлалась невзгода великая,
Сдѣлалась жена трудна-больна,
Трудна больна, очень немочна. (*Катеринѣ*)
Вались на траву, кричи-вопи.

Катерина (*падая на траву*).

Охъ, трудна-больна, очень немочна.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гаврюшка, Катерина, Терентій.

Терентій (*вбѣгая*).

Что за бѣда солучилася?
Что за невзгода великая?
Что за недугъ, молода жена?

Катерина.

Охъ, спустился недугъ въ буйну голову,
А съ буйной головы до бѣлыхъ грудей,
А съ бѣлыхъ грудей и далѣе.

Терентій.

Чѣмъ тебя, молода жена,
Чѣмъ тебя мнѣ пользовати?

Катерина.

Ай же ты, Терентій мужъ!
Ай же ты, Данильевичъ!
Поди-сходи на иной городъ,
Поищи молодыхъ скомороховъ,
Молодцовъ поученыхъ,
Чтобы меня, молоду, вылечили,
Чтобы меня, молоду, выпользовали.

Терентій.

Гдѣ ихъ сыскать? Ума не приложу. (*Женѣ*).
Съ чего это съ тобою сталося?
Съ чего, молода, прилучилося?

Катерина.

Съ того же, съ того... охъ, трудна-больна!...
Отъ тебя, отъ тебя все, Данильевичъ!

Терентій.

Съ чего же, съ того? не придумаю;
Съ чего отъ меня — не идетъ въ голову.

Гаврюшка (*отводя его въ сторону*).

Пойди, осударь, надоумлю тебя,
Будешь ты со радостью великою,

Осударыня твоя, чу, почуяла:
Дастъ Господь сынка, аль дочи.
Съ того осударынѣ неможется,
Съ того молодой нездоровится.

Терентій.

Ой-ли? Да я плясать учну.

Гаврюшка.

Ступай
Скорѣе; поищи ты скомороховъ.

Терентій.

Аль правду Гаврюшка баитъ? Дастъ Господь сынка, аль дочи?

Катерина.

Ай ты, Терентій мужъ, ты догадливый!
А мнѣ, молодой, охъ, недужится.
Охъ, трудна-больна... очень немочна...

Терентій (*самъ съ собою*).

Охъ, тутъ бѣда, а и тамъ бѣда!
Кобылка-то лежитъ, свалилася! (*Гаврюшкѣ*).
Не можешь ли кобылки вылечити,
Не можешь гнѣдой выпользовати?

Гаврюшка.

Пойдемъ, я мигомъ нà ноги поставлю.

Терентій.

Охъ, я дуракъ! Чу, поплясать забылъ!

Катерина.

Попляшешь послѣ, а теперь ступай-ка.

Терентій.

Иду, осударыня жена. Поди, Гаврюшка, я за тобою слѣдомъ
(*Тотъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Катерина, Терентій.

Терентій (*глядя вслѣдъ Гаврюшкѣ*).

Ай-да парень! на всѣ руки гораздъ! А за полтретья добылъ!
Ай-да я хозяинъ! (*Наклоняясь къ женѣ*).
Полегче ль тебѣ, Катеринушка?

Катерина (*стонетъ*).

Охъ, трудна-больна, очень немочна!

Терентій.

Пошла бы во горенку,
Легла на кроватушку,

На кроватушку тесовенькую,
На перинку пуховенькую.

Катерина (*приподымаясь*).

Погуляю я по садику,
Погуляю по зеленому,
Вѣтеркомъ меня поовѣетъ,
Можетъ мнѣ, молодой, и полегчаетъ.

Терентій.

Ну, дѣлай, какъ знаешь. А я пойду, мигомъ оборочу. Прощай. (*Прощается*).

Катерина.

Прощай.

Терентій (*идетъ*).

Я мигомъ. (*Останавливается и оборачивается*). Такъ сына, аль дочи? — Н-но! (*Не находитъ словъ для выраженія радости, и выразивъ ее, какъ пришлось, жестомъ, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Катерина одна; потомъ Васюта.

Катерина (*встаетъ совсѣмъ*).

Не воротить ли? не вернуть ли мужа?
Охъ, выжила млада я изъ ума!
Кто отъ бѣды откупается,
Катерина на бѣду накупается.

Васюта (*выходя изъ бани*).

Ты вотъ что затѣяла! а я въ банѣ просидѣлъ: вечоръ топили, жарко.

Катерина.

Опять ты, постылый! Пошолъ!

Васюта.

Гони, гони, а я дяденькѣ про все сдоложу.

Катерина.

Пошолъ, докладывай.

Васюта.

Иное запоешь. Гляди: (*жалостливо*)
Не ударилъ бы березиною,
Не прибавилъ бы черемшиною.

Катерина.

Про это бабка надвое сказала.

Васюта.

Я пойду, скажу, сдоложу.

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

На заѣзжемъ дворѣ въ избѣ. — На улицѣ дождь шумитъ. — Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бабушка Ивановна, скоморошій атаманъ, скоморохи.

Атаманъ.

Что жь, бабушка, такъ винца и не будетъ?

Бабушка.

Не будетъ, родный, не будетъ.

Атаманъ.

Напрасно. Я бы выпилъ.

Бабушка.

И такъ живешь.

Атаманъ.

Твой сынъ куда добрѣе: онъ поднесъ бы. Кабы онъ дома былъ!...

Бабушка.

Былъ, да весь вышелъ.

Атаманъ.

Жалко. — Такъ не будетъ?

Бабушка.

Не будетъ.

Атаманъ.

И не ждать?

Бабушка.

Не ждать.

Атаманъ.

Жалко. Я бы выпилъ. (*Помолчавъ*) За чтожъ такая немилость?

Бабушка.

Денегъ не платишь.

Атаманъ.

Заплатилъ бы, бабушка, заплатилъ, Ивановна, да нѣту; пусто въ карманѣ: блоха, и ту на арканѣ держу; а то сбѣжитъ, ѣсть нечево.

Охъ, нѣту-ти ни копеечки,
Ни тоея денежки мѣдныя! —

Такъ не будетъ?

Бабушка.

Чего клянчишь? Сказано: не будетъ, и не жди. Ты Бога благодари еще, что со двора не гоню.

Атаманъ.

Куды погонишь! Ишь, дождь какой зарядилъ! Добрый хозяинъ собаки не выгонитъ. (*Отходитъ къ своимъ*). Что̀, братцы, знать не будетъ? Плохо дѣло скоморошье. Аль бабку величать стать. (*Подходитъ къ бабкѣ*).

Ай же ты, бабка Ивановна,
Держишь заѣзжій дворъ,
Прошедши ты Орѣховецъ,
Не дошедши до Онтоновца,
У моста у Калинова,
У креста Леванидова!
Твое-тъ дворъ на семи верстахъ,
Твое-тъ тынъ на семи столбахъ.

Такъ не будетъ?

Бабушка.

Пошолъ, разсердишь — погоню.

Атаманъ (*отходя къ своимъ*).

Охо-хо-хо! (*Садится и маленько погодя пѣсню затягиваетъ*).

Что же вы, ребята, пріуныли?
Аль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Бабушка.

Ты это какую пѣсню завелъ, какъ скоморохи ба̀бку грабили?

Атаманъ.

Нѣту, бабушка, не ту; какъ передъ истиннымъ, не ту; со скуки запѣло̀ся.

Бабушка.

А молчи лучше, мнѣ подъ дождикъ-отъ дремлется (*дремлетъ*).

Атаманъ.

Молчу, бабушка, молчу, Ивановна. (*Молчаніе; потомъ потихоньку*). Ни пѣсенъ не играй, ни пить не даютъ. Охъ, плохо дѣло! Давай, ребята, колдовать.

Пади, пади, дождичекъ,
Пади, пади, частенькій,
Частенькій да богатенькій;
Бѣги, бѣги къ бабкѣ гость,
Гость богатенькій, тароватенькій,
До насъ, скомороховъ, охочливый.

Бабушка.

Ты что̀ тамъ опять затѣялъ?

Атаманъ.

Молчи, бабка, не мѣшай. Звѣрь бѣжитъ.

БАБУШКА.

Какой звѣрь такой?

АТАМАНЪ.

Красный. Тебѣ въ корысть, намъ въ прибыль.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же; *вбѣгаетъ Васюта.*

ВАСЮТА.

Охъ, бабенька, иззябъ, измокъ; дай винца обогрѣться, высушиться.

БАБУШКА.

Ты откуль, Васюта?

ВАСЮТА.

Охъ, изъ дому!

БАБУШКА.

Въ экой дождь пошолъ! Аль дѣло какое?

ВАСЮТА.

Какое дѣло, бабушка, горе. Выпить пришолъ.

БАБУШКА.

Охъ, ужь, Васюта, не охота давать тебѣ. Избалуешься.

ВАСЮТА.

Мнѣ, бабушка, сладенькаго.

АТАМАНЪ.

А мнѣ бы, молодецъ, горькенкаго: я бы твое горе запилъ.

ВАСЮТА.

Ты что за человѣкъ будешь?

БАБУШКА (*подавая вино*).

А скоморошій атаманъ, прозвище Карась. (*Отходитъ*).

АТАМАНЪ.

Эхъ, бабушка, былъ я Карась вчерась, а нонѣ щука зубатая, да кусать нѐково.

ВАСЮТА (*выпивъ*).

Ты веселый...

АТАМАНЪ.

Ремесло такое. А на счетъ горя, рукой сниму. Може, дѣвицу приворожить надо? Такъ приворотнаго зелья дамъ.

БАБУШКА.

Что брешешь-то? Парень глупый, єщо повѣритъ.

ВАСЮТА.

Это точно, бабушка, я глупый; всему вѣрю.

Атаманъ.

Полно-ка, Ивановна, что̀ молодца отговариваешь? (*Васютѣ*). Ужь ты положись на меня, зелье будетъ.

Бабушка.

Вретъ все, брешетъ, не вѣрь.

Атаманъ.

Ишь, бабкѣ завидно стало! Намедни, Васюта, сама приставала: добудь зелья, приворожи парня. Что жь? вѣдь приворожилъ, къ экой-то старухѣ приворожилъ. Съ мѣста не сойти.

Бабушка (*сердится и смѣется вмѣстѣ*).

Охъ, чтобъ ти дьяволъ! Тьфу!

Атаманъ.

Что̀? правда-то глаза колетъ?

Бабушка.

За эту правду я ти порогъ укажу.

Атаманъ.

Полно, бабка, не сердись; вдругорядь не буду. Что жь, парень, выставь зелена вина на столъ, а я ти зелья въ руки, и дѣлу конецъ; пиши: «наша, молъ, дѣвка!»

Васюта.

Не врешь?

Атаманъ.

Провалиться . . . въ подполье, гдѣ у бабки меды стоятъ.

Васюта.

Баушка, не вретъ онъ?

Бабушка (*разсудительно*).

Что жь, Васюта, всякое бываетъ; слыхивала и я, баютъ люди: есть зелье такое, приворотное.

Васюта.

Ну, давай зелья!

Атаманъ.

Выставляй вина!

Васюта.

Ладно. Только не обмани. Баушка, давай винца.

Бабушка.

Подамъ и съ закусочкой. (*Подаетъ*).

Атаманъ.

Ты и ребятамъ ужь выставь. Чтобъ завидно не было.

Васюта.

Баушка, выставь ребятамъ пива—цѣлое ведро выставь.

Скоморохи.

Благодарствуемъ, дороднiй добрый молодецъ.

Васюта (*про себя*).

Дороднiй! то-то! всѣ говорятъ. (*Вслухъ*). Баушка, выставь ребятамъ два.

Бабушка.

Чтой-то много выставляешь, Васюта; не облопались бы.

Атаманъ.

Эхъ, Ивановна, не твоя забота; не у тебя брюхо болѣть будетъ.

Васюта.

Нѣтъ, баушка, выставь. Пусть знаютъ, каковъ я молодецъ.

Атаманъ.

Извѣстно: самый разудалый.

Этакова на свѣтѣ не видано,
Этакова на бѣломъ не слыхано.

Что жь, тёзка, выпьемъ?

Васюта.

Нешто ты Васюта?

Атаманъ.

Меня съ Васильемъ всегда Васютой звать, вотъ съ Петромъ такъ Данилой. (*Пьютъ; бабка выставляетъ пиво: ребята не забываютъ себя; такъ до конца явленiя*).

Атаманъ.

Пей да горе разсказывай. Какъ дѣвицу-то звать?

Васюта.

Мнѣ не дѣвицу, молодку....

Атаманъ.

Молодку? что жь ты давѣ обманулъ, не сказалъ? Молодку-то, молодецъ, грѣхъ.

Васюта.

Какъ грѣхъ?

Атаманъ.

По закону не стоитъ.

Васюта.

Развѣ на это законъ есть?

Атаманъ.

На все, молодецъ, законъ есть, на все. Аль не слыхалъ: съ красной дѣвкой балуй, съ мужней женой не моги?

Васюта.

Вотъ бѣда-то!

Атаманъ.

Все одно: сказывай.

Васюта.

Нѣтъ, вишь ты, это не грѣхъ; это дядина жена; это чу, и въ пѣснѣ поётся.

Атаманъ.

Дурашная пѣсня, парень, дурашная. Вѣрно говорю: грѣхъ. Вонъ баушку спроси, то же скажетъ.

Васюта.

Баушка, а баушка, развѣ грѣхъ?

Бабушка.

Грѣхъ, Васюта, великій грѣхъ.

Васюта.

А я не зналъ. По пѣснѣ не грѣхъ.

Атаманъ.

Все одно: сказывай дальше. Авось и поможемъ. Я мастеръ: чужую бѣду ногами разведу; къ своей бѣдѣ ума не приложу.

Васюта.

Ну, слышь, бѣда.... Это дядя у меня старый, а жонка у него молодая... Ну, и я....

Атаманъ.

Смекаю.

Васюта.

Ну, а тутъ сталъ мимо молодецъ похаживать; а тамъ, глянь, Демешка у насъ отошелъ, кабальный былъ, такъ въ его мѣсто въ кабалу задался. Сказывался изстари государевъ вольный человѣкъ, на имя Гаврюшка, прозвище Бѣляй. Ну, и на дворъ, къ дядинѣ подсусѣдился.....

Атаманъ.

Этому, знать, зелья не надо. Еще поудалѣй тебя будетъ.

Васюта.

Я что? Я неудачливый. Такъ и прозвали: Васюта-Плакунъ. Весь свой вѣкъ, баютъ, плакаться буду.

Атаманъ.

Сказывай дальше.

Васюта.

Ну, это дядину научилъ. Прикинься-молъ больной. Она и прикинься. Спосылали мужа, чтобъ скомороховъ съискалъ, ее чтобы выпользовали. Вотъ что!

Атаманъ.

Что жь, пошолъ?

Васюта.

Пошолъ бѣдный Терентій мужъ.

Атаманъ.

Его Терентьемъ звать?

Васюта.

Терентьемъ. Терентій мужъ Даниильевичъ.

Атаманъ.

Знаю. Денжищъ, баютъ, у него страсть?

Васюта.

Страсть и есть, да жадный.

Атаманъ.

Ну, молодецъ, не бойся: и тебя вылечимъ, и молодку жену выпользуемъ.—Слышите, ребята, клёвъ будетъ!

Скоморохи.

Закидывай удочку. У насъ не сорвется!

Васюта.

Я было-догнать его хотѣлъ, про все сдоложить; побѣжалъ этто, а онъ и оглянись—а я его боюсь, онъ страшный—ну, я и обомлѣлъ.

Атаманъ.

Такъ и не сдоложилъ?

Васюта.

Нѣту! куды! Какъ зарычитъ на меня: «Ты куда еще пошолъ?» А я давай Богъ ноги, назадъ, со страху въ проулокъ кинулся; добѣжалъ до кружала, выпилъ, такъ маленько полегчало.

Атаманъ.

Богатырь же ты!

Васюта.

Я богатырь. Опричь дяди, никого не боюсь.

Атаманъ.

Ну, а потомъ?

Васюта.

Потомъ сюда; дай-молъ къ бабкѣ схожу—она добрая—все горе выплакать.....

Атаманъ.

А Терентій-отъ куда?

Васюта.

Васъ ищетъ, молодыхъ скомороховъ.

Атаманъ.

Насъ не минуетъ. Поищетъ да сюда же придетъ. Опричь бабки, насъ искать нѣгдѣ.

Васюта.

Ну, да, она добрая....

Атаманъ.

Предобрѣющая. Мы все къ ней, какъ денегъ нѣту, на бабушкины хлѣба: хлѣба не дастъ, сухая кость поглодать найдется.

Васюта.

Я тоже говорю, добрая....

Атаманъ.

Такъ. А дядя твой-отъ на поминѣ легокъ?

Васюта.

Такъ-то легокъ, помянуть нельзя.....

Бабушка.

Постойте-ка, кто то по сѣнямъ бродитъ: ни собака скребётся, ни человѣкъ...

Васюта (*торопливо вскакивая*).

Это онъ, баушка, онъ и есть...

Терентій (*за сценой*).

Эй, люди добрые, посвѣтили бы: темь—глазъ выколи, дверей не найтить.

Васюта.

Онъ и есть... говорилъ... Баушка, меня въ чуланчикъ.

Бабушка.

Ступай, родный, ступай.—Сейчасъ, осударь, сейчасъ посвѣчу. (*Бѣжитъ свѣтить*).

Васюта.

Такъ меня...

Атаманъ.

Ступай. (*Толкаетъ его въ чуланъ*).—Ну, ребята, становись въ рядъ, величать надо. (*Подходитъ и шепчетъ что-то*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же; Терентій; Васюта въ чуланѣ.

Бабушка (*входя*).

Милости просимъ, осударь милостивый, милости просимъ, кормилецъ; не побрезгай нами, смердами.

Терентій (*входя*).

Спасибо, бабушка, спасибо. (*Кланяется на всѣ стороны*). Здоровы будьте!

Скоморохи (*хоромъ*).

Здравствуй, Терентій-мужъ,
Здравствуй, Даниљевичъ!

Ты куда пошолъ?
Куда путь держишь?

Терентій.

Вы это почему жь меня признали?

Атаманъ.

Какъ не признать? Всѣмъ вѣдомъ, государь.

По полю Терентій идетъ,
По кувыль-травѣ Данилычъ бредетъ.
Впередъ-отъ сорока летитъ,
Во весь голосъ сорока кричитъ:
«Гляньте, Терентій катитъ,
«Самъ-отъ Данилычъ валитъ.»
Комарикъ-отъ: «жу, жу, жу,
Лечу, Терентья погляжу!»
Кузнечикъ-отъ: «тукъ, тукъ,
Вотъ онъ, Данилычъ, тутъ какъ тутъ.»

Терентій.

Спасибо, молодецъ. Ты кто же будешь?

Атаманъ.

А мы веселые.

Терентій.

За вами шелъ.

Атаманъ.

За чѣмъ пошолъ, то, осударь, нашолъ.

Терентій.

Невзгода у меня въ дому случилась—
Жена вдругъ сдѣлалась трудна-больна.
А вы пошли бы, полечили, братцы.

Атаманъ.

Что за недугъ?

Терентій.

Ума не приложу.
Вдругъ сталося; не думалъ, не гадалъ.
Кабальнаго привелъ, и съ нимъ осталась
Тынъ показать, гдѣ надо зачинить,
Да вдругъ какъ крикнетъ: охъ, трудна-больна!
Такъ чаю: понесла, а може нѣту...

Атаманъ.

Недугъ тяжолый; попытаться можно,
А вылечимъ ли, нѣтъ, какъ Богъ велитъ.

Терентій.

Да вы возьмитесь только...

Атаманъ.

Это можно.

Терентій.

Вы поучоные...

Атаманъ.

Учила бабка
Не доучила только, померла.

Терентій.

Ужь вы возьмитесь; милости прошу.

Скоморохи (*хоромъ*).

Ради, Терентій, служить,
Ради, Данильичъ, лечить:
Коли тебѣ не служить,
Намъ и на свѣтѣ не жить.

Терентій.

Ужь научите вы меня, что̀ дѣлать,
Какое для жены лекарство надоть,
А я веселыхъ васъ, во-какъ уважу.

Атаманъ.

Ай же ты, Терентій мужъ,
Ай же ты, Данильевичъ!
Сходи во холстинскій рядъ,
Купи холстинскій мѣхъ.

Терентій.

Скоро бы скочилъ во холстинскій рядъ, купилъ холстинскій мѣхъ, да лихъ поздно, ночь на дворѣ.

Бабушка.

Можетъ, моимъ, осударь, не побрезгуешь: вечоръ была въ ряду, купила. Новый совсѣмъ.

Терентій.

Чего имъ брезговать? Тащи сюда.

Бабушка.

Сейчасъ, осударь, сею минуточку (*убѣгаетъ*).

Терентій (*атаману*).

Скажитка мнѣ, молодецъ,
Что́ за леченье возьмешь?
Много ли денегъ сдерешь?

Атаманъ.

Мы, осударь, не торгуемся,
На милость твою понадѣемся:

Что̀, осударь, изволишь дать,
Все, осударь, божья благодать.

Терентій.

Теперь давать, аль послѣ?

Атаманъ.

Знамо послѣ.
Какъ вылечимъ, мѣшочекъ и отсыпешь.

Бабушка (*тащитъ мѣшокъ*).

Вотъ онъ мѣхъ, гляди-ткось какой!

Атаманъ (*прикидываетъ къ Терентью*).

Ровно мѣрянный, какъ разъ по версту.

Терентій (*бабкѣ*).

Что̀ тебѣ за мѣхъ-отъ?

Бабушка (*съ поклономъ*).

И, осударь, послѣ сочтемся! Вдругорядь зайдешь, аль съ веселыми пришлешь.

Терентій.

Инъ ладно.

Скоморохи (*хоромъ*).

Ну-ткось, Терентій мужъ,
Ну-ткось, Даниловичъ,
Изволь полѣзай во холстинскій мѣхъ,
Ложись, осударь, во холстинскій мѣхъ.

Терентій.

Мнѣ-ка ложиться зачѣмъ?
Я ли, Терентій, здоровъ.

Атаманъ.

Этакъ наука велитъ,
Станемъ молодку лечить.

Терентій (*лѣзетъ въ мѣхъ*).

На старости-то лѣтъ, пришлося въ мѣхъ.

Атаманъ.

Ловко ль, осударь, лежать?

Терентій.

Хорошо.

Атаманъ.

Ну, ребята, завязывай; на плеча взваливай (*завязываютъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Терентій (*въ мѣшкѣ*); Васюта (*изъ чулана высовывается*).

Васюта (*шопотомъ*).

Атаманъ, а атаманъ!

Атаманъ (*подбѣгаетъ къ нему*).

Чего тебѣ?

Васюта.

Вы потише несите, а то дома спохватится, боюсь.

Атаманъ.

Не бось, успѣешь.

Васюта.

Послѣ къ баушкѣ приходите. Угощу во-какъ!

Атаманъ.

Ладно. Ступай. (*Васютка шмыгнулъ въ двери*).

Терентій (*изъ мѣшка*).

Что тамъ еще?

Атаманъ.

Сейчасъ, осударь; собираемся, снаряжаемся. Свѣти, божья старушка. Аль свѣтло, кажись: вызвѣздило.

Ну-тка, ребята, берись,
Ну-тка, Терентій, держись!
Пѣсню, ребята, валяй;
Ты, осударь, почивай!
Пойте, ребята, дружнѣй,
Было бы спать веселѣй.

Скоморохи (*взваливъ Терентья на плеча, хоромъ*).

Ой мы Терентья несемъ,
Ой-же мы пѣсню поемъ!
Станемъ Терентья качать,
Станемъ его величать!
Спи, осударь, почивай,
Денежекъ намъ припасай!
Баю, Терентьюшку, бай!

(*Всѣ уходятъ*).

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Терентьевъ новъ высокъ теремъ. Ночь. Приготовленъ столъ: наставлены всякія явства и питья.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Катерина; Васюта (*въ сѣняхъ*).

Катерина (*отворивъ двери въ сѣни*).

Васюта, ты это что въ сѣняхъ ночевать задумалъ?

Васюта (*показывается въ дверяхъ, но за порогъ въ теремъ не переступаетъ*).

Въ сѣняхъ; тебѣ что?

Катерина.

Ничего, спи себѣ. Сторожи меня.

Васюта.

И то сторожить стану.

Катерина.

Сторожи, сторожи. (*Въ сторону*). Много ль насторожишь?

Васюта.

Должонъ сторожить, да. Я дяденькѣ своему завсегда радѣлецъ, для него стараюсь.

Катерина.

Эко радѣнье: въ сѣняхъ спитъ!

Васюта.

Тебѣ, не бось, не по мыслу. Знаю, да не уйду, тутъ лягу.

Катерина.

И мнѣ что? Спишь, гдѣ знаешь.

Васюта.

Полюбовничекъ, не бось, не прокрадется; услышу.

Катерина.

Ахъ ты дуракъ, дуракъ! Съ пьяну болтаешь не вѣсть что.

Васюта.

Былъ хмѣль, да весь вышелъ.

Катерина.

Вотъ погоди: вернется дядя, я ему нажалуюсь. Пусть поучитъ, чтобъ напредки по кружаламъ не бѣгалъ, да дядиной женой не хвасталъ.

Васюта.

Не тебя ль учить будутъ?

Катерина.

Смѣешь ты эдакъ со мной разговаривать? (*Притопнувъ*). Смѣешь?

Васюта.

Смѣю; вотъ что.

Катерина.

Проспись, пьяные твои глаза! Тьфу, мразь экая! (*Захлопываетъ дверь*).

Васюта (*за дверями*).

Лайся, а я дяденькѣ сдоложу. (*Катерина молчитъ*). Что замолчала? (*Тоже*). Ты что жь дверь на крюкъ заложила?

Катерина (*со смѣхомъ*).

Тебя боюсь!

Васюта.

Ладно. Смѣйся! (*Катерина не отвѣчаетъ*). Что ты сказала? (*Тоже*). Что молчишь? (*Тоже*). Хорошо же... плевать на тебя! (*Угомонился*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Катерина (*одна*).

Угомонился ль дьяволъ? И отколь
Набрался смѣлости? Ужь больно прытокъ!
Да я ти пообрѣжу крылья! (*Подходитъ къ дверямъ и прислушивается*). Спитъ.
Онъ чуть прилегъ, и захрапѣлъ сейчасъ,
А въ сторожа туда же норовитъ!
У всѣхъ у нихъ такой треклятый норовъ,
Подслушать, подглядѣть. Не ваше дѣло,
Не вы отвѣтчики. Что жь мой не йдетъ?
Что вѣсти о себѣ не подаетъ? (*Подходитъ къ окошку, отворяетъ его немного, садится и напѣваетъ*).

Сяду-ль я, младенька, у окошечка,
Я открою окошечко со немножечко.
Я веревочку къ окошку привяжу,
Во чисто̀ поле гляну-погляжу.
Ты держись, держись, веревочка, покрѣпче,
Ты ходи, ходи, мой миленькій, почаще,
Ты цалуй меня, цалуй послаще.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Катерина; *потомъ* Гаврюшка.

Гаврюшка (*за сценой поетъ*):

Во лузяхъ гулялъ
Младъ охотничекъ;
Во зеленыхъ
Младъ сокольничекъ.
Онъ кричалъ-свисталъ
Громкимъ посвистомъ;
Бѣлыхъ лебедей
Онъ выпугивалъ,
Съ Бѣла-озера,
Съ тихихъ заводей.
Что лебедушку
Душу Марьюшку (*Свищетъ*).

КАТЕРИНА *(въ окно)*.
Что свищешь? Слышу. Дѣвокъ всѣхъ разбудишь.
Нашелъ веревку?

ГАВРЮШКА.
Вижу.

КАТЕРИНА.
Полѣзай.

ГАВРЮШКА *(влѣзаетъ въ окно)*.
Ну, вотъ и я. Ждала ли поджидала?

КАТЕРИНА.
Я ждать ждала, а ты бы не пришелъ,
Такъ лучше бъ было.

ГАВРЮШКА.
За привѣтъ, за ласку
Спасибо надо бы сказать, да только
Пождемъ сперва, дождемся ли привѣта.

КАТЕРИНА.
Еще какого надобно привѣта?

ГАВРЮШКА.
Эхъ, Катя, Катя! Всѣмъ бы ты была
По сердцу парню, да не знаешь только,
Какъ молодцовъ удалыхъ привѣчать,
Какъ ихъ встрѣчать, чѣмъ угощать.

КАТЕРИНА.
Всего
Наставлено; садись да угощайся.

ГАВРЮШКА.
Такого ли привѣта надо?

КАТЕРИНА.
Ладно;
Хорошъ и этотъ; чѣмъ ты заслужилъ?

ГАВРЮШКА.
А тѣмъ, что Катю крѣпко полюбилъ.

КАТЕРИНА.
Да любишь ли еще? Боюсь я, парень,
Ужь больно скоро дѣло сотворилось;
Теперь-то говоришь, что крѣпко любишь,
А тамъ, гляди, возьмешь да кинешь.

ГАВРЮШКА.
Полно;
Куда мнѣ отъ тебя бѣжать? куда?
Вѣдь я кабальный, въ кабалу задался;
А для кого? Сама, чай, сдогодалась.

Катерина.

Пошелъ ты въ кабалу, да не ко мнѣ:
Вотъ кабы можно написать такую,
Чтобы любилъ меня до гроба.

Гаврюшка.

Дѣло —
Ужь кстати и съ тебя бы взять, Катюша.
Вотъ ты боишься, что тебя покину,
А мнѣ не страшно, ты меня погонишь?

Катерина.

Я въ кабалѣ у мужа, и должна
Любить его, и быть во всемъ послушна...
Охъ, все я вру, не въ кабалу я шла,
А передъ Богомъ обѣщалась мужу,
Святое дѣло въ церкви пѣто; только
Знать дьяволъ лихъ...

Гаврюшка.

Еще что̀ скажешь? Полно.

Катерина.

Не знаю, что̀ сказать; какъ безъ тебя,
Такъ я умѣю разсуждать по правдѣ,
А какъ тебя увижу — помутится.
Не знаю я, охъ, ничего не знаю!
Какъ не глядѣть на мо̀лодца не знаю,
О немъ не думать, не могу помыслить.
Одно лишь знаю, что хорошъ-пригожъ,
Обнять бы, цаловать тебя! И знаю,
Что это грѣхъ—не совладать съ собой.
Вотъ такъ къ тебѣ и тянетъ: руки просятъ,
Чтобы обнять, а губы — цаловать.
Хоть руки отрубить бы...

Гаврюшка.

Полно, Катя,
Зачѣмъ рубить? Ты обойми покрѣпче,
Не стараго-ворчливаго обнимешь,
А добра молодца... (*Хочетъ обнять ее*).

Катерина.

Постой... стучатъ. (*Стукъ за сценой*).

Гаврюшка.

Кой чортъ стучитъ? Не старый ли вернулся? (*Стукъ*).

Катерина.

Постой. Не онъ. Онъ йнако стучитъ.

*

Я знаю какъ. (*Стукъ*). Опять (*Подходитъ къ окну*).
Кто тамъ? Скажися!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Катерина, Гаврюшка; скоморохи *за сценой*.

Скоморохи (*хоромъ*).

Ты спусти насъ, скомороховъ, ночевать,
Удалыхъ на тесовую кровать.

Гаврюшка.

Скоморохи. Старый привелъ.

Катерина.

Всюду-то тебѣ старый грезится. Вотъ я поспрошаю. (*Выглядываетъ въ окно*). Кто стучится-колотится? Кто тамъ?

Атаманъ (*за сценой*).

Веселье. Спусти попѣть, поплясать, въ гуслишки поиграть.

Катерина.

Ой, боюсь. Вы, говорятъ, воры.

Атаманъ.

Полно, хозяюшка! что́ клеплешь?
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи люди честливые.

Гаврюшка.

Тутъ подвохъ. Спроси, отчего къ тебѣ стучатъ? Шли бы къ сосѣдямъ.

Катерина.

Вы къ сосѣдямъ ступайте. У меня и мужа-то дома нѣтъ.

Атаманъ.

Нѣтъ, мы къ тебѣ. Куда идти? Спятъ вездѣ. У тебя у одной огонь. Мы смекнули: значитъ, пиръ идетъ. А гдѣ попиваютъ, тамъ скомороховъ поминаютъ.

Катерина (*отойдя отъ окна, Гаврюшкѣ*).

Вотъ видишь. Чего боялся?

Грубый голосъ (*за сценой*).

Чего вы колотитесь? хозяина дома нѣту. Угомону на васъ нѣтъ, дьяволовы слуги.

Атаманъ.

Къ хозяйкѣ пришли, не къ тебѣ. Хозяюшка, вели пустить веселыхъ.

Гаврюшка.

Не пускай. Тутъ подвохъ.

КАТЕРИНА.

А я вотъ пущу. (*Снова подходитъ къ окну*). Кто тамъ съ веселыми лается? Фролка, что ли?

ГРУБЫЙ ГОЛОСЪ.

Я, осударыня.

КАТЕРИНА.

Пусти веселыхъ; пусть меня потѣшаютъ.

АТАМАНЪ.

Спасибо.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КАТЕРИНА, ГАВРЮШКА.

ГАВРЮШКА.

Зачѣмъ пущала? Говорилъ, не надо. Посвоему все хочешь. Гляди...

КАТЕРИНА.

Ты мнѣ что̀ за указщикъ? Не мужъ еще.

ГАВРЮШКА.

Дура! говорю, подвохъ; старый съ ними.

КАТЕРИНА.

Кабы былъ, Фролка бы не лаялся. Старый шепнулъ бы, чтобъ отворялъ ворота.

ГАВРЮШКА.

А мнѣ лучше схорониться.

КАТЕРИНА.

Люди баютъ, Евстигнѣя попѣ, а попѣ мученика Труса.

ГАВРЮШКА.

Не трушу. Только бережонаго Богъ бережетъ.

КАТЕРИНА.

Не насъ съ тобою Богу беречь.

ГАВРЮШКА.

А все же лучше...

КАТЕРИНА.

Ты, видно, пуганая ворона? мужья, знать, поколачивали тебя? Я думала—мо̀лодецъ, анъ заяцъ травленный.

ГАВРЮШКА (*нерѣшительно*).

Я и останусь, пожалуй.

КАТЕРИНА (*насмѣшливо*).

Пожалуй, и не надо. Ой-ой, идутъ. Слышишь? Скорѣй подъ кустъ полѣзай; я дверь отворять иду (*идетъ*).

Гаврюшка (*послѣ мгновеннаго колебанія лѣзетъ подъ кровать*).

Такъ-то вѣрнѣе будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Катерина *отворяетъ двери; входятъ* скоморохи, *слѣдомъ за ними протирается* Васюта; Гаврюшка *подъ кроватью.* Терентій *въ мѣшкѣ.*

Атаманъ (*входя*).

Дому честь, хозяйкѣ поклонъ, лишнихъ за дверь вонъ.

Катерина.

Спасибо. Вѣрно сказалъ: лишнихъ гнать надо. Ты, Васюта зачѣмъ пришелъ? Тебя кто звалъ?

Атаманъ (*шутливо, ласково*).

Ступай, Васютушка, ступай, миленькій. Я ти порожецъ укажу, не споткнися. (*Выводитъ его за руку*).

Васюта.

Да мнѣ...

Атаманъ.

Намъ въ терему, тебѣ въ сѣняхъ, по молодцу и честь. (*Выводитъ совсѣмъ Васюту и дверь затворяетъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, *кромѣ* Васюты.

Атаманъ (*осматриваясь*).

Да мы на пиръ попали. На столѣ
Медовъ и кушаньевъ стоитъ довольно.
Не насъ ли поджидала, молодая?

Катерина.

Какъ васъ не ждать! на всѣхъ на дармоѣдовъ
Сготовленъ пиръ.

Атаманъ.

За что же обижаешь?
Сама пустила, не силомъ вошли.

Катерина.

Шутёмъ сказала. Мужа поджидаю,
Такъ для него наставлено.

Атаманъ.

Должно,
Мужъ у тебя любимый да пригожій?

Катерина.

Любила и собака палку — мнѣ ли
Терентья не любить? А ужь пригожъ,
Такъ это вѣрно: хуже не видала,
А, може, и похуже есть.

Атаманъ.

Взаправду?

Катерина.

Довольно балагурить. — Ты скажи ка,
Что̀ за мѣшокъ съ собою приволокъ?

Атаманъ.

Мѣшокъ-отъ этотъ премудреный будетъ.
Слыхала сказку: «Двое изъ сумы?»
Такой же вотъ и этотъ мѣхъ холстинскій:
Не двое въ немъ сидятъ, всего одинъ,
Да драться, шельма, лихъ.

Катерина.

Не врешь, такъ правда.

Атаманъ.

Хошь, покажу?

Катерина.

Пожалуй, и не надо.
И такъ брехнѣ повѣрю, безъ показу.

Атаманъ.

Я коли вру когда, такъ только правду,
Брехню всегда взаправду говорю.

Катерина.

Ужь вы веселые! чесать языкъ
Умѣете! За то васъ и люблю.

Атаманъ.

Спасибо, осударыня. — Да только...

Катерина.

Что̀ только?

Атаманъ

Вотъ что̀: ремесло у насъ
Веселое, а мы къ тебѣ пришли
Съ бѣдовою, съ лихою вѣстью. Просто... (*машетъ рукой*).

Катерина.

Съ какою вѣстью?

Атаманъ.

Мужа у тебя
Какъ звать? Терентьемъ ли?

Катерина.

Терентьемъ звали.

Атаманъ.

Такъ поминай его.

Катерина.

Аль померъ?

Атаманъ.

Померъ.

Катерина.

Ты этимъ не шути. — Гдѣ жь онъ?

Атаманъ.

Не шутка,
Коль померъ человѣкъ.

Катерина.

Гдѣ жь онъ? Гдѣ померъ?

Атаманъ.

Лежитъ горюнъ среди большой дороги,
Головкой бѣдной во ракитовъ кустъ,
Рѣзвыми ножками въ кувыль-траву...

Катерина.

Такъ и лежитъ?

Атаманъ.

Лежалъ, да схоронили,
Нашлися люди добрые. — Вотъ шапка,
Вотъ тѣ мошна. — Признаешь ли? его ли?
(Подаетъ шапку и мошну).

Катерина *(разсматриваетъ)*.

Его; его и есть. — Такъ померъ, померъ?
И схоронили, говоришь? И я-то,
Я нонѣ вдовкой стала? — Не придетъ
Ко мнѣ Данильичъ? Старый мужъ не станетъ
Мнѣ докучать? Да отвѣчай, скажи!

Атаманъ.

Сказалъ. — Ты что жь не плачешь?

Катерина.

А не знаю;
Поплакать надо бы, да слезъ-те нѣту.
Ты слышишь ли, треклятый желтокудрый,
Я нонѣ вдовка! Кабы ты не трусилъ,
За свадебку теперь бы принялися.
Веселый пиръ запировали!

Атаманъ.

Что́ ты?
Съ кѣмъ говоришь? Аль ты ума рѣшилась?
Опричь меня, да мо̀лодцевъ не видно
Тутъ никово.

Катерина.

Ему я говорила!
Кому ему—тебѣ не дѣло знать.
Веселый, утѣшай меня вдову,
Пляши да пой, Терентья поминай!
Я награжу.

Атаманъ.

Валяй, ребята, пѣсню.

Скоморохи (*хоромъ наголосъ Лазаря*).

Жилъ бы Терентій, богатъ человѣкъ,
Было у Терентья пятьсотъ поросятъ...

Катерина (*перебивая*).

Вы веселѣй. — А я, кажись, рехнулась.
И впрямь рехнулась. — Пойте веселѣе!
(*Поетъ и притоптываетъ*).

Вы играйте во гуслишки,
Поминайте Терентьюшка.

Атаманъ.

Я этакой вдовы еще не видѣлъ.
Совсѣмъ не плачетъ. — Ну, не наше дѣло!

Катерина (*также*).

Поминайте Терентья постылаго,
Постылаго Терентья и супостатаго.

Атаманъ (*играетъ на гусляхъ*).

Нуте-ка, гусли,
Нуте-ка, мысли,
Веселую тризну!
Жена горько плачетъ,
Мужа поминаетъ,
По горенкѣ скачетъ
Сама припѣваетъ!

(*Быстро перемѣняетъ наигрышъ и поколачиваетъ по мѣшку*).
Слышишь ли, холстинскій мѣхъ,
Не по̀-заочь бранятъ,
А въ глаза говорятъ.

Катерина (*атаману*).

Ты это что же?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же; Терентій *вылѣзаетъ изъ мѣха, потомъ* Васюта.

Терентій (*вылѣзая*).

То же, что я дома.

Катерина.

Терентій? ты? откуда?

Терентій.

А изъ мѣха.
Ну, жонушка, раненько расплясалась,
Раненько стала поминать живаго.
Такъ вотъ она, твоя какая немочь!
Гдѣ полюбовничекъ? Скажи-повѣдай!

Катерина.

Да ты рехнулся, али пьянъ, Данильичъ?

Терентій.

Что жь скажешь: нѣту? А кого ждала?
Ты про кого же столъ-отъ снарядила?
Скажи, отвѣть!

Катерина.

А про тебя, Данилычъ,
Тебя ждала.

Терентій.

Ждала! — а заплясала
Какъ молодецъ веселый сдоложилъ,
Что нѣтъ въ живыхъ Терентья-мужа? а?

Катерина.

Ты думаешь, не вѣдала — ты въ мѣхѣ?
Я, какъ взглянула, мигомъ сдогадалась,
И думаю: постой же, старый мужъ,
Ты будешь знать, какъ по мѣшкамъ-те лазить.
Я отсмѣю тебѣ насмѣшку.

Терентій.

Вѣрно,
Да я не вѣрю.

Васюта (*пробираясь впередъ*).

Ты не вѣрь, не вѣрь.
Она змѣя, ехидна злая, вѣдьма...

Терентій.

Васюта? ты? Да какъ же ты посмѣлъ
При мнѣ хозяйку лаять? Аль не мнѣ,
Тебѣ она жена?

Васюта.

Я, что жь... я больше...

Катерина.

Про все тебѣ, Данильичъ, сдоложу. (*Указывая на Васюту*).
Онъ ходитъ по кружаламъ, пьетъ вино,
Да много хвастаетъ... Чтобъ полюбила
Меня просилъ... я прогнала его...
Тебя люблю, грѣха боюсь, Данильичъ,
Ты мужъ мой, государь и господинъ...
Вотъ онъ и выдумалъ теперь со злости...

Терентій (*строго*).

Васюта!

Васюта.

Дяденька, не вѣрь, не вѣрь...
Есть полюбовничекъ... я вѣрно знаю...
Какъ это застучали скоморохи,
Такъ надо-быть въ чуланчикъ заперла.

Катерина (*живо*).

Въ чуланъ? въ какой чуланъ? Бери фонарь!
Бери, свѣти, пойдемъ искать въ чуланѣ!

Терентій.

Ну, Васька, помни: коль найду, такъ ей,
А нѣтъ — тебѣ наука будетъ.

Васюта (*зажигая фонарь*).

Ладно...
Пойдемъ-те. Укажу сейчасъ. (*Идутъ въ чуланъ направо*).

Катерина (*за сценой*).

Охъ, дьяволъ!
Фонарь задулъ. Давай я засвѣчу. (*Поспѣшно входитъ на сцену, торопливо зажигаетъ фонарь и шепчетъ атаману*).
Глянь подъ кровать. Я послѣ заплачу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Скоморохи и Гаврюшка.

Атаманъ.

Ну, ребята, камедь! Нѣмцамъ на Москвѣ такой не выдумать! (*Глядитъ подъ кровать*). А ну, бабья немочь, гдѣ ты? Вылѣзай на свѣтъ божій!

Гаврюшка (*вылѣзаетъ*).

Карась? ты?

Атаманъ.

Ба, ба! Сила Артёмычъ, купецкой сынъ! Ты это давно ль бабами промышлять сталъ?

Гаврюшка.

Молчи. (*Достаетъ мошну*). Бери мошну, все себѣ бери. Только хозаину полтретья отдай. За кабалу, молъ, отъ Гаврюшки.

Атаманъ (*принимаетъ деньги*).

А тятенька-то думаетъ товаръ закупать поѣхалъ. Охъ, стыдно!

Гаврюшка.

Молчи. Бѣжать надо. Гдѣ шапка?

Атаманъ.

И такъ бѣжишь. Вотъ Богъ, вотъ порогъ. Гайда! Что заяцъ по порошѣ...

Гаврюшка (*въ дверяхъ*).

Ты задержи. Не догнали бы. (*Убѣгаетъ*)

Атаманъ.

Не бось; сугоны не будетъ. Не красный звѣрь.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Скоморохи; *изъ чулана выходятъ:* Васюта, Катерина и Терентій.

Катерина (*Васютѣ*).

Чтò, много ли нашелъ? Въ какомъ чуланѣ?
Гдѣ полюбовникъ, гдѣ? Ну, отвѣчай! (*Мужу*).
Вели ему, Данильичъ, пусть докажетъ,
Не дай меня въ обиду.

Терентій (*Васютѣ*).

Отвѣчай!

Васюта (*Катеринѣ*).

Куда запрятала, сама, чай, знаешь;
А гдѣ Гаврюшка, тамъ и полюбовникъ.

Терентій.

Гаврюшка! Подавай его сюда! (*Женѣ*).
Ты у меня теперь не отвертишься!

Катерина (*Васютѣ*).

Да ты не спятилъ ли? Какой Гаврюшка?
Кабальный-то? (*Быстро взглянувъ на атамана*).
Такъ онъ сбѣжалъ, треклятый,

Совсѣмъ сбѣжалъ; какъ смерклось, и сбѣжалъ.
Пропали денежки твои, Данильичъ!

Васюта.

Онъ, дяденька, я вѣрно знаю, онъ...

Атаманъ (*выступая впередъ*).

Васюта, молодой ты парень, стыдно!
Что баба старая—грѣшить не можетъ,
Давай другихъ судачить—такъ и ты.
Хозяинъ, положись на судъ на мой
На скоморошій. Я ти объявлю
Всю правду.

Терентій.

Ты почёмъ же знаешь?

Атаманъ.

Мнѣ-то
Не знать, такъ кто же вѣдать будетъ!—Что же?
Быть мнѣ судьей?

Терентій.

Ну, будь. — Мнѣ самому
Не разобрать во вѣкъ.

Атаманъ.

А быть, такъ слушай:
Я разсужу, кто правъ, кто виноватъ.
Васюта первый виноватый: хвасталъ,
Молъ, пригожà у дядюшки жена,
А на кружалѣ парень пригодился:
Пошелъ смотрѣть, въ заправду ль хороша?

Терентій.

Ты, Васька, хвасталъ?

Васюта.

Дядюшка, помилуй!

Атаманъ (*продолжая*).

А дядя у меня, молъ, старый чортъ,
Ворчливый, жадный.

Терентій (*Васютѣ*).

И меня ты лаялъ?

Васюта (*въ ноги*).

Охъ, дядюшка, прости!... охъ, государь,
Помилуй!... охъ, по глупости сказалъ!...

Терентій (*грозитъ*).

Я эту глупость изъ тебя повыбью.

Атаманъ (*удерживая его*).

Ты погоди: дай судъ сперва свершить.
Второй-то виноватый — ты, хозяинъ.

Терентій.

Не врешь ли, парень? Я тутъ ни при чемъ.

Атаманъ.

А поглядимъ, не сыщется ль вины.
Вотъ первая: жены не соблюдаешь,
Знать мало любишь; бабѣ молодой
И захотѣлось погулять со скуки,
И подвернулся молодецъ не промахъ,
Опуталъ бабу. Кабы ты любилъ,
Да соблюдалъ хозяйку по закону,
Ему бы не опутать. — Ну, нашли
Одну вину, теперь другой поищемъ.
Не ты ли молодца привелъ къ хозяйкѣ?
Не ты ль на полтретья рубля польстился?
Не ты ли ихъ вдвоемъ гулять оставилъ?

Терентій.

Я виноватъ, да и они не правы.
Кабы она...

Атаманъ.

Ты погоди, хозяинъ:
Велѣлъ судить, дождися до конца.
И Катерина тоже виновата,
А пуще тѣмъ: не хочетъ повиниться.
Всѣ виноваты — я одинъ безгрѣшный,
А я безгрѣшенъ также, какъ и вы,
И васъ судить не стану. Кромѣ Бога,
Кто судія межъ мужа и жены? (*Катеринѣ*).
Васильевна, проси скорѣй прощенья!

Катерина.

Охъ, государь, прости меня, помилуй!
Чуть-чуть передъ тобой не согрѣшила,
Чуть, глупая, себя не погубила. (*Кланяется въ ноги*).
Ты глупую жену прости, помилуй!
Охъ, не казни — я заслужу тебѣ.

Терентій.

Охъ, надо бы маленько поучить,
Чтобъ помнила, надъ мужемъ не смѣялась,
Да Богъ съ тобой! И самъ я виноватъ (*подымаетъ ее*).
Ты, Катеринушка, меня прости!

Катерина.

Ужь мнѣ ль прощать тебя, Данильичъ!
Я на тебя и поглядѣть не смѣю:
Стыдобушка моя!

Терентій (*лаская ее*).

Ну, полно, полно!

Катерина.

Скажу тебѣ по истинной по правдѣ,
За то, что ты меня простилъ, голубчикъ,
Любить тебя начну, покоить стану!

Терентій.

Ну, поцалуемся (*цалуются*).

Катерина.

А еслибъ только
Ты сталъ меня учить, такъ я... (*останавливается*).

Терентій.

Такъ что бы?

Катерина.

Ну, что бы ни было! Теперь про это
Не слѣдъ и рѣчи заводить. — Голубчикъ,
Не поминай ты только про него,
А я, Терентьюшка, во вѣкъ не вспомню (*еще цалуются*).

Атаманъ.

Вотъ ладно. Совѣтъ вамъ да любовь. Что̀, сударь, и мы, скоморохи, на что нибудь годны? Взялись хозяйку лечить — всѣхъ выпользовали.

Терентій.

Спасибо тебѣ, молодецъ.

Атаманъ.

Нѐ на чѣмъ. Живите только любовно, а мы, на васъ глядючи, пѣсню сложимъ, старымъ мужьямъ на послушанье. — Теперь получай полтретья, Гаврюшка оставилъ. (*Подаетъ деньги*).

Терентій.

Ну, ихъ, деньги эти проклятыя! На дешевизну польстился, жену было-продалъ. Бери себѣ за леченье.

Атаманъ.

Всѣ брать?

Терентій.

Всѣ; только бабкѣ за мѣшокъ отдай.

Атаманъ.

То-то, а я было-спужался: что̀, молъ, расщедрился больно, не передъ бѣдой ли. — А что̀, хозяинъ милостивый и хозяюшка ласковая, пива, меды на столѣ, не промочить ли горлышка на радости?

Катерина.

Ужь истинно меня съ радостью поставилъ. Спасибо тебѣ. (*Подноситъ ему меду*). Милости прошу.

Атаманъ.

Спасибо (*выпилъ*). А ну, ребята, веселую!

Пѣсня народная.

Хмѣль, мой хмѣль, веселая голова,
Веселая голова, широкая борода!
Отчего жь, мой хмѣль, зараждаешься?
По чему жь, мой хмѣль, подымаешься?
Зарождался хмѣль отъ сырой земли,
Подымался хмѣль по тычинкѣ вверхъ,
По той по тычиночкѣ, по тоненькой.
Кто за хмѣлемъ поводится, тотъ будетъ человѣкъ.
Поводился за хмѣлинушкой дѣтинушка,
У дѣтины-сиротины ни уса ль, ни бороды,
Ни уса ль, ни бороды, ни ума въ головы.

(*Занавѣсъ*).

Дм. Аверкіевъ.

9-го Февраля 1867.

ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ.

(Wives and Daughters).

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ М-СЪ ГАСКЕЛЬ.

Часть первая.

X.

Мистрисъ Киркпатрикъ читала вслухъ, пока леди Комноръ не заснула. Книга лежала у нея на колѣняхъ; она едва придерживала ее, и разсѣянно смотрѣла въ окно. Ни высокія деревья парка, ни туманныя очертанія холмовъ вдали, не привлекали ея взоровъ. Она размышляла о томъ, какъ пріятно было бы снова имѣть мужа, который работалъ бы за нее, между тѣмъ, какъ она въ нѣгѣ, въ довольствѣ и въ полномъ бездѣйствіи возсѣдала бы въ красивой, изящно-меблированной гостиной. Мужъ этотъ въ мысляхъ ея принималъ образъ провинціальнаго доктора. Вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь, и предметъ ея мечтаній очутился предъ ней прежде, чѣмъ она успѣла встать съ мѣста. Она пошла къ нему на встрѣчу, знаками давая знать о снѣ ея сіятельства.

— Очень хорошо, сказалъ онъ шопотомъ, бросивъ взглядъ на спящую. — Могу я попросить васъ на два слова въ библіотеку?

«Ужь не намѣренъ ли онъ сдѣлать предложеніе?» подумала она съ легкимъ трепетомъ, и тутъ же порѣшила дать свое согласіе человѣку, на котораго за часъ передъ тѣмъ смотрѣла равнодушно, причисляя его только къ разряду мужчинъ, могущихъ еще жениться.

Онъ звалъ ее затѣмъ, чтобъ сдѣлать ей два-три чисто медицинскихъ вопроса, въ чемъ и она сама скоро убѣдилась, находя это весьма скучнымъ для себя, хотя, можетъ быть, полезнымъ

для него. И все-таки ей хотѣлось думать, что онъ именно въ теченіе этого разговора окончательно рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Она давала на его вопросы весьма сложные отвѣты, но онъ привыкъ отличать мякину отъ зерна. Мягкіе нѣжные звуки ея голоса, однако, пріятно поразили его слухъ, особенно послѣ грубаго и рѣзкаго говора, какой онъ безпрестанно слышалъ. Хорошо подобранные цвѣта ея одежды, плавныя, граціозныя движенія производили на него впечатлѣніе,подобное тому, какое на иныхъ производитъ кошачье мурлыканье. Онъ началъ думать, что для него дѣйствительно было бы счастьемъ пріобрѣсти ее. Вчера онъ смотрѣлъ на нее почти исключительно какъ на мачиху Молли, сегодня ему хотѣлось имѣть ее для себя. Воспоминаніе о письмѣ лорда Компора принесло ей какую-то сознательную прелесть: она желала нравиться, и надѣялась, что достигаетъ этого.

Но разговоръ ихъ долго вертѣлся только на болѣзни графини. Вдругъ пошелъ сильный дождь. Мистеръ Гибсонъ не боялся никакого ливня, но на этотъ разъ воспользовался случаемъ нѣсколько замедлить свой уходъ.

— Какая бурная погода, сказалъ онъ.

— Да, очень. Моя дочь пишетъ мнѣ, что на послѣдней недѣли въ теченіе двухъ дней ни одно судно не могло выйдти изъ Булони.

— Мисъ Киркпатрикъ въ Булони, не правда ли?

— Да, бѣдненькая. Она въ пансіонѣ, старается усовершенствоваться во французскомъ языкѣ. Но, мистеръ Гибсонъ, вамъ не слѣдуетъ называть ее мисъ Киркпатрикъ. Цинція всегда вспоминала о васъ съ такою — право, я не могу сказать — съ такою любовью. Четыре года тому назадъ она была больна корью, и вы лечили ее. Пожалуйста, зовите ее просто Цинція. Еслибъ она васъ слышала, то непремѣнно обидѣлась бы церемоннымъ названіемъ мисъ Киркпатрикъ.

— Цинція такое необыкновенное имя. Оно скорѣе годится для романа, нежели для ежедневнаго употребленія.

— Это мое имя, сказала мистрисъ Киркпатрикъ съ нѣжнымъ упрекомъ.—Меня при крещеніи назвали Гіацинтой, и ея бѣдный отецъ непремѣнно хотѣлъ назвать ее моимъ именемъ. Мнѣ очень жаль, что оно вамъ не нравится.

Мистеръ Гибсонъ затруднялся, что̀ ему сказать. Онъ не приготовился перенести разговоръ лично на себя. Пока онъ находился въ нерѣшимости, она продолжала:

— Гіацинта Клеръ! Въ былое время я просто гордилась своимъ именемъ, другіе тоже находили его хорошенькимъ.

— Безъ сомнѣнія, началъ мистеръ Гибсонъ, и остановился.

— Можетъ быть, я дурно сдѣлала, уступивъ желанію мужа и назвавъ ее столь романическимъ именемъ. Это можетъ предубѣдить противъ нея нѣкоторыхъ людей, а ей, бѣдняжкѣ, и безъ того есть съ чѣмъ бороться. Взрослая дочь налагаетъ огромную отвѣтственность, мистеръ Гибсонъ, особенно, если у нея остался только одинъ изъ родителей.

— Вы совершенно правы, сказалъ онъ, вспомнивъ о Молли.— Но я полагаю, что дѣвушка, у которой есть мать, но умеръ отецъ, не можетъ такъ сильно чувствовать свою потерю, какъ та, которая лишилась матери и сохранила отца.

— Вы, конечно, думаете о вашей дочери. Какъ дурно было съ моей стороны начать этотъ разговоръ! Милое дитя! Какъ хорошо я помню ея кроткое, миленькое личико, когда она спала у меня на постели! Я полагаю, она теперь уже совсѣмъ взрослая дѣвица. Она, должно быть, одпихъ лѣтъ съ моей Цинціей. Какъ бы я желала ее видѣть!

— Я надѣюсь, вы ее увидите, я самъ этого желаю. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ вы полюбили мою бѣдную, маленькую Молли, какъ вашу собственную... Онъ съ усиліемъ проглотилъ что-то стоявшее у него поперегъ горла и душившее его.

«Сдѣлаетъ ли онъ предложеніе? *Сдѣлаетъ ли?*» думала она, и начала дрожать, въ ожиданіи того, что онъ еще скажетъ.

— Можете ли вы полюбить ее, какъ вашу дочь? Не дадите ли вы мнѣ права представить васъ ей, какъ ея будущую мать, какъ мою жену?

Вотъ оно! Наконецъ сдѣлано, умно или глупо, но сдѣлано! А между тѣмъ, лишь только слова эти были произнесены, у него въ головѣ мелькнулъ вопросъ насчетъ благоразумія совершоннаго имъ шага.

Она закрыла лицо руками.

— О, мистеръ Гибсонъ! сказала она, и къ его удивленію, а еще болѣе къ своему собственному, истерически зарыдала: но вѣдь какое облегченіе было наконецъ знать, что болѣе не прійдется самой добывать свой хлѣбъ!

— Моя милая... моя дорогая, утѣшалъ онъ ее словами и ласками, но въ то же время былъ въ нерѣшимости, какое ей дать имя. Она, успокоившись немного, поспѣшила сама вывести его изъ затрудненія:

— Зовите меня Гіацинтой — вашей Гіацинтой. Я ненавижу имя «Клеръ». Оно напоминаетъ мнѣ мое званіе гувернантки, и прошлое время, которое теперь не должно болѣе возвращаться.

— Такъ. Но васъ въ этомъ семействѣ очень любили и цѣнили.

— Да, они были добры ко мнѣ, но все же я не могла забыть своего положенія.

— Намъ надо увѣдомить леди Комноръ, замѣтилъ онъ, повидимому, думая не столько о томъ, что говорила его невѣста, сколько о многочисленныхъ обязанностяхъ, ожидавшихъ его впереди.

— Вы возьмете это на себя, не правда ли? сказала она, смотря на него съ умоляющимъ видомъ: — я предпочитаю, чтобъ извѣстія доходили до нея черезъ другихъ, тогда я лучше могу наблюдать, какое впечатлѣніе они на нее производятъ.

— Конечно, я сдѣлаю все, что вы ни пожелаете. — Не пойдти ли намъ посмотрѣть: она, можетъ быть, проснулась?

— Нѣтъ! Я лучше сначала приготовлю ее, а вы пріѣдете завтра — вѣдь вы пріѣдете? — и скажете ей.

— Дѣйствительно, такъ будетъ лучше. Къ тому же, мнѣ слѣдуетъ прежде увѣдомить Молли: она имѣетъ на то право. Я надѣюсь, вы съ ней сойдетесь.

— О, конечно! Я въ этомъ увѣрена. Такъ вы завтра пріѣдете и скажете леди Комноръ? А я подготовлю ее.

— Я не вижу никакой надобности въ подготовленіи, но вамъ лучше знать. Когда мы устроимъ ваше первое свиданіе съ Молли?

Въ эту минуту вошелъ слуга и сказалъ:

— Ея сіятельство проснулись и желаютъ видѣть мистера Гибсона.

Они послѣдовали за лакеемъ наверхъ. Мистрисъ Киркпатрикъ старалась принять развязный видъ. Ей очень хотѣлось сначала «подготовить» леди Комноръ, то-есть заставить ее думать, что только неотступныя просьбы мистера Гибсона заставили ее согласиться на его предложеніе и одержали верхъ надъ ея робостью и стыдливостью.

Но леди Комноръ въ болѣзни не утратила свойственной ей проницательности. Она заснула съ мыслью о письмѣ своего мужа, и это, можетъ быть, еще скорѣе навело ее на слѣдъ того, что случилось.

— Я очень рада, что вы еще не уѣхали, мистеръ Гибсонъ... Но что съ вами обоими? Что вы говорили, Клеръ? Я увѣрена, тутъ что-нибудь да кроется.

По мнѣнію мистера Гибсона, ничего болѣе не оставалось, какъ прямо все разсказать миледи.

— Я просилъ мистрисъ Киркпатрикъ быть моей женой, сказалъ онъ: — и матерью моей дочери; она изъявила свое согласіе. Я не нахожу словъ, чтобы достаточно выразить ей мою благодарность.

— Вотъ какъ! Ну, я съ своей стороны не вижу препятствій.

Я надѣюсь, вы будете счастливы, а что до меня касается, то я очень, очень рада! Дайте мнѣ ваши руки. Затѣмъ, она со смѣхомъ прибавила: — съ моей стороны, какъ я вижу, не требовалось большихъ трудовъ.

Мистеръ Гибсонъ казался удивленнымъ. Мистрисъ Киркпатрикъ покраснѣла.

— Какъ, она вамъ не разсказала? Въ такомъ случаѣ, я разскажу. Слушайте же; было бы жаль, чтобъ такая забавная шутка пропала даромъ, особенно послѣ того, какъ она окончилась такъ хорошо. Когда сегодня утромъ пришло письмо отъ лорда Комнора, я попросила Клеръ прочесть мнѣ его. Вдругъ она остановилось. Я испугалась, думая, что это что-нибудь объ Агнесѣ, и взяла письмо... Да вотъ я вамъ прочту это мѣсто. Гдѣ письмо, Клеръ?.. Не безпокойтесь, вотъ оно.

«Что подѣлываютъ Клеръ и Гибсонъ? Вы тогда съ презрѣніемъ отвергли мой совѣтъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ; но, право, я думаю, сватовство доставило бы вамъ пріятное развлеченіе теперь, когда вы не можете выходить. По моему мнѣнію, это былъ бы самый приличный бракъ». Вы видите, милордъ вполнѣ одобряетъ ваше намѣреніе. А надо ему написать, какъ вы сами все уладили, безъ всякаго съ моей стороны вмѣшательства. Теперь, мистеръ Гибсонъ, посвятите мнѣ нѣсколько минутъ, а затѣмъ ступайте кончать вашъ *tète-à-tète* съ Клеръ.

Но по прочтеніи отрывка изъ письма лорда Комнора, ни тотъ, ни другая уже не выказывали прежняго желанія возобновить прерванную бесѣду. Мистеръ Гибсонъ старался поменьше объ этомъ думать. Онъ боялся, чтобъ размышленіе не навело его на какое либо новое открытіе и не возбудило въ немъ непріятныхъ подозрѣній на счетъ разговора, окончившагося съ его стороны предложеніемъ. Но леди Комноръ по обыкновенію требовала, чтобъ ей повиновались.

— Полноте, не дѣлайте глупостей! Я всегда заставляла моихъ дочерей разговаривать наединѣ съ ихъ будущими мужьями, хотѣли онѣ того или нѣтъ. Передъ свадьбой мало ли о чемъ есть поговорить, а вы оба, кажется, въ такихъ лѣтахъ, что излишнія церемоніи были бы не у мѣста. Уходите же отсюда.

И такъ имъ пришлось возвратиться въ библіотеку. Мистрисъ Киркпатрикъ немного дулась, а къ мистеру Гибсону тѣмъ временемъ возвратились его обычное хладнокровіе и нѣсколько насмѣшливое обращеніе.

Она начала, почти плача:

— Что бы сказалъ бѣдный Киркпатрикъ, еслибъ онъ зналъ о

моемъ теперешнемъ поступкѣ? Онъ всегда былъ противъ вторыхъ браковъ.

— Въ такомъ случаѣ будемъ надѣяться, что онъ ничего не знаетъ, а если знаетъ, что онъ теперь поумнѣлъ, т.-е. видитъ, какъ иногда вторые браки—бываютъ полезны и необходимы.

Какъ бы то ни было, этотъ второй tête-à-tête оказался далеко не такимъ удовлетворительнымъ, какъ первый. Къ тому же мистеръ Гибсонъ сознавалъ необходимость поскорѣй отправиться къ своимъ больнымъ.

«Мы скоро собьемся на будничную, однообразную колею», думалъ онъ, уѣзжая изъ Тоуэрса. «Нельзя же ожидать, чтобъ мы съ самаго начала мыслили и чувствовали заодно. Да это и не понравилось бы мнѣ», прибавилъ онъ. «Это было бы скучно: что за веселье находить въ женѣ только отголосокъ собственныхъ мнѣній! Надо обо всемъ разсказать Молли. Какъ-то она приметъ это, моя голубушка? Вѣдь это сдѣлано, большею частью, въ видахъ ея пользы». И онъ принялся пересчитывать достоинства мистрисъ Киркпатрикъ и выгоды, какія изъ всего этого можетъ извлечь Молли.

Въ этотъ день было уже слишкомъ поздно для поѣздки въ Гамлей. Тоуэрсъ и его окрестности лежали въ сторонѣ, совершенно противоположной отъ Гамлея. Мистеръ Гибсонъ явился туда на другое утро, за нѣсколько времени до прихода мистрисъ Гамлей въ гостиную. Онъ распорядился такъ, чтобъ имѣть возможность поговорить съ Молли полчаса наединѣ.

Было прекрасное, знойное, лѣтнее утро. Поселяне въ однихъ жилетахъ занимались въ поляхъ косьбою овса. Онъ могъ ихъ видѣть черезъ высокую живую изгородь и даже слышать свистъ длинныхъ косъ, когда ими взмахивали по воздуху. Работникамъ было такъ жарко, что они, повидимому, чувствовали себя не въ силахъ говорить. Собака, охранявшая ихъ палки и верхнюю одежду, тяжело переводила духъ, лежа по другую сторону вяза, около котораго остановился мистеръ Гибсонъ, чтобъ окинуть взоромъ разстилавшуюся передъ нимъ картину и хоть на сколько нибудь отсрочить ожидавшее его свиданіе. Но въ слѣдующую за тѣмъ минуту, онъ упрекалъ себя въ слабости и, пришпоривъ лошадь, быстро очутился у цѣли своего путешествія. Онъ пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго, и никто его не ожидалъ. Конюхи всѣ до одного были въ поляхъ; но это ничего не значило для мистера Гибсона. Онъ самъ отпустилъ постромки своей лошади и поставилъ ее въ конюшню, гдѣ разсматривалъ ее съ нѣсколько излишнимъ вниманіемъ. Онъ вошелъ въ домъ черезъ маленькую дверь и направилъ свои шаги въ гостиную, гдѣ, однако, не ду-

малъ найдти Молли, полагая, что она гуляетъ въ саду. И дѣйствительно, она была тамъ, пока жара не прогнала ее назадъ въ домъ. Утомленная и разгоряченная, она сѣла въ кресло и заснула. Шляпка и открытая книга лежали у нея на колѣнахъ, а одна рука свѣсилась. Она имѣла такой ребяческій видъ, казалась такой слабой и нѣжной. Сильный, почти неудержимый, порывъ любви поднялся въ сердцѣ отца, когда онъ смотрѣлъ на нее.

«Молли!» сказалъ онъ, нѣжно приподнявъ свѣсившуюся смуглую ручку и удерживая ее въ своей. «Молли!»

Она открыла глаза, которые въ первую минуту пробужденія смотрѣли какъ-то безсознательно. Затѣмъ они сверкнули радостнымъ блескомъ; она быстро вскочила, обвила руками шею отца и воскликнула:

— О, папа, милый, милый, милый папа! Какъ это вы пришли сюда во время моего сна? Вы этимъ отняли у меня удовольствіе ожиданія.

Мистеръ Гибсонъ поблѣднѣлъ. Онъ все держалъ ее за руку и молча привлекъ къ дивану; она же продолжала болтать.

— Я сегодня очень рано встала. Такъ пріятно дышать свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ! Онъ-то, я думаю, и навелъ на меня дремоту. Но не правда ли, какой великолѣпный, знойный день? Желала бы я знать, бываетъ ли столь прославленное итальянское небо когда нибудь ярче вонъ хоть бы этого клочка, что теперь выглядываетъ изъ-за зелени дубовъ!

Она выдернула свою руку и повернула голову отца такъ, чтобъ онъ могъ видѣть ту часть неба, о которой она говорила. Его необыкновенная молчаливость наконецъ поразила ее.

— Имѣете ли вы извѣстія о мисъ Эйръ, папа? Какъ они всѣ тамъ поживаютъ? А что лихорадка? Знаете ли, папа, что у васъ совсѣмъ нездоровый видъ. Мнѣ надо поскорѣй вернуться домой и приняться ухаживать за вами. Когда это можно будетъ сдѣлать?

— У меня нездоровый видъ? Ты это себѣ вообразила, гусенокъ. Напротивъ, я необыкновенно здоровъ и долженъ имѣть хорошій видъ, такъ-какъ имѣю сообщить тебѣ нѣчто... (Онъ чувствовалъ, что приступилъ къ дѣлу весьма неловко, но уже рѣшился во что бы то ни стало поскорѣй его окончить). Ты не угадываешь что?

— Какъ же я могу угадать? сказала она измѣнившимся тономъ и какъ-бы съ предчувствіемъ чего-то недобраго.

— Моя милая, сказалъ онъ и снова взялъ ее за руку:—ты находишься въ очень неловкомъ положеніи: взрослая дѣвушка въ семействѣ, какъ мое... одна... молодые люди...... это не-

простительная глупость съ моей стороны... и я такъ часто долженъ отлучаться...

— Но у меня есть мисъ Эйръ, сказала она съ увеличивающимся страхомъ:—милая мисъ Эйръ! Мнѣ никого не надо, кромѣ васъ и ея.

— Да, но вѣдь бываютъ случаи, когда миссъ Эйръ нельзя съ тобой оставаться, вотъ какъ теперь напримѣръ. Нашъ домъ не ея домъ; у нея есть другія обязанности. Я долгое время находился въ большомъ безпокойствѣ, но наконецъ принялъ рѣшимость, которая, я надѣюсь, сдѣлаетъ насъ обоихъ счастливѣе.

— Вы собираетесь вторично жениться, помогла она ему, говоря спокойнымъ, сухимъ тономъ и потихоньку отняла у него свою руку.

— Да, на мистрисъ Киркпатрикъ — ты помнишь ее? Въ Тоуэрсѣ ее всѣ называютъ Клеръ. Она еще была такъ добра къ тебѣ, когда тебя позабыли въ замкѣ.

Она молчала, не находя словъ. Она боялась говорить, чтобъ въ порывѣ гнѣва, отвращенія, негодованія, всего, что кипѣло у нея въ душѣ, не разразиться криками, слезами или, что еще хуже, не наговорить такихъ словъ, которыя впослѣдствіи никогда не могли бы быть забыты. Точно кусокъ твердой земли, на которомъ она стояла, оторвался отъ берега и она понеслась, одна, далеко по безконечному морю.

Мистеръ Гибсонъ былъ пораженъ ея молчаніемъ, какъ чѣмъ-то неестественнымъ, хотя почти угадывалъ его причину. Но онъ понималъ необходимость дать ей время нѣсколько освоиться съ новой для нея мыслью. Самъ же онъ все еще полагалъ, что это дѣлается для ея счастія, и высказавъ наконецъ тайну, которая тяготила его послѣдніе двадцать-четыре часа, чувствовалъ значительное облегченіе. Онъ началъ высчитывать всѣ выгоды этого брака: онъ уже успѣлъ затвердить ихъ въ своей памяти.

— Она вполнѣ подходитъ ко мнѣ годами. Я не знаю, сколько ей именно лѣтъ, но должно быть около сорока. Я не желалъ бы жениться на комъ нибудь моложе. Лордъ и леди Комноръ и вся ихъ семья очень уважаютъ ее, а это одно уже служитъ ей прекрасной рекомендаціей. У ней изящныя манеры — она, конечно пріобрѣла ихъ въ обществѣ, въ которомъ столько лѣтъ вращалась, а ты, гусенокъ, иногда бываешь черезчуръ рѣзка. Теперь намъ слѣдуетъ измѣнить наши нравы и обычаи.

Никакого отвѣта не воспослѣдовало и на эту попытку къ шуткѣ. Онъ продолжалъ:

— Она привыкла вести хозяйство и быть бережливой. Послѣднее время она содержала школу въ Ашкомбѣ и, поэтому,

должна была заботиться о большой семьѣ. А наконецъ, и это не самое маловажное, у ней есть дочь твоихъ лѣтъ, Молли. Она, конечно, пріѣдетъ жить съ нами и будетъ тебѣ подругой, сестрой.

Она все молчала, наконецъ проговорила:

— Итакъ, я была выслана изъ дому для того, чтобъ въ мое отсутствіе все могло лучше устроиться?

Она сказала это съ горечью, не будучи въ силахъ совладать съ собою; но впечатлѣніе, произведенное ея словами, было таково, что немедленно вывело ее изъ оцѣпѣненія, въ какое она было-впала. Отецъ ея вздрогнулъ и быстро вышелъ изъ комнаты, говоря что-то про себя, что именно—она не могла разслышать, хотя и побѣжала за нимъ слѣдомъ по темнымъ, каменнымъ переходамъ къ солнечному блеску и сіянью.

— О, папа, папа! Я сама не своя!... Я рѣшительно не знаю, что мнѣ сказать объ этомъ ужасномъ, ненавистномъ...

Онъ вывелъ изъ конюшни лошадь. Молли не знала, слышалъ онъ или нѣтъ ея воззваніе. Вскочивъ въ сѣдло, онъ обратилъ къ ней блѣдное угрюмое лицо и сказалъ:

— Для насъ обоихъ лучше, если я немедленно уѣду. Мы можемъ наговорить другъ другу такихъ вещей, которыя нелегко забываются: и ты, и я, мы слишкомъ взволнованы. Къ завтрашнему дню мы поостынемъ. Ты успѣешь обсудить дѣло и увидишь, что во всемъ этомъ прежде всего имѣлась въ виду твоя польза. Ты можешь сказать мистрисъ Гамлей; я самъ намѣревался это сдѣлать. Завтра я опять пріѣду. Прощай, Молли.

Онъ скрылся изъ виду. Стукъ лошадиныхъ копытъ по круглымъ камнямъ мощеной аллеи давно умолкъ, а Молли все еще стояла, защищая рукой глаза отъ солнечныхъ лучей, и продолжала смотрѣть въ пустое пространство, гдѣ исчезла фигура ея отца. У нея сперло дыханіе въ груди; только разъ или два она попробовала вздохнуть, но вздохъ ея окончился рыданіемъ. Она не хотѣла вернуться въ домъ, боялась встрѣтиться съ мистрисъ Гамлей и не могла забыть ни послѣдняго взгляда, ни послѣднихъ словъ отца.

Она вышла въ боковую калитку, черезъ которую садовники обыкновенно вносили въ садъ свои орудія и которая вела въ полууединенную аллею, сокрытую отъ глазъ массой кустарника, ползучими растеніями и высокими деревьями съ переплетенными вѣтвями. Никто не будетъ знать, гдѣ она, да и некому ея хватиться, прибавила она мысленно съ неблагодарностью, свойственной сильному горю. У мистрисъ Гамлей есть мужъ, дѣти, свои домашніе интересы. Она, правда, очень добра и привѣтлива, но

въ настоящую минуту сердце Молли было преисполнено печали, которую она не хотѣла повѣрять постороннему лицу. Она быстрыми шагами направилась къ скамьѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ гибкими вѣтвями плакучей ивы и поставленной на площадкѣ въ концѣ аллеи по другую сторону лѣса, который здѣсь оканчивался, а за нимъ начиналась легкая покатость луговъ и полей. Аллея эта, повидимому, для того и была проложена, чтобъ открывать видъ на мирный, облитый солнечнымъ свѣтомъ ландшафтъ, состоявшій изъ деревьевъ, церковнаго шпица, двухъ-трехъ коттеджей съ красными крышами и возвышавшагося вдали холма. Можетъ быть, въ былое время, когда въ замкѣ жило большое семейство Гамлеевъ, по этой самой террасѣ прогуливались леди въ фижмахъ и джентльмены въ парикахъ и со шпагою на боку. Но теперь никто здѣсь не гулялъ, и эта аллея почти никѣмъ не посѣщалась. Иногда только сквайръ и его сыновья проходили по ней, направляясь къ калиткѣ, открывавшейся прямо въ поле. Молли даже сомнѣвалась, чтобъ кто либо, кромѣ нея, зналъ о существованіи скамьи подъ плакучей ивой. Число работавшихъ въ паркѣ садовниковъ было весьма ограниченно, и обязанность ихъ состояла исключительно въ томъ, чтобъ поддерживать въ чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ огородъ, да ту часть сада, которая посѣщалась семействомъ и была расположена по близости къ дому.

Дойдя до скамьи, Молли неудержимо отдалась своей печали. Она не искала анализировать причину душившихъ ее слезъ и рыданій. Ея отецъ хотѣлъ вторично жениться; ея отецъ на нее сердился; она поступила дурно, и онъ уѣхалъ недовольный; она лишилась его любви; онъ собирался жениться вдали отъ нея, его дочери; онъ позабылъ ея милую-милую мать. Всѣ эти мысли въ безпорядкѣ толпились у нея въ головѣ. Она страшно устала отъ слезъ и рыданій и на минуту умолкла, чтобъ отдохнуть; но затѣмъ насталъ новый пароксизмъ отчаянія. Она бросилась на землю и прислонилась къ старой, поросшей мхомъ скамьѣ. Она то закрывала лицо руками, то крѣпко, крѣпко сжимала ихъ, какъ-бы думая физической болью заглушить нѣсколько нравственное страданіе.

Она не примѣтила Роджера Гамлея, возвращавшагося съ полей, и не слышала, какъ онъ стукнулъ маленькой, бѣлой калиткой. Онъ ходилъ отыскивать насѣкомыхъ въ пруду и канавахъ съ водой, и теперь возвращался съ мокрой сѣткой, въ которой заключались найденныя имъ сокровища. Онъ шелъ домой завтракать, всегда чувствуя къ этому времени сильный апетитъ, хотя по теоріи и презиралъ завтраки. Но мать любила, чтобъ онъ на

нихъ присутствовалъ. Она до завтрака обыкновенно оставалась наверху и рѣдко показывалась кому либо изъ домашнихъ. Итакъ, ради нея онъ жертвовалъ своей теоріей, вопреки которой всегда съѣдалъ завтракъ съ большимъ удовольствіемъ.

Проходя по площадкѣ на возвратномъ пути, онъ не замѣтилъ Молли и уже сдѣлалъ шаговъ двадцать далѣе, какъ вдругъ увидѣлъ въ травѣ одно рѣдкое растеніе, цвѣтокъ котораго давно желалъ имѣть, но до сихъ поръ еще не находилъ. Немедленно положилъ онъ на землю сѣтку, искусно свернувъ ее такъ, чтобъ изъ нея ничто не могло выпасть, и легкими шагами отправился за своей находкой. Онъ такъ любилъ природу, что безсознательно, но уже въ силу привычки, всегда избѣгалъ безъ нужды топтать растенія: кто могъ знать, какія заключались въ нихъ сѣмена или насѣкомыя, которыя могли оказаться впослѣдствіи весьма рѣдкими и замѣчательными явленіями?

Такимъ образомъ онъ по обходной тропинкѣ добрался до плакучей ивы и до скамейки, которая съ этой стороны была гораздо болѣе на виду. Онъ остановился, примѣтивъ на землѣ чье-то свѣтлое платье. Кто-то лежалъ на скамьѣ, но такъ спокойно, совершенно неподвижно, точно въ обморкѣ. Онъ выжидалъ. Черезъ минуту послышалось рыданіе и затѣмъ слова. Мисъ Гибсонъ восклицала сквозь слезы:

— О папа, папа! Еслибъ онъ только воротился!

Сначала Роджеръ подумалъ, что лучше ему уйдти, не давъ ей замѣтить своего присутствія, и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ назадъ на цыпочкахъ. Но рыданія становились сильнѣе. Мать его не могла идти такъ далеко, а не то было бы ея прямой обязанностью утѣшать свою гостью, въ чемъ бы ни состояла причина ея горести. Однако, услышавъ снова печальные звуки голоса, выражавшаго такое безграничное отчаяніе, онъ, не размышляя, хорошо то или дурно, деликатно или навязчиво, пошелъ къ скамьѣ подъ зеленымъ сводомъ плакучей ивы. Молли съ испугомъ при его приближеніи, стараясь сдерживать рыданія, инстинктивно обѣими руками принялась приглаживать свои растрепанные волосы.

Онъ бросилъ на нее добрый, исполненный участія взглядъ, но рѣшительно не зналъ, что̀ сказать.

— Развѣ уже время завтракать? спросила она, стараясь думать, что онъ не замѣтилъ на ея лицѣ слѣдовъ слезъ и огорченія и не видѣлъ, какъ она лежала на скамьѣ и рыдала.

— Не знаю. Я шелъ домой къ завтраку, но не могъ уйдти отсюда, когда увидѣлъ васъ въ слезахъ. Что̀ случилось? Не

могу ли я. вамъ помочь, хотя, конечно, я знаю, что не имѣю права разспрашивать васъ.

Она очень устала и ослабла отъ слезъ и не могла ни продолжать стоять, ни идти. Она съ глубокимъ вздохомъ опустилась на скамью и до такой степени поблѣднѣла, что онъ подумалъ, что ей сдѣлалось дурно.

— Подождите минутку, сказалъ онъ, впрочемъ совершенно безполезно, такъ-какъ она была не въ силахъ двинуться съ мѣста. Онъ со всѣхъ ногъ бросился къ находившемуся по близости источнику и черезъ минуту воротился, медленно выступая и осторожно неся большой зеленый листъ, искусно свернутый и наполненный водой. Это освѣжило ее.

— Благодарю васъ! сказала она. — Теперь я скоро буду въ состоянiи вернуться домой. Не ждите меня.

— Позвольте мнѣ остаться, отвѣчалъ онъ. — Матушка была бы очень недовольна, еслибъ я покинулъ васъ здѣсь одну, когда вамъ дурно.

Они нѣсколько времени молчали. Онъ сорвалъ два странной формы ивовые листка и разсматривалъ ихъ частью по привычкѣ, частью для того, чтобъ дать ей время оправиться.

— Папа собирается снова жениться, произнесла она наконецъ.

Она сама не знала, къ чему это сказала; за минуту передъ тѣмъ, она даже и не намѣревалась говорить. Онъ выронилъ изъ рукъ листъ, который держалъ, обернулся къ ней и взглянулъ на нее. Бѣдные, печальные глазки ея наполнились слезами и посмотрѣли на него съ нѣмой мольбой о сочувствiи. Взглядъ ея былъ краснорѣчивѣе словъ. Онъ съ минуту помолчалъ, а затѣмъ спросилъ, не столько потому, чтобы въ томъ могло быть хоть малѣйшее сомнѣнiе, сколько изъ сознанiя необходимости что либо сказать:

— Васъ это печалитъ?

Она, не отводя отъ него глазъ, дрожащими губами старалась произнести: «да», но голосъ не повиновался ей. Онъ снова замолчалъ и, опустивъ глаза въ землю, концомъ ноги игралъ съ маленькимъ камешкомъ. Его мысли обыкновенно съ трудомъ облекались въ слова и онъ не умѣлъ утѣшать до тѣхъ поръ, пока не узнавалъ съ достовѣрностью, изъ какого источника должно происходить утѣшенiе. Наконецъ онъ заговорилъ, но какъ-бы разсуждая самъ съ собой:

— Бываютъ случаи, когда, оставивъ въ сторонѣ всякiй вопросъ о любви, старанiя найдти дѣтямъ вторую мать становятся необходимостью и почти обращаются въ обязанность... Я думаю, прибавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ и опять взглянувъ на Молли:—

я думаю, этотъ шагъ можетъ много содѣйствовать къ счастью вашего отца; онъ избавитъ его отъ многихъ хлопотъ и доставитъ ему подругу.

— Онъ имѣлъ меня. Вы не знаете, чѣмъ мы были другъ для друга, по крайней мѣрѣ, чѣмъ онъ былъ для меня, скромно поправилась она.

— Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ это нужнымъ и справедливымъ, иначе ничего бы не предпринялъ. Можетъ быть, даже все это дѣлается гораздо болѣе въ видахъ вашей пользы, нежели его собственной.

— Онъ старался меня въ этомъ убѣдить.

Роджеръ снова занялся камешкомъ. Онъ еще не совсѣмъ ясно понималъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ онъ поднялъ голову.

— Я вамъ кое-что разскажу про одну молодую дѣвушку. Она лишилась матери, когда ей было шестнадцать лѣтъ и осталась послѣ нея старшею въ семьѣ. Съ этой минуты она всю свою жизнь посвятила отцу и была сначала его утѣшительницей, потомъ товарищемъ, другомъ, секретаремъ, всѣмъ, чѣмъ хотите. Онъ былъ человѣкъ очень занятой и часто возвращался домой только для того, чтобы приготовиться къ завтрашнему труду. Гарріета всегда весело встрѣчала его, помогала ему, говорила съ нимъ или молчала, смотря по тому, что было ему пріятнѣе и полезнѣе. Такъ продолжалось восемь или десять лѣтъ, а затѣмъ отецъ ея женился на женщинѣ немногимъ старше Гарріеты. И что же? Они счастливѣйшіе люди въ свѣтѣ. Вы, конечно, не ожидали этого?

Она слушала, но не имѣла духу отвѣчать. Ее интересовалъ разсказъ о Гарріетѣ, молодой дѣвушкѣ, которая такъ много дѣлала для отца, гораздо болѣе, чѣмъ она, Молли, могла сдѣлать для своего, лишившись матери въ столь раннемъ возрастѣ.

— Но какъ же это? спросила она наконецъ.

— Гарріета думала о счастьѣ своего отца болѣе, нежели о своемъ собственномъ, отвѣчалъ Роджеръ нѣсколько строго. Слезы опять навернулись у нея на глазахъ.

— Еслибъ того требовало счастье папà...

— Онъ, безъ сомнѣнія, такъ думаетъ. Какого бы вы ни были мнѣнія на этотъ счетъ, сдѣлайте съ вашей стороны все, что отъ васъ зависитъ. Я полагаю, ему было бы очень тяжело видѣть вашу печаль и недовольство, особенно, если, судя по вашимъ словамъ, вы ему такъ дороги. Мачиха Гарріеты съ своей стороны не была ни самолюбива, ни эгоистична; она не стремилась исключительно къ удовлетворенію своихъ только желаній, но заботилась о благосостояніи Гарріеты столько же, сколько

та хлопотала о счастьи отца. Можетъ быть, будущая жена мистера Гибсона принадлежитъ къ тому же разряду женщинъ, хотя онѣ рѣдки.

— Ну, я не думаю, прошептала Молли, подъ вліяніемъ воспоминаній о днѣ, который много лѣтъ тому назадъ провела въ Тоуэрсѣ.

Роджеръ не желалъ допытываться причины подобнаго сомнѣнія. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права далѣе проникать въ тайны семейной жизни мистера Гибсона. Онъ желалъ знать не болѣе, какъ сколько то было необходимо для поданія помощи и утѣшенія бѣдной, плачущей дѣвушкѣ, съ которой случайно столкнулся. Кромѣ того онъ спѣшилъ домой къ матери, чтобъ не опоздать къ ея завтраку, но въ то же время не хотѣлъ оставить Молли одну.

— Всегда лучше надѣяться на хорошее, чѣмъ на дурное. Это очень смахиваетъ на пошлую истину, которая, однако, нерѣдко бывала для меня источникомъ утѣшенія; современемъ и вы это испытаете. Надо стараться думать о другихъ людяхъ больше, нежели о самихъ себѣ, и не предубѣждаться противъ нихъ безъ достаточныхъ на то причинъ. Надѣюсь, моя проповѣдь не показалась вамъ длинной? Не придала ли она вамъ аппетиту къ завтраку? Во мнѣ проповѣди всегда возбуждаютъ голодъ.

Онъ повидимому ожидалъ, чтобъ она встала и пошла съ нимъ. Она медленно приподнялась со скамьи, такъ медленно, какъ-бы хотѣла сказать, что предпочла бы остаться одна, еслибъ онъ только согласился уйдти безъ нея. Она была очень слаба и запнулась о корень одного дерева. Онъ, молча, не переставалъ наблюдать за ней и видя, какъ она пошатнулась, поспѣшилъ поддержать ее и не далъ ей упасть. Опасность миновала, но онъ не выпускалъ ея руки изъ своей: эта маленькая, чисто-физическая несостоятельность глубоко тронула его, показавъ, какъ она была еще молода и безпомощна. Онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе сказать ей что-нибудь доброе и теплое, такое, что̀ могло бы дѣйствительно ее облегчить и утѣшить прежде, чѣмъ они разстанутся и все снова войдетъ въ обычную колею. Но онъ не находилъ словъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, сочтете меня жестокимъ, внезапно заговорилъ онъ, когда они уже подходили къ дому. — Я не умѣю выражать своихъ чувствованій и какъ-то всегда впадаю въ философскія разсужденія, но право, право, мнѣ очень жаль васъ. Я не въ силахъ помочь вамъ, потому что не могу измѣнить факты, но вполнѣ сочувствую вамъ, хотя и нахожу, что лучше объ этомъ меньше говорить. Но помните, что я вамъ искренно,

глубоко сочувствую! Я часто буду о васъ думать, хотя, повторяю, лучше не возвращаться болѣе къ этому предмету.

Она отвѣчала: я знаю, что вы мнѣ сочувствуете, и не въ силахъ долѣе себя сдерживать, убѣжала отъ него въ домъ, наверхъ, въ уединеніе собственной комнаты. А онъ пошелъ прямо къ матери, которая сидѣла передъ нетронутымъ завтракомъ, недовольная странной неаккуратностью своей гостьи, на сколько могла быть чѣмъ бы то ни было недовольна. Ей уже было извѣстно, что мистеръ Гибсонъ пріѣзжалъ и уѣхалъ, но она не могла ни отъ кого добиться, не поручилъ ли онъ ей что либо передать. Ея заботливость о собственномъ здоровьи, въ глазахъ многихъ слывшая за преувеличенную, всегда заставляла ее съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидать посѣщеній и совѣтовъ доктора.

— Гдѣ ты былъ, Роджеръ? гдѣ Молли? мисъ Гибсонъ, хочу я сказать? Она старалась поддерживать церемонныя отношенія между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой, которымъ приходилось жить подъ одной кровлей и находиться въ частыхъ столкновеніяхъ другъ съ другомъ.

— Я ходилъ ловить насѣкомыхъ въ пруду. (Ахъ, кстати, я забылъ сѣтку на площадкѣ, около поля). Я встрѣтилъ мисъ Гибсонъ въ страшномъ горѣ и всю въ слезахъ. Ея отецъ собирается снова жениться.

— Снова жениться! Быть не можетъ!

— Да, и она, бѣдняжка, очень принимаетъ это къ сердцу. Маменька, пошлите ей рюмку вина, или чего нибудь въ этомъ родѣ, съ ней чуть не сдѣлался обморокъ...

— Я сама къ ней пойду, бѣдное дитя, сказала мистрисъ Гамлей, вставая.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ онъ, удерживая ее за руку.—Мы и то васъ слишкомъ долго заставили ждать; вы очень блѣдны. Гаммондъ можетъ отнести ей все, что̀ нужно, прибавилъ онъ и позвонилъ. Она опустилась на стулъ и не могла прійдти въ себя отъ изумленія.

— На комъ онъ женится?

— Не знаю. Я не спросилъ, а она мнѣ не сказала.

— Какъ это похоже на мужчину! Но половина дѣла заключается именно въ вопросѣ, на комъ онъ женится.

— Конечно, мнѣ слѣдовало бы спросить. Но я никуда не гожусь въ подобныхъ случаяхъ. Я высказалъ ей на сколько могъ участія, но рѣшительно не зналъ, что̀ ей сказать.

— Однако, что̀ жь ты сказалъ?

— Я далъ ей лучшій совѣтъ, какой только могъ прійдти мнѣ въ голову.

— Совѣтъ! Тебѣ слѣдовало бы утѣшать ее. Бѣдная, маленькая Молли!

— Я полагаю, хорошій совѣтъ есть лучшее утѣшеніе. Тише, вотъ она.

Къ ихъ удивленію Молли вошла, стараясь принять на себя свой обычный видъ. Она умылась и причесалась и дѣлала большія усилія, чтобъ удержать слезы и настроить голосъ на приличный ладъ. Она не хотѣла печалить мистрисъ Гамлей видомъ своего горя и, такимъ образомъ, сама того не замѣчая, уже начинала слѣдовать совѣту Роджера и думать о другихъ болѣе, чѣмъ о себѣ. Мистрисъ Гамлей не знала, благоразумно ли будетъ заговорить съ ней о только что слышанномъ отъ сына извѣстіи, но она такъ была заинтересована, что не выдержала и спросила:

— Я слышала, моя милая, что вашъ отецъ собирается жениться? Могу я узнать, на комъ?

— На мистрисъ Киркпатрикъ. Она, кажется, много лѣтъ тому назадъ, была гувернанткой у графини Комноръ. Она и теперь очень часто бываетъ у нихъ. Они зовутъ ее Клеръ, и повидимому, очень любятъ. — Молли старалась выставить свою будущую мачиху въ наилучшемъ свѣтѣ.

— Сколько мнѣ помнится, я о ней слышала. Такъ она ужь немолода? Это хорошо. И вдова также. Есть у нея семейство?

— Одна дочь, кажется. Но я такъ мало о ней знаю!

Молли едва, едва не плакала.

— Ничего, моя милая. Все это прійдетъ современемъ. Роджеръ, ты почти ничего не ѣлъ; куда ты идешь?

— За сѣткой. Въ ней много такого, что́ я не желалъ бы потерять. А ѣмъ я всегда мало. — Онъ сказалъ только часть истины, но не всю. Онъ полагалъ, что имъ лучше остаться вдвоемъ. Его мать обладала такой добротой и была такъ полна участія, что, безъ сомнѣнія, съумѣетъ въ бесѣдѣ наединѣ смягчить печаль бѣдной дѣвушки. Лишь только онъ вышелъ, Молли подняла свои опухшіе глазки и, смотря на мистрисъ Гамлей, сказала:

— Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ. Я постараюсь всегда помнить его слова.

— Я очень рада это слышать, моя дорогая, очень рада. Изъ того, что́ онъ мнѣ сказалъ, я боялась ужь не обошелся ли онъ съ вами слишкомъ сурово. У него доброе сердце, но не столь нѣжное обращеніе, какъ у Осборна: Роджеръ бываетъ иногда рѣзокъ.

— Въ такомъ случаѣ я люблю рѣзкость. Это принесло мнѣ пользу и дало мнѣ почувствовать, какъ дурно — о, мистрисъ Гамлей, какъ дурно я обошлась съ папа̀ сегодня утромъ!

Она бросилась на шею къ мистрисъ Гамлей и горько зарыдала. Она плакала теперь уже не о томъ, что ея отецъ собирался жениться, а о своемъ собственномъ дурномъ поступкѣ.

Если Роджеръ былъ рѣзокъ на словахъ, за то онъ былъ нѣженъ на дѣлѣ. Какъ ни преувеличена и неблагоразумна казалась ему печаль Молли, для нея она была настоящимъ страданіемъ и онъ взялъ на себя трудъ облегчить его весьма оригинальнымъ и характеристическимъ способомъ. Въ вечеру онъ принесъ микроскопъ и собранныя поутру сокровища, разложилъ ихъ на маленькомъ столикѣ и позвалъ мать полюбоваться ими. Молли, конечно, тоже пришла, а этого-то именно онъ и хотѣлъ. Онъ постарался возбудить въ ней сначала любопытство, а потомъ и желаніе пріобрѣсти болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія. Тогда онъ принесъ нѣсколько книгъ и принялся изъяснять ей техническій, нѣсколько напыщенный языкъ, какимъ онѣ были написаны. Сходя внизъ къ обѣду, Молли съ ужасомъ думала, какъ пройдутъ эти длинные вечерніе часы, въ которые она не должна говорить объ единственномъ занимавшемъ ее предметѣ. Она боялась, что и то уже утомила мистрисъ Гамлей длиннымъ *tête-à-tête* послѣ завтрака. Но часъ молитвы и сна пришелъ совершенно незамѣтно. Новый потокъ мыслей освѣжилъ ея умъ и она была очень благодарна Роджеру. Теперь ей оставалось только ожидать завтрашняго дня и принести покаяніе передъ отцомъ.

Но мистеръ Гибсонъ не требовалъ этого. Онъ ни въ какое время не любилъ изліяній чувствъ, а теперь вдобавокъ еще сознавалъ, что чѣмъ меньше будетъ говориться о предметѣ, на которомъ онъ и его дочь расходятся въ мнѣніяхъ, тѣмъ лучше. Онъ прочелъ раскаяніе въ ея глазахъ, увидѣлъ, какъ она много страдала, и у него самаго защемило на сердцѣ. Онъ остановилъ ее на первомъ же словѣ и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, я знаю все, что ты мнѣ хочешь сказать. Я знаю мою маленькую Молли — моего глупенькаго гусенка — лучше нежели она сама себя знаетъ. Я привезъ тебѣ приглашеніе. Леди Комноръ желаетъ, чтобъ ты пріѣхала въ Тоуэрсъ въ четвергъ на цѣлый день!

— А вы желаете, чтобъ я поѣхала? спросила она съ замираньемъ сердца.

— Я желаю, чтобъ ты и Гіацинта поближе познакомились и научились другъ друга любить.

— Гіацинта! воскликнула Молли въ изумленіи.

— Да, Гіацинта! Это самое глупое имя, какое мнѣ когда либо приходилось слышать, но это ея имя и я долженъ ее такъ звать. «Клеръ» мнѣ еще менѣе по сердцу: миледи и всѣ въ

Тоуэрсѣ ее зовутъ Клеръ. «Мистрисъ Киркпатрикъ» слишкомъ церемонно, да къ тому же и не имѣетъ смысла, такъ-какъ она скоро перемѣнитъ это имя.

— Когда, папа̀? спросила Молли, чувствуя, что она тотчас перенеслась въ новый, чуждый ей міръ и живетъ тамъ странной, невѣдомой ей жизнью.

— Не прежде Михайлова дня. А затѣмъ онъ прибавилъ, какъ-бы отвѣчая на собственную мысль: — а что всего хуже, такъ это то, что ея черезчуръ изысканное, вычурное имя перешло и къ дочери. Цинція! Какъ я радъ, мое дитя, что ты просто на просто Молли!

— Сколько ей лѣтъ, то-есть, Цинціи, хотѣла я сказа̀ть?

— Да, пріучайся къ этому имени. Я думаю, Цинція Киркпатрикъ однихъ лѣтъ съ тобой. Она въ пансіонѣ, во Франціи, учится хорошимъ манерамъ и любезности. Она пріѣдетъ на свадьбу, и ты будешь имѣть случай съ ней познакомиться. А потомъ она, кажется, опять уѣдетъ еще на полгода или около того.

XI.

Сближеніе.

Мистеръ Гибсонъ полагалъ, что Цинція Киркпатрикъ возвратится въ Англію и будетъ присутствовать на свадьбѣ матери. Но это не входило въ планы мистрисъ Киркпатрикъ. Она не была тѣмъ, что̀ обыкновенно называется рѣшительной женщиной, но тѣмъ или другимъ способомъ всегда умѣла избѣгать того, что̀ ей не нравилось, и достигать того, что̀ ей приходилось по вкусу. И хотя она спокойно выслушала предложеніе мистера Гибсона на счетъ выбора Молли и Цинціи въ подруги невѣсты, она, однако, была этимъ недовольна. Она боялась, чтобъ свѣжая красота дочери не затмила уже увядающія прелести матери, и съ каждымъ днемъ находила все болѣе и болѣе причинъ къ тому, чтобъ Цинція спокойно оставалась въ своемъ булонскомъ пансіонѣ.

Въ первый вечеръ послѣ предложенія, сдѣланнаго ей мистеромъ Гибсономъ, мистрисъ Киркпатрикъ легла спать въ надеждѣ на весьма скорый бракъ. Она смотрѣла на него, какъ на избавленіе отъ рабства, какъ на возможность не содержать болѣе пансіона съ такимъ ограниченнымъ числомъ ученицъ, что вносимой за нихъ суммы денегъ едва хватало на уплату податей, на столъ, на стирку бѣлья и на жалованье учителямъ. Она не видѣла нужды даже возвращаться въ Ашкомбъ, развѣ только для того, чтобъ покончить тамъ съ дѣлами, да захватить оттуда

свои пожитки. Она надѣялась, что мистеръ Гибсонъ будетъ торопиться свадьбой и станетъ убѣждать ее теперь же навсегда распроститься съ пансіономъ. Она даже по этому поводу приготовила для него маленькую, но весьма страстную рѣчь, именно достаточно сильную для того, чтобъ одержать верхъ надъ ея мнимой совѣстливостью. Она сознавала необходимость выказать нѣкоторое сомнѣніе на счетъ того, справедливо ли будетъ вдругъ отказать родителямъ своихъ воспитанницъ, и на послѣдней недѣлѣ лѣтнихъ каникулъ заставить ихъ искать для своихъ дочерей другой пансіонъ?

Ее точно обдало холодной водой, когда на слѣдующее утро за завтракомъ леди Комноръ принялась устроивать дѣла и распредѣлять обязанности пожилыхъ любовниковъ.

— Конечно, вы не можете вдругъ бросить школу, Клеръ. Свадьбу должно отложить до Рождества. Мы всѣ тогда пріѣдемъ въ Тоуэрсъ и для дѣтей будетъ пріятнымъ развлеченіемъ и забавой поѣздка въ Ашкомбъ, гдѣ совершится ваша свадьба.

— Я думаю... я боюсь... я полагаю, мистеръ Гибсонъ не согласится такъ долго ждать. Мужчины очень нетерпѣливы въ подобныхъ случаяхъ.

— Вздоръ! Лордъ Комноръ рекомендовалъ васъ своимъ арендаторамъ, и конечно, не захочетъ, чтобы они подвергались какимъ либо неудобствамъ. Мистеръ Гибсонъ тотчасъ это пойметъ. Онъ человѣкъ разсудительный и иначе не былъ бы нашимъ домашнимъ докторомъ. А что вы намѣрены сдѣлать съ вашей дочерью? Рѣшили вы что нибудь, или нѣтъ?

— Нѣтъ. Вчера мы имѣли такъ мало времени, и къ тому же, когда бываешь взволнованъ, то ни о чемъ не можешь думать. Цинціи около восьмнадцати лѣтъ; она ужъ не ребёнокъ и можетъ идти въ гувернантки, если того пожелаетъ, чего, впрочемъ, я не предполагаю.

— Хорошо, сегодня я вамъ предоставляю свободу рѣшить нѣкоторыя изъ вашихъ дѣлъ. Не теряйте только времени на сентиментальный вздоръ: вы уже для этого слишкомъ стары. Постарайтесь просто на просто придти къ ясному уразумѣнію другъ друга; это, въ концѣ концовъ, можетъ привести васъ къ настоящему счастію.

И они дѣйствительно въ этотъ день кое что уразумѣли и порѣшили. Къ великому ужасу мистрисъ Киркпатрикъ, она не замедлила убѣдиться въ томъ, что мистеръ Гибсонъ ни чуть не болѣе леди Комноръ желалъ нарушенія договора съ родителями ея учениць. Онъ, правда, очень затруднялся насчетъ Молли, не зная, куда ему дѣвать ее до тѣхъ поръ, какъ ей можно будетъ

возвратиться домой и жить тамъ подъ покровительствомъ его новой жены. Домашнія дрязги тоже съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготили его, но чувство чести не позволяло ему уговаривать мистрисъ Киркпатрикъ, ради него, оставить школу прежде, чѣмъ то было справедливо. Онъ даже не замѣтилъ, какъ ему при этомъ было бы легко достигнуть цѣли; всѣ ея лукавые намеки едва-едва успѣли внушить ему желаніе назначить свадьбу около михайлова дня.

— Не могу вамъ сказать, какимъ облегченіемъ будетъ для меня, Гіацинта, видѣть васъ наконецъ моей женой, хозяйкой моего дома, матерью и покровительницей бѣдной Молли. Но тѣмъ не менѣе я ни за что на свѣтѣ не соглашусь своимъ вмѣшательствомъ отвлекать васъ отъ выполненія прежде принятыхъ на себя обязательствъ. Это было бы нечестно.

— Благодарю васъ, мой дорогой другъ. Какъ вы добры! Мужчины обыкновенно думаютъ только о самихъ себѣ и заботятся объ удовлетвореніи только своихъ собственныхъ желаній. Я увѣрена, что родители моихъ учениць изумятся вашей заботливости о сохраненіи ихъ интересовъ и придутъ въ восторгъ.

— Въ такомъ случаѣ не говорите имъ ничего. Я терпѣть не могу, когда много восхищаются. Отчего бы вамъ не сказать, что это ваше личное желаніе не оставлять школы, пока они не найдутъ возможности пристроить своихъ дѣтей иначе?

— Потому что это неправда, сказала она, смѣло рискуя всѣмъ.—Я жажду сдѣлать васъ счастливымъ и преобразить вашъ домъ въ мѣсто отдыха и покоя для васъ. Я хочу поскорѣй окружить вашу милую Молли нѣжными попеченіями и заботливостію. Не могу же я взять на себя чужую заслугу. Еслибъ мнѣ пришлось говорить отъ своего имени, то я безъ церемоніи сказала бы имъ: «Добрые люди, найдите для вашихъ дочерей другую школу къ михайлову дню, послѣ этого времени я ѣду составлять счастіе другихъ». О, я не могу равнодушно думать о вашихъ длинныхъ поѣздкахъ въ ноябрскіе вечера, когда вы возвращаетесь домой промокшіе, и некому о васъ позаботиться. Если вы мнѣ предоставите рѣшеніе, то я посовѣтую родителямъ взять ихъ дочерей прочь отъ особы, сердце которой несвободно. Я, конечно, не соглашусь все покончить до михайлова дня: это было бы нехорошо и нечестно. Да и вы сами не захотите настаивать: вы слишкомъ добры.

— Если вы полагаете, что ихъ можно удовлетворить этимъ срокомъ, то я, съ своей стороны, очень радъ назначить михайловъ день. Но что скажетъ леди Комноръ?

— Я говорила ей, что вамъ будетъ непріятно долго ждать

по причинѣ хлопотъ съ слугами, и еще потому, что вы желаете какъ можно скорѣе доставить Молли новыя родственныя связи.

— Конечно, конечно. Бѣдное дитя! Извѣстіе о моей предстоящей женитьбѣ ее жестоко встревожило.

— Цинція тоже будетъ сильно поражена, сказала мистрисъ Киркпатрикъ, не желая, чтобъ ея дочь оказалась не столь чувствительной, какъ дочь мистера Гибсона.

— Мы ее заставимъ пріѣхать на свадьбу. Она и Молли должны провожать невѣсту къ вѣнцу! воскликнулъ мистеръ Гибсонъ, неосторожно уступая влеченію своего сердца.

Этотъ планъ пришелся не слишкомъ-то по вкусу мистрисъ Киркпатрикъ. Но она сочла за лучшее не возражать, а подождать, пока изъ стеченія различныхъ обстоятельствъ само собой не возникнетъ препятствіе къ пріѣзду Цинціи на свадьбу. Теперь же она только улыбнулась и пожала руку, которую держала въ своей.

Трудно рѣшить, кто болѣе желалъ, мистрисъ Киркпатрикъ или Молли, чтобъ поскорѣй прошелъ день, который имъ надлежало вмѣстѣ провести въ Тоуэрсѣ. Возня съ молодыми дѣвушками до крайности надоѣла мистрисъ Киркпатрикъ. Всѣ трудныя минуты ея жизни имѣли бо̀льшую или меньшую съ ними связь. Она была очень молода, когда впервые пошла въ гувернантки и поступила на такое мѣсто, гдѣ ея воспитанницы съ самаго начала одержали надъ нею верхъ. Ея красота, изящныя манеры и даровитость болѣе, нежели дѣйствительныя познанія и нравственныя качества, открывали ей, легче чѣмъ многимъ другимъ, входъ въ хорошіе дома. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ее даже, въ полномъ смыслѣ слова, баловали, но это не мѣшало ей встрѣчать капризныхъ, упрямыхъ, самонадѣянныхъ, нетерпѣливыхъ, любопытныхъ или черезчуръ наблюдательныхъ дѣвочекъ. Затѣмъ передъ рожденіемъ Цинціи ей очень хотѣлось имѣть сына. Она надѣялась, что, въ случаѣ смерти трехъ или четырехъ родственниковъ, онъ могъ сдѣлаться баронетомъ. И вотъ, вмѣсто сына, у ней родилась дочь! Но несмотря на это отвращеніе къ молодымъ дѣвушкамъ въ массѣ (а отвращеніе это нисколько не уменьшилось вслѣдствіе того, что она содержала школу для «молодыхъ леди» въ Ашкомбѣ), она дѣйствительно намѣревалась быть доброй мачихой. Ея будущая падчерица представлялась ей въ памяти въ видѣ черноволосой, сонливой дѣвочки, въ глазахъ которой она прочла восторгъ къ своей особѣ. Мистрисъ Киркпатрикъ приняла предложеніе мистера Гибсона прежде всего потому, что устала сама добывать себѣ хлѣбъ. Но кромѣ того онъ ей нравился, она даже любила его его по своему, пассивно, и намѣре-

валась быть доброй къ его дочери, хотя чувствовала, что гораздо легче могла бы быть доброю къ его сыну.

Молли съ своей стороны тоже старалась пробудить въ себѣ и поддержать хорошія намѣренія. «Я хочу походить на Гарріету. Я буду думать о другихъ. Я не стану заботиться о себѣ», не переставала она повторять, ѣдучи въ Тоуэрсъ. Но вѣдь не было же эгоизмомъ—желать, чтобъ день поскорѣй прошелъ, и она желала этого отъ всего сердца. Мистрисъ Гамлей дала ей экипажъ, который долженъ былъ ее ожидать въ Тоуэрсѣ и привезти назадъ вечеромъ. Добрая леди хотѣла, чтобъ Молли произвела благопріятное впечатлѣніе, и потому сама наблюдала за ея туалетомъ.

— Только не надѣвайте вашего шелковаго платья, моя милая; бѣлое кисейное гораздо милѣе.

— Не надѣвать шелковаго платья? Но оно совсѣмъ новое! Я сдѣлала его, когда сюда ѣхала.

— Все-таки бѣлое кисейное вамъ больше пристало.

«Всякое платье будетъ лучше этого тряпья» думала про себя мистрисъ Гамлей. Благодаря ей, Молли отправилась въ Тоуэрсъ нѣсколько странно, но весьма прилично одѣтая и имѣла видъ настоящей леди. Ея отецъ хотѣлъ быть тамъ, чтобъ встрѣтить ее, но его задержали и ей пришлось самой рекомендоваться мистрисъ Киркпатрикъ. Бѣдняжка такъ живо помнила несчастный день, уже однажды проведенный ею въ Тоуэрсѣ, какъ будто это было вчера. Мистрисъ Киркпатрикъ расточала нѣжности и ласки. Послѣ первыхъ привѣтствій, онѣ отправились въ библіотеку и тамъ сѣли. Мистрисъ Киркпатрикъ взяла ручку Молли въ свои руки и повременамъ гладила ее. Она нѣжно смотрѣла въ раскраснѣвшееся личико и не переставала изъявлять свою радость неясными звуками и восклицаніями.

— Что за глаза! Совершенно отцовскіе! Какъ мы будемъ другъ друга любить! не правда ли, моя милочка? Ради его!

— Я постараюсь, храбро начала Молли, но не могла продолжать.

— У васъ точно такіе же, какъ у него, прекрасные, черные, вьющіеся волосы! сказала мистрисъ Киркпатрикъ, слегка касаясь одного изъ локоновъ Молли и откидывая его съ виска.

— У папа̀ волосы съ просѣдью, возразила Молли.

— Будто бы? Я этого не замѣтила, да никогда и не замѣчу. Онъ всегда будетъ для меня самымъ красивымъ изъ мужчинъ.

Мистеръ Гибсонъ дѣйствительно былъ очень хорошъ собою; комплиментъ понравился Молли, но она все-таки не могла удержаться, чтобъ не сказать:

— Тѣмъ не менѣе онъ состарѣется, а волосы его посѣдѣютъ. Я полагаю, онъ всегда будетъ хорошъ, но не такъ, какъ молодой человѣкъ.

— Вы правы, моя милая. Онъ всегда будетъ хорошъ; нѣкоторые люди никогда не утрачиваютъ своей красоты. А ужъ какъ онъ васъ любитъ, моя дорогая! Молли вспыхнула. Она не нуждалась въ увѣреніяхъ посторонней женщины насчетъ любви къ ней отца. Не въ силахъ пересилить досады, она едва принудила себя смолчать. — Вы и не воображаете, какъ онъ о васъ говоритъ; «мое маленькое сокровище» называетъ онъ васъ постоянно. Я иногда просто ревную.

Молли выдернула руку, а сердечко ея начало снова ожесточаться. Эти рѣчи такъ не гармонировали съ ея чувствами! Но она стиснула зубы и постаралась «быть доброй».

— Мы непремѣнно сдѣлаемъ его счастливымъ. Я боюсь, онъ до сихъ поръ всегда имѣлъ много непріятностей по домашнимъ дѣламъ; намъ слѣдуетъ отстранить ихъ отъ него. Вы должны мнѣ сказать, продолжала она, увидя въ глазахъ Молли облако печали: — что̀ онъ любитъ и что̀ не любитъ. Вы, безъ сомнѣнія, это знаете.

Личико Молли немного просвѣтлѣло; конечно, она знала. Она такъ давно его любила и къ нему присматривалась, что совершенно естественно полагала, будто понимаетъ его лучше всѣхъ. Одно только оставалось для нея неразрѣшимой загадкой, которую она и не бралась рѣшать — это то, какимъ образомъ онъ могъ полюбить мистрисъ Киркпатрикъ и дойдти до желанія на ней жениться. Мистрисъ Киркпатрикъ продолжала:

— Всѣ мужчины, даже самые умные, имѣютъ свои привычки и свои антипатіи. Я знала джентльменовъ, которые выходили изъ себя отъ совершенныхъ бездѣлицъ: незапертая дверь, чай выплеснувшійся изъ чашки на блюдечко, криво надѣтая шаль ихъ страшно раздражали. Я знаю домъ, продолжала она, понизивъ голосъ: — куда лордъ Голлингфордъ никогда не приглашается, потому что не обтираетъ ногъ о половикъ въ прихожей. Скажите же мнѣ, какія изъ подобныхъ бездѣлицъ не нравятся вашему отцу, и я постараюсь ихъ избѣгать. Вы должны быть моимъ маленькимъ другомъ и помощницей въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ такъ пріятно будетъ исполнять малѣйшія его прихоти! А насчетъ моего туалета тоже — какіе цвѣта онъ предпочитаетъ? Я стану дѣлать все, что̀ могу, лишь бы заслужить его одобреніе.

Молли чувствовала себя польщенной и начала думать, что бракъ ея отца, дѣйствительно, можетъ оказаться для него выгоднымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Она, со своей стороны,

готова была по мѣрѣ силъ содѣйствовать устройству его новаго счастья. Теперь она самымъ добросовѣстнымъ образомъ принялась перебирать въ своемъ умѣ привычки мистера Гибсона и доискиваться, какія упущенія въ хозяйствѣ наиболѣе раздражаютъ его.

— Папà, мнѣ кажется, сказала она: — ко многому равнодушенъ, но если обѣдъ не бываетъ во время готовъ, то-есть къ тому времени, когда онъ возвращается домой, то это его очень сердитъ. Онъ, видите ли, много и далеко ѣздитъ, и заглядываетъ домой только на полчаса, иногда на четверть часа, чтобъ отобѣдать.

— Благодарю, моя милая. Онъ любитъ точность. Да, это важная вещь въ хозяйствѣ, и именно то, къ чему я болѣе всего старалась пріучать моихъ молоденькихъ леди въ Ашкомбѣ. Нисколько не удивительно, если бѣдный мистеръ Гибсонъ досадуетъ на неготовый обѣдъ; онъ же такъ трудится!

— Для папà все равно, чтó ему подадутъ, лишь бы было подано вò время. Онъ удовольствовался бы и хлѣбомъ съ сыромъ, еслибъ кухарка вздумала ему прислать это вмѣсто обѣда.

— Хлѣбомъ съ сыромъ! Мистеръ Гибсонъ ѣстъ сыръ?

— Да, и очень его любитъ, невинно сказала Молли: — я не разъ видала, какъ онъ ѣлъ поджаренный сыръ, когда бывалъ слишкомъ утомленъ для того, чтобы желать чего бы то ни было, повидимому, гораздо болѣе вкуснаго.

— О, мы это непремѣнно измѣнимъ. Уже одна мысль, что вашъ отецъ можетъ ѣсть сыръ, мнѣ въ высшей степени непріятна; это такая грубая пища, и распространяетъ такой сильный запахъ! Мы найдемъ кухарку, которая съумѣетъ ему выпустить яичницу, или приготовить что-нибудь другое, поизящнѣе. Сыръ годится только для кухни.

— Папà очень любитъ его, настаивала Молли.

— Мы отучимъ отъ этого папà. Я не выношу запаха сыра и увѣрена, что онъ не захочетъ дѣлать мнѣ непріятное.

Молли замолчала. Она уже успѣла убѣдиться въ томъ, что лучше не распространяться слишкомъ много о вкусахъ отца, а предоставить мистрисъ Гибсонъ самой ихъ изучать. Настало неловкое молчаніе; каждая изъ собесѣдницъ искала сказать что-нибудь пріятное. Наконецъ, Молли проговорила:

— Я такъ желала бы узнать что-нибудь о Цинціи — о вашей дочери.

— Да, зовите ее Цинція. Это хорошенькое имя, не правда-ли? Цинція Киркпатрикъ, хотя и не столь хорошенькое, какъ мое дѣвичье прозванье: Гіацинта Клеръ. Всѣ обыкновенно находятъ,

что оно ко мнѣ очень идетъ. Я вамъ когда-нибудь покажу акростихъ, написанный въ мою честь однимъ джентльменомъ, лейтенантомъ 53-го полка. О, намъ будетъ о чемъ говорить съ вами, я это предвижу!

— Но Цинція?

— Ахъ, да, Цинція! Чтó вы хотите о ней знать, моя милая?

— Папа говоритъ, что она съ нами будетъ жить. Когда она пріѣдетъ?

— Да, это было такъ мило со стороны вашего добраго отца! Я думала, лишь только Цинція окончитъ свое воспитаніе, помѣстить ее въ гувернантки. Она къ тому готовилась, имѣла хорошіе уроки. Но добрый, дорогой мистеръ Гибсонъ и слышать этого не хотѣлъ. Онъ сказалъ вчера, что по выходѣ изъ пансіона, она должна пріѣхать сюда и жить съ нами.

— Когда она оставляетъ пансіонъ?

— Она поступила туда на два года, и, я думаю, выйдетъ не прежде будущаго лѣта. Она сама учится пофранцузски, и учитъ другихъ поанглійски. На слѣдующее лѣто она возвратится домой, и мы тогда составимъ самый счастливый маленькій квартетъ. Не правда ли?

— Я надѣюсь, отвѣчала Молли: — но вѣдь она пріѣдетъ же на свадьбу? робко продолжала она, не зная насколько понравится мистрисъ Киркпатрикъ намекъ на ея скорый бракъ.

— Вашъ отецъ приглашаетъ ее, но прежде чѣмъ это окончательно рѣшить, надо еще подумать. Переѣздъ такъ дорого стоитъ!

— Похожа она на васъ? Мнѣ очень хочется видѣть ее.

— Ее находятъ красавицей. Она блондинка, съ яркимъ цвѣтомъ лица — въ родѣ того, чѣмъ я была. Но въ настоящее время, я предпочитаю иностранную красоту, смуглую и черноволосую, прибавила она, касаясь волосъ Молли, и сентиментально на нее смотря.

— А что, Цинція очень умна и образована? спросила Молли съ безпокойствомъ. Она боялась услышать, что между нею и мисъ Киркпатрикъ существуетъ большая разница.

— Она должна бы быть такою. Я не мало переплатила за нее денегъ, стараясь ей доставить лучшихъ учителей. Но вы скоро сами увидите ее, а теперь намъ надо идти къ леди Комноръ. Мнѣ такъ пріятно было имѣть васъ нѣсколько времени исключительно въ моемъ распоряженіи, но теперь леди Комноръ ждетъ насъ. Она очень желала видѣть васъ — мою будущую дочь, какъ она васъ зоветъ.

Молли послѣдовала за мистрисъ Киркпатрикъ въ комнату, гдѣ

обыкновенно сидѣла по утрамъ леди Комноръ. Ея сіятельство была не въ духѣ. Она окончила туалетъ ранѣе обыкновеннаго, и досадовала на Клеръ за то, что та не догадалась привести Молли Гибсонъ для осмотра четвертью часомъ раньше. Каждая бездѣлица въ глазахъ выздоравливающаго человѣка принимаетъ размѣръ событія, и тамъ, гдѣ Молли за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ могла встрѣтить снисходительную оцѣнку, теперь должна была подвергнуться строгому критическому обсужденію. Она ничего не знала о личномъ характерѣ леди Комноръ; ей было только извѣстно, что она сейчасъ увидитъ живую графиню, нѣтъ, болѣе того, *самоё графиню голлингфордскую*.

Мистрисъ Киркпатрикъ ввела ее въ присутствіе леди Комноръ, держа за руку и представила ее, говоря:

— Моя любезная, маленькая дочка, леди Комноръ!

— Не говорите пустяковъ, Клеръ! Она еще не ваша дочь, и можетъ, пожалуй, никогда не быть ею. По крайней-мѣрѣ, треть мнѣ извѣстныхъ, предполагаемыхъ браковъ, оканчивалась ничѣмъ. Мисъ Гибсонъ, я очень рада видѣть васъ, ради вашего отца; когда я съ вами поближе познакомлюсь, то, надѣюсь, это будетъ уже ради васъ самихъ.

Но Молли въ глубинѣ души надѣялась, что ей никогда не прійдется поближе познакомиться съ суровой дамой, которая такъ прямо сидѣла въ креслѣ, и съ такимъ любопытствомъ ее разсматривала. Къ счастью, леди Комноръ приняла молчаніе Молли за выраженіе покорныхъ чувствъ, и продолжала послѣ бѣглаго обзора молодой дѣвушки:

— Ничего, она мнѣ нравится, Клеръ. Вамъ, можетъ быть, и удастся изъ нея что-нибудь сдѣлать. Знаете ли, моя милая, это истинное для васъ счастье, что вамъ суждено въ такое время, когда вы еще развиваетесь, имѣть дѣло съ особой, окончившей воспитаніе нѣсколькихъ знатныхъ дѣвицъ. Слушайте, Клеръ, продолжала она, какъ-бы внезапно пораженная какимъ-то соображеніемъ: — вы и она должны поближе познакомиться: вѣдь вы совсѣмъ не знаете другъ друга. Ваша свадьба будетъ о Рождествѣ, отчего бы ей до тѣхъ поръ не пожить съ вами въ Ашкомбѣ? Она постоянно находилась бы при васъ и пользовалась бы обществомъ вашихъ воспитанницъ, что, безъ сомнѣнія, было бы ей полезно, такъ-какъ она до сихъ поръ росла въ одиночествѣ. Это превосходный планъ, и я очень рада, что онъ пришелъ мнѣ въ голову.

Трудно сказать, которая изъ двухъ собесѣдницъ леди Комноръ болѣе испугалась мысли, повидимому, такъ понравившейся ея сіятельству. Мистрисъ Киркпатрикъ ни чуть не была намѣрена

преждевременно обременять себя падчерицей. Еслибъ Молли дѣйствительно у нея поселилась, то ей поневолѣ пришлось бы кое-что измѣнить въ своей хозяйственной экономіи и отказаться отъ нѣкоторыхъ льготъ, въ сущности весьма невинныхъ, но которыя предъидущій образъ жизни мистрисъ Киркпатрикъ пріучилъ ее скрывать, какъ нѣчто дурное и непозволительное. Она нерѣдко съ наслажденіемъ предавалась чтенію взятыхъ на прокатъ въ Ашкомбской летучей библіотекѣ романовъ, съ загнутыми и до такой степени засаленными листками, что она ихъ переворачивала съ помощью ножницъ. Какъ ни прямо она теперь держалась въ присутствіи леди Комноръ, у нея въ собственномъ домѣ, въ ея комнатѣ стояло мягкое удобное кресло, на которомъ она любила отдыхать. За одинокимъ ея ужиномъ часто появлялись отборные, лакомые кусочки, и она угощалась ими украдкой. Со всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ она неизбѣжно должна была бы распроститься, еслибъ, согласно распоряженію леди Комноръ, Молли пріѣхала къ ней гостить. Двѣ вещи Клеръ рѣшилась во что бы ни стало исполнить: выдти замужъ около Михайлова дня и не оставить Молли въ Голлингфордѣ. Тѣмъ не менѣе она сладко улыбнулась, какъ-бы находя планъ миледи въ высшей степени для себя пріятнымъ. Но за то какую работу она въ то же время задавала своему мозгу, отыскивая способъ впослѣдствіи какъ нибудь увернуться отъ угрожавшей ей опасности. Молли поспѣшила вывести ее изъ затрудненія. Она сама не менѣе другихъ была удивлена смѣлости, съ какою слѣдующія слова сорвались у нея съ языка. Она совсѣмъ не намѣревалась говорить, но сердце ея было такъ переполнено различными ощущеніями, что она и сама не замѣтила, какъ высказала свою мысль.

— Этотъ планъ никуда не годится. То-есть, я хочу сказать, миледи, что онъ мнѣ вовсе не нравится, такъ-какъ разлучилъ бы меня съ папà на послѣдніе мѣсяцы, которые намъ остается провести вдвоемъ. Я буду любить васъ, обратилась она къ мистрисъ Киркпатрикъ съ навернувшимися на глазахъ слезами и положила свою руку въ ея съ движеніемъ, исполненнымъ прелести и трогательнаго довѣрія: — я буду любить васъ и постараюсь сдѣлать все, что̀ могу для вашего счастія, но не берите меня отъ папà: недолго ему остается принадлежать мнѣ исключительно.

Мистрисъ Киркпатрикъ нѣжно погладила поданную ей ручку; она была благодарна Молли за ея рѣшительную оппозицію желаніямъ леди Комноръ. Клеръ однако не хотѣла ни однимъ словомъ поддержать Молли, пока не услышитъ дальнѣйшаго мнѣнія

объ этомъ миледи. Но смѣлая рѣчь Молли и ея открытыя манеры вмѣсто того, чтобъ разсердить леди Комноръ, напротивъ начинали ее забавлять. Можетъ быть, она нѣсколько устала отъ постоянной уступчивости и мягкости обращенія особы, съ которой имѣла дѣло въ это послѣднее время.

Она надѣла очки, посмотрѣла на мистрисъ Киркпатрикъ и на Молли, а потомъ сказала:

— Вотъ какъ молодая леди! Ого, Клеръ, да вамъ, какъ я вижу, предстоитъ нелегкая задача! А вѣдь въ ея словахъ есть своя доля правды. Для молодой дѣвушки ея лѣтъ должно быть очень непріятно вмѣшательство мачихи въ ея отношенія съ отцомъ, какая бы польза изъ этого ни вышла впослѣдствіи.

Молли почти готова была полюбить старую, неприступную графиню за проницательность, съ какою та поняла, что происходило у нея въ сердцѣ. Но, вѣрная своей рѣшимости думать о другихъ болѣе, нежели о себѣ, она встревожилась при мысли, что мистрисъ Киркпатрикъ можетъ обидѣться. Однако опасенія оказались излишними, по крайней мѣрѣ судя по внѣшнимъ признакамъ: пріятная улыбка не сходила съ розовыхъ губокъ Клеръ и она продолжала гладить руку, которую не выпускала изъ своей. Чѣмъ болѣе леди Комноръ смотрѣла на Молли, тѣмъ живѣе начинала интересоваться ею. Она устремила на нее сквозь золотые очки пристальный взглядъ и приступила къ ней съ вопросами, которые показались бы неумѣстными въ устахъ всякой другой леди, одной степенью ниже званія графини. Но она сдѣлала это безъ дурнаго намѣренія.

— Вамъ шестнадцать лѣтъ, не правда ли?

— Нѣтъ, семнадцать. Мое рожденіе было три недѣли тому назадъ.

— Разница невелика. Вы были когда нибудь въ пансіонѣ?

— Нѣтъ, никогда! Мисъ Эйръ научила меня всему, что я знаю.

— Ого! Мисъ Эйръ, это ваша гувернантка, я полагаю? Я не думала, что вашъ отецъ въ состояніи держать гувернантку. Но, конечно, онъ лучше знаетъ свои дѣла.

— Безъ сомнѣнія, миледи, отвѣчала Молли, нѣсколько щекотливая на счетъ всего, что касалось ея отца.

— Вы говорите «безъ сомнѣнія!» какъ будто бы въ порядкѣ вещей, что всякій самъ лучше другихъ знаетъ свои собственныя дѣла. Вы очень молоды, мисъ Гибсонъ, и даже очень. Когда вы поживете съ мое, то сдѣлаетесь опытнѣе. И такъ, васъ учили музыкѣ, употребленію глобусовъ, французскому языку и всему остальному, какъ скоро у васъ была гувернантка? Я никогда не слышала ничего подобнаго! продолжала она, увлекаясь.—

И вы единственная дочь! Еще еслибъ васъ было съ полдюжины, то въ этомъ, пожалуй, былъ бы нѣкоторый смыслъ.

Молли молчала, но это стоило ей большихъ усилій. Мистрисъ Киркпатрикъ съ бòльшимъ рвеніемъ, нежели когда либо, гладила ея руку, надѣясь выказать этимъ свое сочувствіе и удержать отъ неблагоразумной вспышки. Но ласка подъ конецъ утомила Молли, раздражительно дѣйствуя на ея нервы. Она съ нетерпѣливымъ движеніемъ отдернула руку.

Общій миръ былъ поддержанъ, можетъ быть, единственно своевременнымъ появленіемъ мистера Гибсона. Странно, какъ приходъ особы другого пола въ общество мужчинъ или женщинъ способствуетъ къ сглаживанію маленькихъ недоразумѣній и къ прекращенію споровъ. Такъ случилось и теперь. При входѣ мистера Гибсона миледи сняла очки, и морщины на ея лбу мгновенно разгладились; мистрисъ Киркпатрикъ очень мило покраснѣла, а что касается до Молли, то личико ея вспыхнуло и засіяло радостью, а бѣлые зубы и прелестныя ямочки на щечкахъ сверкнули, какъ лучъ солнца въ ландшафтѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, миледи пожелала имѣть съ докторомъ совѣщаніе наединѣ. Молли и ея будущая мачиха вышли въ садъ и прогуливались тамъ, обнявшись и рука въ руку, точно два младенца въ лѣсу. Мистрисъ Киркпатрикъ во всѣхъ подобныхъ нѣжностяхъ играла главную роль, а Молли оставалась пассивной. Ей было неловко, странно и, вслѣдствіе врожденной стыдливости чувства, какъ-то совѣстно принимать ласки отъ особы, къ которой она сама не чувствовала ни малѣйшаго влеченія.

Настало время обѣда. Леди Комноръ обѣдала одна въ своей комнатѣ, изъ которой ее еще не выпускали. Разъ или два за столомъ Молли показалось, что отцу ея приходились очень не понутру попытки мистрисъ Киркпатрикъ сдѣлать слишкомъ явнымъ въ глазахъ слугъ его положеніе уже не молодого любовника. Онъ старался изгнать изъ разговора все, что хоть сколько нибудь смахивало на сентиментальность, и постоянно обращалъ его на самые обыкновенные предметы. Мистрисъ Киркпатрикъ безпрестанно дѣлала намёки на ихъ будущія родственныя отношенія, и онъ всякій разъ спѣшилъ придать имъ самый прозаическій характеръ. Такъ продолжалось и послѣ ухода слугъ изъ столовой. У Молли не выходила изъ головы поговорка, которую она часто слышала отъ Бетти, и воспоминаніе о которой въ настоящую минуту ее сильно смущало:

Two is company,
Three is trumpery.

(Гдѣ двое—тамъ общество, гдѣ трое—тамъ скука).
Но куда могла она уйдти въ чужомъ домѣ? Что̀ слѣдовало ей дѣлать? Она была выведена изъ недоумѣнія и отвлечена отъ этихъ мыслей словами отца: «А какого вы мнѣнія о планѣ, предложенномъ леди Комноръ? Она говоритъ, что совѣтовала вамъ взять Молли съ собой въ Ашкомбъ до свадьбы».

Лицо мистрисъ Киркпатрикъ омрачилось. Еслибъ только Молли захотѣла снова высказать свои чувства, какъ давича при леди Комноръ! Но предложеніе, сдѣланное отцомъ, имѣло для дочери совершенно иное значеніе, чѣмъ то, которое навязывалось ей посторонней леди, будь она хоть самая знатная особа въ мірѣ. Вслѣдствіе этого Молли молчала; она только очень поблѣднѣла, и на лицѣ ея появилось безпокойное, испуганное выраженіе. Мистрисъ Киркпатрикъ пришлось самой себя отстаивать.

— Это восхитительный планъ, только... Хорошо! Мы знаемъ, почему онъ не годится, неправда ли, моя милочка? Но мы не скажемъ папа̀, а то онъ, пожалуй, станетъ чваниться. Нѣтъ, дорогой мистеръ Гибсонъ, я полагаю, вамъ слѣдуетъ провести вмѣстѣ эти послѣднія недѣли. Было бы жестоко увезти ее отъ васъ.

— Но̀, моя милая, я вамъ объяснялъ причину, по которой мнѣ теперь неудобно взять Молли домой, поспѣшилъ сказать мистеръ Гибсонъ. Чѣмъ ближе онъ знакомился со своей будущей женой, тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость помнить, что со всѣми своими слабостями она все-таки будетъ въ состояніи ограждать Молли отъ случайностей въ родѣ той, героемъ которой былъ мистеръ Коксъ. Такимъ образомъ, одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его къ этому браку, постоянно была у него въ памяти, тогда какъ она совершенно исчезла съ гладкой, точно зеркальной, поверхности души мистрисъ Киркпатрикъ, которая вообще недолго сохраняла воспринимаемыя ею впечатлѣнія. Однако, увидя озабоченную физіономію мистера Гибсона, она вспомнила все, что̀ между ними было говорено по этому поводу.

Но какія ощущенія поднялись въ сердцѣ Молли при послѣднихъ словахъ ея отца? И такъ ее отослали изъ дому по какой-то причинѣ, которую отъ нея скрыли и въ то же время объяснили этой посторонней женщинѣ. Неужели между нею и ея отцомъ уже успѣло водвориться полное довѣріе, изъ котораго ей, Молли, предстоитъ быть исключенной? А въ будущемъ они тоже всегда будутъ за нее рѣшать ея участь и оставлять ее въ полномъ невѣдѣніи насчетъ всего ей близкаго и дорогого? Острое жало ревности вонзилось въ сердце Молли. Теперь ей было все равно

ѣхать въ Ашкомбъ или въ какое другое мѣсто. Думать о другихъ болѣе, нежели о себѣ, конечно, прекрасное правило, но неужели оно предписывало ей совершенно отречься отъ собственной личности, погасить въ себѣ пламя любви и заглушить въ сердцѣ всякое личное желаніе? Въ этомъ, такъ-сказать, умерщвленіи самой себя, по мнѣнію Молли, заключался единственный путь къ достиженію спокойствія. Погруженная въ подобнаго рода размышленія, она едва замѣчала, о чемъ около нея говорили. Ей было очень неловко и тяжело между этими двумя личностями, повидимому, вполнѣ довѣрявшими другъ другу. Она чувствовала себя въ высшей степени несчастной, а отецъ какъ будто бы этого не замѣчалъ: онъ, казалось, весь отдался своимъ новымъ планамъ и своей новой женѣ. Но Молли ошибалась: онъ видѣлъ, какъ она страдала и глубоко о томъ скорбѣлъ. Ему не хотѣлось только допустить, чтобъ мысли ея и чувствованія, будучи переведены на слова, получили въ ея собственныхъ глазахъ болѣе опредѣленную и осязательную форму. Онъ надѣялся, такимъ образомъ, легче обезпечить будущіе миръ и согласіе своей семьи, да къ тому же, у него было принятымъ правиломъ укрощать душевныя волненія, не высказывая къ нимъ ни малѣйшаго съ своей стороны сочувствія. Однако, прощаясь съ Молли, онъ удержалъ ея ручку совершенно иначе, чѣмъ то дѣлала мистрисъ Киркпатрикъ; а голосъ его звучалъ непривычной нѣжностью, когда онъ произносилъ необыкновенныя въ его устахъ слова: «Господь съ тобой, дитя!»

Молли весь день храбро выдержала; она не высказала ни гнѣва, ни отвращенія, ни скуки, ни сожалѣнія, но, очутясь снова одна въ каретѣ, она разразилась горькими слезами и не переставала плакать, пока не въѣхала въ Гамлейское селеніе. Тамъ она тщетно старалась вызвать на свое личико улыбку и согнать съ него всѣ признаки печали. Она надѣялась, что ей удастся пробраться, никѣмъ незамѣченной, на верхъ и тамъ умыться прежде, чѣмъ она кому либо покажется. Но у самыхъ дверей она была встрѣчена сквайромъ и Роджеромъ, вышедшимъ въ садъ побродить послѣ обѣда. Они оба подошли, чтобъ высадить ее изъ кареты. Роджеръ тотчасъ примѣтилъ, въ какомъ положеніи находились дѣла.

— Матушка ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ, сказалъ онъ и повелъ ее въ гостиную.

Но мистрисъ Гамлей тамъ не было, а сквайръ остановился поговорить съ кучеромъ объ одной изъ лошадей. Молодые люди очутились одни. Роджеръ сказалъ:

— Я боюсь, вы провели непріятный и тяжелый день. Я не

разъ вспоминалъ о васъ, зная, какъ трудно завязываются эти новыя отношенія.

— Благодарю васъ, сказала она дрожащими губами и едва сдерживая слезы. — Я старалась не забывать вашего совѣта и думать о другихъ болѣе, нежели о себѣ, но это не всегда легко; вы знаете, вы испробовали это?

— Да, отвѣчалъ онъ серьёзно. Его польстило это наивное признаніе въ томъ, что слова его не были ею забыты, и что она старалась поступать согласно съ совѣтомъ, который они въ себѣ заключали. Онъ былъ еще очень молодъ и въ немъ заговорило чувство удовлетворенной, но честной и благородной гордости, и это, можетъ быть, побудило его предложить ей дальнѣйшую помощь, на этотъ разъ согрѣтую сердечнымъ участіемъ. Онъ не хотѣлъ насильно втереться въ ея довѣріе, что̀ было бы весьма нетрудно съ столь простодушной дѣвушкой, а только желалъ подѣлиться съ ней небольшимъ запасомъ опытности и тѣхъ правилъ, которыми самъ привыкъ руководствоваться. — Это нелегко, продолжалъ онъ:—но мало-по-малу приводитъ къ счастью.

— Не меня только! воскликнула Молли и покачала головой.— Мнѣ будетъ очень скучно, когда я, такъ-сказать, убью себя, стараясь жить и поступать, какъ нравится другимъ. Я не вижу этому конца, и право нахожу, что лучше бы мнѣ вовсе не жить. А что касается до счастья, то я болѣе никогда не буду счастлива.

Въ ея словахъ была безсознательная глубина, и Роджеръ не нашелся вдругъ, что̀ ему на нихъ отвѣчать. Гораздо легче было опровергнуть увѣренія семнадцатилѣтней дѣвушки въ томъ, что будто бы для нея миновала пора счастья, и онъ ухватился за эту мысль.

— Пустяки; лѣтъ черезъ десять вамъ это испытаніе, можетъ быть, покажется весьма ничтожнымъ. Кто знаетъ?

— Весьма вѣроятно; можетъ быть, черезъ нѣсколько времени и всѣ наши земныя испытанія намъ покажутся ничтожными; можетъ быть, они и теперь кажутся таковыми ангеламъ. Но мы не можемъ не быть сами собой, и настоящее есть *настоящее*, а недалекое, очень далекое будущее. Къ тому же, мы и не ангелы, чтобъ намъ утѣшаться мыслью о цѣляхъ, съ какими намъ все посылается.

Ей никогда прежде не случалось такъ рѣзко высказывать передъ нимъ свое мнѣніе. Окончивъ, она не отвела отъ него взора, прямо устремленнаго въ его глаза, но только немного покраснѣла; почему—и сама не знала. Онъ, съ своей стороны,

врядъ-ли бы тоже могъ сказать, почему внезапная радость охватила его сердце, когда онъ стоялъ и смотрѣлъ въ милое, выразительное личико. Онъ даже на мгновеніе какъ-бы потерялъ сознаніе того, о чемъ говорилось, и весь отдался сожалѣнію о ней. Но черезъ минуту онъ оправился. Даже самому скромному и благоразумному юношѣ двадцати-одного года весьма пріятно сознавать себя менторомъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

— Я знаю, я понимаю. Да, мы имѣемъ дѣло съ *настоящимъ*. Но не станемъ пускаться въ метафизическія разсужденія.—Молли широко раскрыла глаза. Какъ же это, неужто она пустилась въ метафизику, сама того не подозрѣвая? — Впереди мы ожидаемъ массу испытаній, но намъ приходится имѣть съ ними дѣло въ одиночку и мало-по-малу. А, вотъ и матушка! Она вамъ лучше объяснитъ.

И *tête-à-tête* ихъ превратился въ тріо. Мистрисъ Гамлей прилегла. Она весь день нехорошо себя чувствовала, ей не доставало Молли, говорила она, и теперь ей хотѣлось какъ можно скорѣй услышать разсказъ обо всемъ, что съ ней случилось въ Тоуэрсѣ. Молли сѣла на стулъ возлѣ самаго дивана, а Роджеръ было-вооружился книгой съ цѣлью имъ не мѣшать, но вскорѣ бросилъ всякую претензію на чтеніе. Молли такъ мило и интересно разсказывала, а онъ развѣ не намѣревался служить ей впослѣдствіи совѣтомъ? Въ такомъ случаѣ, не слѣдовало ли ему хорошенько познакомиться со всѣми обстоятельствами ея положенія!

И такъ продолжалось во все остальное время пребыванія Молли въ Гамлеѣ. Мистрисъ Гамлей неутомимо выказывала самое искреннее и теплое участіе къ ея горю и любила входить въ подробности дѣла. Она, такъ-сказать, отдавала свое сочувствіе *по мелочамъ*, а сквайръ *оптомъ*. Онъ дѣйствительно очень сожалѣлъ бѣдную дѣвушку, въ горѣ которой какъ-бы считалъ себя отчасти виновнымъ тѣмъ, что въ первый день пріѣзда Молли въ Гамлей, упомянулъ о возможности для мистера Гибсона второго брака. Онъ не разъ повторялъ своей женѣ:

— Клянусь, я желалъ бы лучше не говорить этихъ несчастныхъ словъ за обѣдомъ въ первый день ея пріѣзда! Ты помнишь, какъ она ихъ горячо приняла къ сердцу? Это было точно пророчество, неправда-ли? Она съ тѣхъ поръ поблѣднѣла и ни разу не обѣдала съ аппетитомъ. Впередъ мнѣ надо быть осторожнѣе. А все-таки Гибсонъ дѣлаетъ самое лучшее, что только могъ сдѣлать для себя и для нея. Я такъ и сказалъ ему не далѣе, какъ вчера. Но тѣмъ не менѣе мнѣ очень жаль дѣвочку, и право, я теперь былъ бы очень радъ, еслибы первоначально на это не намекалъ... Ну, точь въ точь напророчилъ, неправда-ли?

Роджеръ прилежно искалъ средства, съ помощью котораго могъ бы нѣсколько умѣрить печаль Молли. Онъ тоже по своему глубоко сожалѣлъ молодую дѣвушку, которая такъ мужественно боролась съ своимъ горемъ и старалась быть веселой, ради его матери. Онъ желалъ бы, чтобы добрыя намѣренія и благіе совѣты немедленно приносили плоды. Къ сожалѣнію, это невозможно. Въ каждомъ человѣкѣ есть извѣстная доля личныхъ, ему исключительно свойственныхъ ощущеній и побужденій, которыя, невидимо для посторонняго глаза, представляютъ упорное сопротивленіе всякому хорошему началу и доброму совѣту. Но связь между Менторомъ и Телемакомъ становилась день-ото-дня тѣснѣе и тѣснѣе. Онъ старался отвлечь мысли Молли отъ больнаго мѣста и обратить ихъ на что-нибудь другое. При этомъ онъ совершенно естественно останавливался на предметѣ, наиболѣе интересовавшемъ его самого. Она чувствовала, что онъ ей приноситъ пользу, хотя и не могла себѣ объяснить, какъ и почему. Но послѣ всякаго разговора съ нимъ, она находила въ себѣ новыя силы къ добру и начинала надѣяться, наконецъ, на возможность достигнуть спокойствія духа.

НЕИЗВѢДАННЫЯ МѢСТА И НОВЫЕ ЛЮДИ ВЪ АМЕРИКѢ.

(«New America», by William Hepworth Dixon; 2 vol. London, Hurst and Blackett).

Книга Диксона (описаніе его путешествія по наиболѣе отдаленнымъ, мало извѣстнымъ мѣстамъ исполинскаго сѣверо-американскаго материка) вышла въ свѣтъ въ началѣ настоящаго, 1867 г.; теперь она продается шестымъ изданіемъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя, и читатели, конечно, не будутъ удивлены, если мы отводимъ значительное мѣсто въ нашемъ журналѣ изложенію содержанія книги, встрѣченной столь явнымъ сочувствіемъ европейской читающей публики. Такимъ, давно небывалымъ успѣхомъ, это сочиненіе, конечно, обязано, по большей части, той общей любознательности, которую способны возбуждать всѣ явленія внутренняго быта и развитія юной, могучей державы, во многомъ загадочной для нашей старосвѣтской Европы, но не мало также и самому изложенію предмета—ясному, безъискуственному, съ необыкновенной наглядностью выставляющему на видъ нетолько крупные общественные и политическіе факты, но и многія интересныя частности американской національной жизни, притомъ разсказъ не обремененъ излишними разсужденіями. Для насъ русскихъ, въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, интересно основательно ознакомиться съ отличительными чертами, составляющими, такъ-сказать, физіономію народа, съ которымъ обстоятельства такъ дружески сблизили насъ; а именно къ такому ознакомленію книга Диксона представляетъ драгоцѣнные матеріалы. Слѣдуя за нимъ, мы перенесемся не на людныя улицы Нью-Йорка и Бостона, съ ихъ безостановочнымъ коловращеніемъ политической жизни, офиціальная исторія и механизмъ которой давно извѣстны, хотя бы только по газетнымъ отчетамъ и статьямъ, а въ такія мѣста и земли, гдѣ кипитъ новая, потрясающая

*

дѣятельность, гдѣ идетъ животрепещущая ломка, гдѣ выработывается будущность страны. Въ степяхъ Колорадо, между безстрашными «Западными молодцами» (Western boys), каждый шагъ которыхъ есть борьба на жизнь или смерть, въ процвѣтающей мормонской общинѣ на берегахъ Соленаго озера, или въ организованной въ громадныхъ размѣрахъ комунѣ перфекціонистовъ на рѣчкѣ Онейда-Крикъ, въ роскошныхъ садахъ кроткихъ, отрѣшенныхъ отъ міра шэкеровъ, этихъ новѣйшихъ послѣдователей еврейскихъ эссеніанъ—мы увидимъ многообразныя, нерѣдко діаметрально противоположныя другъ другу проявленія одного и того же великаго начала, которое составляетъ самую суть національнаго американскаго характера, лежитъ въ основѣ дѣятельности, всѣхъ стремленій народа, какъ въ матеріальной, такъ и въ духовной области, и которое такъ лаконически выразилось въ многознаменательномъ національномъ девизѣ: «Go ahead!» (Впередъ!)

I.

«Одна у насъ бѣда—земли много», какъ-то разъ пожаловался автору одинъ фермеръ береговъ Мичигэнскаго озера. И дѣйствительно, первое, что поражаетъ пріѣзжаго въ Америкѣ, это громадность всѣхъ размѣровъ въ *помѣстьи Дяди Сэма* (Uncle Sam's Estate), какъ янки шутливо называютъ страну свою. Такую исполинскую ширь и просторъ трудно наглядно осмыслить безъ помощи цифръ и сравнительныхъ данныхъ; когда же умъ овладѣетъ этими данными и явственно представитъ себѣ ихъ примѣненіе, онъ теряется въ чувствѣ тупаго изумленія, схожаго съ тѣмъ чувствомъ, которое охватываетъ душу при созерцаніи безконечности въ любомъ ея проявленіи. Во время междоусобной войны, какой-то издатель въ Нью-Йоркѣ пустилъ въ продажу карту Соединенныхъ Штатовъ съ принадлежащими къ нимъ територіями отъ Атлантическаго до Тихаго Океана, отъ большихъ Сѣверныхъ озеръ до Мексиканскаго и Калифорнскаго заливовъ, а въ одномъ уголкѣ, въ видѣ масштаба и, быть можетъ, не безъ нѣкотораго злораднаго умысла, была нарисована Англія, которая подлѣ такого сосѣда смотрѣла поистинѣ лиллипутскимъ клочкомъ земли. Не даромъ въ Нью-Йоркѣ въ большомъ ходу поговорка, что ни одинъ янки въ Лондонѣ не смѣетъ въ сумерки выходить изъ гостинницы, изъ боязни поскользнуться и слетѣть въ море! Владѣнія великой республики покрываютъ болѣе *трехъ мильйоновъ* квадратныхъ англ. миль земли. Если же раздѣлить Соединенные Штаты на равныя части, изъ нихъ вышло бы пятьдесятъ-двѣ

страны одной величины съ Англіей, четырнадцать такихъ имперій, какъ французская. Всего европейскаго материка не хватаетъ для измѣренія такихъ разстояній, какъ напримѣръ слѣдующія: изъ Истпорта въ Броунсвиль дальше чѣмъ изъ Лондона въ Большую Сахару; изъ Уашингтона въ Асторію дальше чѣмъ изъ Брюсселя въ Карсъ; изъ Нью-Йорка въ Сан-Франсиско дальше, чѣмъ изъ Парижа въ Багдадъ. Если взять для сравненія длину рѣкъ европейскихъ и американскихъ, то окажется, что Миссисипи въ пять разъ больше Рейна, Миссури втрое больше Дуная, Колумбія вчетверо больше Шельды. Пароходы идутъ вверхъ по Миссиссипи на разстояніе 2,131 англ. мили отъ моря, а между тѣмъ это еще только вторая рѣка Соединенныхъ Штатовъ по величинѣ. Перейдемъ къ озерамъ. Наиболѣе извѣстныя въ Европѣ озера—Женевское, Гардъ, Ломондское, Киллариш—не покрыли бы въ совокупности десятой части поверхности, занимаемой самымъ меньшимъ изъ пяти озеръ, составляющихъ главную сѣверо-американскую озерную группу. Еслибы влить въ одно Мичигэнское озеро воды, содержащіяся во всѣхъ швейцарскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, ирландскихъ и шотландскихъ озерахъ, взятыхъ вмѣстѣ, это не составило бы замѣтнаго прибавленія къ массѣ его водъ. Озеро Онтаріо покрываетъ пространство вдвое больше Шлезвига и Гольштейномъ. Данію можно бы затопить волнами Гуронскаго озера. Многія изъ такъ-называемыхъ «маленькихъ» американскихъ озеръ считались бы въ другихъ странахъ чуть не морями; такъ, напримѣръ, поверхность Соленаго озера въ территоріи Ута, равняется двумъ тысячамъ квадратнымъ милямъ, тогда какъ Женевское озеро имѣетъ ихъ только триста-тридцать. Горныя массы обыкновенно не считаются одною изъ крупныхъ чертъ американскаго ландшафта; между тѣмъ этихъ громадъ не измѣрить такими ничтожными цѣпями, какъ Пиренеи, Апеннины, Савойскія Альпы, Аллеганскія горы, вышина которыхъ различна, но вообще составляетъ какъ-бы средину между вышиною Гельвеллина и Пилата — пролегаютъ черезъ пространство, равняющееся разстоянію отъ Остенде до Ярославля. Уозэчская цѣпь, самое названіе которой почти неизвѣстно въ Европѣ, громаднѣе и величественнѣе Юлійскихъ Альпъ. Цѣпь Сьерра-Мадре, чаще называемая «Скалистыя горы» (Rocky Mountains), въ которой меньшіе хребты немного ниже Снодона, а большіе—нѣсколько выше Монблана, тянется изъ Мексики черезъ всю Республику, въ англійскія владѣнія, по пространству, равному разстоянію между Лондономъ и Дельги... Словомъ, не принимая въ разсчетъ рѣкъ и озеръ, въ Соединенныхъ Штатахъ остается еще около мильярда девятисотъ

двадцати-шести мильйоновъ акровъ (около 900 мильйоновъ десятинъ) почти все производительной земли: лѣса, тучныя пастбища, черноземныя поля, поемные луга; климатъ вездѣ умѣренный, здоровый, страна богата сверхъ того углемъ, желѣзомъ и разными рудами и, еслибы раздѣлить ее на участки, каждое изъ пяти мильйоновъ семействъ могло бы получить на свою долю по триста-восьмидесяти-пяти акровъ.

Люди, живущіе на протяженіи этого необозримаго пространства, раздѣляются между собою различіями, нравственными и физическими, столь же неизмѣримыми, какъ разстоянія, раздѣляющія мѣстности одну отъ другой. Тамъ неизвѣстны мелочныя дробленія на національности, вѣроисповѣданія, стоющія столько хлопотъ и крови у насъ въ Европѣ; тамъ люди классифируются широко, наглядно для глаза, по расамъ, по цвѣту кожи. Для негра, для краснокожаго, для китайца, бѣлый есть ни болѣе ни менѣе, какъ именно — *бѣлый;* въ глазахъ его французъ, нѣмецъ, испанецъ, саксонецъ—всѣ члены одной семьи, одной церкви. Бѣлые, съ своей стороны, находясь лицомъ къ лицу съ столь различными отъ нихъ видами человѣческаго рода, по естественному племенному влеченію, а также общности главныхъ своихъ понятій и цѣлей, дѣйствительно образуютъ одну крупную группу, и болѣе, чѣмъ гдѣ либо, забываютъ о мелкихъ народныхъ и религіозныхъ различіяхъ, которыя въ старомъ свѣтѣ весьма вѣроятно сдѣлали бы ихъ заклятыми врагами, безъ всякой личной къ тому причины. На дальнемъ западѣ сѣверо-американскаго материка легко можно встрѣтить за обѣденнымъ столомъ въ частномъ домѣ съ дюжину такихъ разноплеменныхъ гостей, которые составятъ общество, неимѣющее себѣ подобнаго, по разнообразію типовъ и цвѣта кожи ни на каирскомъ базарѣ, ни въ алепскомъ каравансараѣ, ни въ стамбульской мечети. Рядомъ съ вами, насупротивъ васъ, сидятъ, примѣрно, польскій еврей, итальянскій графъ, индійскій вождь, мексиканецъ, бывшій южанскій солдатъ, мормонскій епископъ, морякъ съ Сандвичевыхъ Острововъ, персіанинъ-купецъ, бостонецъ. Обѣдъ, можетъ статься, состряпанъ негромъ, бутылки откупориваетъ китаецъ, а дочери хозяина, хорошенькія, благовоспитанныя, нарядныя, подаютъ кушанье и разливаютъ вино. И нерѣдко, подъ однимъ и тѣмъ же кровомъ, сойдутся столько же вѣроисповѣданій, сколько находится подъ нимъ людей и типовъ. Такъ напримѣръ въ обществѣ, подобномъ только что описанному, хозяинъ, можетъ статься, универсалистъ, членъ мягкосердой американской секты, по ученію которой всякій спасется въ будущей жизни; мормонъ вѣритъ въ Іосифа, какъ въ про-

рока; китаецъ—въ Будду, извѣстнаго ему, вѣроятно, только по названію; еврей молится Іеговѣ, о которомъ знаетъ едва-ли болѣе; индіецъ призываетъ въ молитвѣ Великаго-Отца; негръ ужь навѣрно методистъ; итальянецъ ни во что не вѣритъ; мексиканецъ—истый католикъ; о персіянинѣ не трудно догадаться, что у него свои понятія о солнцѣ; соотечественникъ королевы Эммы—язычникъ, а бостонецъ—нынѣ кальвинистъ, сулящій всему обществу муки огненной геены, недавно еще былъ комунистомъ школы патріарха Нойза. Такъ-то люди, принадлежащіе къ столь рѣзко отличающимся другъ отъ друга разрядамъ человѣческаго рода—бѣлые, чорные, краснокожіе, желтокожіе, сходятся на дружеское общеніе и бесѣду на почвѣ далекаго Запада, составляющаго средній пунктъ между Китаемъ и Архипелагомъ съ одной стороны, Африкой и Европой съ другой, завоевываютъ и заселяютъ землю подъ сѣнью общаго звѣзднаго флага, который покрываетъ и уравниваетъ всѣ разногласія, всѣ племенныя и личныя различія, потому что онъ представитель признанной въ теоріи и на практикѣ идеи равноправности и личной свободы всѣхъ людей—идеи, которая, по истинѣ, одна только и способна служить объединяющей связью между такими крайними проявленіями человѣческой дѣятельности и стремленій.

Такова страна, которую нашимъ путешественникамъ, Диксону и товарищу его, молодому англичанину Ч. Уэнтуорту Дильку, предстояло поперегъ перерѣзать, отъ Нью-Йорка до Соленаго озера, на берегахъ котораго помѣщается мормонская колонія, главнѣйшая цѣль ихъ поѣздки.

II.

Авторъ разсказываетъ, что когда онъ и его пріятель находились еще въ Лондонѣ, собираясь въ далекое заатлантическое странствованіе, то ихъ въ особенности занимала мысль о предстоящемъ переѣздѣ черезъ Канзаскія степи и Скалистыя горы, съ ихъ живописнымъ издали, но не совсѣмъ пріятнымъ для личныхъ сношеній, дополненіемъ—дикими, кочующими индійскими племенами. Каждый разъ, однако, какъ ихъ мечты смущало некрасивое видѣніе, въ родѣ краснокожаго воина въ перьяхъ, съ расписаннымъ лицомъ и томагокомъ, свирѣпо занесеннымъ надъ ихъ беззащитными головами, они мгновенно успокоивались, вспоминая, что переѣздъ, предметъ этихъ преждевременныхъ тревогъ, они должны совершить въ дилижансахъ «государственнаго почтоваго общества», которые ежедневно отправляются по громадному степному и горному тракту, подъ военнымъ конвоемъ, и служатъ

единственнымъ средствомъ къ развозу всей переписки, государственной, частной, торговой, между Нью-Йоркомъ и Сан-Франциско, и всѣми междулежащими пунктами. Въ самомъ словѣ: «ежедневно» есть волшебная сила: невольно думается, что не можетъ быть сопряжено съ большими опасностями то, что̀ дѣлается ежедневно. Съ такою-то вѣрою въ заботливость и распорядительность правительства великой республики, объявившаго почтовыя сообщенія по этому тракту «государственнымъ учрежденіемъ», наши путники прибыли въ Ливенуортъ на рѣкѣ Миссури (на границѣ штатовъ Миссури и Канзасъ), послѣдній значительный городъ на рубежѣ неизмѣримыхъ западныхъ пустынь, до котораго проведена желѣзная дорога, и явились къ агентамъ «государственнаго почтоваго общества», къ которому они имѣли рекомендательныя письма отъ его начальника въ Нью-Йоркѣ, также какъ ко всѣмъ прочимъ, вдоль всего тракта. Первый же разговоръ съ этими господами, впрочемъ крайне вѣжливыми и предупредительными, однако, значительно поколебалъ ихъ увѣренность. Имъ сообщили, что именно теперь время самое неудобное къ такому переѣзду, потому что конгресъ только что измѣнилъ трактъ, пролегавшій черезъ Омаху и Этчисонъ въ Дэнверъ, на другой болѣе прямой, который непремѣнно будетъ пріятнѣе и безопаснѣе прежняго, когда дорога будетъ сдѣлана и уравнена, когда будутъ построены мосты, наконецъ, когда индійскія племена, страшно вознегодовавшія за это новое покушеніе на ихъ пастбища, будутъ усмирены силою, или ублажены ласкою. Но такъ-какъ теперь еще покуда ничего изъ всего этого даже не начинали дѣлать, то путешественникамъ предстоитъ удовольствіе прокатиться, на протяженіи 1,300 миль, по странѣ, еще большею частью неизслѣдованной инженерами и землемѣрами, перерѣзанной множествомъ рѣкъ и потоковъ, неимѣющей ни дорогъ, ни мостовъ, въ которой военные посты — простыя избы, сколоченныя изъ досокъ и бревенъ, отстоящія другъ отъ друга не менѣе, какъ на 200 миль, и по которой чеенны, сіу команчи, аппачи, пѣшіе и конные, шныряютъ и разъѣзжаютъ по всѣмъ направленіямъ, снарядившись въ смертный бой противъ бѣлыхъ посягателей на ихъ луга и степи. Не совсѣмъ пріятный холодокъ пробѣжалъ по спинному мозгу слушателей при подобномъ исчисленіи удобствъ и пріятностей, ожидавшихъ ихъ во время предстоявшей имъ двухнедѣльной увеселительной поѣздки, и вспомнились имъ нѣсколько живѣе, нежели бы они въ ту минуту желали, напутственныя шутливыя наставленія ихъ лондонскихъ пріятелей о томъ, какъ съ наибольшимъ комфортомъ для себя выдержать операцію *скальпированія*. Впрочемъ, что̀ же остава-

лось имъ дѣлать, кромѣ какъ только поблагодарить агентовъ за любезно сообщенныя свѣдѣнія и обязательныя увѣренія, что «для ихъ спокойствія будетъ сдѣлано все, что только возможно», заплатить за мѣста въ Сольт-Лек-Сити — по 500 долларовъ съ человѣка, да запастись револьверами и другимъ оружіемъ. Къ тому же имъ немало придавала бодрости мысль о «конвоѣ», который, по всей вѣроятности, долженъ быть удвоенъ по случаю воинственныхъ разъѣздовъ индійцевъ вдоль новаго тракта: вѣдь нужно же охранять, если не путешественниковъ, то хотя государственныя депеши!

Пріѣхали путники въ фортъ Уэмиго, послѣднюю, покуда, пустынную станцію желѣзной дороги, пролагаемой въ настоящее время въ Сан-Франциско, и не безъ нѣкотораго трепета ожидаютъ дилижанса «государственнаго общества», который, наконецъ, является въ видѣ допотопнаго рыдвана, способнаго, по своему объему, вмѣстить въ свой безобразно брюхатый кузовъ до девяти человѣкъ, но до того наваленный и напичканный мѣшками съ письмами, что они съ трудомъ усаживаются въ немъ вдвоемъ. «Гдѣ же конвой?» восклицаютъ они, съ недоумѣніемъ оглядываясь по сторонамъ. «Конвой—отвѣчаетъ агентъ съ любезнымъ движеніемъ рукъ — присоединится къ вамъ, *если понадобится*, въ Джонкшон-Сити; этотъ городъ считается собственно отходной точкой дилижансовъ». Но слова его теряются уже въ пространствѣ, а самъ онъ исчезаетъ въ облакѣ пыли. Въ Джонкшон-Сити (*городъ*, состоящемъ, покуда, изъ полдюжины бревенчатыхъ избъ) послѣдовало перемѣщеніе въ другой экипажъ—легкую повозку, гораздо меньшихъ размѣровъ, на сквернѣйшихъ ресорахъ, безъ дверцевъ, съ парусинными, задергивающимися занавѣсками вмѣсто стеколъ. «Въ это вмѣстилище — разсказываетъ авторъ — вся кореспонденція насильно укладывается и упихивается, съ ловкостью, извѣстною только здѣсь въ западномъ краю, но за то ужь такъ плотно, что, казалось бы, двумъ человѣческимъ существамъ не оставалось никакой возможности втиснуться между поклажею и стѣнками повозки. Современемъ, однако, всяческими изловченіями, въ родѣ подгибанія подъ себя ногъ, сворачиванія шеи въ сторону, пристроиванія рукъ въ висящія по бокамъ петли изъ ремней, этотъ фокусъ благополучно совершается, и оба вышепомянутыя человѣческія существа кое-какъ вползаютъ въ щели, оставленныя между мѣшками, утѣшаясь увѣреніями присутствующихъ, что оные мѣшки въ нѣсколько минутъ такъ «утрясутся», что станетъ даже просторно. Въ душѣ мы, однако, сильно сомнѣваемся въ подобномъ результатѣ, такъ-какъ у насъ у самихъ еще не мало своего дорожнаго хлама: пистолеты, книги, карты,

фляжки съ водкой, шали, одѣяла, шапки, мясные консервы въ банкахъ, ящики съ сигарами, палки, зонты и пр. Все это валяется у насъ въ ногахъ, и мы начинаемъ подозрѣвать, что если поклажа дорогою не весьма значительно «утрясется», то намъ предстоитъ не совсѣмъ-то пріятное путешествіе... Однако, почтальйонъ готовится тронуться, о конвоѣ же и помина нѣтъ! «Стой!» Мы подзываемъ агента. «Да, вотъ видите ли—поясняетъ онъ—здѣшній офицеръ-то не даетъ; мало у него въ настоящее время солдатъ, а спереди и съ боковъ то и дѣло индійцы шныряютъ, такъ что ему самому едва управиться. Впрочемъ — утѣшаетъ насъ добродушный агентъ—дорога ничего: вчера еще отправленъ разъѣздъ въ степь — скоро обгоните. Добраго пути!» Поѣхали!... Вдругъ мы переглядываемся; истина мигомъ мелькнула передъ нами: *мы сами-то и есть конвой!*... Кромѣ насъ охранять почту не отправляется ни души, ни въ началѣ пути, ни далѣе; кромѣ мальчика, почтальйона (который смѣняется каждыя сорокъ или пятьдесятъ миль), нѣтъ ни конвоя, ни кондуктора, словомъ, никого кромѣ насъ. Не могу сказать, чтобы во всѣ мои странствованія я видѣлъ что-нибудь подобное этой хваленой почтѣ! По самому опасному изъ всѣхъ трактовъ, какіе только извѣстны путешествующему и торговому люду, хотя бы на западъ отъ китайской Татаріи, жители Нью-Йорка и Сан-Луиса отпускаютъ дилижансъ, везущій самую важную кореспонденцію изъ всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ развѣ отсылаемой изъ Лондона, на произволъ судьбы, даже безъ кондуктора! Всѣмъ доподлинно извѣстно, что въ эту самую минуту сіу и чеенны совѣщаются на этихъ равнинахъ, если только не выступили уже на воинственную экспедицію; мало того, они, по индійскому обыкновенію, дали знать о своемъ намѣреніи—не давать прохода по новой дорогѣ; а между тѣмъ вопреки всему, почтовый дилижансъ ѣдетъ себѣ прямо въ ихъ земли и пастбища безъ конвоя, даже безъ кондуктора!... Впрочемъ, я забываю лестное довѣріе, которое здѣшніе жители, повидимому, питаютъ къ англійскимъ путешественникамъ. Они знаютъ, что мы вооружены, и убѣждены, что мы, болѣе или менѣе, умѣемъ владѣть нашимъ оружіемъ. «Дорога немного *того* — не совсѣмъ безопасна, замѣчаетъ содержатель одной станціи, провожая насъ въ темную ночь и невѣдомую степь: — но правительство не приметъ никакихъ мѣръ, пока его не расшевелитъ какая-нибудь страшная катастрофа; потеря нѣсколькихъ жизней имъ ни по чемъ, въ особенности жизней какихъ-нибудь бѣдныхъ возчиковъ». Одинъ господинъ, съ которымъ мы мимоходомъ подружились, даже любезно выразилъ надежду, что авось либо насъ скальпируютъ индійцы, такъ какъ подоб-

ный случай произвелъ бы въ Уашингтонѣ весьма желательное и благодѣтельное впечатлѣніе.

«Итакъ, мы заплатили 500 долларовъ за честь служить конвоемъ государственной почтѣ Соединенныхъ Штатовъ до Соленаго озера! Цѣна изрядная; но за то было бы за что̀ и заплатить, еслибы намъ вздумалось воспользоваться случаемъ и полюбопытствовать заглянуть въ письма, бумаги, депеши, которыя заманчиво сыплются отовсюду къ нашимъ ногамъ. Кореспонденція вся отдана въ полное наше распоряженіе. Впродолженіе шести сутокъ мы сидимъ запертые въ повозкѣ съ нашими пистолетами и почтовыми мѣшками, и единственный спутникъ нашъ— почтальонъ, которому не видно во внутренность ея, когда парусинныя занавѣски задернуты. Тутъ мѣшокъ валится на дорогу, и такъ бы и остался лежать въ полѣ, еслибы мы не окликнули почтальона и не заставили поднять его; тамъ другой мѣшокъ прорывается, и письма потокомъ льются къ ногамъ нашимъ: только бери! Читай что̀ хочешь, прячь въ карманы — есть чѣмъ поживиться! А развѣ тайны, заключающіяся въ одномъ изъ всѣхъ этихъ писемъ, не могутъ иной разъ сто̀ить пятисотъ долларовъ, заплаченныхъ нами за право охранять государственную кореспонденцію?...»

III.

Изъ всѣхъ штатовъ и территорій Сѣверной Америки Канзасъ можно, попреимуществу, назвать степнымъ штатомъ. Степи эти, болѣе извѣстныя подъ мѣстнымъ названіемъ «Prairies», являются не гладкими ровными полями, какъ вообще воображаютъ, а стелятся громадными перекатистыми волнами, одѣтыми роскошной травою и испещренными безчисленными цвѣтами, между которыми въ наибольшемъ количествѣ красуются полевые подсолнечники, мѣстами одиноко колыхаясь на высокихъ стебляхъ, но чаще тѣснясь кучками въ травѣ. Несмотря на свое невыносимо стѣсненное положеніе въ повозкѣ, на недостатокъ пищи, невозможность заснуть при быстрой, тряской ѣздѣ по свѣжимъ, неутоптаннымъ дорожкамъ, наши путешественники съ наслажденіемъ упивались теплымъ, чистымъ воздухомъ, благоуханіемъ степныхъ цвѣтовъ, и послѣ мучительной ночи, проведенной съ ломотою во всѣхъ костяхъ, судорогахъ во всѣхъ членахъ, имъ достаточно было освѣжиться, окунувъ голову въ лужицу или ручей, и пройти нѣсколько миль по живительной утренней прохладѣ, чтобы почувствовать приливъ новыхъ силъ и бодрости. Сначала они проѣзжали небольшія поселенія, основанныя какими

нибудь неустрашимыми, предпріимчивыми выходцами изъ цивилизованнаго міра, а мѣстами даже и малочисленными замиренными индійскими племенами. Скоро, однако, они оставили за собою людей со всѣми признаками ихъ присутствія и дѣятельности, и еслибы не остовы, а иногда и свѣжіе трупы быковъ и муловъ, сваленныхъ по краямъ дороги, то могли бы подумать, что никогда безмолвное уединеніе этой цвѣтистой зеленѣющей пустыни не было нарушено ни однимъ живымъ существомъ, кромѣ гремучей змѣи, клубомъ свернувшейся среди подсолнечниковъ, да степной курицы, кудахтающей въ густомъ шалфеѣ, или степныхъ собакъ, выдѣлывающихъ свои забавные прыжки и кувырканія на безчисленныхъ земляныхъ бугоркахъ, обозначающихъ ихъ подземныя норы, которыя дружно раздѣляютъ съ ними совы и змѣи. По особенно счастливой случайности, путешественникамъ не попалась ни одна изъ бродячихъ индійскихъ шаекъ, разъѣзжавшихъ въ разсыпную по всѣмъ, хорошо извѣстнымъ имъ мѣстамъ, гдѣ только онѣ могли ограбить и сжечь «бѣлое поселеніе», хотя на каждой станціи встрѣчались явные признаки ихъ близости и враждебныхъ намѣреній, производились торопливыя приготовленія къ оборонѣ или бѣгству. Однажды только небольшая партія изъ пяти краснокожихъ всадниковъ приблизилась къ почтовой повозкѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ учинить вооруженную рекогносцировку, и, если окажется удобнымъ—нападеніе; но такъ-какъ занавѣски были плотно задернуты кругомъ, и одинъ изъ сѣдоковъ помѣщался снаружи съ почтальономъ, они мирно удалились, разсудивъ съ свойственной индійскому воину хитроумной логикою, что если въ такую жару человѣкъ рѣшается ѣхать на козлахъ, то значитъ внутри ему нѣтъ мѣста, а, слѣдовательно, въ повозкѣ находится неизвѣстное число людей, а главное—ружей и револьверовъ, и напрашиваться на сраженіе съ такими силами не приходится. Только благодаря этому ошибочному разсчету, путешественники благополучно добрались до слѣдующей станціи, гдѣ ихъ встрѣтили новые разсказы о безчеловѣчныхъ разбояхъ и убійствахъ, ежедневно совершаемыхъ степными грабителями. Давно не снаряжались они въ военную экспедицію съ такимъ ожесточеніемъ, какъ по случаю проведенія новаго тракта по ихъ землямъ. «Прійдетъ бѣлый, буйволъ уходитъ — разсуждаютъ старцы и вожди — а буйволъ уйдетъ—бабы и ребята мрутъ», и эта меткая логика вконецъ озлобляетъ ихъ.

Замѣчательно, однако, что и въ этомъ отдаленномъ краю, несмотря на постоянно враждебныя и кровопролитныя отношенія другъ къ другу краснокожихъ туземцевъ и бѣлыхъ пришельцевъ,

послѣдніе не избѣгли вполнѣ дѣйствій того историческаго закона, по которому всякій завоевывающій народъ подлежитъ вліянію мѣстнаго духа, обитающаго въ покоряемой имъ странѣ. И тутъ иноплеменныхъ заселителей почвы не миновало то взаимнодѣйствіе, въ силу котораго римляне усвоили себѣ языкъ и нравы побѣжденной Греціи, грубые воины Роллона нормандскаго превратились въ изнѣженныхъ сициліанцевъ, библейскіе евреи заимствовались обычаями и религіею языческихъ племенъ, которыя столь ревностно истребляли они. Точно такъ же и первобытные краснокожіе владѣтели сѣверо-американской земли, хотя и вытѣсненные на крайніе предѣлы ихъ прежнихъ владѣній, оставили слѣды своего присутствія даже тамъ, гдѣ ихъ давно уже нѣтъ, въ складѣ національнаго ума новаго народа, въ его политическихъ учрежденіяхъ и самомъ народномъ бытѣ; слѣды эти замѣтны вездѣ, какъ между спиритуалистами въ Новой Англіи, такъ между мормонами Соленаго озера, и такъ велика ихъ сила сопротивленія инородному вліянію, а съ другой стороны такъ значительно и до сихъ поръ воздѣйствіе аборигеновъ на нравы проживающаго въ ихъ сосѣдствѣ или средѣ, хотя и въ постоянныхъ распряхъ съ ними, бѣлаго населенія, что многіе умные и свѣдующіе люди въ Америкѣ затрудняются отвѣтить на вопросъ: бѣлая ли раса имѣла наибольшее вліяніе на красную, или наоборотъ? Уже самаго поверхностнаго наблюденія достаточно, чтобы убѣдиться, что индіецъ и янки, живущіе въ западныхъ пустыняхъ, переняли другъ отъ друга наиболѣе разительныя черты, отличающія того и другого. Если индіецъ научился у янки пить водку и съ пьяна лѣзть въ драку, янки научился у индійца многоженству и жестокости къ врагамъ: нѣкто Джэкъ Донкіеръ, въ дэнверскихъ равнинахъ, собственноручно скальпировалъ пять краснокожихъ въ присутствіи своего бѣлаго товарища. Съ другой стороны, западный янки заимствовалъ отъ своихъ всегдашнихъ враговъ и нѣкоторыя высокія качества: радушное гостепріимство, большое уваженіе къ данному слову, полное презрѣніе къ смерти и физической боли. Но было бы слишкомъ неосновательно вообразить, что подобными мѣстными, сравнительно малозначущими явленіями ограничивается нравственное вліяніе покоряемой расы на своихъ вытѣснителей. Оно проникаетъ несравненно дальше и глубже, и можно, безъ преувеличенія, сказать, что вліяніе это даетъ себя чувствовать, и очень сильно, въ области политическихъ учрежденій, равно какъ и въ области мысли. Знаменитый «Союзъ пяти націй» или племенъ (Confederacy of the Five Nations) служилъ бѣлымъ образцомъ при составленіи первоначальнаго американскаго «Союза

тринадцати колоній», нетолько въ принципѣ, на которомъ основанъ былъ этотъ союзъ, но и во многихъ подробностяхъ при первомъ примѣненіи этого принципа. Изобрѣтеніе теоріи о правахъ отдѣльныхъ штатовъ принадлежитъ ирокезамъ, и отъ нихъ уже основатели американскаго союза позаимствовались этой опасной теоріею, подразумѣвающею право дѣйствовать отдѣльно, и даже, при нѣкоторой натяжкѣ, выходить изъ союза — теоріею, бывшею уже причиною тысячи ссоръ и, наконецъ, междоусобной войны, послѣднее слово которой еще не сказано. Тѣ же ирокезы придумали теорію расширенія своей власти и территоріи, не посредствомъ прибавленія новой земли къ предѣламъ той или другой изъ «націй», составлявшихъ союзъ, а допущеніемъ въ этотъ союзъ, цѣликомъ, новыхъ племенъ и націй—совершенно новый принципъ политическаго приращенія, который бѣлые тоже усвоили себѣ отъ нихъ. Руководясь этими двумя основными принципами, первоначальный «Союзъ пяти націй» сдѣлался «Союзомъ восьми націй», а первоначальный «Союзъ тринадцати колоній», развиваясь по той же системѣ, превратился въ нынѣшній «Союзъ сорока-шести штатовъ и территорій». Когда, во время конференціи 1774 г., делегаты изъ Пенсильваніи, Мериленда и Виргиніи отправились къ ирокезамъ просить совѣта у ихъ *сачемовъ* или старшинъ, великій вождь Казаннатего обратился къ нимъ въ такихъ выраженіяхъ, какихъ не устыдился бы членъ древняго Ахейскаго Союза: «Наши мудрые праотцы—сказалъ онъ—установили согласіе и дружбу между «пятью націями». Это-то согласіе и дало намъ грозную силу; оно дало намъ могущество и власть надъ сосѣдними націями. Придерживаясь той же методы, вы будете пріобрѣтать все большую власть и силу. Поэтому, совѣтую вамъ, никогда не ссорьтесь между собою!» Офиціальными отчетами, полученными конгресомъ отъ департамента по индійскимъ дѣламъ, положительно признается, что эта ирокезская конфедерація была истиннымъ политическимъ зародышемъ Соединенныхъ Штатовъ. Члены «пяти націй» имѣли самыя возвышенныя понятія о свободѣ какъ въ политическомъ, такъ и въ общественномъ быту. Каждый человѣкъ считался равнымъ всѣмъ другимъ. Старшины, хотя бы и принадлежащіе къ роду вождей, выбирались. Они не имѣли наслѣдственнаго значенія, не отличались никакими титулами, кромѣ названій, обозначающихъ ихъ должность: воинъ, членъ совѣта, жрецъ. Считалось за правило, что всѣ люди, принадлежавшіе къ племени ирокезовъ или ихъ союзниковъ, рождены свободными и равными между собою, и что ни одинъ такой вольнорожденный человѣкъ никогда не можетъ сдѣлаться ра-

бомъ. Они вообще возставали противъ невольничества въ какомъ бы то ни было видѣ. Ирокезъ не могъ сдѣлаться господиномъ другого человѣка. Враги, взятые въ плѣнъ на войнѣ, либо убивались, либо принимались въ племя на полныхъ правахъ. Чувство свободы было такъ сильно развито въ «пяти націяхъ», что онѣ объявили самую почву свободною, такъ что ни одного невольника нельзя было найти на всемъ пространствѣ, на которомъ охотились эти краснокожіе, даже когда негры открыто покупались и продавались на улицахъ Бостона, Филадельфіи и Нью-Йорка. Впослѣдствіи, однако, нѣкоторые изъ наименѣе благородныхъ индійскихъ племенъ, черокизы, чоктавы и чикасавы, научились отъ бѣлыхъ красть и покупать негровъ и держать ихъ въ неволѣ, какъ собаку или мула. Кто усомнится, наконецъ, что понятія индійцевъ о колдовствѣ, многоженствѣ, переселеніи душъ, о близости духовъ, глубоко внѣдрились въ народную жизнь американцевъ, и въ настоящее время имѣютъ сильное вліяніе на ходъ ихъ мысли въ области религіи? Приведемъ, наконецъ, еще одну черту, которая въ разительной степени воспроизвелась въ обычаяхъ американскаго общества: уваженіе къ женщинамъ. Въ нѣсколькихъ индійскихъ племенахъ — конечно, весьма немногихъ, отличающихся наибольшей развитостью и благородствомъ, у делауэровъ, могиканъ, сенековъ — женщины пользуются значительной властью нетолько въ хижинахъ, гдѣ онѣ занимаютъ почетныя мѣста, но и въ совѣтѣ и политической жизни, даже правомъ составлять сходки и обсуждать вопросы о войнѣ и мирѣ, и въ этихъ, такъ-сказать, аристократическихъ индійскихъ общинахъ воины относятся къ своимъ жонамъ и дочерямъ съ нѣжной, почтительной заботливостью, не всегда соблюдаемою цивилизованными городскими жителями. Такимъ-то, если можно выразиться, рыцарскимъ чувствомъ проникнуто слѣдующее трогательное въ простотѣ своей сказаніе, сложившееся безъискуственно, свободно отъ всякаго посторонняго вѣянія, среди дремучихъ лѣсовъ, да широкихъ степей, и обязанное своимъ существованіемъ и сохраненіемъ единственно устному преданію.

Молодой индіецъ влюбился въ молодую дѣвушку, красавицу. Онъ былъ гордостью своего племени, равно за ловкость свою на охотѣ, быстроту въ бѣгѣ, и храбрость на войнѣ, и отецъ его возлюбленной съ радостью принялъ его просьбу—отдать ему дочь въ жоны. Но въ день свадьбы она умерла. Женщины ея племени вырыли въ землѣ яму, обернули покойницу въ саванъ, и бережно положили ея въ сырую постель, послѣ обычныхъ стенаній и плача надъ ея тѣломъ. Но молодой женихъ ея не могъ оторваться отъ

милой могилы. Лукъ его висѣлъ въ его хижинѣ, съ распущенной тетивою, его томагокъ праздно лежалъ на землѣ—слухъ его не внималъ уже звукамъ войны и охоты. Одна радость осталась ему на землѣ: сидѣть одному, у зеленаго кургана, подъ которымъ покоилась его милая, да думать о похищенной у него невѣстѣ и слѣдовать за нею воображеніемъ въ страну духовъ. Старцы ему сказывали, когда онъ былъ еще ребенкомъ, что души, послѣ смерти, странствуютъ на Благословенные острова, острова же эти лежатъ далеко на югъ, подъ солнечнымъ небомъ, на водахъ тихаго озера, объятые свѣтлой лазурью; и вотъ однажды, когда онъ сидѣлъ на холодной землѣ, а на деревьяхъ надъ головою его лежалъ сыпучій снѣгъ, ему пришла мысль пойти отыскивать тѣ блаженные острова, на которыхъ обитала душа его милой. Обратившись лицомъ къ югу, онъ отправился въ путь, который долгое время пролегалъ по странѣ, наполненной холмами, озерами, долинами и весьма похожей на его родной край; но современемъ какъ будто меньше стало снѣга на деревьяхъ, меньше льда на рѣкахъ, воздухъ какъ будто сталъ яснѣе, на землѣ появилась зелень; далѣе онъ увидѣлъ на деревьяхъ почки и цвѣты, увидѣлъ цвѣты и на поляхъ, и услыхалъ щебетаніе въ кустахъ. Передъ нимъ тропинка вела въ густую рощу; онъ пошелъ по ней и наконецъ очутился на вершинѣ крутого холма, на которомъ была построена индійская хижина. У порога ея стоялъ старецъ, съ сѣдыми волосами, блѣднымъ лицомъ, огненными глазами, одѣтый въ шкуры дикихъ звѣрей, и опирался на посохъ. Старецъ этотъ съ грустной улыбкою встрѣтилъ странника, и перебилъ его, когда онъ началъ говорить и разсказывать о себѣ.—«Тише!» сказалъ онъ; «я тебя ожидалъ, и вышелъ встрѣтить тебя. Та, которую ты ищешь, была здѣсь. Она у меня отдохнула и пошла далѣе. Войди въ мою хижину.» Когда юноша подкрѣпилъ себя пищею и сномъ, старецъ его вывелъ, и сказалъ ему:—«Видишь ли ты озеро, а за нимъ—равнину? Это—страна духовъ. Ты стоишь на рубежѣ ея, а черезъ мою хижину входъ въ нее. Но души однѣ только могутъ переступить эту грань. Оставь же здѣсь твой узелъ и колчанъ; оставь твое тѣло и собаку. Теперь ступай—перенесись въ страну духовъ!» Индійца подняло съ земли словно на крыльяхъ. Лѣсъ, озеро, горы кругомъ его—все было то же, что и прежде, но онъ смотрѣлъ на все иными обновленными взорами; природа казалась ему какою-то просвѣтленною, полною дивныхъ звуковъ. Онъ несся впередъ плавно, безъ усилія, скорѣе скользя нежели идя по землѣ; проходилъ сквозь деревья и скалы какъ человѣкъ, облеченный плотью, могъ бы идти черезъ морскую

пѣну или облако дыма. Наконецъ онъ пришелъ къ берегу большаго блестящаго озера, изъ среды котораго возвышался прелестный островъ. Лодка, выдолбленная изъ бѣлаго древеснаго ствола, стояла у самаго берега, и пара коротенькихъ индійскихъ веселъ лежала въ ней. Онъ сѣлъ въ лодку и отчалилъ отъ берега. И вдругъ, какъ-бы во снѣ, ему почудилось, что рядомъ съ нимъ плыветъ другая бѣлая лодка, и въ ней, блѣдная и прекрасная, какою видѣлъ онъ ее въ послѣдній разъ, сидитъ его невѣста. Они вмѣстѣ отплыли отъ берега, и плескъ ихъ веселъ сливался такъ же стройно, какъ струны въ аккордѣ. Радость и тишь безконечная наполнили сердце юноши, пока они плыли къ Благословенному острову. Но бросивъ взглядъ на берегъ впереди, онъ былъ объятъ страхомъ за милую: поперегъ пути ихъ бѣлой полосою тянулся сердитый бурунъ, а въ прозрачной глубокой водѣ онъ ярко видѣлъ тѣла утонувшихъ и кости тысячи людей, погибшихъ въ этомъ валу. Обладая сильными мышцами, мужествомъ и присутствіемъ духа, онъ не страшился за себя; но сердце его замирало за нее. Но когда они смѣло двинулись въ самую середину вала, они почувствовали, что ладьи ихъ несутся словно по воздуху. Кругомъ ихъ было много челновъ и въ каждомъ плыла душа. Нѣкоторые изъ этихъ челновъ подвергались большой опасности, нѣкоторые разбивались и погибали. Лодочки, на которыхъ плыли души маленькихъ дѣтей, скользили по водамъ къ острову съ легкостью и быстротою птичекъ; тѣ, которыя несли души юношей и молодыхъ дѣвушекъ, встрѣчали мѣстами высокія волны и налетъ вѣтра; души людей зрѣлыхъ и престарѣлыхъ лѣтъ боролись съ бурями, каждая смотря по дѣламъ своимъ; потому что буря и тишина были не въ самомъ озерѣ, а въ душахъ тѣхъ, которые переплывали его. Плавно причаливъ къ берегу, молодой индіецъ и невѣста его легко прыгнули на землю. Какъ различенъ былъ этотъ островъ отъ холодныхъ, пасмурныхъ странъ, въ которыхъ охотникъ жилъ до тѣхъ поръ! Они на немъ не видѣли могилъ. Они не слыхали о войнѣ. Никогда вѣтеръ не нарушалъ тишины воздуха, никогда туманы не заслоняли солнца. Льдовъ не видали на Благословенномъ островѣ. Кровь не проливалась на немъ; голода и жажды обитатели его не ощущали, потому что самый воздухъ, которымъ они дышали, былъ для нихъ и пищею и питіемъ. Они никогда не утомлялись и не тосковали, объ умершихъ не грустили. Съ радостью юный охотникъ на вѣки остался бы съ невѣстою въ блаженной странѣ; но великій духъ, называемый «Владыкою жизни», приблизился къ нему, и голосомъ, тихимъ, какъ шопотъ вешняго вѣтра, сказалъ ему:—«Возвратись въ страну, изъ которой ты пришелъ; часъ

твой не настал еще. Возвратись къ твоему племени, къ трудамъ и обязанностямъ праведнаго человѣка. Когда ты отживешь положенный тебѣ срокъ, ты соединишься съ душою, которую ты любишь. Она принята. Она будетъ жить здѣсь вѣчно, и ты ее найдешь столь же юною, столь же прекрасною и счастливою, какъ въ тотъ день, когда я отозвалъ ее изъ земли снѣговъ и льдовъ». Когда таинственный голосъ замолкъ, молодой индіецъ очнулся изъ глубокаго сна—у ногъ его бѣлѣлся курганъ, снѣгъ лежалъ на деревьяхъ, надъ головою его, тупая боль ныла въ его сердцѣ... Увы! то было сновидѣніе.

Невозможно не любоваться этимъ самороднымъ твореніемъ чуткой человѣческой души, живущей въ постоянномъ общеніи съ природою; кто не видитъ, сколько тутъ свѣжей простоты, неподдѣльной нѣжности, глубокомысленнаго, хотя, быть можетъ, и не сознательно выработавшагося постиженія—словомъ, всего того, что̀ составляетъ поэтическую сторону всѣхъ поучительно-фантастическихъ преданій и легендъ, которыми мы привыкли восхищаться въ болѣе знакомой намъ сказочной литературѣ древняго міра, Востока и средневѣковой сѣверной Европы. Съ другой стороны трудно совмѣстить задушевную прелесть, которою вѣетъ отъ этого туманно-задумчиваго изліянія, съ свирѣпыми нравами и въ особенности грубыми отношеніями къ женщинамъ большей части этихъ полукочующихъ владѣльцевъ степей, лѣсовъ и необозримыхъ пустынь далекаго американскаго запада. Не приводимъ обстоятельно всѣхъ разсказовъ Диксона о хищничествѣ и безчеловѣчности, съ которой одно или другое изъ краснокожихъ племенъ то и дѣло нападаютъ на одинокія фермы отважныхъ поселенцевъ, такъ-какъ эти факты, составляющіе такую капитальную черту борьбы цивилизаціи съ дикой природой и бытомъ въ степяхъ и залѣсіяхъ громаднаго материка, слишкомъ извѣстны, также какъ и озлобленная неустрашимость, съ которою бѣлые завоеватели почвы нетолько даютъ отпоръ грабителямъ, но нерѣдко отплачиваютъ имъ такими же варварствами и жестокостями, какія сами претерпѣваютъ отъ нихъ. Но что̀, быть можетъ, менѣе извѣстно большинству читателей, это гуманная заботливость, съ которою правительство Соединенныхъ Штатовъ издавна, хотя почти безуспѣшно до сихъ поръ, изыскивало всѣ средства къ согласованію нуждъ и стремленій цивилизаціи, неодолимо порывающейся въ просторъ непочатаго запада, съ природными правами дикихъ уроженцевъ территорій, постоянно захватываемыхъ могучимъ наплывомъ съ востока. Этотъ вопросъ составлялъ неусыпную заботу правителей страны съ того самаго времени, какъ англо-саксонское племя впервые ступило на берегъ

ея. Нѣтъ спора, что нѣкоторые смѣльчаки, искатели приключеній, слишкомъ беззастѣнчиво, особенно на первыхъ порахъ, угощали краснокожихъ содержаніемъ своихъ ружей и фляжекъ, но вообще говоря, право туземцевъ на обитаемую ими землю было признано писателями и мыслителями новаго свѣта, по крайней-мѣрѣ со времени Пенна, а вскорѣ затѣмъ и законами, которые постановили вознаграждать ихъ денежно за отбираемую у нихъ почву. Уашингтонъ положилъ таксу, по которой съ неизмѣнной добросовѣстностью и до сихъ поръ выплачивается извѣстный пожизненный доходъ индійскимъ племенамъ и колѣнамъ, въ лицѣ признанныхъ ими вождей, за каждую пядь земли, съ которой они, по необходимости, вытѣсняются бѣлыми, хотя, по буквѣ экономическаго ученія, принятаго между цивилизованными народами, они не имѣютъ положительнаго права собственности на землю, такъ-какъ, въ строгомъ смыслѣ, право надъ почвою становится дѣйствительнымъ соразмѣрно уложенному въ нее капиталу—денежному и трудовому; въ этомъ же отношеніи, кочующій индіецъ, охотникъ и звѣроловъ, не болѣе имѣетъ права на свою родную землю, нежели буйволъ и другіе звѣри, которыхъ онъ нагоняетъ и убиваетъ, дорожа ими какъ единственнымъ средствомъ къ пропитанію себя и своихъ. Но въ своихъ отношеніяхъ къ первобытнымъ населителямъ страны первые законодатели великой республики и ихъ послѣдователи руководились не столь узко-легальнымъ пониманіемъ предмета, весьма справедливо считая подобное пониманіе непримѣнимымъ къ народу, неподлежавшему условіямъ цивилизованнаго права, притомъ же, какъ бы то ни было, терпѣвшему убытокъ отъ территоріальнаго расширенія державы бѣлыхъ пришельцевъ. Бѣда въ томъ. что система денежнаго вознагражденія, въ видѣ обезпеченнаго пожизненнаго дохода или аренды, имѣла не укрощающее, цивилизующее дѣйствіе, а скорѣе даже обратное. Вѣрныя срочныя полученія даютъ угрюмому, сдержанно-страстному и чувственному индійцу только возможность предоставить полную волю своей врожденной лѣни и влеченію къ тупому разврату—пьянству и всякому распутству, которому онъ всласть предается, шатаясь по близости отдаленныхъ городовъ и пополняя недостатокъ въ своихъ казенныхъ финансахъ уже не открытымъ, воинственнымъ, степнымъ разбоемъ, а пошлымъ городскимъ воровствомъ и мошенническимъ грабежомъ. Денежнымъ разсчетомъ, впрочемъ, не ограничились благонамѣренныя старанія бѣлыхъ поселенцевъ въ пользу туземцевъ. Правителями страны, и, еще болѣе, частными лицами и обществами, руководившимися христіански-филантропическимъ рвеніемъ, было сдѣлано много попытокъ заманить цѣлыя индійскія племена въ трудовую,

осѣдлую жизнь, предоставленіемъ имъ всевозможныхъ льготъ и выгодъ: имъ отводились участки самой плодородной земли, давались на первое обзаведеніе всѣ нужныя орудія, утвари, сѣмяна и проч.; за ними слѣдили, не оставляли ихъ совѣтами и всяческими поощреніями. Но и эти, вполнѣ добросовѣстныя и похвальныя усилія увѣнчались печальнымъ неуспѣхомъ. Нѣкоторыя, весьма немногія, колѣна наиболѣе умныхъ и развитыхъ индійскихъ племенъ, въ особенности делауэровъ, еще кое-какъ освоиваются съ несроднымъ имъ образомъ жизни, но и это превращеніе совершается только цѣною ихъ племенной самобытности; они не столько перерождаются, какъ медленно выводятся, посредствомъ отчасти увеличившейся смертности, отчасти же смѣшенія съ окружающими ихъ въ несравненно большемъ числѣ бѣлыми жителями. Такъ въ Уайэндотѣ, на берегахъ Миссури, заботами усердныхъ реформаторовъ, поселилось нѣсколько семействъ изъ племени шоніевъ, и эта маленькая колонія составляетъ предметъ немалой гордости и надеждъ для поборниковъ искуственной, прививной цивилизаціи. Въ жилахъ старшины, или начальника ея, Армстронга, и нѣсколькихъ наиболѣе знатныхъ членовъ ея, течетъ на половину англійская кровь, и это обстоятельство внушаетъ остальнымъ глубокое, почти суевѣрное уваженіе къ ихъ особамъ. Эти колонисты занимаются сельскимъ хозяйствомъ, скотоводствомъ, продажей своихъ продуктовъ; многіе изъ нихъ женятся на бѣлыхъ дѣвушкахъ, или, что́ случается еще чаще, отдаютъ своихъ дочерей за бѣлыхъ, наконецъ, нѣкоторые весьма удачно покушаются на денежные обороты. Этимъ шоніямъ особымъ актомъ правительства даровано званіе канзаскихъ гражданъ, дающее имъ право засѣдать присяжными въ судахъ и участвовать въ избраніи членовъ въ конгресъ. Подобный результатъ, конечно, отраденъ и заманчивъ, но, къ сожалѣнію, это почти единственный примѣръ успѣха; притомъ, спрашивается, можетъ ли усовершенствованіе племени посредствомъ такого значительнаго смѣшенія съ другой расою служить подтвержденіемъ теоріи безусловной способности коренной индійской расы къ облагороженію трудомъ и просвѣщеніемъ? Во всякомъ случаѣ, желательно было бы, чтобы хотя такимъ путемъ выработалось разрѣшеніе такъ-называемаго «индійскаго вопроса», затрогивающаго самые жизненные интересы развитія общественнаго и экономическаго быта на дальнемъ западѣ и составляющаго одну изъ наиболѣе мрачныхъ, кровавыхъ сторонъ завоеванія; но подобныя явленія такъ рѣдки, что на нихъ можно смотрѣть развѣ только какъ на любопытныя уклоненія отъ общаго правила. Вообще же сельскохозяйственная, промышленно-торговая дѣятельность положительно

не прививается къ краснокожому дикарю. Да и можетъ ли быть иначе? У него въ крови презрѣніе ко всякому мирному, правильному труду; это высокомѣрное барство есть отличительная черта его характера, вѣками коренится въ его натурѣ. Война, охота, пиръ — вотъ и весь кругъ его дѣятельности; остальное, по его понятіямъ, не пристало герою; трудъ мараетъ его; а если, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, побуждаемый оскудѣніемъ дичи въ его охотничьемъ районѣ, онъ рѣшается воспользоваться предлагаемыми ему средствами къ болѣе вѣрному существованію земледѣльческимъ трудомъ, то и тутъ выходитъ мало путнаго. Онъ принимается за дѣло нехотя, кое-какъ, большею частью предоставляетъ нетолько фермерскую, но и всю полевую работу женщинамъ и дѣтямъ. Уродилась жатва хорошая — онъ продаетъ ее и бросаетъ ненавистный трудъ, чтобы вволю пожуировать по своему, и потомъ снова возвратиться къ своимъ бродяжническимъ странствованіямъ; не уродилась — опять таки бросаетъ, съ досады и по лѣни: неудача, дескать, охоту отбила. Словомъ, всѣ политико-филантропическія предпріятія для возвышенія индійской расы изъ дикаго состоянія въ нѣкоторое подобіе цивилизованности, сопровождаются полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Этотъ несомнѣнный фактъ Диксонъ объясняетъ преимущественно тѣмъ, что благонамѣренные, но опрометчивые преобразователи, съ необдуманною нетерпѣливостью, свойственною вѣчно спѣшащимъ къ цѣли янки, добиваются своего мимо всякихъ преградъ, даже нравственныхъ, наиболѣе неодолимыхъ изъ всѣхъ, и тратятъ, не жалѣя, деньги, труды свои и силы на задуманное дѣло, не понимая, что, стараясь о переведеніи кочевого, охотничьяго народа прямо въ земледѣльческо-торговый бытъ, они идутъ наперекоръ міровому историческому закону развитія человѣчества, насильно заставляютъ этотъ народъ перешагнуть черезъ среднюю ступень, которой никогда и нигдѣ ни одна раса не миновала на пути къ прогресу, а именно — ступень пастушескаго быта, переходную между первобытно-дикимъ и осѣдлымъ, огранизованнымъ состояніемъ. То же не совсѣмъ разумное, торопливое стремленіе скорѣе водворить между краснокожими дикарями всѣ блага просвѣщенной цивилизаціи, къ которому въ этомъ случаѣ еще присоединяется благоговѣйное, почти суевѣрное уваженіе къ буквѣ и формамъ закона, отличающее гражданъ великой республики, проявляется и въ той щепетильности, доходящей до педантизма, съ которою они примѣняютъ свое уголовное законодательство, разсчитанное на всѣ условія сложнаго, утонченнаго политическаго и общественнаго строя, къ разбросаннымъ, безправнымъ, полунагимъ бродягамъ, между которыми не существуетъ ни одного

изъ этихъ условій. Поэтому замѣчено, что въ степяхъ, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, грабежи, убійства и всякаго рода злодѣянія совершаются индійцами почти всегда безнаказанно, тогда какъ въ англійской части степей безнаказанность составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Причина та, что торговцы и звѣроловы, живущіе по ту сторону канадской границы, расправляются за убійство и разбой съ расторопностью и простотою, невѣдомыми американской процедурѣ. Джэмъ Бэкеръ, старый звѣроловъ, поселившійся съ семействомъ близь Дэнвера, въ немногихъ словахъ весьма вѣрно опредѣлилъ это явленіе въ разговорѣ съ авторомъ. «Вотъ видите — разсказывалъ онъ — если сіу убьетъ бѣлаго близь форта Эллиса, англичане объявляютъ: «Подать его сюда, живого или мертваго — двѣсти долларовъ дадутъ»; приведутъ его сами же индійцы—тогда опять начальство приказываетъ: «Судить его; коли виноватъ — повѣсить на первомъ деревѣ». Пусть тотъ же сіу убьетъ бѣлаго близь форта Ларами, американцы говорятъ: «Доставить его въ цѣлости и невредимости вмѣстѣ со всѣми свидѣтелями и уликами», а когда приведутъ его, чтобы «судить по всѣмъ формамъ», отдаютъ его подъ судъ, назначаютъ ему хорошаго адвоката, приговоръ произносится присяжными, а между тѣмъ ни судья, ни адвокатъ, ни присяжные не знаютъ перваго слова о его преступленіи. Онъ по большей части, конечно, выходитъ сухъ изъ воды, да еще дамы обласкаютъ, обдарятъ, и онъ возвращается къ своему народу съ почетомъ, и дѣлается великимъ вождемъ». Подобная чрезмѣрная добросовѣстность въ соблюденіи легальности въ отношеніи къ людямъ, совершенно неспособнымъ оцѣнить настоящія побужденія къ такому, по ихъ понятіямъ, трусливому, нерѣшительному образу дѣйствій, имѣетъ еще то неудобство, что вселяетъ въ нихъ вполнѣ ошибочное мнѣніе о могуществѣ и значеніи сосѣдней «бѣлой державы». Всѣ эти дикари — чеенны, сіу, ирокезы, и проч., положительно убѣждены, что они сильнѣе, храбрѣе, многочисленнѣе американцевъ. Послѣдніе, впрочемъ, нимало не смущаются презрѣніемъ своихъ краснокожихъ согражданъ. Они вообще обладаютъ изумительнымъ довѣріемъ къ будущему, то-есть сознаніемъ того, что самой своей жизненной силою, они непремѣнно, такъ-сказать, выживутъ изъ своей страны и быта все вредное, тяжелое, тлетворное. Такъ цивилизованные штаты обходятъ индійскій вопросъ, надѣясь, что онъ самъ собою стушуется, распадется. «Мы дѣлаемъ свое дѣло понемногу—однажды говорилъ, по этому поводу, министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Сьюардъ, автору по возвращеніи его изъ Сольт-Лек-Сити—девяносто лѣтъ назадъ, дѣдъ мой такъ же возился съ индійцами въ шести-

десяти миляхъ отъ Нью-Йорка, какъ вы возились съ ними теперь въ шестистахъ миляхъ за Сан-Луи».

IV.

На рубежѣ волнистыхъ, лугообразныхъ западныхъ степей, помѣщается Дэнверъ, еще называемый «Городомъ Равнинъ» (City of the Plains). Общее впечатлѣніе, производимое этой столицею новаго штата Колорадо, передаемъ, по большой части, энергическими словами самаго автора.

Дэнверъ имѣетъ 4,000 жителей, съ десятокъ правильно выложенныхъ улицъ, двѣ гостинницы, банкъ, театръ, пять или шесть церквей, пятьдесять игорныхъ и сто питейныхъ домовъ. Скитаясь по этимъ душнымъ, грязнымъ улицамъ, вамъ кажется, что вы перенеслись въ городъ демоновъ и бѣсовъ. Вы не пройдете пяти домовъ, не наткнувшись на кабакъ либо винный погребъ, либо портерную; изъ десяти домовъ непремѣнно одинъ — публичный, либо игорный, нерѣдко то и другое вмѣстѣ. Въ этихъ безобразныхъ вертепахъ жизнь человѣка ни на волосъ больше не цѣнится, нежели жизнь собаки. Года два назадъ началось измѣненіе къ лучшему; но до этого времени, сонъ порядочныхъ людей чуть не каждую ночь прерывался ружейной трескотнею, а на утро оказывалось, что откуда нибудь изъ окна мертвое тѣло выкинуто на улицу. О причинѣ никто не освѣдомлялся... Жители Дэнвера, то-есть тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ высшему сословію населенія, удивительно напоминаютъ типъ древнихъ нордманскихъ героевъ, воплощенный въ лицѣ скандинавскихъ боговъ: та же храбрость, выносливость, устойчивость, предпріимчивость, при случаѣ — благородство и великодушіе, но и та же нравственная распущенность, отсутствіе всякаго стремленія къ семейности, отвращеніе отъ всякаго добровольнаго стѣсненія своей личности обязанностями къ кому бы то ни было, грубость нравовъ и наслажденій. Эти черты, впрочемъ, совершенно объясняются тѣмъ, что въ первые три-четыре года своего существованія, дэнверское населеніе не могло похвастать *ни одной* женщиною. «Могу васъ увѣрить, сэръ — разсказывалъ автору одинъ его дэнверскій знакомый — что, пять лѣтъ назадъ, когда я только что поселился здѣсь, я бы съ радостью далъ десять долларовъ, чтобы издали увидать женскую юбку!» Въ послѣднее время, благодаря неусыпнымъ стараніямъ Уильяма Джильпина, основателя штата Колорадо и избраннаго губернатора его, и энергической помощи, оказываемой особымъ, самоучрежденнымъ «комитетомъ общественной безопасности» — благодаря благому страху, внушаемому непокор-

нымъ буянамъ вѣрнымъ глазомъ и смѣлой, сильной рукою шерифа Уильсона, наконецъ, и болѣе всего, благодаря присутствію нѣсколькихъ американскихъ и англійскихъ женщинъ, нравы начинаютъ измѣняться въ этомъ пандемоніѣ. Джильпинъ, по крайней-мѣрѣ въ теоріи, возстаетъ противъ власти, присвоенной упомянутымъ «комитетомъ общественной безопасности»; но при полномъ безправіи, царствующемъ въ городѣ и до сихъ поръ, когда правосудіе безсильно и слѣпо, кулачная же сила могущественна и нагла, этотъ комитетъ, тайный, никому неотвѣтственный за свои дѣйствія, поставившій себя выше закона, особенно въ дѣлѣ жизни и смерти, творящій судъ и расправу посредствомъ петли и револьвера, есть положительно благодѣтельное учрежденіе. Никто не знаетъ по имени членовъ этого суроваго судилища; про каждаго богатаго, дѣятельнаго жителя города полагаютъ, что онъ въ немъ засѣдаетъ, и шопотомъ мѣняются догадками о томъ, кто занимаетъ въ немъ должность судей, агентовъ, исполнителей приговоровъ. Ассоціація эта одѣта непроницаемой тайною, агентовъ она имѣетъ много, ничто почти не ускользаетъ отъ ея незримой бдительности и безпощадной дѣятельности. Въ городѣ пропадаетъ человѣкъ: спрашивать о немъ считается почти преступленіемъ; только переглядываются, да плечами пожимаютъ, да развѣ таинственно пояснятъ: «вздернутъ!» Это значитъ, на обыкновенномъ языкѣ, «повѣшенъ», и всякому мѣстному жителю извѣстно, что исчезнувшій человѣкъ повѣшенъ именно на хлопчатникѣ, который ростетъ во рву, близь рѣчки, у городской черты. Засѣданія тайнаго комитета происходятъ по ночамъ, а казни въ самую глухую пору, между 12 ч. и 2 ч. утра, когда порядочнымъ людямъ полагается спать крѣпкимъ сномъ. Иной разъ, отворяя магазины на «Главной улицѣ», торговцы замѣчаютъ тѣло, болтающееся на деревѣ; но обыкновенно оно снимается еще до зори, увозится куда нибудь за городъ и зарывается въ яму, какъ дохлая собака. Мѣсто погребенія по большей части тоже скрываютъ отъ жителей, такъ чтобы не имѣлось ни малѣйшаго легальнаго доказательства смерти исчезнувшаго лица.

Уильямъ Джильпинъ, хотя усердно старается объ искорененіи безобразій, придающихъ такую лютую физіономію юному, основанному имъ обществу, видимо гордится безстрашной дѣятельностью своихъ пьющихъ, ругающихся, дерущихся, безжонныхъ и бездѣтныхъ молодцовъ, и любитъ пощеголять фразою, что «они создаютъ новую державу». Можетъ быть, онъ дѣйствительно правъ; но въ такомъ случаѣ сами молодые скандинавскіе герои до смѣшнаго находятся въ неизвѣстности о великомъ дѣлѣ, которое совершается ихъ трудами. Диксонъ по этому поводу разска-

зываетъ слѣдующій забавный случай: «Одинъ изъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ, здоровенный дѣтина, въ пудовыхъ сапогахъ, съ лицомъ до глазъ заросшимъ бородою, съ веселымъ, добродушнымъ выраженіемъ рта и смѣлыми глазами, однажды обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну-съ, что скажете о нашихъ «западныхъ молодцахъ?» (Western boys). Вспомнивъ Джильпина, и желая сказать моему собесѣднику что нибудь лестное для него и неопасное для меня, я отвѣчалъ: «Вы создаете новую державу».—«Что такое?» спросилъ тотъ, не понявъ меня и вообразивъ, что я надъ нимъ подтруниваю, чего «западные молодцы» терпѣть не могутъ, а рука его инстинктивно придвинулась нѣсколько ближе къ ножу (bowie-knife), заткнутому у него за поясомъ. «Новую державу создаете?» повторилъ я, но уже вопросительно, чтобы избѣгнуть непріятности оскорбить пріятеля, и тѣмъ поставить его въ необходимость пырнуть меня въ бокъ ножомъ. — «Не знаю какъ, насчетъ державы», возразилъ онъ смягчаясь и отнимая руку отъ пояса: — «я, по крайней-мѣрѣ, деньги наживаю». — Джильпинъ вѣроятно бы разсмѣялся, и сказалъ бы, что это все одно.

«Этотъ самый Уильямъ Джильпинъ — продолжаетъ авторъ — играетъ почти такую же важную роль въ здѣшнихъ «Равнинахъ», какъ Бриггэмъ Юнгъ въ долинѣ Соленаго Озера, и контору его въ Дэнверѣ (маленькую невзрачную комнатку, служащую ему спальней, библіотекой, пріемной и мастерской) можно безъ преувеличенія назвать высшей политической школою всего горнаго и золотоноснаго края. Джильпинъ родился въ Пенсильваніи; сама природа назначила его въ основатели новаго штата. Принадлежа одному изъ стариннѣйшихъ квакерскихъ родовъ въ его родномъ штатѣ (предкомъ его былъ тотъ самый Джильпинъ, который переселился изъ Англіи вмѣстѣ съ Пенномъ и Логаномъ), онъ изъ исторіи своего народа познаъ необходимость той широкой религіозной терпимости, которую Пеннъ обнаруживалъ при дворѣ Карла II, и богато надѣленный природою драгоцѣнными качествами: терпѣніемъ, прозорливостью, краснорѣчіемъ, восторженностью, онъ игралъ, и до сихъ поръ играетъ въ западныхъ краяхъ видную драматическую роль. Въ разговорѣ со мною онъ называлъ себя, по личнымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ, *квакеромъ-католикомъ*, то-есть человѣкомъ, въ лицѣ котораго соединяются обѣ крайности религіознаго мышленія — чувство личности и догматъ власти, влеченіе къ самымъ широкимъ формамъ свободы и самымъ строгимъ постановленіямъ порядка. Такая необыкновенная смѣсь не можетъ выработаться въ одинъ день, произойти изъ личной прихоти, она можетъ быть только результатомъ долгаго историческаго процеса, плодомъ вѣ-

ковыхъ семейныхъ преданій. Джильпинъ вообще полонъ кажущихся противорѣчій. Онъ—квакеръ, и въ то же время—воинъ, воспитанникъ высшаго, уэстпойнтскаго, военнаго училища, и достигъ большого отличія на военномъ поприщѣ. Онъ игралъ важную роль въ мексиканской войнѣ 1847 года, былъ младшимъ изъ всѣхъ офицеровъ, получившихъ чинъ подполковника, и еслибы не бросилъ службы и не переселился на Западъ, Грантъ и Шерманъ состояли бы подъ его начальствомъ. Онъ считаетъ большимъ счастіемъ для себя, что долгъ не потребовалъ отъ него участія въ междоусобной войнѣ. Его влекло на другое поле дѣятельности — на громадный Западъ, и онъ сталъ его поборникомъ и кумиромъ; онъ обратилъ всѣ свои способности и силы къ изслѣдованію, населенію, покоренію этого края.

«Подъ управленіемъ этого человѣка, городъ много уже измѣнился и съ каждымъ днемъ мѣняется. Однако, если вѣрить очевидцамъ, прибытіе нѣсколькихъ порядочныхъ женщинъ, англичанокъ и американокъ, принесло Дэнверу бóльшую пользу, нежели даже геній и краснорѣчіе Уильяма Джильпина. Въ Америкѣ, порядочная женщина — сила. Съ того дня, какъ на «Главной Улицѣ» появились шелковое платье и кружевная мантилька, на ней водворилась сравнительная тишина и чистота, не такъ часто стали произноситься площадныя ругательства, рѣже стали выниматься ножи и раздаваться пистолетные выстрѣлы. Все это, конечно, еще далеко не вывелось; Дэнверъ еще далекъ, очень далекъ отъ мирнаго состоянія; но юные скандинавскіе герои начинаютъ немного стѣсняться присутствіемъ женщины, и конфузятся поднимать ругань и драку при дамѣ. Улучшеніе происходитъ медленно, но вѣрно. Сначала дамамъ, по собственному ихъ выраженію, «плохо приходилось»; онѣ боялись другъ съ другомъ знакомиться; каждая женщина сомнѣвалась въ порядочности другихъ. Теперь все пошло поскладнѣе, и я могу по собственному опыту заявить, что Дэнверъ имѣетъ весьма милое, хотя и крайне малочисленное женское общество.

«Главный óрганъ исполнительной власти въ Дэнверѣ — Робертъ Уильсонъ, шерифъ, аукціонистъ и мировой судья, хотя едва-ли кто-нибудь въ штатѣ Колорадо знаетъ его подъ этими названіями. Какъ Квинтъ Горацій Флаккъ, поэтъ и кутила, извѣстенъ только подъ именемъ Горація, такъ и Роберта Уильсона, шерифа и аукціониста, въ Дэнверѣ называютъ не иначе, какъ Бобомъ, а въ порядочномъ обществѣ — Бобомъ Уильсономъ. Шерифу, про котораго молва гласитъ, что онъ, въ свою бурную молодость, былъ записнымъ игрокомъ, и, пожалуй, чѣмъ нибудь еще похуже, теперь сорокъ-два года; онъ съ виду моложавъ, роста небольшого,

приземистъ и плечистъ, съ широкой грудью и головою, напоминающей голову Юпитера. Когда слушаешь разсказы о неустрашимости и подвигахъ этого человѣка, кровь стынетъ въ жилахъ, морозъ продираетъ по кожѣ, пульсъ удвоенно бьется. Онъ сію минуту былъ у меня и просидѣлъ нѣсколько часовъ, толкуя о городѣ и территоріи, съ которыми связана вся его судьба. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, какъ однажды изловилъ трехъ конокрадовъ.

«По понятіямъ, господствующимъ въ Дэнверѣ, убійство считается сравнительно легкой виною. Не болѣе какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ, какъ убійство, не предумышленное, а случайное, перестало быть каждодневнымъ происшествіемъ. Бывало, чуть не каждое утро, на разсвѣтѣ, находили чье нибудь мертвое тѣло на улицѣ, передъ дверьми какого-нибудь игорнаго дома— а на «Главной Улицѣ» въ то время изъ десяти домовъ ужь непремѣнно одинъ былъ игорный, и содержался открыто, съ прибавленіемъ пѣнія, пьянства и всякихъ принадлежностей. Дѣло было самое обыкновенное: подрались молодцы за рулеткой, и тотъ изъ нихъ, который хуже владѣлъ оружіемъ, оказался убитымъ. Никому въ голову не приходило разслѣдовать подобное происшествіе. Застрѣленъ какой-нибудь буянъ — городу горя мало, даже радуются — однимъ меньше. Человѣческая жизнь здѣсь ставится ни во что́; да и кому же охота накликать на себя мщеніе цѣлой орды воплощенныхъ чертей неумѣстною придирчивостью и любознательностью?

«Одна дама, съ которою я познакомился въ Дэнверѣ, жена бывшаго мера или городского головы, сказывала мнѣ, что когда она пріѣхала въ эти западные края, лѣтъ пять или шесть назадъ, на маленькомъ кладбищѣ было схоронено, не считая преступниковъ, до шестидесяти человѣкъ, умершихъ не своею смертью. При болѣе точномъ освѣдомленіи, эта цифра оказалась немного преувеличенною, но разсказъ моей знакомой еще и теперь считается достовѣрнымъ во всѣхъ порядочныхъ домахъ, да по правдѣ сказать, она весьма немного прикрасила истину. На улицахъ то и дѣло ссорятся и дерутся, но никто и не думаетъ помочь слабѣйшему. Однажды ночью я писалъ у себя въ комнатѣ; вдругъ раздается пистолетный выстрѣлъ у самаго моего окна; смотрю, человѣкъ на землѣ корчится; спустя нѣсколько мгновеній, его убрали товарищи, но никто не подумалъ гнаться за убійцею, и я на слѣдующій день узналъ, что онъ не арестованъ, и никто даже доподлинно не знаетъ, кто онъ такой. Передъ окномъ у меня колодезь; недавно, поздно ночью, двое солдатъ пили изъ него воду; одинъ англичанинъ, стоявшій на балконѣ гостиницы, слы-

шалъ, какъ одинъ сказалъ другому: — «Гляди-ко! вонъ идетъ башмачникъ — хвати-ка его!» Тотъ прицѣлился и выстрѣлилъ. Бѣдняга спасся какимъ-то чудомъ; хотя онъ успѣлъ скрыться въ свою лавчонку и затворить за собою дверь, но пуля пробила досчатый срубъ дома, и засѣла въ противоположную стѣну. Никто не тронулъ этихъ солдатъ, и каждый, кому я выражалъ свое удивленіе такой нерадивости, въ свою очередь дивился моему недоумѣнію.

«Всякій негодяй, о которомъ не доподлинно извѣстно, что онъ убилъ полдюжины людей, и что у него убійство, такъ-сказать, въ крови, почти можетъ быть увѣренъ въ этихъ краяхъ, что его не станутъ безпокоить. Такъ, недалеко отъ города Сентраль-Сити (Central-City), жилъ извѣстный убійца. Каждый зналъ, что онъ застрѣлилъ на своемъ вѣку не менѣе шести или семи человѣкъ, однакоже никому на умъ не приходило преслѣдовать его за его злодѣянія, пока онъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Многіе воображали, что онъ сокрушается о своихъ преступленіяхъ, и самъ онъ, угощая себя и товарищей слащеной водкой, не разъ говаривалъ, что надоѣло ему проливать кровь. Однажды этотъ господинъ пріѣхалъ въ городъ, и встрѣтивъ пріятеля, пригласилъ его выпить съ нимъ чего нибудь. Тотъ, не желая больше являться въ такомъ предосудительномъ обществѣ, отказался. Тогда злодѣй, на людной улицѣ, среди бѣлаго дня, вынулъ пистолетъ, и воскликнувъ съ комическимъ фатовствомъ: «Господи, да неужели же мнѣ никогда нельзя пріѣхать въ городъ, чтобы не убить кого-нибудь?» всадилъ пріятелю пулю прямо въ сердце. На этотъ разъ, однако, толпа вознегодовала и схватила его. Судъ, какъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ коротокъ, и въ ту же ночь бездушный злодѣй уже висѣлъ на пресловутомъ хлопчатникѣ въ городскомъ рву.

«Но къ воровству, въ особенности же къ конокрадству, общественное мнѣніе относится несравненно строже, нежели къ убійству. Покража лошадей всегда наказывается смертью. Однажды, съ одного двора въ Дэнверѣ пропало пять хорошихъ лошадей. Уильсона спросили, не догадывается ли онъ, кто бы могли быть воры? Подозрѣнія его пали на трехъ бродягъ-рудокоповъ, по имени Броунли, Смитъ и Картеръ, недавно прибывшихъ въ городъ съ пріисковъ черезъ горы. Какъ ни разыскивали этихъ молодцовъ по всѣмъ питейнымъ домамъ и трущобамъ, ихъ въ городѣ не нашли. Уильсонъ, вполнѣ убѣжденный этимъ обстоятельствомъ, что ихъ-то ему и нужно, потребовалъ себѣ лошадь, осмотрѣлъ въ исправности ли у него револьверъ и ножъ, вскочилъ въ сѣдло и поѣхалъ по направленію къ платской дорогѣ. Дѣло

было раннею весною: снѣга таяли и вода сильно прибыла. Пріѣхавъ на берегъ рѣки, онъ раздѣлся и переправился черезъ быстрое теченіе, на половину вбродъ, на половину вплавь, держа платье и оружіе высоко надъ головою. Онъ проѣхалъ цѣлый день и ночь, и наконецъ настигъ мошенниковъ въ пустынной равнинѣ, въ полутораста миляхъ отъ Дэнвера, и пяти миляхъ отъ ближайшаго постоялаго двора (rancho). Всѣ трое ѣхали верхами; Картеръ и Смитъ еще кромѣ того вели по лошади за поводья, а Броунли ѣхалъ одинъ, немного позади товарищей. Шерифъ нагналъ ихъ рано утромъ, и такъ-какъ они его не знали въ лицо, то онъ вступилъ съ ними въ разговоръ, обращаясь преимущественно къ Броунли, и выдавая себя за разореннаго искателя золота, пробирающагося обратно въ восточные штаты. Такимъ образомъ, онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ ними съ 8 часовъ утра до 12, въ надеждѣ, не попадется ли на встрѣчу дилижансъ, либо поѣздъ купцовъ, которые бы помогли ему справиться съ ворами; но онъ ждалъ напрасно. Къ полудню онъ убѣдился, что въ этотъ день уже нечего разсчитывать на помощь, и что ему одному прійдется исполнить свое опасное дѣло. Порѣшивъ на этомъ, онъ осадилъ лошадь, и рѣзко измѣнивъ пріемы и голосъ, объявилъ своимъ спутникамъ:

«— Господа, довольно проѣхали; пора вернуться назадъ.

«— Да кто вы такой? съ крѣпкимъ ругательствомъ крикнулъ Броунли, доставая пистолетъ.

«— Бобъ Уильсонъ, спокойно отвѣчалъ шерифъ: — пріѣхалъ затѣмъ, чтобы везти васъ назадъ въ Дэнверъ. Вы обвиняетесь въ покражѣ пяти лошадей. Положите оружіе, и васъ будутъ судить по всѣмъ правиламъ

«— А не хочешь ли къ чорту! закричалъ-было Броунли, приподнимая пистолетъ; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взвести курокъ, въ мозгу у него уже сидѣла пуля, и онъ грохнулся съ лошади, едва договоривъ ругательство. Смитъ и Картеръ, услыхавъ за собою громкіе голоса, и вслѣдъ затѣмъ выстрѣлъ, круто повернулись на сѣдлахъ и приготовились стрѣлять, но Смитъ впопыхахъ выронилъ пистолетъ, и въ мгновеніе ока, Картеръ лежалъ уже на землѣ, безжизненный какъ прахъ, въ который онъ свалился. Смитъ, слѣзшій съ лошади, чтобы поднять свой пистолетъ, только всплеснулъ руками.

«— Ступай сюда, приказалъ ему Уильсонъ: — подержи мнѣ лошадь; если же ты хоть пальцемъ пошевельнешь — выстрѣлю: и ты видишь, что наврядъ ли промахнусь.

«— Да, сэръ, чистенько-таки стрѣляете, согласился дрожащій мошенникъ.

«— Ну, слушай же, продолжалъ шерифъ: — я тебя, вмѣстѣ съ этими лошадьми, повезу назадъ въ Дэнверъ; если ты укралъ ихъ, тѣмъ хуже для тебя; если же нѣтъ — и прекрасно. Во всякомъ случаѣ, тебя будутъ судить по справедливости.

«Уильсонъ тогда подобралъ пистолеты, всѣ три были заряжены. «Я съ минуту колебался—разсказывалъ онъ мнѣ—вынуть ли заряды или нѣтъ; но, подумавъ, рѣшился забрать ихъ какъ были, такъ-какъ мало ли что̀ могло случиться». Завязавъ пистолеты въ платокъ и тщательно зарядивъ свой револьверъ, онъ приказалъ Смиту сѣсть на одну изъ лошадей, къ которой привязалъ его, опутавъ ноги веревкою. Затѣмъ, Уильсонъ со своимъ плѣнникомъ повернулъ обратно по той же дорогѣ, къ первому постоялому двору, оставивъ убитыхъ на землѣ, а лошадей пустилъ на лугъ. Въ этомъ уединенномъ строеніи жилъ французъ-поселенецъ съ женою, англичанкою, и оба они, когда Уильсонъ назвалъ себя и объяснилъ, въ чемъ плѣнникъ болѣе чѣмъ подозрѣвается, вызвались помочь ему въ исполненіи его плановъ. Они крѣпко привязали Смита къ столбу ремнями, послѣ чего шерифъ съ французомъ, наказавъ хозяйкѣ застрѣлить его, еслибы онъ сталъ биться и высвобождаться (въ томъ же, что она исполнитъ это приказаніе въ случаѣ нужды, мужъ ея ручался), отправились вдвоемъ на мѣсто казни, зарыли тѣла, изловили всѣхъ четырехъ лошадей, и еще забрали съ собою множество мелкихъ вещей, могущихъ служить уликами въ судѣ, которыя они нашли въ карманахъ убитыхъ. По возвращеніи своемъ, они застали хозяйку на сторожѣ, а Смита въ отчаяніи. Во время отсутствія ея мужа и шерифа, онъ всячески старался умаслить ее, попремѣнно обращаясь къ ея состраданію, тщеславію, корысти. Наконецъ, она должна была ему объявить, что если онъ скажетъ хоть одно еще слово, она зажметъ ему ротъ пулей. Тогда онъ поблѣднѣлъ и смолкъ. На слѣдующій день шерифъ благополучно доставилъ своего плѣнника въ Дэнверъ, гдѣ Смиту, послѣ короткаго судебнаго разбирательства, пришлось совершить прогулку подъ историческій хлопчатникъ.»

V.

Путешественники пустились въ дальнѣйшую дорогу черезъ необозримую обнаженную степь, напутствуемые разсказами о грабежахъ и убійствахъ, совершаемыхъ на всемъ протяженіи ея разбойниками особаго рода, извѣстными подъ названіемъ дорожныхъ агентовъ (road agents), шайками и поодиночкѣ. Это по большей части люди, разорившіеся на пріискахъ или въ какомъ

нибудь торговомъ предпріятіи и бросившіе всѣ болѣе или менѣе честные пути добыванія денегъ для болѣе вѣрнаго и едва-ли болѣе опаснаго промысла. Въ особенности врѣзался въ памяти автора одинъ случай, бывшій незадолго до его проѣзда, и поэтому преимущественно составлявшій предметъ толковъ и разсказовъ въ порядочномъ дэнверскомъ обществѣ въ бытность его въ «Городѣ Равнинъ». Слухи эти тѣмъ болѣе заинтересовали его, что жертвами преступленія были пассажиры ограбленнаго дилижанса, а въ развязкѣ участвовалъ его неутомимый, безстрашный пріятель, шерифъ Уильсонъ и предсѣдательствуемый имъ таинственный «комитетъ общественной безопасности». Героемъ является нѣкто Фрэнкъ Уильямсъ, человѣкъ извѣстный своимъ безпутствомъ, но опытный стрѣлокъ, хорошо знакомый со всѣми тропинками, проходами, закоулками горъ, чрезъ которые пролегаетъ дорога. Благодаря этому знанію, ему нетрудно было получить мѣсто почтальйона по большому почтовому тракту. Однажды въ «Городѣ Соленаго Озера», онъ познакомился съ купцомъ, по имени Паркеръ, который выгодно сбывъ привезенный товаръ мормонамъ, собирался возвратиться въ восточные штаты съ вырученными деньгами, соединившись для большей безопасности еще съ трема попутчиками, которые также везли при себѣ значительныя суммы денегъ. Паркеръ просилъ совѣта у Фрэнка, какъ у пріятеля, и человѣка хорошо знающаго состояніе дорогъ, и по его указанію всѣ четверо рѣшились взять мѣста въ дилижансѣ. Они благополучно доѣхали до станціи, помѣщавшейся у входа въ узкое, дикое ущелье, называемое Portliff Canyon. Тутъ они застали Фрэнка, опередившаго ихъ нѣсколькими днями; онъ замѣнилъ привезшаго ихъ до этого мѣста почтальйона—и тутъ же въ этомъ ущельи, они были предательски убиты. Въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ горнаго прохода Фрэнкъ, какъ-бы невзначай, обронилъ бичъ, и остановивъ дилижансъ, соскочилъ и побѣжалъ поднимать его; въ эту минуту раздался ружейный залпъ; пули градомъ посыпались въ дилижансъ и трое изъ сидѣвшихъ въ немъ были убиты на мѣстѣ. Тогда къ нему подбѣжало восемь человѣкъ въ маскахъ, вытащили трупы и бросились ломать сундуки и шкатулки, наполненные золотымъ пескомъ и банковыми билетами. Паркеръ былъ раненъ, но не смертельно; завидя Уильямса, который возвращался съ пистолетомъ, онъ вообразилъ, что тотъ спѣшитъ къ нему на помощь и крикнулъ ему еще издали: «Я только слегка задѣтъ: помоги, Фрэнкъ — какъ нибудь справимся!» Фрэнкъ же, подойдя къ пріятелю, приставилъ дуло пистолета къ самому его виску и выстрѣлилъ, не рѣшаясь оставить въ живыхъ ни одного свидѣтеля преступленія. Затѣмъ онъ возвратился на станцію и доло-

жилъ, что дилижансъ ограбленъ, пассажиры убиты и онъ самъ насилу спасся. Послали двоихъ людей съ нимъ, прибрать мертвыя тѣла, а убійцъ розыскивали по всему протяженію дороги отъ Дэнвера до Соленаго Озера. На Фрэнка не пало даже подозрѣніе, пока, нѣсколько недѣль спустя, шерифу Уильсону было дано знать, что Уильямсъ отошелъ отъ мѣста и подозрительно соритъ деньгами въ «языческихъ» питейныхъ домахъ въ городѣ мормоновъ. Бобъ немедленно распорядился устроить надъ нимъ полицейскій надзоръ; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ снарядить туда своихъ шпіоновъ и сыщиковъ, Уильямсъ самъ вдругъ появился на дэнверскихъ улицахъ. Не подозрѣвая грозившей ему опасности, онъ загулялъ очертя голову: первымъ дѣломъ снялъ на свое имя цѣлое кабачное заведеніе со всѣми принадлежностями и угостилъ чуть не всѣхъ мошенниковъ и головорѣзовъ, шатавшихся по городу, и въ одинъ день накупилъ себѣ и нѣсколькимъ изъ наиболѣе полюбившихся ему собутыльниковъ цѣлыхъ семь полныхъ перемѣнъ платья. Въ одинъ прекрасный вечеръ его схватили и повели на полунощное засѣданіе «комитета общественной безопасности». Что происходило на этомъ засѣданіи, конечно, осталось неизвѣстнымъ; объ именахъ участвовавшихъ въ немъ только шопотомъ догадывались, но на слѣдующее утро каждый житель понялъ, что Фрэнкъ Уильямсъ найденъ виновнымъ въ какомъ-нибудь страшномъ преступленіи — тѣло его висѣло на фонарномъ столбѣ въ Главной улицѣ.

Несмотря на это и другія подобныя, недавнія и весьма нерѣдкія происшествія, сулившія нашимъ путникамъ, казалось, еще бо̀льшія опасности впереди, нежели какимъ подвергались они до сихъ поръ отъ возможности нападенія индійцевъ, вторая половина путешествія ихъ прошла безъ приключеній, потому что нельзя дать это названіе лишеніямъ и неудобствамъ, которымъ подвергается каждый, кто отважится предпринять переѣздъ черезъ горы и степи западной Америки, хотя бы въ дилижансѣ «государственнаго общества» и имѣя рекомендательныя письма къ правительственнымъ агентамъ вдоль всего тракта. Проѣхавъ безостановочно нѣсколько дней и ночей по бездорожнымъ почти крутизнамъ Сьерра-Мадре, въ ущельяхъ которыхъ они обогнали нѣсколько товарныхъ поѣздовъ и многочисленную партію эмигрантовъ, труженически пробирающихся къ мормонской обѣтованной землѣ—выдержавъ страшный буранъ съ вьюгою, градомъ и снѣгомъ, посреди оголенной степи, раскинувшейся за горами необозримымъ, безводнымъ пространствомъ, гдѣ песокъ мѣстами покрытъ тонкимъ слоемъ соды, ослѣпительной бѣлизны, словно инеемъ, а дорога окаймлена грубыми надгробными крестами и

усѣяна костями воловъ и муловъ, погибшихъ отъ холода, жажды и усталости, и оставленныхъ возчиками торговыхъ и эмигрантскихъ каравановъ на съѣденіе волкамъ и воронамъ — путешественники съ несказаннымъ наслажденіемъ стали примѣчать признаки оживавшей природы по мѣрѣ того, какъ они спускались по скалистому и отвѣсному, но уже зеленому, орошенному потоками и ключами западному склону горъ. Еще болѣе пріятное изумленіе произвело въ нихъ неожиданное зрѣлище, внезапно представившееся имъ вечеромъ одного изъ послѣднихъ дней ихъ странствованія, на крутомъ поворотѣ за выдающійся острымъ угломъ утесистый выступъ: впереди открылась глубокая долина, въ ней двигались человѣческія фигуры, раздавались пѣсни и звуки тамбурина и духовыхъ инструментовъ, шла пляска, все это при яркомъ, причудливомъ освѣщеніи нѣсколькихъ десятковъ огромныхъ костровъ, расположенныхъ кругообразно внутри ограды, образуемой телегами и фурами для защиты отъ нападеній бродящихъ по сосѣдству индійскихъ племенъ. Багровые отблески отъ пылающихъ огней охватывали всю долину, перебѣгали по окружающимъ холмамъ и скаламъ: то былъ мормонскій лагерь, скорѣе, впрочемъ, похожій на таборъ, и черезъ часъ времени, путники, измученные, но ободренные близостью къ цѣли своего дальняго странствія, были доставлены на станцію Бэр-Риверъ, гдѣ ихъ гостепріимно встрѣтилъ содержатель ея — мормонскій епископъ Майерсъ. Одна изъ женъ его, раздѣляющая его пребываніе въ этой отдаленной пустынѣ, женщина изящная и образованная, съ радушной хлопотливостью, собственноручно принялась изготовлять гостямъ простую, но вкусную пищу—бараньи котлеты, яичницу, чай съ хлѣбомъ и свѣжимъ масломъ; все это не могло не показаться манною небесною людямъ, нѣсколько дней утолявшимъ голодъ черствымъ хлѣбомъ, да сушенымъ буйволовымъ или оленьимъ мясомъ, посыпаннымъ порохомъ вмѣсто соли, а жажду — полосканіемъ рта вонючей, горькой водою изъ придорожныхъ лужъ. «Этотъ Майерсъ — благодарно восклицаетъ авторъ — показался намъ — усталымъ, прозябшимъ и голоднымъ, идеаломъ пастыря для обыденной, рабочей жизни. Въ Оксфордѣ онъ пользовался бы небольшимъ почетомъ, въ палатѣ лордовъ на него и глядѣть бы не стали. Говоритъ онъ не отборными фразами, голосъ его не отличается пріятностью и музыкальностью; не поручусь, чтобы онъ, хотя бы на видъ, зналъ греческіе корни или частицы, но онъ повидимому отлично знаетъ, какъ хорошему человѣку надлежитъ принять усталыхъ, голодныхъ гостей, которыхъ Господь пришлетъ ему въ морозную ночь, такъ что мы унесли изъ Бэр-Ривера чувство истиннаго уваженія хотя къ

одному виду дѣятельности духовенства, учрежденнаго Бриггэмомъ Юнгомъ».

На слѣдующій день путешественники проѣхали Кольвиль, первый мормонскій городокъ, отрадно напоминавшій имъ англійскій бытъ и нравы своею привѣтною сельскою обстановкою, хозяйственною дѣятельностію, вездѣ пріятно поражающей взоры. Городокъ помѣщается въ ущельи, въ которомъ, по заявленіямъ инженеровъ и ученыхъ, изслѣдовавшихъ мѣстность, невозможно жить ни людямъ, ни скоту. Между тѣмъ къ ручейку сбѣгаютъ полосы ржи, по косогорамъ пасутся быки; собаки стерегутъ фермы; свиньи роются въ землѣ; цыплята прыгаютъ между снопами, на всѣхъ дворахъ стоятъ лошади. Цвѣтущія дѣти, голубые глаза и свѣтлыя кудри которыхъ ясно изобличаютъ ихъ чисто-англійское происхожденіе, играютъ передъ воротами или кувыркаются въ соломѣ; дѣвочки лѣтъ десяти доятъ коровъ, мальчики такихъ же лѣтъ сидятъ на телегахъ и понукаютъ воловъ; женщины стряпаютъ, стираютъ; мужчины вырываютъ изъ земли картофель, обрываютъ плоды съ деревьевъ, распиливаютъ доски. Каждый человѣкъ занятъ дѣломъ, каждая пядь земли дышетъ благоденствіемъ, хотя недавно еще вся лощина наполнялась одними камнями да пескомъ.

Далѣе путешественники остановились въ небольшомъ хуторѣ, принадлежавшемъ другому мормонскому епископу, Гарди, женатому на восьми женахъ, и немало удивились, замѣтивъ въ числѣ его домочадцевъ мальчика-индійца, повидимому вполнѣ прирученнаго и свыкшагося съ трудовой фермерской жизнью, и, какъ впослѣдствіи оказалось, отъ всей души ненавидѣвшаго своихъ краснокожихъ соотечественниковъ. Мальчикъ этотъ, по разсказу одной изъ женъ епископа, крошечнымъ ребёнкомъ былъ купленъ отъ отца за нѣсколько долларовъ, и несмотря на нѣкоторую природную лѣность и склонность въ неурочные часы валяться на солнцѣ, выказывалъ значительныя умственныя способности, и при старательномъ присмотрѣ и обученіи, изъ него могло выдти что-нибудь порядочное. Дѣло въ томъ, что мормоны имѣютъ совершенно своеобразный взглядъ на краснокожихъ, считая ихъ отраслью еврейскаго народа, выселившеюся изъ Палестины въ Сѣверную Америку во дни величія и праведности израильтянъ, когда имъ принадлежалъ святительскій санъ. Когда же, черезъ грѣхъ неповиновенія Богу, они лишились этого священнаго сана, то вмѣстѣ съ нимъ утратили и бѣлый цвѣтъ кожи (такъ разсказываютъ мормоны), и свѣтлый умъ, и благородныя черты лица, и наружность. Мормоны утверждаютъ, что между ними еще не вымерли всѣ слѣды ихъ первобытной вѣры, ихъ давнихъ учреж-

деній: такъ сохранилась у нихъ вѣра въ одинъ Великій Духъ, раздѣленіе на племена, многоженство. Но на нихъ и чадахъ ихъ еще тяготитъ проклятіе Господне. Они исходятъ изъ рода священнаго, но пребывающаго въ настоящее время подъ строгой небесной опалой. «Со временемъ, когда угодно будетъ Господу— сказалъ однажды Юнгъ, бесѣдуя съ авторомъ — на нихъ снова будетъ обращена божія благодать, и тогда они перестанутъ творить зло и научатся дѣлать добро; они начнутъ селиться въ городахъ; кожѣ ихъ возвратится прежняя бѣлизна, и они сдѣлаются націею угодниковъ и святителей». Нелишнее замѣтить, что жены мормонскихъ дѣятелей далеко не съ такой увѣренностію ожидаютъ нравственнаго возрожденія индійскихъ племенъ и обращенія краснокожихъ дикарей и разбойниковъ въ подобіе библейскихъ патріарховъ и святителей, и хотя онѣ не осмѣливаются оспаривать прорицанія своихъ духовныхъ наставниковъ и повелителей, однако наученныя многократнымъ опытомъ, вслѣдствіе болѣе частыхъ личныхъ сношеній съ предметами этихъ вдохновенныхъ мечтаній, вполнѣ убѣждены, что подобное превращеніе возможно развѣ только всемогуществу Господа Бога— никакъ не стараніямъ людскимъ.

Но вотъ и конецъ пути. Еще одно узкое, крутое ущелье, миль десяти въ длину, по которому бурливо сбѣгаетъ бойкій ручеекъ, приводя въ движеніе нѣсколько мельницъ, и далѣе уже открывается бассейнъ Соленаго озера, внезапно, почти неожиданно, на поворотѣ за выдающійся выступъ горы. Тутъ развертывается передъ взорами одна изъ тѣхъ немногихъ, безукоризненно стройныхъ и прекрасныхъ панорамъ, которыя можно назвать совершенствомъ, съ какой точки ни смотрѣть на нихъ. Неудивительно, если бѣдный эмигрантъ, выселенецъ изъ дымныхъ, душныхъ городовъ, житель подвала или чердака, съ нервами, напряженными до высшей степени религіозной экзальтаціей и долгими неописанными лишеніями, смотритъ на эту дивную долину съ благоговѣйнымъ упоеніемъ, какъ на обѣтованный эдемъ.

У самого подножія снѣжныхъ Уозэчскихъ горъ стелется обширная долина, теряясь къ сѣверу въ непроглядной дали, и всю ее облегаетъ прозрачная золотистая дымка, придающая всѣмъ предметамъ несказанную нѣжность и пышность: это дѣйствіе солнечнаго сіянія, знойно разлитаго надъ полями, густо усѣянными полевыми подсолнечниками, и перерѣзанными безчисленными озерками, лужицами и ручейками. Влѣво, огибая большое Соленое озеро, вздымаются подъ самыя облака гребни горной цѣпи, которую индійцы называютъ Окирръ. Впереди раскинулся сверкающій городъ, Новый Іерусалимъ, перемѣшанный съ садами и ро-

щами. За городомъ течетъ рѣка Іорданъ, несущая свою свѣжую струю въ Соленое озеро, которое своей широкой синевою оттѣняетъ яркую картину и придаетъ прохладу долинѣ, утопающей въ тропическомъ знoѣ. Изъ самого озера, имѣющаго сто миль въ ширину и полтараста въ длину, возвышаются два гористыхъ острова, облеченныхъ въ ту же золотисто-пурпурную пелену, а по ту и другую сторону озера, уходя далеко за его синія воды, тянутся ряды неправильныхъ и живописныхъ возвышенностей, обнаженныя вершины Сьерры Ута и Невады. Воздухъ упоителенъ: южный по своей благоуханности, сѣверный по своей свѣжести. Прохладный вѣтерокъ вѣетъ съ Уозэчскихъ высотъ, среди которыхъ, даже въ лѣтніе мѣсяцы, держатся снѣжныя сугробы и мерзлыя лужи. Атмосфера до того прозрачна, что такъ-называемый Чорный Утесъ, находящійся въ двадцати-пяти миляхъ, на самомъ Соленомъ озерѣ, кажется отстоящимъ отъ входа въ долину не далѣе, какъ на нѣсколько сотъ шаговъ. Ниже, въ самой долинѣ, золотая дымка застилаетъ всѣ предметы своимъ особымъ, восхитительнымъ сіяніемъ. Городъ является сплошнымъ паркомъ или садомъ, гдѣ только по мѣстамъ мелькаетъ въ густой, темной зелени бѣлый кіоскъ, либо домъ, либо часовня. Повыше, на уступѣ расположенъ лагерь, состоящій изъ бѣлыхъ палатокъ и легкихъ деревянныхъ строеній, изъ котораго «языческое» (gentile) правительство подозрительно слѣдитъ за дѣйствіями людей, обитающихъ въ «Городѣ Святыхъ». Но и этотъ лагерь своей пестрой оживленностью, является картиннымъ дополненіемъ ландшафта, въ которомъ преобладаютъ жолтый, бѣлый и зеленый цвѣта.

ФРАНЦЪ-ВЛАДИСЛАВЪ РИГЕРЪ *.

Франциск-Владиславъ Ригеръ (родившійся 10-го декабря 1818 года въ Семиляхъ) былъ единственнымъ сыномъ зажиточнаго мельника, который думалъ сдѣлать его наслѣдникомъ своего ремесла. На шестомъ году Ригеръ былъ отданъ на воспитаніе въ сосѣдній городъ Высокій, къ тамошнему викарію Ивану Крамору, который былъ его воспріемникомъ. Оттуда онъ былъ посланъ, для изученія нѣмецкаго языка, въ Шумбургъ, гдѣ, находясь въ семействѣ знаменитаго учителя Караска, изучилъ впродолженіе года нетолько нѣмецкій языкъ, но и по другимъ предметамъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что, окончивши съ большимъ успѣхомъ испытаніе въ главной школѣ въ Рейхенбергѣ, онъ уже былъ въ состояніи поступить въ гимназію. На десятомъ году его отдали въ городъ Гичинъ, гдѣ, отличаясь блестящими успѣхами и самостоятельностію характера, онъ пріобрѣлъ особенную любовь профессоровъ Юмечка и Мюльвензеля и вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ усердіемъ слѣдилъ за возрожденіемъ народной чешской литературы; онъ выписывалъ и читалъ чешскіе журналы, газеты и другія книги, выходившія въ то время, при чемъ съ особенною любовью занимался отечественною исторіею. Для полученія высшаго образованія Ригеръ отправился въ Прагу и, будучи въ тамошней академической гимназіи, сдѣлался ученикомъ Юнгмана, къ которому онъ уже давно питалъ глубокое уваженіе. Въ Прагѣ Ригеръ скоро примкнулъ къ кругу молодыхъ литераторовъ, дѣйствовавшихъ въ то время на поприщѣ возобновленія народной литературы, а въ особенности чувство искренней дружбы связало его съ Штульцомъ, Пихлемъ, Тупымъ, Стробахомъ, Махоу, Ербеномъ, Вротиславомъ, Трояномъ, Враткою и др. На литературномъ поприщѣ того времени соперничали два направленія; представителемъ перваго былъ Челаковскій, редакторъ *Пчелы* (Včela), защитникъ классициз-

* Извлечено изъ чешской энциклопедіи Naučni Slovnik, т. VII.

ма, а представителемъ втораго *Тыль*, издатель журнала *Цвѣты* (Kvety), стоявшій на сторонѣ новѣйшаго романтизма, взлелѣяннаго, главнымъ образомъ, трудами молодыхъ литераторовъ. Въ *Цвѣтахъ* принималъ участіе и Ригеръ, бывшій тогда слушателемъ философіи, помѣщая первыя свои литературныя произведенія въ стихахъ; кромѣ того онъ и прежде помѣщалъ переводы въ *Свѣтозорѣ*, образцовомъ журналѣ, издававшемся подъ редакціей знаменитаго Шафарика. Праздники и остальное свободное отъ школьныхъ занятій время Ригеръ проводилъ въ путешествіяхъ по Чехіи и сосѣднимъ странамъ, всегда сопутствуемый однимъ изъ своихъ товарищей; въ 1836 г. онъ предпринялъ съ Ярославомъ Врташкою большое путешествіе черезъ Брюнъ и Вѣну въ Славонію, откуда, по истеченіи восьми недѣль, возвратился на родину, черезъ Краковъ и Моравію. Во время этого путешествія Ригеръ познакомился въ Венгріи съ лучшими старыми и молодыми славянскими патріотами: съ знаменитымъ Колларомъ, Палковичемъ, обоими Штурами, Гурбаномъ, Кузманомъ, а также въ Галиціи и въ Моравіи съ тамошними народными представителями.

По окончаніи философскаго курса, Ригеръ, удовлетворяя желанію своего отца, который чувствовалъ тогда глубокій упадокъ силъ, долженъ былъ остаться дома, для присмотра за его ремесломъ и хозяйствомъ, при чемъ однакожь не забывалъ о своемъ образованіи и не переставалъ слѣдить за успѣхомъ отечественной литературы; онъ разсматривалъ новѣйшія ея произведенія, о появленіи которыхъ узнавалъ посредствомъ частыхъ сообщеній съ сосѣднимъ духовенствомъ, въ центрѣ котораго стоялъ почтенный либунскій деканъ (благочинный) Марко, другъ Юнгмана. Въ томъ же году онъ посѣтилъ два раза Вѣну, гдѣ пребывалъ долгое время въ кругу друзей-патріотовъ и держалъ экзаменъ съ перваго года юридическаго факультета, куда онъ записался безъ вѣдома отца своего, въ качествѣ посторонняго слушателя; когда, по окончаніи академическаго года, онъ представилъ отцу свидѣтельство, то отецъ сказалъ ему, покоряясь вполнѣ велѣніямъ судебъ: «Я вижу, что изъ тебя не выйдетъ мельникъ; дѣлай такъ, какъ самъ думаешь и знаешь, и иди туда, куда влечетъ тебя твое сердце». На второмъ академическомъ году Ригеръ узналъ въ Вѣнѣ въ большемъ объемѣ славянскій міръ, познакомившись съ поляками, русскими и южными славянами; между этими послѣдними тогда, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ Гая, пробудилась новая жизнь. Въ это время Ригеръ началъ все болѣе и болѣе обращать вниманіе нетолько на литературныя, но и на политическія потребности своей страны, потому что все болѣе и болѣе сознавалъ необходимость для государства, чтобы оно вышло изъ узкаго круга

дѣятельности, для всесторонней, общественной жизни, и онъ часто совѣтовался о томъ съ лучшими своими друзьями. Дальнѣйшее юридическое образованіе онъ продолжалъ и окончилъ въ Прагѣ. Между тѣмъ въ 1841 году 18-го апрѣля умеръ на его рукахъ отецъ, оставившп его, уже давно совершеннолѣтняго, наслѣдникомъ семильской мельницы, находившейся впродолженіе почти цѣлаго столѣтія во владѣніи одной и той же фамиліи.

Въ послѣдніе годы своего студенчества Ригеръ старался всего болѣе пособить народу чешскому въ общественномъ отношеніи, потому что языкъ чешскій и народность находились въ такомъ упадкѣ и пренебреженіи, что трудно было заявить о подлинности ихъ существованія.

Тогда Ригеръ, вмѣстѣ съ Тылемъ и Пихлемъ, хлопотали объ устройствѣ народныхъ чешскихъ баловъ и бесѣдъ; онъ нанялъ съ Пихлемъ, Франтою, Шумовскимъ и Беклемъ общественный домъ, гдѣ устроили частную библіотеку, въ которой всѣ, и преимущественно молодые литераторы могли читать разныя славянскія и нѣмецкія газеты. Этотъ путь сближенія между собою не мало способствовалъ къ знакомству и съ южно-славянскими писателями, посѣщавшими въ то время Прагу. Относительно устройства общественныхъ чешскихъ увеселеній, учредители ихъ пришли въ столкновеніе съ полиціей, во главѣ которой стоялъ тогда городской капитанъ, дворянинъ Петръ Мутъ, ярый врагъ чешской народности, который не хотѣлъ дозволить ни объявленій, ни входныхъ билетовъ на чешскомъ языкѣ. Но учредители бесѣдъ умѣли ловко обходить запрещенія Мута, который сначала грозилъ за это строгимъ взысканіемъ (штрафомъ), а наконецъ, встрѣтивши въ юношахъ неожиданную рѣшительность и боясь гласнаго ходатайства у министерства, оставилъ всѣ попытки дѣйствовать противъ нихъ на этомъ пути. Вскорѣ послѣ того общество это разстроилось, и Ригеръ вмѣстѣ съ Пихлемъ и Православомъ Трояномъ наняли другое помѣщеніе, гдѣ они устроивали танцовальные вечера и народныя бесѣды, все болѣе и болѣе привлекавшія вниманіе публики чтеніями (народными), патріотическими пѣснями и занимательными музыкальными пьесами, такъ что объемъ ихъ увеличивался съ каждымъ годомъ. Эти бесѣды, пѣнія и чтенія послужили образцомъ для многихъ другихъ, которыя устраивались студентами и другими патріотами (во всей странѣ). При ежедневно возрастающей потребности, изъ этихъ бесѣдъ образовалась цѣлая литература, такъ что Тыль имѣлъ возможность составить цѣлый сборникъ бесѣдъ серьёзнаго и шутливаго содержанія, подъ названіемъ *Чтенія бесѣды*, которому поспѣшилъ на помощь также и Ригеръ.

Когда Тыль собралъ вокругъ себя новый литературный кружокъ

съ цѣлью издавать газету «Vlastimila» (патріотка), Ригеръ въ ней также принималъ участіе, помѣщая переводы съ языковъ англійскаго и польскаго. По окончаніи юридическаго факультета, Ригеръ опредѣлился на практику въ уголовный судъ, въ которомъ вскорѣ ему стали поручать самостоятельное производство нѣкоторыхъ слѣдствій, и этотъ трудъ доставлялъ ему весьма много интереса съ психологической точки зрѣнія. Скоро послѣ того Ригеръ и самъ попалъ подъ слѣдствіе пражской полиціи, которая, основываясь на томъ, что у него проживалъ какой-то польскій эмигрантъ, подозрѣвала его участіе въ распространеніи запрещенныхъ списковъ, которыми занимался этотъ полякъ. Въ январѣ 1842 года Ригеръ былъ схваченъ утромъ въ своей квартирѣ, бумаги его были забраны, а онъ задержанъ при полиціи, гдѣ производилось надъ нимъ слѣдствіе; но такъ-какъ возникшее подозрѣніе не могло быть доказано, то Ригеръ, котораго считали первымъ политическимъ преступникомъ въ Прагѣ, былъ вскорѣ освобожденъ. Вслѣдствіе этого, Ригеръ оставилъ штатную службу, и не оставляя своей литературной и общественной дѣятельности, занялся приготовленіемъ себя къ докторскому экзамену; онъ не могъ по разстроенному здоровью приступить серьёзно къ этому дѣлу; въ 1844 у него открылось кровохарканіе, слѣдствіе простуды, а вскорѣ послѣ онъ слегъ окончательно въ постель. Вслѣдствіе этого, онъ побывалъ лѣтомъ въ гостяхъ у своей матери и смотрѣлъ за хозяйствомъ; но за то зимою удвоилъ свою дѣятельность, заботясь объ устройствѣ общественныхъ, въ народномъ духѣ, развлеченій и другихъ дѣлахъ.

На этомъ пути ему скоро помогли и другіе народные дѣятели. Ригеръ принялся также съ своими друзьями, Стробахомъ и Православомъ Трояномъ за устройство общества для распространенія между чехами полезныхъ чтеній, учрежденія библіотекъ и изданія сочиненій для простонародья; онъ уже составилъ и правила этого общества, однако эти стремленія, какъ и многія другія благодатныя предпріятія въ пользу народа, были подавлены враждебными противодѣйствіями полиціи и недовѣріемъ другихъ гражданскихъ вѣдомствъ. Жаль, что это предпріятіе, обѣщавшее столь много хорошихъ послѣдствій, не приведено въ исполненіе и до настоящаго времени. Но за то Ригеръ вполнѣ успѣлъ въ другомъ своемъ предпріятіи, которое считалось также не менѣе важнымъ для народа,— это устройство народнаго чешскаго театра, о которомъ слѣдуетъ сказать здѣсь больше. Чешскіе цехи имѣли двѣ театральныя привиллегіи, изъ которыхъ пользовались только одною. Такъ-какъ трудно было надѣяться, чтобы кому нибудь даны были театральныя привиллегіи, противъ воли этихъ сословій (цеховъ), то Ригеръ хло-

поталъ о томъ, чтобы устроить общество зажиточныхъ людей, которые бы приняли на себя это предпріятіе и чтобы цехи дозволили этому обществу пользоваться одною изъ своихъ привиллегій.

При помощи Стробаха, Ригеръ достигъ возможности присоединится къ цеху мельниковъ и пивоваровъ и, изложивши имъ это дѣло, довелъ ихъ до того, что они согласились на уступку привиллегіи. Послѣ того онъ пріискалъ нѣкоторыхъ адвокатовъ, чиновниковъ и другихъ зажиточныхъ мѣщанъ, такъ что къ согласившимся цехамъ онъ могъ присоединить еще 70 подписей состоятельнѣйшихъ мѣщанъ, во главѣ которыхъ стоялъ докторъ Фричъ. Цехи согласились на уступку привиллегіи, конечно, только въ такомъ случаѣ, если разрѣшитъ правительство и составится общество для такого предпріятія. Успѣхомъ этого дѣла Ригеръ много обязанъ лучшимъ чешскимъ дворянамъ, а именно: рыцарю Нейбергу, графамъ Ностицу, Вурмбранду и Матвѣю Туну, изъ которыхъ послѣдній былъ въ то время весьма хорошо расположенъ къ народному дѣлу. При его также помощи Ригеръ достигъ и того, что онъ стоялъ во главѣ акціонернаго общества, въ должности секретаря. Такимъ образомъ, 3 мая 1846 г. собралось въ Плотейскомъ залѣ громадное почетное общество, состоявшее по большей части изъ дворянъ, къ которому присоединились Туны, князья Гуго-Сольмъ, Роганъ, Ностицъ и другіе, много знаменитыхъ и состоятельнѣйшихъ мѣщанъ, а также корифеи чешской литературы Юнгманнъ, Палацкій, Шафарикъ и другіе. Это была первая въ теченіе столѣтія сходка, гдѣ впервые соединились между собою дворяне, представители городскаго сословія и высшій классъ народа, для достиженія народныхъ цѣлей. Матвѣй Тунъ былъ предсѣдателемъ, Ригеръ велъ протоколъ на чешскомъ языкѣ, сужденіе происходило на языкахъ чешскомъ и нѣмецкомъ. Затѣмъ послѣдовалъ выборъ членовъ, которые бы завѣдывали учрежденіемъ акціонернаго общества и исходатайствовали на это разрѣшеніе власти. Въ числѣ прочихъ былъ выбранъ и Ригеръ, онъ же составлялъ по этому дѣлу прошеніе; но вѣнскій дворъ того времени былъ враждебно расположенъ ко всему славянскому и потому напрасны были всѣ ихъ ожиданія. Такимъ образомъ, и вторая надежда, на пути развитія чешскаго народа, сокрушилась о твердость нѣмецкаго абсолютизма.

Въ то же время Ригеръ взялся вмѣстѣ съ Страборомъ, Ербеномъ и Трояномъ за изданіе правилъ для оживавшей въ то время пражской городской бесѣды. Замѣчательнѣе всего однакожь его дѣятельность въ *братствѣ промышлености*. Общество это, учрежденное первоначально для вспомоществованія бѣднымъ ремесленникамъ, отклонилось отъ своей цѣли и служило исключительно большимъ фабрикантамъ, тогда какъ многочисленный классъ бѣдныхъ

ремесленниковъ приходилъ все болѣе и болѣе въ упадокъ. Такъ-какъ этотъ классъ составлялъ значительную часть чешской народности, то прежде всего нужно было заняться его обученіемъ и непремѣнно на чешскомъ языкѣ. Сначала члены братства Амерлингъ и Преслъ занимались обученіемъ почешски и изданіемъ чешскихъ книгъ; они уже приготовили не одну поддержку своему дѣлу, пока шляхта, въ рукахъ которой находился тогда уставъ, считала это дѣло второстепеннымъ и давала изъ своего достоянія только въ въ видѣ милостыни.

Вскорѣ разнесся слухъ, что богатыя средства теряются безъ всякой пользы, для поддержанія нѣмецкой, а не чешской народности; коль скоро народность чешская потребовала нетолько любви, но начала добиваться и правъ своихъ, тогда отъ нея отвратились друзья ея. Въ это время присоединились къ обществу *Gednota* Ригеръ, Троянъ, Перперъ, Стробахъ и ихъ примѣру послѣдовали многіе горожане, инженеры желѣзныхъ дорогъ и т. п., такъ что управленіе встрѣтило въ обществѣ *Gednota* до сихъ поръ небывалую оппозицію. Между тѣмъ, какъ прежде мнѣнія знатныхъ вельможъ принимались съ рукоплесканіемъ и единодушно, теперь они встрѣчали сильный отпоръ и были опрокидываемы молодыми, безъ всякаго общественнаго положенія людьми, такъ они составляли большинство, котораго недоставало управленію. Это была школа для будущихъ сеймовыхъ ораторовъ, потому что зала общества *Gednota* была въ то время единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было свободно разсуждать. Началась борьба противъ управленія, которая вскорѣ перешла въ журналистику. Народная партія въ обществѣ *Gednota* выставляла упреки управленію въ томъ, что она поступаетъ непрактически, обременяетъ тяжелыми налогами литературу, которую мало кто читаетъ и пользуется, и разныя заведенія, польза которыхъ больше чѣмъ сомнительна, и что этимъ самимъ оно держитъ въ бѣдности и невѣжествѣ большія массы ремесленныхъ классовъ, нисколько не содѣйствуя ихъ образованію. Составленъ былъ планъ устройства чешской *ремесленной школы*. Управленіе, шляхта и фабриканты, въ то время почти исключительно нѣмцы, протестовало противъ этого. Наконецъ къ народной партіи пристала и шляхта, такъ что управленіе вынуждено было большинствомъ голосовъ многолюднаго собранія принять на себя устройство ремесленной школы. Но тутъ встрѣтилось новое препятствіе—недостатокъ средствъ. Перперъ, Троянъ и Ригеръ сдѣлали воззваніе къ народу, чтобы онъ завелъ у себя сбирку для устройства чешской ремесленной школы.

По всей странѣ обнаружилось невиданное усердіе, сбирки начались и денежныя пособія присылались отовсюду; самые даже

бѣднѣйшіе классы народа вносили свою лепту въ пользу этого предпріятія, а редакціи газетъ и журналовъ присылали одно за другимъ свои изданія. Отданъ былъ сюда вдовій грошъ въ полномъ смыслѣ слова, и добытая мозольнымъ трудомъ копейка челядина и ремесленника, и кромѣ того, поступали большія пожертвованія богатыхъ землевладѣльцевъ, и присылались также значительныя суммы, пожертвованныя другими благомыслящими соотечественниками, жившими далеко на чужбинѣ; все это дѣлалось явно и съ хорошимъ намѣреніемъ, какъ прилично такому дѣлу, которое должно было быть лучомъ надежды на пути просвѣщенія и благосостоянія чешскаго народа. Въ виду такихъ блестящихъ послѣдствій, замолкло бурное, прежнее недовѣріе и вражда, и народное дѣло проникало въ убѣжденія общественныхъ массъ съ удивительною быстротою. Правительственныя однакожь сферы смотрѣли съ недовѣріемъ на подобныя дѣла. Троянъ, какъ чиновникъ, получилъ строгій выговоръ, и сборки были запрещены, какъ враждебные правительству замыслы. Весь сборъ въ это короткое время далъ около 8,000 злотыхъ сереб., не считая многочисленныхъ ежегодныхъ пожертвованій, что было неслыханнымъ дотолѣ результатомъ. Общество «Gednota», составивши планъ, просило правительство о дозволеніи ему учредить сказанную школу; но этотъ планъ постигла та же самая участь, какъ и всѣ стремленія чешскаго народа: онъ былъ оставленъ въ Вѣнѣ — «ein Gegenstand Sorgfältiges Erwägung», то-есть, брошенъ былъ подъ столъ и отложенъ — «bis auf Weiteres». Дозволеніе на устройство чешской промышленной школы вышло только въ 1848 году съ дарованіемъ устава. Но хотя эта мѣра проводилась безъ особеннаго спѣха и усердія, тѣмъ не менѣе, она произвела громадное вліяніе на народъ. Повсюду пробудился духъ самосознанія, народъ и правительственныя сферы пріучились слышать свободное слово и самостоятельное произношеніе собственнаго имени. Равнымъ образомъ обществомъ «Gednota» положено было основаніе и для многихъ другихъ воскресныхъ ремесленныхъ школъ, заводимыхъ въ то время во всей странѣ. Нельзя не признать во всѣхъ этихъ дѣлахъ важныхъ заслугъ Ригера, который, будучи въ числѣ передовыхъ дѣятелей общества «Gednota», завѣдывалъ много лѣтъ его письмоводствомъ.

Находясь въ этомъ положеніи, онъ исполнялъ многія должности и весьма много содѣйствовалъ къ достиженію цѣлей общества—какъ живымъ словомъ, такъ своими литературными трудами и обработкой многихъ плановъ. Вмѣстѣ съ этими занятіями по части народной, Ригеръ держалъ также свой экзаменъ, и въ 1846 г. получилъ степень доктора юридическихъ наукъ. Диссертація его была весьма занима-

тельна въ двухъ отношеніяхъ. Во 1) что въ диспутѣ о значеніи римскаго права, какъ вспомогательнаго права въ Чехіи, гдѣ его оппонентомъ былъ Стробахъ, оба они цитировали чешскій текстъ, и такимъ образомъ впервые дали мѣсто чешскому языку въ аудиторіи и въ ученомъ диспутѣ; 2) что по другому тезису Ригеръ защищалъ свободу печати противъ цензуры, и былъ слишкомъ смѣлъ, тогда какъ цензура въ то время была въ полной мѣрѣ государственнымъ уставомъ. Ригеръ приводилъ противъ цензуры много очевидныхъ доказательствъ, между прочимъ и то, что еслибы Спаситель долженъ былъ предложить свое ученіе на обсужденіе властямъ своего времени – Пилату или Каіафѣ, то благотворныя начала христіанства никогда не могли бы водвориться въ мірѣ; эта острая фраза вызвала всеобщій смѣхъ и аплодисменты, такъ что деканъ нашелъ необходимымъ окончить этотъ диспутъ.

Такъ-какъ Ригеръ еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни, то по совѣту своего друга, лекаря Чейхи, онъ отправился въ Италію, съ цѣлью провести подъ ея благотворнымъ небомъ всю зиму. Онъ отправился въ путь въ сентябрѣ, не прямо въ Италію, а повернулъ въ Венгрію, жилъ нѣкоторое время въ Пресбургѣ, посѣщалъ сеймъ, потомъ остановился въ Пештѣ у Коллара, откуда отправился на пароходѣ въ Карловцы и Земунъ; а оттуда въ Бѣлградъ; здѣсь онъ проживалъ у своего друга Заха, представленъ былъ князю Карагеоргіевичу, турецкому пашѣ и познакомился съ лучшими сербскими мужами, а именно съ Вутичемъ, Гарашаниномъ, Мишемъ и Кничаниномъ, который вскорѣ послѣ того игралъ такую важную роль въ банатскомъ сраженіи. Изъ Бѣлграда Ригеръ отправился черезъ Военную границу, Славонію и Хорватію въ Загребъ (Аграмъ), гдѣ опять прожилъ нѣсколько времени въ обществѣ народныхъ представителей и познакомился съ тою реакціей, которая готовилась мадьярству въ его обнаруживавшихся уже тогда движеніяхъ 1848 года. Отсюда черезъ Фіумъ и Тріестъ Ригеръ отправился въ Венецію, гдѣ онъ прожилъ 3 недѣли и осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города и всѣ его памятники искуства.

Между знаменитостями, съ которыми онъ здѣсь познакомился, былъ нѣмецкій поэтъ Штиглицъ, съ которымъ Ригеръ вошелъ въ тѣсную дружескую связь, и знаменитый италославянинъ Томасео (Томашичъ), въ слѣдующее за тѣмъ возстаніе, членъ венеціанскаго правительства. Отсюда черезъ Падую, Виченцу, Верону, Мантую, Парму, Модену, Болонью и Флоренцію Ригеръ пріѣхалъ въ Римъ; онъ останавливался нѣсколько времени въ каждомъ большомъ городѣ, для изученія памятниковъ; рекомендательныя письма открывали ему многіе дома и доставляли ему не мало случаевъ познакомиться съ лучшими лицами и политически-

ми стремленіями Италіи въ самомъ началѣ революціоннаго движенія 1847 — 1848 г. Въ Римѣ онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ, какъ напримѣръ, графа Амадея, съ которымъ жилъ въ одномъ домѣ, художниковъ Поляка, Кандлера и другихъ. Будучи введенъ ими въ кругъ художниковъ, онъ узналъ всѣ сокровища вѣчнаго города и весьма прилежно занимался исторіею искуства, причемъ также задумывалъ писать на чешскомъ языкѣ руководство по исторіи и теоріи искуствъ, для котораго онъ уже собиралъ-было матеріалы. Но политическое движеніе, возбужденное надеждами на человѣколюбиваго Пія Нона (IX), не позволило ему окончить этихъ трудовъ. Изъ Рима Ригеръ отправился въ Неаполь, осмотрѣлъ Везувій и былъ свидѣтелемъ народнаго энтузіазма по поводу устава, дарованнаго правителемъ, котораго впослѣдствіи, какъ уронившаго довѣріе къ своему слову и угнетавшаго военною силою всякое свободное проявленіе народнаго духа, прозвали *королемъ Бомбою*. Въ Неаполѣ Ригеръ присутствовалъ на бурномъ карнавалѣ и былъ свидѣтелемъ первыхъ кровавыхъ битвъ съ наступающей реакціей, видѣлъ стычки народной гвардіи съ подкупленными и наущенными лазаронами.

Возвратившись въ Римъ, Ригеръ провелъ тамъ еще нѣкоторое время въ изученіи окрестностей.

Между тѣмъ пламя все ярче и ярче озаряло политическій горизонтъ; приближалось время кровавыхъ битвъ итальянцевъ съ австрійцами. Ригеръ уже порѣшилъ отправиться въ дальнѣйшій путь черезъ Пизу и Ливорно въ Генуую и Марсель, откуда полагалъ переправиться въ Алжиръ и воротиться домой черезъ Мадридъ и Парижъ; но его остановило неожиданное извѣстіе о мартовскихъ происшествіяхъ въ Прагѣ и Вѣнѣ и о дарованіи австрійской конституціи.

Въ то же время онъ получалъ письма отъ своихъ друзей, въ которыхъ они призывали его воротиться на родину. Нельзя было медлить, и Ригеръ скоро приготовился къ отъѣзду. Онъ еще находился въ то время въ Римѣ, когда разъяренная толпа ворвалась въ знаменитый дворецъ *palazzo venezia*, жилище австрійскихъ посланниковъ, и сбросила съ него огромныхъ размѣровъ императорскаго орла; изъ Рима онъ выѣхалъ въ одно время съ такъназываемыми крестоносцами-рыцарями, направлявшимися тогда противъ Австріи. На анконскомъ пароходѣ замѣтили Ригера прежде всего по бѣлокрасной кокардѣ, новому знамени новорожденной австрійской свободы, которое носили также его далматскіе моряки. Отсюда Ригеръ переправился въ Тріестъ; тутъ онъ не останавливался, потому что спѣшилъ въ Вѣну.

Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился со второю пражской депутаціей, ко-

торая вела переговоры съ министромъ Пиллерсдорфомъ о соотвѣтственномъ центральномъ упраленіи для Чехіи и о другихъ дѣлахъ. Ригеръ съ восторгомъ былъ встрѣченъ своими соотечественниками, и былъ приглашенъ содѣйствовать имъ въ этомъ предпріятіи. Онъ участвовалъ въ ихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ съ министерствомъ и чешскій текстъ императорскаго патента 8 апрѣля вышелъ изъ-подъ пера Ригера.

На пути въ Прагу Ригеръ остановился съ другомъ своимъ Трояномъ въ Ольмюцѣ, гдѣ также, по примѣру вѣнскаго университета, происходило волненіе между студентами университета, а изъ университета трехцвѣтное знамя распространилось по всей Германіи. Здѣсь небольшой кружокъ студентовъ славянскаго происхожденія просилъ Ригера и Трояна, чтобы они переговорили съ нѣмецкими студентами объ интересахъ славянъ и о присоединеніи къ Чехіи Моравіи. Но эти переговоры только вооружили противъ нихъ нѣмецкихъ фанатиковъ, которые тотчасъ послѣ бурнаго совѣщанія бросились неистово на чешскихъ депутатовъ, такъ что благодаря только дружному отпору студентовъ славянъ, были спасены и отнесены на ихъ плечахъ въ ближайшую гостинницу. Такъ было съ ними на пути, но иначе было въ самой Прагѣ, гдѣ эти послы, принесшіе желанныя льготы въ патентѣ 8 апрѣля, были встрѣчены съ великимъ восторгомъ и радостію, а содержаніе патента было объявлено со сторожевой башни. Многіе друзья и лучшіе соотечественники встрѣчали Ригера и послѣ долгой разлуки искренно поздравляли его, какъ новаго защитника свободы и правъ своего народа. Будучи еще во время своего отсутствія избранъ въ члены святовячеславскаго общества, онъ теперь былъ сдѣланъ членомъ народнаго комитета.

Съ апрѣля 1848 г. Ригеръ достигаетъ полной самостоятельности въ жизни; въ этомъ періодѣ онъ, какъ и каждый рѣшительный защитникъ своего разумнаго образа мыслей и дѣйствій, нажилъ себѣ много друзей и недруговъ. Свободолюбивыя стремленія изживались также и въ Прагѣ, и первоначальное согласіе между чехами и нѣмцами было нарушено главнымъ образомъ вѣнскимъ комитетомъ безопасности, который, вооружая одну народность противъ другой, стремился лишь къ тому, чтобы доставить преобладаніе одной нѣмецкой народности. Чехи ратовали за равенство, а нѣмцы за преобладаніе, за безусловное подчиненіе всѣхъ народностей власти франкфуртскаго сейма. Чехи въ началѣ отклоняли эти притязанія мирнымъ и достойнымъ образомъ; но этотъ отпоръ принималъ все болѣе и болѣе враждебный характеръ, когда чехи замѣтили, что болѣе рьяные пособники франкфуртскаго сейма задумали посягнуть на права короны чешской и народа. Въ такомъ

положенiи было дѣло въ народномъ комитетѣ, дѣятельнѣйшимъ членомъ котораго былъ Ригеръ. Онъ составилъ въ это время воззванiе къ моравцамъ, въ которомъ онъ напоминалъ имъ древнюю историческую связь земель моравской и чешской короны; это воззванiе было подписано передовыми мужами Чехiи, между которыми былъ Палацкiй, графъ М. Тунъ, рыцарь Нейбергъ и другiе, и напечатано въ редакцiи журнала «Матичье». Въ это же самое время (29 апрѣля) прибыли въ Прагу депутаты отъ франкфуртскаго сейма, Вэхтеръ и Курандо, къ которымъ также присоединился и докторъ Шиллингъ изъ Вѣны, съ цѣлью убѣдить чеховъ — принять участiе въ дѣлахъ франкфуртскаго сейма; они вели переговоры съ коммисiею, учрежденною для этого народнымъ комитетомъ. Коммисiя эта, членами которой были также Палацкiй и Ригеръ, единодушно отвергла предложенiя депутатовъ франкфуртскаго сейма, и тутъ же Ригеръ доказывалъ необходимость существованiя самостоятельной, независимой отъ нѣмецкаго союза Австрiи, ядро которой составляютъ и должны составлять славяне. Когда въ отвѣтъ на эту рѣчь Ригера Шиллингъ недружелюбно отозвался о славянахъ, то уже была навсегда уничтожена всякая возможность соглашенiя.

Присутствуя еще на одномъ бурномъ засѣданiи народнаго комитета 7 мая, франкфуртскiе депутаты поняли, что нельзя добыть отъ чеховъ признанiя нѣмецкаго парламента и возвратились домой, не устроивши дѣла. Когда же они отдавали въ форпарламентѣ отчетъ о своемъ посольствѣ, то Шиллингъ воззвалъ съ гордостью къ чехамъ: «Мы вынудимъ ваше присоединенiе острiемъ меча!» Прочитавши 11 мая въ народномъ собранiи протоколъ засѣданiя франкфуртскаго сейма, Ригеръ прибавилъ къ этимъ словамъ громкимъ голосомъ: «на такiе аргументы мы отвѣтимъ дубинами». На галлереѣ послышался ужасный шумъ и громкiя рукоплесканiя; волненiе было такъ велико, что надо было прекратить засѣданiе, нѣмцы же всего больше были раздражены этимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Еще передъ тѣмъ Ригеръ составилъ въ собранiи городской бесѣды протестъ противъ воззванiя франкфуртскаго сейма. Вѣнское министерство, запуганное крикомъ нѣмецкихъ клубистовъ, вскорѣ приняло сторону воззванiй франкфуртскаго сейма, и нѣмецкiй элементъ Австрiйской Имперiи уже болѣе не скрывалъ своихъ сильныхъ намѣренiй раздѣлить Австрiю на двѣ половины, нѣмецкую и мадьярскую, между которыми западныхъ славянъ предполагалось раздѣлить слѣдующимъ образомъ: чехи присоединяются къ нѣмецкой половинѣ, хорваты же и сербы къ мадьярской. Вслѣдствiе этого многiе, въ числѣ коихъ былъ и Ригеръ, по соглашенiю со многими другими славянами, жившими въ Прагѣ, составили проектъ созванiя славянскаго съѣзда въ Прагѣ, указывая на необходимость австрiй-

скимъ славянамъ условиться на счетъ будущей своей политики. На предварительномъ собраніи къ съѣзду былъ также и Ригеръ, который обнаружилъ въ это время необыкновенную дѣятельность, направленную такимъ образомъ противъ стремленій франкфуртскаго сейма и для достиженія самостоятельности чешской короны. Въ то время Ригеръ былъ душою народнаго собранія, въ засѣданіи котораго онъ много содѣйствовалъ гр. Стадіону, мало знакомому съ чешскимъ языкомъ, такъ-какъ Стробахъ, будучи избранъ бургомистромъ города, пересталъ участвовать въ засѣданіяхъ. Въ это же время Ригеръ составилъ инструкцію для выборовъ въ земскій сеймъ, и указалъ кандидатовъ на должность избирательныхъ коммисаровъ.

Въ самыхъ засѣданіяхъ славянскаго съѣзда, собравшагося въ скоромъ времени, Ригеръ, однакожъ, не участвовалъ. Какъ только пришла вѣсть объ отъѣздѣ императора въ Инспрукъ, въ цѣлой Прагѣ отозвалась единогласная оппозиція противъ слабаго министерства Пиллерсдорфа, которымъ совершенно овладѣла вѣнская ультранѣмецкая партія. Чехи не хотѣли никоимъ образомъ подчиняться ему, а шляхта чешская и представители народнаго собранія побуждали новоизбраннаго намѣстника, графа Льва Туна, чтобы онъ освободился изъ-подъ его вліянія. Такимъ образомъ 29 мая было учреждено временное чешское правительство, въ которое были избраны также Палацкій, Ригеръ, Брауперъ и Стробахъ. Правительство это имѣло цѣлью поставить себя въ непосредственныя отношенія къ королю и содѣйствовать домашнему устройству Чехіи; поэтому оно, главнымъ образомъ, добивалось существованія чешскаго сейма и соотвѣтственнаго земскаго правленія, которые были обѣщаны патентомъ 8 апрѣля. Ригеръ и графъ Альбертъ Ностицъ были отправлены въ Инспрукъ просить императора о разрѣшеніи учредить временное чешское правленіе, помимо министерства, которое отвергло это предложеніе, какъ незаконное и неправильное. Въ Инспрукѣ въ то время томились депутаціи и представители разныхъ политическихъ партій — мадьярской, хорватской, вѣнской, кромѣ того, тамъ жилъ въ то время Елачичъ и отправленный туда впослѣдствіи Батіани. Чешскіе депутаты хорошо исполнили свое порученіе, и ихъ переговоры со дворомъ и императоромъ, благодаря поддержкѣ и покровительству гр. Фридриха Туна, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ригеръ составилъ въ эти дни пространныя promemoria объ историческихъ правахъ чешскихъ и о нуждахъ чешской земли, которыя онъ представилъ двору вмѣстѣ съ графомъ Ностицомъ. Его проекты объ учрежденіи отвѣтственнаго намѣстничества для Чехіи были по большей части приняты, и нынѣшній императоръ былъ сдѣланъ намѣстникомъ Чехіи, причемъ также были назначены нѣкоторые чиновники по намѣстничеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было

разрѣшено безотлагательное созваніе чешскаго сейма, планъ котораго былъ составленъ Ригеромъ, еще до распущенія государственнаго сейма въ Вѣнѣ; послѣ этого исполненные надеждъ депутаты возвратились на родину.

Въ Баваріи они получили извѣстіе о волненіяхъ въ Прагѣ, въ троицынъ день. Они прибыли въ Прагу на разсвѣтѣ послѣдняго дня бомбардированія Праги. Съ трудомъ они были пропущены черезъ въѣздныя ворота, и въ сопровожденіи военной стражи прибыли въ городъ. Здѣсь они застали городскую депутацію, отправленную къ Туну, Виндишгрецу и къ комисарамъ вѣнскаго министерства Менсдорфа и Клецанскаго, для мирнаго окончанія пагубнаго спора. Ригеръ былъ также приглашенъ жителями Праги къ участію въ этой депутаціи; онъ долженъ былъ идти въ Старый Городъ, и своимъ вліяніемъ содѣйствовать успокоенію умовъ и заключенію перемирія. Здѣсь все находилось въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изрѣдка еще перестрѣливались, въ особенности же изъ староградскихъ мельницъ, гдѣ не было ни порядка, ни послушанія. Переговоры велись въ ратушѣ. Ригеръ предложилъ условія устраненія баррикадъ и всеобщаго спокойствія, и эти условія были приняты Менсдорфомъ и Клецанскимъ. На основаніи этого Ригеръ написалъ воззваніе къ народу и студентамъ и присоединилъ къ этому правила, по которымъ можетъ быть возстановленъ порядокъ въ городѣ. Около полудня многочисленная депутація принесла въ городъ условія мира и воззваніе къ народу. Однакожъ, Виндишгрецъ не принялъ ни того, ни другаго, и настаивалъ на безусловной сдачѣ города и отстраненіи студентовъ. Это должно было непремѣнно послѣдовать, несмотря на то, что Ригеръ сильно настаивалъ на томъ, чтобы Виндишгрецъ принялъ эти условія, признанныя министерскими комисарами, и не нарушалъ постановленій отвѣтственныхъ государственныхъ министровъ. Виндишгрецъ отвѣтилъ Ригеру, что онъ не намѣренъ брать у него уроки конституціонализма, и упорствовалъ на своемъ; превосходство силъ и пушки Виндишгреца принудили Прагу сдаться на капитуляцію, и долгое время испытывать всѣ ужасы военнаго деспотизма.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала отмѣна временнаго правленія Чехіи, которое намѣстникъ Тунъ объяснялъ тѣмъ, что послѣ несчастныхъ событій въ Вѣнѣ оно было необходимо какъ для сохраненія самостоятельности Чехіи, такъ для примиренія всѣхъ партій на государственномъ сеймѣ. Такъ-какъ государственный сеймъ былъ созванъ тотчасъ послѣ событій троицына дня, то созваніе чешскаго сейма было невозможно, несмотря на то, что его выборы были уже окончены. Депутатомъ на земскій сеймъ Ригеръ былъ избранъ въ Хрудимскомъ и Семильскомъ округѣ, а въ государствен-

ный сеймъ онъ былъ избранъ 7-ю округами: Желѣзобродскимъ, Хрудимскимъ, Биджовскимъ, Бѣльскимъ, Турновскимъ, Младоболесловскимъ и Новымъ Пражскимъ городомъ. Ригеръ принялъ выборъ Желѣзобродскаго округа, а отъ Праги былъ избранъ на его мѣсто Пинкасъ.

Задолго еще до прибытія чешскихъ депутатовъ въ Вѣну, радикальная нѣмецкая журналистика успѣла вооружить противъ нихъ вѣнскую чернь, возводя на нихъ всевозможныя клеветы, называя ихъ зачинщиками реакціи, коноводами партій и т. д., такъ что общество возбуждено было противъ нихъ до крайней степени. Больше всего неистовствовали противъ Палацкаго и Ригера франкфуртскіе славянофаги; они утверждали, что Палацкій и Ригеръ захотятъ на государственномъ сеймѣ говорить по-чешски, и не устыдились ни одной клеветы, которая могла бы уронить этихъ мужей въ глазахъ жителей Вѣны. Наконецъ, чернь такъ была остервенена противъ нихъ, что Ригеръ еще не успѣлъ занять своего мѣста въ государственномъ сеймѣ, какъ уже 19-го августа вынужденъ былъ жаловаться на насиліе вѣнской черни. Въ этотъ день Ригеръ прежде всѣхъ вышелъ изъ сеймовой залы, гдѣ одержалъ почти совершенную побѣду, такъ что избраніе председателя было отложено до тѣхъ поръ, пока не явятся чешскіе и галицкіе депутаты; и это было причиною, почему остервененная чернь напала на него и преслѣдовала его съ угрозами отъ города до (Пржиполья) Переполья, пока, наконецъ, вѣнскій депутат Гольдмаркъ не уговорилъ народа, чтобы ему позволили спокойно уѣхать. Вслѣдъ за тѣмъ Ригеръ выступилъ противъ злѣйшаго врага чеховъ Лэнера, родомъ чеха, который хотѣлъ, чтобы выборы чешскихъ депутатовъ, произведенные способомъ осаднаго положенія, были провозглашены неправильными. 24-го Ригеръ протестовалъ противъ незаконнаго заточенія въ Прагѣ Браунера. 31-го онъ приглашенъ былъ вмѣстѣ съ Палацкимъ и Пинкасомъ въ общество, созванное для составленія устава Австрійской Имперіи. Ригеръ былъ также однимъ изъ первыхъ членовъ славянской половины на сеймѣ, которая, поддерживая тогдашнее министерство, старалась о сохраненіи Австріи, добивавшейся федеративнаго устройства, между тѣмъ, какъ лѣвая половина — радикалисты нѣмцы, съ которыми тогда держали сторону и поляки, стремилась къ тому, чтобы раздѣлить Австрію на 2 половины, австрійскую и мадьярскую, между которыми славянскія племена должны были играть роль подчиненныхъ. Одни только поляки мечтали о какой-то неопредѣленной самостоятельности. Борьба между обѣими сторонами парламента была ужасная; наконецъ, Ригеръ, возвысившійся до степени оратора правой половины, выказалъ необыкновенныя ора-

торскія дарованія, и одержалъ рѣшительную побѣду надъ своими противниками. Эта борьба сеймовыхъ партій нерѣдко доходила до схватокъ, въ которыхъ испытывали свои силы обѣ партіи. Наконецъ наступилъ памятный день 19 сентября, когда разсуждали о допущеніи и выслушаніи депутаціи мадьярскаго сейма, который, будучи стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ сербами и хорватами, отправилъ эту депутацію за помощью къ государственному сейму. Дѣловое отдѣленіе (?) государственнаго сейма запретило допускать ее, какъ на полный сеймъ, такъ и на его выборы; но лѣвая сторона, которая много ожидала отъ самостоятельнаго выступленія угровъ на сеймѣ, употребляла всѣ усилія для того, чтобы нарушить это постановленіе дѣловаго отдѣленія (?). Газеты и разныя агитаціи на мадьярскія деньги настроили вѣнскую чернь въ пользу мадьяръ до такой степени, что еслибы сеймъ не принялъ мадьярской депутаціи, нужно было бы бояться за безопасность сеймовыхъ депутовъ. Для охраненія ихъ потребовали 2 батальйона народной гвардіи, которые стояли цѣлый день карауломъ на площади предъ сеймовой залою. Весь городъ пришелъ въ движеніе, толпы народа наполнили улицы, ведущія къ сеймовому зданію; похвальбы и угрозы противъ мужей славянской правой стороны проносились по всему городу; когда отдѣльныя академическія легіонаріи гордились и пугали своими смѣшными республиканскими демонстраціями, когда на самой площади передъ сеймовымъ зданіемъ завязалась жестокая схватка между радикальною и консервативною партіями въ народной гвардіи, въ то время депутатамъ, дѣйствительно, угрожали всѣ ужасы разъяренной черни. Среди такихъ обстоятельствъ въ сеймовой залѣ велась ожесточенная борьба двухъ партій о томъ—допустить или недопустить угорскую депутацію. Съ лѣвой стороны Боррошъ, Брестль, Ѳедоровичъ, Гольдмаркъ, Лэнеръ и др. говорили часто такъ рѣзко, что нужно было прекратить засѣданіе; съ правой стороны опровергали допущеніе угорской депутаціи Палацкій, Браунеръ, Троянъ, Клауды, Гавелка и Гельфершъ; но вѣнецъ славы этого дня принадлежитъ Ригеру, который, получивши опять право говорить, громилъ своимъ краснорѣчіемъ доводы мадьярофиловъ, изображая живыми красками обиды и притѣсненія, наносимыя гордыми мадьярами остальнымъ угорскимъ народамъ, и обнаруживая планы Кошута. Необыкновенный восторгъ съ одной и сильное шиканье съ лѣвой нѣмецкой стороны и галлереи сопровождали рѣчь Ригера, но онъ все-таки достигъ цѣли, потому что мадьярская депутація не была допущена. Это былъ судный день, потому что допущеніе мадьярской депутаціи необходимо вело за собою успѣхъ мадьяръ, за которымъ, въ свою очередь, должно было бы послѣдовать провозглашеніе измѣнникомъ Елачича и

объявленіе войны какъ противъ славянъ, такъ и противъ него, этого единственнаго защитника цѣлости государства. Предпринятыя мѣры помѣшали возникновенію явной вражды, которой должно было опасаться вслѣдствіе господствующаго настроенія умовъ, и этотъ разрывъ отложенъ былъ до болѣе удобнаго времени. Съ тѣхъ поръ Ригеръ сдѣлался предметомъ нападеній франкфуртско-мадьярской партіи. Нѣмецкая партія подъ руководствомъ Лэнера издала цѣлый манифестъ, въ которомъ возводилось на него обвиненіе, будто онъ произнесъ слѣдующія слова: «Австрія будетъ существовать до тѣхъ поръ, доколѣ мы, славяне, будемъ желать этого». Ничто не могло устрашить Ригера и отклонить на сеймѣ отъ защиты началъ конституціонной свободы, народной равноправности и нераздѣльности государства, съ соблюденіемъ земской автономіи; онъ пользовался уваженіемъ перваго оратора правой стороны. Доказательствомъ либерализма Ригера можетъ служить его жалоба военному министерству отъ 22-го сентября на постоянно возрастающую роскошь военнаго сословія, на заносчивый духъ, которымъ проникнута бо́льшая часть этого сословія, на тѣ насилія, которыя дозволяютъ себѣ воины надъ мирными гражданами, насмѣхаясь надъ общественными законами. Выступая смѣло на защиту правъ народовъ не нѣмецкой расы, именно славянъ, Ригеръ вооружилъ противъ себя до крайности нѣмцевъ и мадьяръ; но за то съ другихъ сторонъ онъ получалъ самыя лестныя увѣренія дружбы и признательности. Отъ общества города Цары (Задра) онъ получилъ благодарственный адресъ за предложенный имъ проектъ подачи голосовъ на итальянскомъ языкѣ. Вскорѣ наступилъ еще болѣе памятный день, нежели 19-го сентября — 5-е октября. Въ этотъ день въ государственномъ сеймѣ разсуждали о подачѣ помощи деньгами и войскомъ бану Елачичу, стоявшему тогда на полѣ брани противъ возмутившихся венгровъ. Лѣвая сторона не хотѣла подать помощи ни войскомъ, ни деньгами, и замедляла рѣшеніе длинными спорами и неумѣстными проектами объ улучшеніи положенія. Министерство находилось въ величайшемъ затрудненіи и, потерявши совершенно голову, искало опоры въ чешской партіи. Въ это самое время Ригеръ предложилъ прекратить всѣ разсужденія по вопросамъ, касающимся улучшеній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтовалъ сдѣлать уступку министерству, выставляя на видъ обстоятельства и опасность, какая угрожаетъ, въ случаѣ замедленія, всему государству. Его проектъ былъ принятъ, и такимъ образомъ опять была поражена нѣмецко-мадьярская партія, которая теперь безъ оглядки стремилась къ революціи.

Мы знаемъ тѣ достойныя сожалѣнія событія 6-го октября, рокового дня смерти Латура. Разъяренная, подущенная противъ сла-

вянъ вѣнская чернь бѣгала съ оружіемъ въ рукахъ по городу и отыскивала чеховъ, чтобы выместить на нихъ свою злобу. Чернорабочіе на баррикадахъ рѣшили публично, что если имъ подвернется Ригеръ, то его постигнетъ та же самая участь, что и Латура. Такая же опасность угрожала Стробаху, Гавличку и др. лучшимъ чешскимъ депутатамъ. Сеймъ выбралъ двухъ депутатовъ Елена и Зиммера (изъ которыхъ послѣдній, будучи нѣмцемъ, не менѣе другихъ былъ настроенъ въ томъ же духѣ) и поручилъ имъ заботиться о безопасности своихъ товарищей, находившихся въ опасномъ положеніи; но это постановленіе сейма не было и не могло быть внесено въ протоколъ, чтобы не вооружить еще сильнѣе разнузданной черни противъ чешскихъ депутатовъ, несмотря на то, что сеймъ не переставалъ твердить о томъ, что свободѣ мысли и слова не угрожаетъ никакая опасность. Лучшимъ доказательствомъ этой свободы слова въ сеймѣ можетъ служить то обстоятельство, что съ наполненной вооруженнымъ народомъ сеймовой галлереѣ прицѣливались ружьями въ ненавистныхъ депутатовъ. Чешскимъ депутатамъ не оставалось ничего больше, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе. Ригеръ съ Гавличкомъ ожидали въ предмѣстіи города пока не утишится буря, потому что всякая надежда на дальнѣйшую свободу парламента пала уже послѣ повѣшенія Латура; около полудня они выѣхали изъ Вѣны на Мауеръ, испытавъ на пути много непріятностей, потому что были застигнуты мадьярскими эмиссарами; здѣсь они наняли бричку и спѣшили въ Чехію. На пути отъ Маура они встрѣтили случайно поѣздъ императора, отправлявшагося въ Ольмюцъ, въ сопровожденіи многочисленной военной эскорты, и ставъ подъ прикрытіе его, ѣхали въ Прагу, мимо которой лежалъ путь императору. Оставя императорскій поѣздъ въ Кремзирѣ, они едва избѣжали преслѣдованій остатковъ революціонной партіи народной гвардіи, гдѣ были личности, знавшія Ригера и хотѣвшія арестовать его за его оппозицію въ Вѣнѣ.

9-го октября Ригеръ и Гавличекъ прибыли въ Прагу, гдѣ въ тотъ же самый день происходило въ ратушѣ засѣданіе 27 депутатовъ, въ которомъ совѣщались о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ. На этой сходкѣ составлено было Ригеромъ общее опредѣленіе, въ которомъ депутаты доказывали передъ народомъ справедливость своихъ постановленій, и вмѣстѣ рѣшено было протестовать единодушно противъ уложенія недостаточнаго вѣнскаго сейма. 12-го октября Ригеръ говорилъ въ славянской Липѣ, а 13-го коронныимъ властямъ, указывая на тайную связь между главами вѣнскаго спора и между корифеями мадьярской партіи.

Удаленіе чешскихъ депутатовъ не могло остановить засѣданій сейма; но онъ уже не имѣлъ ни воли ни силы, такъ что былъ окон-

чательно вовлеченъ разъяренною чернью на скользкій путь революціи и взялъ-было на себя важную исполнительную власть въ государствѣ. Однако, Вѣна была осаждена войсками императора и повелитель ея Виндишгрецъ прекратилъ засѣданія сейма, а вскорѣ послѣ того, онъ былъ отсроченъ императоромъ. Когда же государственный сеймъ все-таки не хотѣлъ прекратить своей дѣятельности, тогда чешскіе депутаты издали 29-го октября воззваніе, въ которомъ объявили себя непричастными этимъ беззаконнымъ дѣйствіямъ сейма, и всѣ распоряженія его, сдѣланныя имъ въ такихъ обстоятельствахъ, признали неправильными.

Когда послѣ паденія Вѣны государственный сеймъ былъ переведенъ въ Крамержижъ, тогда для Ригера наступила новая эпоха въ его парламентской дѣятельности.

Во второмъ засѣданіи 27-го ноября Ригеръ опять очутился въ оппозиціи со своими противниками лѣвой стороны. Тогда разсуждали о чтеніи и принятіи сеймовыхъ протоколовъ за мѣсяцъ октябрь, стало-быть, о признаніи всей октябрской дѣятельности — за то время, когда свобода сужденій простерлась до такой степени, что чешскіе депутаты должны были спасаться бѣгствомъ, для избѣжанія опасности жизни отъ разъяренной черни. Правая сторона не могла считать законными октябрскія постановленія сейма; Ригеръ назвалъ эти рѣшенія сейма выдумкой и доказывалъ въ рѣчи, полной сарказмовъ, какъ неизбѣжно вели ad absurdum всѣ засѣданія октябрскаго сейма.

Зала огласилась громкими рукоплесканіями, когда Ригеръ сошелъ съ трибуны, а въ слѣдующее засѣданіе чтеніе октябрскихъ протоколовъ было совершенно отвергнуто большинствомъ (10) голосовъ.

Однакожь Ригеру и его друзьямъ не суждено было наслаждаться своею побѣдою. Вслѣдствіе взятія Вѣны и дальнѣйшихъ успѣховъ императорскаго оружія въ Венгріи, министерство видимо клонилось къ реакціи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе оказывало расположенія къ сейму и къ свободѣ. Это въ особенности чувствительно было для правой стороны, которой министерство такъ мало оказывало расположенія, несмотря на ея столь значительныя услуги. Отстаивая всегда почти свой конституціонный образъ мыслей, какъ скоро онъ встрѣчалъ сопротивленіе со стороны правительства, эта сторона очутилась наконецъ противъ собственной воли въ оппозиціи и должна была подать руку примиренія лѣвой сторонѣ.

Между тѣмъ какъ происходили эти перемѣны въ положеніи партій, законодательное собраніе, во главѣ котораго, между прочимъ, стояли Палацкій и Ригеръ, усердно работало надъ основными пра-

вами имперіи, и вскорѣ должно было наступить время окончательнаго приговора надъ этими правами. Референтами основныхъ законовъ имперіи были избраны Ригеръ и докт. Гейнъ, впослѣдствіи незабвенный предсѣдатель на государственномъ сеймѣ и, наконецъ, министръ юстиціи. Ригеръ былъ избранъ тотчасъ послѣ препій объ основныхъ законахъ имперіи и о первомъ ихъ параграфѣ, въ которомъ сказано было: «*Всѣ силы свои государство почерпаетъ изъ народа*». Министерство видѣло въ этомъ параграфѣ нарушеніе основной системы монархическаго образа правленія; эту самую мысль развивалъ также министръ графъ Стадіонъ, явно склоняя министерство къ уничтоженію этого параграфа.

Но этотъ шагъ Стадіона былъ причиною полнаго пораженія министерства, потому что на сходкѣ 8 января сеймъ большинствомъ голосовъ объявилъ, что онъ жалѣетъ о томъ, что министерство выступило противъ перваго параграфа ихъ правилъ и предоставляетъ себѣ притомъ произволъ сужденія. Въ этой же сходкѣ, въ качествѣ преобразователя, Ригеръ весьма ясно и остроумно защищалъ планъ выбора противъ замѣчаній нѣкоторыхъ депутатовъ. Но апогея своей парламентской дѣятельности Ригеръ достигъ 11-го января, когда онъ въ своей рѣчи защищалъ первый параграфъ этихъ правилъ. Онъ говорилъ полтора часа, рѣчь его была вполнѣ импровизированная; но тѣмъ не менѣе быстрый потокъ мыслей увлекалъ все собраніе, вся лѣвая сторона восторженно рукоплескала своему недавнему врагу, правая утопала въ чувствѣ самодовольства, и даже неповоротливый центръ преодолѣлъ свою обычную лѣность и вопреки враждебному требованію министровъ, похвалялъ оратора — свобода рѣчи вновь была признана, вопреки расляжѣніямъ министерства. Въ сеймовой залѣ воцарился новый, оживленный духъ; когда же Ригеръ окончилъ свою рѣчь, восторгъ взволнованныхъ сердецъ замѣненъ былъ продолжительнымъ, неослабѣвающимъ энтузіазмомъ. Одни только министры поражены были этимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ напоромъ, потому что Ригеръ, предвидя ихъ замыслы къ уничтоженію свободы и распущеніе съ этой цѣлью сейма, объявилъ объ этомъ и предостерегалъ государственнаго совѣтника недопускать оскверненія императорскаго слова, предупреждая въ пророческомъ духѣ, что, если народъ потеряетъ довѣріе къ правительству, трудно тогда будетъ созвать вновь государственный сеймъ, въ особенности такой сеймъ, въ которомъ бы приняли участіе и венгры. Рѣчь Ригера нашла себѣ отголосокъ нетолько во всемъ государствѣ, гдѣ она воспламенила въ полномъ значеніи этого слова всѣ пылкіе умы, но также зажгла пламенемъ сочувствія тысячи сердецъ въ сосѣднихъ

государствахъ. Эта рѣчь была напечатана въ «Monitore Romano», передъ выборами въ законодательный сеймъ тогдашней священной имперіи, и кромѣ того отпечатана была во многихъ тысячахъ экземпляровъ отдѣльно; ее читали публично на улицахъ и раздавали желающимъ въ несметномъ количествѣ экземпляровъ.

Несмотря, однакожъ, на блестящую защиту Ригера, сеймъ все-таки отложилъ въ сторону 1 §, потому что онъ хотя и защищалъ свою самостоятельность, но не хотѣлъ рисковать своимъ существованіемъ для того, чтобы явною борьбою противъ правительства защищать теоретически свою основательность. Тѣмъ неменѣе сеймъ вновь оживился; большинство его членовъ, возбужденныхъ рѣчью Ригера, воодушевилось, такъ что даже Лэнеръ, непреодолимый до сихъ поръ противникъ Ригера, публично благодарилъ его за такую торжественную защиту свободы слова. Съ другой стороны въ собраніи возстановилось мало-по-малу довѣріе, которое уже начало падать, вслѣдствіе безплодности своихъ ожиданій. Сеймъ получалъ со всѣхъ сторонъ государства адресы, которые много способствовали его стремленіямъ совершить великое дѣло, по которому онъ былъ созванъ. Въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ объ отдѣльныхъ параграфахъ устава Ригеру еще не разъ приходилось съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ доказывать искренность и свободу своего образа мыслей, что въ особенности доказываетъ его рѣчь отъ 6-го марта, занимающаяся отношеніемъ церкви къ правительству. Вскорѣ послѣ этого послѣдовала извѣстная катастрофа — распущеніе крамержижскаго сейма, которою и окончилась парламентская дѣятельность Ригера.

По возвращеніи въ Прагу, Ригеръ, какъ первый ораторъ бывшаго государственнаго сейма, вмѣстѣ съ другими болѣе выдающимися чешскими депутатами, былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ и оваціями. И здѣсь Ригеръ держалъ нѣсколько разъ рѣчь по разнымъ случаямъ. 15-го марта въ газетѣ «Norodni noviny» были помѣщены объясненія многихъ депутатовъ государственнаго сейма относительно тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ онъ былъ распущенъ. Эти объясненія еще до распущенія сейма были собраны Ригеромъ и бывшимъ министромъ Пиллерсдорфомъ; 25-го марта, вслѣдъ за этими объясненіями, послѣдовалъ замѣчательный трудъ, вышедшій изъ-подъ пера Палацкаго: «Сочиненіе чешскихъ депутатовъ о политическихъ началахъ, руководившихъ ихъ дѣйствіями во время законодательнаго государственнаго сейма въ Вѣнѣ и Крамержижѣ». 9-го апрѣля Ригеръ былъ на выборѣ «Slovenske'lipy», гдѣ онъ настаивалъ на томъ, чтобы общество ходатайствовало о дарованіи устава, который былъ выработанъ на сеймѣ, что было совершенно напрасно.

Наступили неблагопріятныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ Ригеръ оставилъ свою родину и отправился 18 апрѣля опять путешествовать. Теперь онъ отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ вплоть до 1850 года. Здѣсь онъ занимался, главнымъ образомъ, изученіемъ народнаго хозяйства, по которому онъ составилъ себѣ довольно значительную библіотеку, состоящую изъ первоклассныхъ писателей, преимущественно французскихъ и англійскихъ. Въ это же время онъ написалъ, на основаній своихъ занятій, ученое сочиненіе: *О невещественномъ достояніи и трудѣ и ихъ значеніи въ народномъ хозяйствѣ* (Прага, 1850) и дѣлалъ наблюденія, которыя, будучи дополнены опытами, пріобрѣтенными послѣ того въ Англіи, составили цѣлое сочиненіе: *Промышленость и развитіе ея дѣятельности въ отношеніи рабочаго класса и народной свободы* (1860). Въ Парижѣ (1850 г.) Ригеръ бесѣдовалъ съ знаменитыми государственными людьми изъ славянъ, венгровъ и др. Однажды онъ случайно встрѣтился у князя Адама Чарторыйскаго съ мадьярскимъ графомъ Владиславомъ Телеки, Ф. Пульшкимъ и Бедрихомъ Шарвадымъ. Неудивительно, что они завели разговоръ о политикѣ, въ которомъ Ригеръ, возражая мадьярамъ, утверждалъ, что примиреніе славянъ съ мадьярами такъ же невозможно, какъ возстановленіе Польши, пока мадьярскій элементъ будетъ присвоивать себѣ привилегіи и перевѣсъ, и что никакое ручательство свободы и никакое политическое устройство австрійскихъ земель не можетъ быть достигнуто безъ введенія и признанія принципа равноправности народовъ, входящихъ въ составъ Австрійской Имперіи. Они разсуждали о томъ, въ какой формѣ и на какихъ условіяхъ возможно примиреніе между народами Австріи. Разговоръ заключался въ томъ, что каждый предлагалъ свое мнѣніе, но о програмѣ и окончательномъ согласіи и помину не было. Гости разошлись и никто не думалъ, что объ этой сходкѣ будетъ еще когда-нибудь рѣчь. Но вскорѣ появился въ газетахъ полный протоколъ сходки, на которой Ригеръ съ венграми и Чарторыйскимъ положили, будто бы, основаніе для великой конфедераціи славянъ и мадьяровъ противъ господства Габсбурговъ въ Австріи; нѣмецкія газеты, готовыя на всевозможныя клеветы противъ Ригера, съ радостью хватились за эту ложь, и этотъ протоколъ вскорѣ появился во всѣхъ европейскихъ журналахъ. Нисколько не помогло то, что Ригеръ въ «Journal des Débats» и въ органѣ австрійскаго министерства «Oesterreichischer Correspondent» объяснялъ настоящее положеніе вещей и огласилъ готовность свою защитить себя, по возвращеніи на родину, передъ судомъ отъ этого обвиненія; нѣмецкія газеты все-таки не перестали расточать противъ Ригера безстыдную ложь. Но эта клевета не ослабила ни того довѣрія, какимъ Ригеръ пользо-

вался у своихъ соотечественниковъ, ни отвѣта противъ этихъ обвиненій, сдѣланнаго отъ городской думы, 30-го сентября 1849 года. Гавличекъ мужественно защищалъ отсутствующаго друга въ «Nàrodnich novinàch», а также и Габлеръ, который жилъ вмѣстѣ съ Ригеромъ въ Прагѣ, провозгласилъ себя противъ этой позорной лжи; наконецъ, и Пульшки въ «Kölnische Zeitung» объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ Ригеромъ находился у Чарторыйскаго, и что содержаніе того протокола совершенно противоположно убѣжденіямъ Ригера. Несмотря на все это, непріятное дѣло тѣмъ еще не кончилось. Хотя Ригеръ имѣлъ при себѣ паспортъ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ явиться къ допросамъ австрійскаго посланника Гюбнера, который счелъ его дезертиромъ, посадилъ подъ полицейскую стражу, гдѣ онъ содержался цѣлую ночь, пока не объяснилась ошибка.

Въ началѣ 1850 г. Ригеръ отправился въ Бельгію, былъ въ Брюсселѣ, Анторфѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ друзьями Шпрингромъ, художникомъ Ярославомъ Чермакомъ (котораго мать проживала въ Анторфѣ); съ ними онъ путешествовалъ по Голландіи, откуда отправился въ Англію. Въ Лондонѣ онъ старался ознакомиться ближе съ политическимъ, юридическимъ и экономическимъ бытомъ этой страны, которая во всѣхъ этихъ сферахъ можетъ служить образцомъ для другихъ государствъ, изучалъ англійскій языкъ и дополнялъ свои свѣдѣнія по народному хозяйству. Познакомившись съ нѣкоторыми семействами, онъ встрѣтился съ знаменитыми мужами разныхъ націй, между которыми были также австрійцы и прямой, благородный Кровъ, составитель знаменитой гусситской пѣсни. Онъ встрѣтилъ здѣсь также нѣмцевъ: Альфреда Мейсснера, поэта Жижка и Морица Гартмана, автора знаменитыхъ пѣсенъ *Мечъ и Чаша*, съ которыми онъ предпринялъ путешествіе въ Гласговъ, а откуда въ Верхнюю Шотландію, прославленную твореніями Вальтера-Скота, потомъ въ живописный, историческій Эдинбургъ, откуда черезъ Йоркъ воротился опять въ Лондонъ. На обратномъ пути Ригеръ старался побывать въ графствѣ Ланкаширскомъ, извѣстномъ своею промышленною дѣятельностію, осмотрѣлъ хозяйственную и фабричную часть, и потомъ отправился въ Манчестеръ и Ливерпуль. Здѣсь онъ находился нѣкоторое время въ затруднительномъ положеніи, потому что одинъ нѣмецкій эмигрантъ, просившій его о пособіи, обокралъ его до копейки. Изъ Лондона Ригеръ воротился, по истеченіи нѣкотораго времени, опять въ Парижъ, гдѣ онъ проводилъ время единственно въ занятіяхъ, выѣзжая повременамъ въ Руанъ, Туръ, Орлеанъ и др.

Къ концу 1850 года Ригеръ задумалъ возвратиться въ отече-

ство, гдѣ его ожидалъ судъ за государственную измѣну; онъ не долженъ былъ медлить съ этимъ, если только не хотѣлъ усилить подозрѣнія и считаться эмигрантомъ. Онъ собрался въ путь и прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ въ то время проживалъ по дипломатическимъ дѣламъ президентъ австрійскаго министерства, князь Феликсъ Шварценбергъ. Ригеръ воспользовался этимъ, представился ему 23-го декабря, и былъ принятъ весьма дружелюбно. Ригеръ искренно просилъ князя о томъ, чтобы по возвращеніи въ отечество, его судили по закону (это было цвѣтущее время правленія Баха, когда во всѣхъ сферахъ государства господствовали ложь и взяточничество), чтобы онъ защитилъ его отъ тираніи и ябедничества чиновниковъ, и если его потребуютъ въ судъ, то чтобы судили по закону того времени, въ которое совершено было имъ въ Парижѣ приписываемое ему преступленіе. Князь Шварценбергъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, считая все это уже давно забытымъ, и послѣ продолжительной дружеской бесѣды, отпустилъ Ригера, чѣмъ и окончилось это дѣло, угрожавшее, повидимому, столькими опасностями. Изъ Дрездена Ригеръ отправился немедленно въ Житову (Циттау), гдѣ его ожидали мать и сестра. Несмотря однакожь на обѣщанія князя Шварценберга, Ригеръ все-таки опасался излишняго усердія австрійскихъ чиновниковъ, которые не знали ничего о свиданіи въ Дрезденѣ, а потому онъ не поѣхалъ прямо въ Прагу, но поспѣшилъ въ Вѣну, представился министру Баху, который, будучи предупрежденъ, не могъ быть менѣе Шварценберга великодушнымъ къ своему прежнему товарищу по государственному сейму. Освободившись, такимъ образомъ, отъ всѣхъ подозрѣній, Ригеръ воротился въ Прагу, которая сдѣлалась съ тѣхъ поръ его постояннымъ мѣстопребываніемъ.

Онъ возымѣлъ тогда желаніе присоединиться къ пражскому университету, въ качествѣ чешскаго доцента народнаго хозяйства, о чемъ и подалъ прошеніе въ совѣтъ университета, съ приложеніемъ своего сочиненія *о Невещественномъ трудѣ*. Совѣтъ университета, состоявшій единственно изъ нѣмцевъ, отказалъ ему по той причинѣ, что не могъ оцѣнить сочиненія на чешскомъ языкѣ. Ригеръ обратился къ министру народнаго просвѣщенія, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Министерство нисколько не желаетъ препятствовать чешской народности въ университетѣ, но оно не можетъ дозволить доцентуры на томъ основаніи, что молодёжь будетъ смотрѣть на доцента, который прежде игралъ такую важную роль въ политическомъ мірѣ, скорѣе, какъ на передового дѣятеля въ политической борьбѣ, нежели на дѣятеля въ области научной». То-есть, Ригеръ долженъ былъ оставить мысль о профессурѣ, и остаться при литературѣ.

Спустя нѣкоторое время, Ригеръ сочетался бракомъ съ благородною и весьма образованною дѣвицею, дочерью своего стараго друга Палацкаго, и до сихъ поръ живетъ, наслаждаясь счастіемъ и блаженствомъ семейной жизни. Съ тѣхъ поръ и до самаго октябрскаго диплома, его дѣятельность ограничивалась единственно областью литературы, потому что для человѣка съ такимъ характеромъ въ то время не было другихъ занятій. Онъ перевелъ въ это время съ англійскаго *Жизнь Магомета* — Ирвинга, съ французскаго — *Политическую экономію* Дрозора; участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ *Мусейнака*, *Пушника*, *Обзора*, помѣщая статьи преимущественно о народномъ хозяйствѣ, соціальной политикѣ и т. д. Въ особенности здѣсь слѣдуетъ упомянуть: «Venuše Miloska a jeji stanoviste v veckëm umeni» (Венера милосская и ея значеніе въ греческой цивилизаціи) — въ альманахѣ Кытица, за 1859; Ригеръ не забылъ также эстетической дѣятельности. Въ журналѣ *Школа* и *Жизнь* (Zivot) онъ помѣстилъ большое разсужденіе: *Образцовые сады въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ*, печаталъ въ нѣмецкихъ журналахъ статьи политическаго содержанія, и занимался составленіемъ статистики Австрійской Имперіи, которая остается и до сихъ поръ въ рукописи. Къ болѣе легкимъ произведеніямъ его музы за это время слѣдуетъ отнести остроумное стихотвореніе *на смерть Маха*, баллады — *Смерть Мансфельда*, *Пестунъ чужеземецъ* (Pestoun cizinec) и, наконецъ, *Кузнецкую* (Kovavskou), пѣсня, которая, будучи снабжена отличными напѣвами Ф. Водля и Л. Фрохозки, и по настоящее время остается любимою народною пѣснью во всей Чехіи. Для чешскаго театра, которымъ онъ усердно занимался, будучи еще юношей, Ригеръ доставлялъ разные переводы, какъ напримѣръ комедію Фредра — «Pau Capek», драму стараго своего пріятеля Хоецкаго (Charles Edmond), «La Florentine», въ рукописи и до сихъ поръ и т. д. Въ разное время онъ перевелъ множество оперъ, концертовъ, много пьесъ и самъ писалъ, которыя поставлялъ на музыку Еленъ и другіе композиторы. Сознавая необходимость энциклопедическаго изданія на чешскомъ языкѣ, Ригеръ вызвалъ къ этому Кобера, который уже много содѣйствовалъ литературѣ (своими средствами), чтобы онъ принялъ на себя изданіе толковаго словаря. Коберъ охотно брался за это, но подъ тѣмъ условіемъ, если Ригеръ приметъ на себя редакцію и цѣлую организацію этого предпріятія. Такимъ образомъ, Ригеръ, хотя сначала и не думалъ объ этомъ, весною 1859 года стоялъ во главѣ весьма важнаго предпріятія, изданія *Научнаго словаря*. Только его личнымъ заслугамъ и достоинству слѣдуетъ приписать то необычайное участіе общества и литераторовъ, съ какимъ было встрѣ-

чено это изданіе. Ригеръ преданъ былъ ему всею душею до тѣхъ поръ, пока опять ему не представилась политическая дѣятельность; онъ помѣстилъ въ немъ значительное количество статей, отличающихся особеннымъ достоинствомъ. Однако же и впослѣдствіи, когда непосредственное завѣдываніе редакціей перешло въ другія руки, Ригеръ постоянно имѣлъ вліяніе на редакцію *Научнаго Словаря*, которая твердо держалась плана, указаннаго ей Ригеромъ.

Въ февралѣ 1860 г. Ригеръ предпринялъ путешествіе черезъ Туринъ въ Ниццу, гдѣ супруга его проводила зиму съ родными, а мать его, болѣвшая уже нѣсколько лѣтъ, умерла въ Подмокли, на обратномъ пути на родину. Во время своего пребыванія въ Ниццѣ, Ригеръ занимался публицистикой; онъ помѣстилъ много статей во французскихъ журналахъ, которыя были потомъ собраны и изданы подъ названіемъ «Les Slaves d'Autriche». Изъ Ниццы, которая въ то время принадлежала еще Сардиніи, но скоро послѣ того была уступлена Франціи, Ригеръ возвратился въ апрѣлѣ въ Прагу, гдѣ, вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ политикѣ, ему предстояла новая общественная дѣятельность.

Уже нѣсколько лѣтъ Ригеръ хлопоталъ о дозволеніи издавать политическую чешскую газету, но этотъ проектъ постоянно встрѣчалъ непреодолимыя препятствія въ Вѣнѣ, даже и послѣ паденія владычества Баха. Вскорѣ послѣ того, професоръ Зеленый, д-ръ Чупръ, д-ръ Сватенъ и Ярославъ Поспишилъ обратились также съ просьбой о дозволеніи сказанной газеты, но министерство никогда не рѣшалось удовлетворять подобнымъ требованіямъ. Наконецъ, подобное изданіе дозволено было Б. Миллеру, у котораго оно вскорѣ было отнято, подъ предлогомъ, будто онъ не былъ въ состояніи продолжать періодическое изданіе, а въ сущности потому, что узнали, что онъ хлопоталъ объ этомъ изданіи, по настоянію Ригера. Когда былъ созванъ общій государственный сеймъ, то, несмотря на всѣ привилегіи чешскаго народа, къ участію въ немъ не былъ призванъ ни одинъ чешскій депутатъ. Такое неуваженіе правительственной власти къ чешскому народу, неуваженіе, которымъ справедливо возмущалось общественное мнѣніе чеховъ, послужило для Ригера поводомъ къ принятію болѣе энергическихъ мѣръ. Онъ составилъ тогда знаменитый списокъ жалобъ чешскаго народа, и присоединилъ къ этому списку прошеніе о введеніи народной равноправности въ Австрійской Имперіи, а въ особенности прошеніе о дозволеніи самостоятельнаго политическаго журнала для чеховъ. Для того, чтобы полиція не узнала и не исказила этого дѣла, дѣло было устроено съ величайшей осторожностью, подписались только 12 представителей разныхъ сословій, между которыми были: Палацкій, Ригеръ, Пуркине, Бра-

унеръ, Ганка, князь Рудольфъ Таксисъ, Пштрасъ, Махачекъ, Елинекъ, Шимекъ, Кадымъ и Рѣзочъ. Ригеръ отправился съ пріятелемъ своимъ фабрикантомъ Махачкомъ въ Вѣну, прямо къ императору, который принялъ отъ нихъ прошеніе собственноручно. Оба они весьма ласково были приняты императоромъ, и объяснивши ему и министрамъ, что они допустили на прошеніи такое небольшое количество голосовъ единственно изъ опасенія быть заподозрѣнными въ агитаціяхъ, были отпущены съ большими надеждами. Графъ Голуховскій придалъ еще болѣе важности этому событію тѣмъ, что поднялъ вопросъ о призваніи Ригера въ государственный сеймъ (?). На обратномъ пути изъ Вѣны, такъ-какъ цѣль ихъ путешествія сдѣлалась общеизвѣстною, Ригеръ съ Махачкомъ были встрѣчены въ пражскомъ воксалѣ многочисленнымъ собраніемъ народа, съ громкими восторгами. Съ этихъ поръ имя Ригера сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Напрасно однакожъ ожидали удовлетворенія требованій, изложенныхъ въ прошеніи; это прошеніе не имѣло никакихъ послѣдствій, а когда эти требованія были напечатаны и подписаны *Посломъ изъ Праги*, то полиція пріостановила ихъ и требовала посла на судъ. Впослѣдствіи прошеніе напечатано въ Будышинѣ, на чешскомъ языкѣ, но подлинникъ его сокрытъ и до сихъ поръ въ пыли одного изъ вѣнскихъ архивовъ. По выходѣ октябрьскаго диплома, когда политическія дѣйствія получили больше свободы, Ригеръ также воспользовался этимъ, чтобы обратить общественное вниманіе на права и стремленія чеховъ. Онъ напечаталъ въ то время въ «Reichenberger Zeitung» одушевленную статью «Historiché pravo a ceský snem», потомъ помѣстилъ въ «Prager Morgenpost» свои взгляды о томъ, какъ можно ввести земское управленіе въ коронныхъ земляхъ по отношенію къ равноправности народовъ: «Výkonni zvizenci zemské samosprávy, Dvorské kancelare jotožio zemsko ministerstva», за что онъ былъ встрѣченъ ядовитѣйшею бранью со стороны нѣмецкихъ газетъ; болѣе же всего пугало ярыхъ нѣмцевъ газетное извѣстіе, хотя, впрочемъ, ложное, о томъ, что вмѣстѣ съ Шмерлингомъ и Деакомъ, Ригеръ вступитъ въ новую должность австрійскаго министра.

Ригеръ, главнымъ образомъ, не переставалъ заботиться о дозволеніи ему издавать публичный органъ. Министерство, наконецъ, разрѣшило изданіе *Часъ* другу его, Красу; но эта газета, стоя на стражѣ еще не твердо сложившихся народныхъ началъ, не выступила съ надлежащей рѣшимостью въ защиту правъ и стремленій чешскаго народа. Ригеръ просилъ о дозволеніи издавать ему другой политическій журналъ, но получилъ отказъ. Наконецъ

онъ получилъ дозволеніе издавать газету «Nàrodni Listy», которые находились подъ редакціей *Юлія Грегръ*; онъ составилъ для этой газеты программу, и съ тѣхъ поръ она сдѣлалась его органомъ. Новая газета начала выходить въ половинѣ декабря 1860 г. на счетъ общества, которое было собрано Ригеромъ, и онъ принималъ въ первое время дѣятельное участіе въ ней, помѣщая довольно часто обширныя передовыя статьи.

Ригеръ также принималъ дѣятельное участіе въ новыхъ выборахъ членовъ «общественнаго пражскаго покровительства», причемъ, во время предварительныхъ совѣщаній, составилось изъ благомыслящихъ чеховъ и нѣмцевъ такъ-называемое *общество прогреса*, которое и указало избирателямъ кандидатовъ для общественнаго покровительства. Во время самыхъ выборовъ, *общество прогреса* взяло перевѣсъ надъ большинствомъ такъ-называемаго *законодательнаго общества* (прежнее Mittelpartei), что̀ доставило рѣшительный перевѣсъ чешской народности въ новомъ обществѣ *народнаго покровительства;* вслѣдствіе этого, по прошествіи многихъ вѣковъ, въ староство незабвеннаго *Фр. Пштроса*, Прага получила наконецъ перваго своего бургомистра изъ горожанъ.

Послѣ изданія февральскаго устава, наступили выборы въ чешскій сеймъ; безъ малѣйшаго замедленія составилось подъ главенсвомъ Палацкаго, Ригера и Браунера избирательное собраніе, которое представило кандидатовъ округамъ и городамъ чешскимъ со скоростью, достойной удивленія по тогдашнему положенію дѣлъ. Ярость нѣмецкихъ газетъ не имѣла предѣловъ; Палацкій и Ригеръ были объявлены реакціонерами, которые, предавшись шляхтѣ и духовенству, или, что̀ то же, началамъ абсолютизма (?), видѣли въ этомъ успѣхъ своей народности. На эти ядовитыя нападки и подозрѣнія народъ отвѣчалъ достойнымъ образомъ. 11 марта городъ Непомукъ прислалъ Палацкому почетный титулъ своего обывателя; этотъ примѣръ нашелъ себѣ чуткихъ послѣдователей во всей Чехіи и въ Моравіи.

Преимущественно Палацкому и Ригеру многія городскія и сельскія общества присылали почетные титулы и права членовъ своихъ общинъ, числомъ до 1,600, выражая имъ при этомъ свою полную признательность, какъ неутомимымъ дѣятелямъ за права и свободу своего народа. Во время сеймовыхъ засѣданій въ Вѣнѣ, нѣкоторыя славянскія общины и польскія, а также три хорватскіе комитата, сдѣлали Палацкаго и Ригера своими засѣдателями. Не менѣе важнымъ доказательствомъ довѣрія были послѣдніе выборы въ сеймъ, когда повсюду были избраны чешскіе кандидаты. Къ сожалѣнію, несмотря на счастливый исходъ выборовъ, нельзя

было надѣяться, чтобы на сеймѣ преобладалъ чешскій элементъ, потому что порядокъ избранія былъ составленъ такъ предусмотрительно и хитро, что всѣ знатнѣйшіе депутаты, которые должны бы были заняться обсужденіемъ важнѣйшихъ для чешскаго народа вопросовъ, должны были оставить свои посты и разойтись. Сейчасъ же сдѣлалось очевиднымъ, что положеніе чешскихъ депутатовъ было гораздо неудобнѣе, чѣмъ можно было надѣяться прежде, и что именно все то, что могло бы способствовать введенію равноправности и благосостоянію чешскаго народа, встрѣтило рѣшительныя непреодолимыя препятствія. Здѣсь Ригеръ выказалъ необыкновенную дѣятельность и силу въ затрудненіяхъ по дѣламъ сейма и коммисіи. Еще во время перваго собранія онъ подалъ протестъ противъ дѣлового порядка сейма, равнымъ образомъ и противъ порядка избранія, какъ такого, которымъ отвергалъ основной принципъ *передъ закономъ всѣ равны* (Rovne pravo vsem), Ригеръ вначалѣ говорилъ почешски и понѣмецки. Нѣмцы, напротивъ, такое введеніе равноправности называли тратой времени, а ихъ газеты старались всячески противодѣйствовать этому; народъ же чешскій видѣлъ съ радостью, что его старославный языкъ получитъ свои права на уваженіе общества. При исчисленіи сеймовой дѣятельности Ригера, намъ должно раздѣлить ее на важнѣйшіе моменты. Въ высшей степени тяжелое положеніе Ригера обнаруживалось каждый разъ, какъ скоро онъ сдѣлалъ какое бы ни было предложеніе; да къ тому еще нѣмцы и шляхта, предводительствуемая княземъ Карлосомъ Ауэрсбергомъ, возстали противъ него съ рѣдкимъ единодушіемъ и своимъ голосованіемъ поражали самыя очевиднѣйшія его доказательства. Несмотря на то, какъ только дѣло касалось свободы, Ригеръ постоянно являлся главнымъ ея защитникомъ, чему служитъ доказательствомъ блестящая его рѣчь 12 апрѣля, въ которой онъ защищалъ свой планъ о безотвѣтственности и неприкосновенности депутатовъ. Ригеръ былъ также членомъ депутаціи, посланной отъ сейма къ императору съ цѣлью просить его, чтобы онъ короновался королемъ Чехіи, на что онъ и согласился. На обратномъ пути изъ Вѣны, Ригеръ и Палацкій остановились на нѣкоторое время въ Брюнѣ, гдѣ они совѣщались съ членами моравскаго сейма и своими друзьями. 15 февраля Ригеръ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ земскихъ выборовъ и, кромѣ другихъ обязанностей, ему также порученъ былъ надзоръ за чешскимъ театромъ и путями сообщенія, поддерживаемыми общественными фондами.

Пришли памятные дни, когда на чешскомъ сеймѣ разсуждали о выборахъ въ государственный сеймъ. Громадное число чешскихъ депутатовъ, и во главѣ ихъ Палацкій, были противъ признанія госу-

дарственнаго сейма мѣстнымъ чешскимъ сеймомъ; однакожь многія и важныя доказательства политическаго благоразумія, казалось, говорили не въ пользу такой непріятной оппозиціи. Бурныя пренія происходили по этому дѣлу на сеймѣ и въ клубахъ, а когда и самъ кардиналъ-архіепископъ заговорилъ въ клубѣ чешскихъ депутатовъ въ пользу окончанія выборовъ, тогда Ригеръ, ссылаясь на опытъ, сказалъ, что прежде всего надобно еще испробовать, будутъ ли права чешской короны провозглашены и признаны въ государственномъ собраніи, потому что онъ, благодаря только своему вліянію, поднялъ вопросъ объ участіи въ государственномъ сеймѣ, и что онъ склонилъ народную сеймовую партію на выборъ депутатовъ въ государственный сеймъ единственно при томъ условіи, что они этимъ нисколько не ослабляютъ правъ чешской короны на самостоятельность. Ригеръ тогда боялся распаденія народной партіи, потому что нѣкоторые чешскіе депутаты рѣшились идти въ государственный сеймъ даже въ случаѣ несогласія большинства. Это обстоятельство отчасти ослабило популярность Ригера, потому что общественное мнѣніе было противъ признанія государственнаго сейма и Ригеръ получилъ много горькихъ упрековъ съ разныхъ сторонъ.

Само собою разумѣется, что между депутатами, избранными въ государственный сеймъ, былъ также и Ригеръ. Изъ дальнѣйшей сеймовой дѣятельности Ригера слѣдуетъ упомянуть замѣчательную его рѣчь о томъ, чтобы сеймъ просилъ императора дать всеобщую амнистію, которая послужила бы новымъ доказательствомъ искренности его благорасположенія, въ которомъ такъ охотно отказывали ему его нѣмецкіе противники. 25 апрѣля Ригеръ выѣхалъ изъ Праги въ Вѣну, на государственный сеймъ. Слишкомъ свѣжо еще хранились въ памяти тѣ непріятности, какія испытали тамъ земскіе представители вообще, въ особенности же чешскіе, и именно Ригеръ, отъ ярыхъ нѣмецкихъ централистовъ и знаменитаго въ то время предсѣдателя сейма, доктора Гейна, и какимъ поруганіямъ подверглась тогда священная корона Вячеслава. При совершеніи присяги, которая произнесена была понѣмецки, Ригеръ долженъ былъ поставить условіемъ право присягать на родномъ языкѣ для тѣхъ членовъ, которые не знали нѣмецкаго языка. Первая борьба Ригера съ нѣмецкими централистами началась 3 мая, когда разбирался планъ Прожана, въ которомъ говорилось, что при каждомъ сеймовомъ выборѣ должны быть защищены главныя коронныя земли и противъ котораго стояли упорно нѣмцы, видѣвшіе въ немъ главное препятствіе всякой федераціи. Ригеръ защищалъ въ энергической рѣчи планъ Прожана, который наконецъ былъ принятъ большинствомъ 85 голосовъ противъ 66. Изъ-подъ пера Ригера вышла также программа федералистической партіи въ госу-

дарственномъ сеймѣ, въ которомъ эта партія, для предотвращенія отпора, сама себя называла децентралистическою. Произошли сильныя пренія объ адресѣ, который хотѣли подать императору какъ отвѣтъ на его тронную рѣчь; Ригеръ говорилъ съ одушевленіемъ въ сепаративномъ духѣ, за что и былъ призванъ предсѣдателемъ къ порядку и потому былъ лишенъ права говорить; наконецъ былъ принятъ безсодержательный адресъ, составленный докторомъ Гискрою. Такъ-какъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось очевиднымъ, что государственный сеймъ то въ большей, то въ меньшей степени не могъ удовлетворить требованіямъ государства и народовъ, то 8-го іюня Ригеръ подалъ проектъ съ 50 подписями славянской правой стороны, въ которомъ онъ предлагалъ отсрочить сеймъ и немедленно собрать вновь земскіе сеймы. Въ этомъ проектѣ было изложено подробно положеніе дѣла, за что вооружились на него неслыханнымъ образомъ нѣмцы и централисты. Не было вины, кляузы, подозрѣнія, которыхъ не возводили бы на Ригера нѣмецкія газеты, наперерывъ роняя его славу, оскорбляя его какъ государственнаго дѣятеля и какъ частнаго человѣка, и называя разными оскорбительными именами реакціонера, шляхетскаго и поповскаго агитатора и т. д. Эти ужасныя нападки на Ригера простерлись наконецъ до такой степени, что онъ долженъ былъ защищаться противъ нихъ, что и сдѣлалъ 19-го іюня при обсужденіи извѣстныхъ проектовъ Мюльфельда. Онъ указалъ здѣсь на дѣйствія лѣвой стороны, которая пріобрѣтала себѣ дешевую славу своими проектами, непревышающими и азбуки государственной жизни; онъ указывалъ на исторію чешскаго народа, который всегда стоялъ во главѣ всемірной цивилизаціи и до самаго своего паденія проливалъ кровь свою за свободу; онъ объяснилъ, какъ онъ понимаетъ практическую свободу; наконецъ, когда онъ рѣшился высказать свое сомнѣніе въ справедливости нѣмцевъ къ другимъ народамъ, предсѣдатель запретилъ ему опять говорить, послѣ чего Ригеръ воскликнулъ громко: «Честь и слава такой свободѣ слова, какая существуетъ въ австрійскомъ парламентѣ!», а когда предсѣдатель указалъ ему на нарушеніе порядка, тогда Ригеръ указалъ ему на нарушеніе законовъ справедливости. Впечатлѣніе Ригеровой рѣчи было такъ глубоко, что помѣшанные его противники, которые наканунѣ считали его реакціоперомъ и заговорщикомъ, теперь стали называть его крайнимъ демократомъ и гусситомъ, угрожающимъ всѣмъ и каждому.

Такимъ образомъ дѣйствія Ригера на государственномъ сеймѣ примирили съ нимъ и тѣхъ горячихъ соотечественниковъ, которые подозрѣвали его, будто онъ недоброжелательно дѣйствовалъ въ пользу созванія государственнаго сейма, и популярность его во всѣхъ

слояхъ общества возрасла въ высшей степени, что ясно обнаружилось 29-го іюня. Къ похоронамъ Шафарика собралось въ Прагу также много славянскихъ членовъ государственнаго сейма, которые сошлись того же дня вечеромъ въ Городскую бесѣду. Это обстоятельство привлекло къ бесѣдѣ толпу народа, который привѣтствовалъ съ восторгомъ славянскихъ депутатовъ сейма; въ свою очередь и нѣкоторые депутаты обратились съ сердечною рѣчью къ народу. Народъ нетолько не думалъ расходиться, но еще собирался въ бо́льшемъ количествѣ на улицѣ; смятеніе увеличивалось и громкіе возгласы «славы» сопровождались пѣніемъ народныхъ славянскихъ пѣсенъ. Когда увидѣли, что эта демонстрація нетолько не прекращается, но еще усиливается, такъ что можетъ обратить на себя серьёзное вниманіе полиціи, тогда Ригеръ вошелъ на балконъ, увѣрялъ, что онъ не перестанетъ защищать святыя права чешскаго народа, и въ заключеніе просилъ разойтись по домамъ. Толпа еще разъ провозгласила «славу» всѣмъ, и черезъ нѣсколько минутъ опустѣла площадь передъ бесѣдою. Дальнѣйшимъ доказательствомъ значенія Ригера, какимъ онъ пользовался у своего народа, служатъ многочисленныя заявленія признательности, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ чешской земли.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ государственнаго сейма Ригеръ представилъ новыя доказательства силы своего краснорѣчія, когда разбирался правительственный проектъ объ уничтоженіи *ленныхъ отношеній;* онъ опровергалъ право сужденія поэтому въ государственномъ сеймѣ, такъ-какъ это право, въ особенности относительно владѣнія чешской короною, и по государственному праву чеховъ, принадлежитъ исключительно земскому или генеральному сейму. Притомъ Ригеръ упрекалъ министровъ въ томъ, что, занимаясь въ государственномъ сеймѣ пустяками, они упускаютъ весьма важныя для государственнаго устройства дѣла; онъ сравнилъ въ этомъ отношеніи ихъ занятія съ занятіями частнаго хозяина, который бы во время спѣшной работы по хозяйству заставилъ свою челядь драть перья, чѣмъ, обыкновенно, занимаются въ досужее зимнее время. Это случайное сравненіе осталось характеристическимъ названіемъ безуспѣшныхъ занятій государственнаго сейма. Когда впослѣдствіи во время дальнѣйшихъ преній объ этомъ же самомъ предметѣ президентъ запретилъ говорить др. Браунеру, защищавшему права чешской короны противъ оскорбительныхъ нападокъ др. Гискры, и когда Браунеръ протестовалъ противъ такой несправедливости, тогда присоединился къ этому протесту и Ригеръ отъ имени всей правой стороны, большинство которой оставило вмѣстѣ съ Ригеромъ сеймъ. Уже тогда Ригеръ упорно настаивалъ на томъ, чтобы чешская и поль-

ская партіи, которыя послѣдовали за нимъ изъ сейма, больше не возвращались въ него, пока не будутъ удовлетворены со стороны президента за прежнія обиды. Однакожь, другіе доводы склонили на свою сторону большинство, преимущественно поляковъ, къ которымъ пристали и чехи, склонные еще тогда къ уступкамъ и къ пребыванію въ Вѣнѣ.

20-го августа, во время преній объ адресѣ, на имя государя отъ государственнаго сейма, по поводу распущенія венгерскаго сейма, Ригеръ рѣзко выступилъ съ словомъ о *потерянныхъ правахъ* относительно Венгріи и, наконецъ, остроумно доказывалъ невозможность введенія январскаго устава, составители котораго дѣйствовали по принужденію, и который, поэтому, не можетъ быть ни улучшенъ, ни считаться прямымъ выраженіемъ природныхъ государственныхъ стремленій, какъ и всякая реформа, выходящая изъ искуственно составленнаго совѣта, какимъ былъ государственный совѣтъ. Эти доказательства, направленныя для поддержанія историческихъ правъ венгровъ, произвели самое пріятное впечатлѣніе нетолько въ Венгріи, но даже и вѣнская партія, послѣ того, какъ Кайзерфельдъ изложилъ ихъ въ своей рѣчи, превозносила ихъ такъ, что повидимому сочувствовала дуалистическимъ ихъ стремленіямъ. Когда 1-го октября приступили къ обсужденію общественнаго права, то Ригеръ настаивалъ на устройствѣ *общества высшаго совѣта* и опровергъ опасеніе лѣвой стороны, которая боялась, что шляхта задумывала ввести патримоніальный совѣтъ; потомъ опять говорилъ противъ параграфа, который опредѣлялъ степень участія интересовъ въ общественныхъ выборахъ для всего государства, предоставляя разрѣшеніе этого вопроса земскимъ сеймамъ, потому что у каждой страны есть отдѣльныя цѣли и стремленія.

Ригеръ былъ однимъ изъ первыхъ между ораторами правой стороны противъ сужденій о государственныхъ отчетахъ. Въ длинной рѣчи въ засѣданіи 18-го декабря онъ нетолько доказывалъ, что низшая палата не имѣетъ правъ на завѣдываніе этимъ дѣломъ, но даже не признавалъ желанія самого правительства удовлетворить своихъ подданныхъ по закону, къ чему оно вынуждалось государственнымъ дефицитомъ. Какъ извѣстно, правая сторона, ссылаясь на протестъ Ригера, не участвовала потомъ ни въ финансовомъ выборѣ, которому былъ предложенъ на обсужденіе правительственный отчетъ, ни въ преніяхъ государственнаго совѣта о государственныхъ отчетахъ.

При разсужденіяхъ о законахъ печати въ засѣданіи 21-го января 1862 года, Ригеръ горячо отстаивалъ *судъ присяжныхъ*, представляя неопровержимыя доказательства того, что безъ суда при-

сяжныхъ немыслимъ никакой уставъ, и что судъ присяжныхъ есть единственный опредѣленный политическій уставъ. Это была единственная рѣчь Ригера, за которой признала достоинство, благородство мыслей и глубокій тактъ въ ораторѣ и вѣнская журналистика. Однакожь тѣмъ не менѣе и эта рѣчь осталась безъ успѣха у нѣмцевъ, которые, хвастаясь своимъ либерализмомъ, тогда же объявили себя устами Бринза противъ суда присяжныхъ, единственно изъ-за того, что его отстаивали Ригеръ и его партія.

Такимъ образомъ первое засѣданіе государственнаго совѣта кончилось безуспѣшно. Ригеръ явился здѣсь первымъ защитникомъ правъ короны чешской, и далеко превосходилъ благородствомъ образа мыслей всѣхъ нѣмецкихъ централистовъ, отличающихся громкимъ, но пустымъ, фразерствомъ.

Во время втораго засѣданія земскаго чешскаго сейма 1862 года, Ригеръ также принималъ горячее участіе въ коммисіяхъ и сходкахъ, въ преніяхъ о матеріальныхъ вопросахъ, и защищалъ право короны и народности чешской. Вспомнимъ здѣсь только затрудненія въ порядкѣ производства выборовъ для чешскаго сейма, при преніяхъ объ общественныхъ законахъ, при выборахъ въ государственный сеймъ и, наконецъ, законъ объ общественномъ покровительствѣ. Далѣе, вопреки предъявленному «коммисіей искуства» проекту преобразованія политехники, по тоторому техника должна была преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ, и только четыре предмета на чешскомъ, Ригеръ настоялъ на томъ, что сейму былъ предложенъ новый проектъ преобразованія пражскаго политехническаго устава, на началахъ утраквистическихъ, то-есть равноправности; этотъ проектъ былъ принятъ въ сеймѣ также по его стараніямъ. Позднѣйшее усовершенствованіе этого устава съ цѣлью народнаго образованія принадлежитъ также ему, такъ что учрежденіе для чешскаго народа этого, во многихъ отношеніяхъ превосходнаго, политехническаго училища, можетъ быть названо главною заслугою Ригера.

Въ слѣдующемъ засѣданіи государственнаго совѣта 1863 года, Ригеръ былъ въ числѣ тѣхъ одиннадцати депутатовъ, которые въ 4-мъ засѣданіи его, 25-го іюня, объявили—въ знаменитой статьѣ, сочиненной и поданной при посредствѣ Ригера, что они долѣе не могутъ участвовать въ дѣлахъ государственнаго совѣта, и это свое рѣшеніе основывали на беззаконномъ нарушеніи своихъ правъ государственнымъ совѣтомъ, что вполнѣ противорѣчитъ цѣли государственнаго совѣта — покровительствовать всѣмъ подданнымъ. Государственный совѣтъ нашелъ эту оговорку неудовлетворительною и назначилъ одиннадцати депутатамъ срокъ явки черезъ 14 дней; когда же они не явились и по истеченіи этого

срока, тогда объявили ихъ въ засѣданіи 14-го іюля нарушителями закона.

Основаніе самостоятельнаго народнаго театра было, какъ мы уже видѣли выше, издавна любимою мыслью Ригера. *Общество для устройства народнаго театра*, сейчасъ по возвращеніи его изъ Франціи, сдѣлало его своимъ членомъ, и онъ дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ почти до настоящаго времени. Бо-ьшая часть требованій, кореспонденцій и воззваній общества вышла изъ-подъ пера Ригера. Многіе проекты его, направленные къ улучшенію положенія сбора, къ пріобрѣтенію большей свободы въ назначеніи собирателей и въ управленіи сборами, долгое время оставались въ канцеляріяхъ и, наконецъ, были отложены.

При господствѣ старыхъ статутовъ, когда только повѣренные отъ общества могли заниматься сборомъ, что́ большею частію весьма затруднительно, и когда всѣ сборы могли производиться только съ разрѣшенія податнаго королевскаго управленія — при такомъ положеніи дѣлъ всѣ воззванія, письма, усилія и т. п. были напрасны, тѣмъ болѣе, что правительство само объявило сборъ податей; поэтому велѣно было пріостановить на время всякій сборъ въ пользу театра, пока не будутъ приведены въ исполненіе болѣе нужные сборы податей, такъ-какъ чувствовалась настоятельная нужда въ деньгахъ.

Когда, наконецъ, стараніемъ Ригера было устроено нѣкоторое сближеніе сословій и во главѣ *сбора* оказались лучшіе изъ дворянъ, тогда народному дѣлу просіялъ-было лучъ надежды на лучшее счастіе; уступая, однакожъ, вліянію высшей государственной сферы, эти люди должны были выдти изъ общества *сбора*. Тогда Ригеръ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ, но и онъ не могъ подвинуть впередъ это интересное предпріятіе, потому что это было время еще глубокаго усыпленія всѣхъ сословій чешскаго народа. Даже коммисіи для усиленія сборовъ, состоявшія изъ усерднѣйшихъ и молодыхъ патріотовъ, бездѣйствовали по нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на то, что требованія были весьма настоятельны. Ригеръ видѣлъ, что, при тогдашнемъ недостаткѣ усердія для сборовъ въ пользу народнаго театра, нельзя надѣяться на его осуществленіе въ скоромъ времени, и потому на земскомъ сеймѣ онъ воспользовался своимъ вліяніемъ, чтобы пособить этому дѣлу. Земское собраніе, на которое, между прочимъ, сеймъ возложилъ также обязанность заботиться о театральныхъ чешскихъ представленіяхъ, хотѣлъ-было устроить временный чешскій театръ въ какомъ-то старомъ зданіи, а потомъ соглашался выстроить на 6 лѣтъ балаганъ на Іосифовской площадкѣ, стоимостью до 100,000 золотыхъ. Но Ригеръ добился того,

что эта сумма была отпущена на сооруженіе временнаго театра, построеннаго на плацу *сбора*, съ тѣмъ притомъ условіемъ, что онъ современемъ превратится въ великій народный театръ, который составляетъ необходимую принадлежность народа. Этотъ проектъ, признанный не безъ борьбы въ земскомъ собраніи, былъ наконецъ, послѣ многихъ усилій, принятъ и въ обществѣ «сбора для учрежденія народнаго театра», и по плану архитектора Улльмана, Ригеръ выстроилъ, ко всеобщему удивленію, зданіе театра въ 6 мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ получило свое существованіе давно желанное художественное народное учрежденіе, вначалѣ не вполнѣ совершенное, однако самостоятельное, послужившее пріуготовительною школою для настоящаго театра, къ полному осуществленію котораго не мало способствовало усердное содѣйствіе молодыхъ литераторовъ и усилія художниковъ-патріотовъ. Однакожь, нетерпѣливѣйшимъ изъ патріотовъ, полагавшихъ великія надежды въ этомъ предпріятіи на горячее содѣйствіе всего народа, вскорѣ показалось, что учрежденіе временнаго театра можетъ помѣшать осуществиться ихъ любимой мысли, и они боялись, чтобы этимъ не кончились навсегда справедливыя желанія народа. Въ болѣе горячихъ головахъ начало возникать недовѣріе къ Ригеру; его несправедливо упрекали въ томъ, что онъ противникъ великаго народнаго театра, за что и обрушилось на его головѣ много незаслуженныхъ нападокъ и поруганій. Такъ возникъ разладъ въ самомъ обществѣ «сборъ для устройства народнаго театра» —разладъ, который привелъ къ новымъ выборамъ членовъ. Оставляя должность предсѣдательства *сбора*, Ригеръ представилъ оправданіе своего образа дѣйствія; онъ доказалъ, что для сооруженія большаго театральнаго зданія, потребуются еще многолѣтнія складчины и что это дѣло не можетъ быть достойнымъ образомъ окончено до тѣхъ поръ, пока не поспѣшатъ ему на помощь земскіе фонды. Такимъ образомъ была окончена постройка временнаго театра, и Ригеръ, въ качествѣ директора этого театра, заботился объ немъ и дальше; стараясь основать фундуши для пансіона старыхъ художниковъ, хлопоталъ о внѣшнемъ и внутреннемъ украшеніи театра, усердно смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы это учрежденіе не превратилось въ управленіе торговаго рынка, чтобы оно соотвѣтствовало цѣли своего назначенія, равнымъ образомъ и о томъ, чтобы директоръ соотвѣтствовалъ своему посту. Если обратить вниманіе на то, что начало всякаго дѣла всегда сопряжено съ большими трудностями и что новый театръ вмѣсто двухъ давалъ въ то время восемь представленій, то слѣдуетъ согласиться и признать, что онъ вполнѣ удовлетворялъ желанію общества; преимущественно же опера достигла

на первомъ году такой высоты, что ей отдали справедливость и иностранцы. Затѣмъ послѣдовало третье засѣданіе земскаго чешскаго сейма 1864 г., въ которомъ Ригеръ опять принималъ дѣятельнѣйшее участіе; онъ именно явился во главѣ защитниковъ равноправности народовъ, чешской короны и конституціоннаго образа правленія, и вникая во всѣ подробности обстоятельствъ, онъ клеймилъ многое своимъ безпощаднымъ краснорѣчіемъ.

Въ то время произошло достойное сожалѣнія столкновеніе между Ригеромъ и газетою «Narodni Listy», которая остается и по настоящее время его органомъ. Причина, произведшая это обстоятельство, была двоякаго рода — внутренняя и внѣшняя. Внѣшняя касалась польскаго вопроса, по которому «Narodni Listy», находящіеся въ завѣдываніи и подъ редакціей преимущественно молодыхъ и пылкихъ публицистовъ, стояли на сторонѣ тогдашняго польскаго возстанія, между тѣмъ, какъ Ригеръ, Палацкій и другіе старшіе и разсудительнѣйшіе ихъ соотечественники осуждали это возстаніе, какъ несвоевременное и безнадежное предпріятіе, пагубное для самого польскаго народа и нисколько неоправдывающее его собственныхъ притязаній. Внутренняя причина заключалась въ томъ, что Ригеръ, убѣжденный въ необходимости привести прежде всего чешскій народъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ бы единодушно требовать себѣ правъ и политической равноправности, безспорно принадлежащихъ ему, Ригеръ не переставалъ считать мелкое дворянство необходимымъ сотрудникомъ въ политической жизни своего народа и всѣми силами старался о томъ, чтобы это дворянство присоединилось къ народной партіи. Между тѣмъ, политики газеты «Narodni Listy» не находили въ этомъ классѣ народа, по его всегдашнему безучастію въ народныхъ дѣлахъ, ничего, и отвергали его, какъ элементъ, непріязненный свободѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ партіи были искреннихъ убѣжденій; но такъ-какъ къ разнымъ политическимъ убѣжденіямъ присоединились еще и личные интересы, то необходимо должно было произойти довольно непріятное столкновеніе. Ригеръ и Палацкій отреклись отъ «Narodnich Listov» и принялись издавать новую газету «Narod», вслѣдствіе чего и началась между обѣими газетами страшная полемика. Образовались политическія партіи старшихъ и младшихъ, хотя смѣло можно сказать, что приверженцы обѣихъ партій расходились только въ вопросахъ второстепенныхъ, между тѣмъ какъ въ главныхъ вопросахъ народная партія на сеймѣ всегда нераздѣльно и единодушно была на сторонѣ федералистической программы. Тѣмъ не менѣе, какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ столкновеніяхъ, гдѣ страсть преобладаетъ надъ здравымъ разсудкомъ, полемика принимала

все болѣе и болѣе раздражительный характеръ, такъ что Палацкій и Ригеръ, несмотря на ихъ великія заслуги, были поруганы самымъ недостойнымъ образомъ.

Непріятное это обстоятельство не совратило все-таки Ригера съ пути, указаннаго ему искреннимъ чувствомъ любви къ своему народу и его правамъ. Въ четвертомъ засѣданіи сейма онъ дѣйствовалъ съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Особенно онъ заботился на сеймѣ и въ земскихъ выборахъ о путяхъ сообщенія, очищеніи рѣкъ, о смирительныхъ домахъ и хозяйственныхъ школахъ. Изъ его рѣчей во время этого засѣданія заслуживаетъ особеннаго вниманія рѣчь объ адресѣ къ императору и изложеніе проекта, предложеннаго имъ и принятаго сеймомъ, *о равноправности чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ*. Слѣдствіемъ этого было то, что наконецъ правительство сдѣлало нѣкоторыя попытки удовлетворить, мало-по-малу, въ этомъ отношеніи, справедливымъ требованіятъ чешскаго народа. На земскомъ выборѣ Ригеръ велъ ожесточенную борьбу противъ большинства нѣмцевъ относительно народнаго займа. Кромѣ того, по его иниціативѣ, а частію и изъ-подъ его собственнаго пера вышли два закона о путяхъ сообщенія, а третій о рубкѣ лѣса предложенъ былъ сейму. Законъ о пролетаріатѣ и другіе были обработаны главнымъ образомъ при его содѣйствіи. По его плану земское собраніе купило нѣсколько усадьбъ въ возвышенной части города—*Novem Mêstê*, и по его же плану оно выхлопотало дозволеніе на починку улицъ въ этой части города и на проведеніе новой отъ *Липовой* улицы черезъ усадьбу и домъ ума лишенныхъ къ св. Аполинарію, и большую часть усадьбъ предоставило во владѣніе усадебнаго братства, съ тою цѣлью, чтобы оно удобнѣе могло содѣйствовать садоводству и огородничеству въ Чехіи. Кромѣ того, Ригеръ принималъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ старшихъ общинъ города Праги, въ собраніи чешской *Maticy* и другихъ, оставляя здѣсь и тамъ слѣды полезной дѣятельности и разумнаго совѣта.

Впослѣдствіи времени страсти присмирѣли и громадный споръ между старшею и младшею чешскими партіями замолкъ до такой степени, что не видѣлось надобности продолжать изданіе *Naroda*, и такимъ образомъ была устранена всякая возможность дальнѣйшихъ споровъ.

Между тѣмъ Чехію постигла несчастная участь въ послѣднюю прусскую кампанію 1866 года. Передъ началомъ ея Ригеръ былъ высланъ отъ представителей города въ числѣ депутатовъ, съ вѣрноподданническимъ адресомъ къ императору. Когда пруссаки приближались къ Прагѣ, Ригеръ получилъ порученіе отъ

земскаго маршалка отправиться въ Пильзенъ съ земскою кассою, причемъ онъ взялъ также съ собою все имущество *Чешской Матицы* и часть имущества *Святобора*. Но когда пруссаки угрожали и Пильзену, тогда Ригеръ отправился въ Линцъ, гдѣ онъ отдалъ на сохраненіе тамошнему земскому собранію всѣ земскія имущества (кромѣ расходной кассы) и все остальное имущество Чехіи, въ составѣ котораго были документы чешскаго закладного банка. Изъ Линца Ригеръ возвратился къ своему семейству, живущему въ его имѣніи Мальцахъ, и прожилъ тамъ нѣсколько дней, пока продолжался походъ пруссаковъ, вступившихъ и туда по пути къ Вѣнѣ. Испытавши здѣсь много непріятностей и потерь, онъ отправился съ Палацкимъ въ Прагу. На пути въ Прагу командиръ прусскаго отряда хотѣлъ отобрать у нихъ насильно лошадей. Ригеръ воспротивился этому и громилъ острыми словами варварское обращеніе непріятеля, за что подвергся строгому аресту и взысканію; онъ долженъ былъ ѣхать цѣлую ночь, а потомъ идти пѣшкомъ цѣлыхъ двѣ мили среди прусскаго войска, пока, наконецъ, образованный полковникъ прусской арміи не отпустилъ его, удостовѣрившись въ несправедливомъ поступкѣ начальника отряда.

Вскорѣ послѣ того, по желанію политическихъ друзей своихъ другихъ славянскихъ племенъ, Ригеръ отправился въ Вѣну на совѣщанія о занятіяхъ земель австрійскихъ славянъ, при чемъ также ему было поручено отъ жителей города Праги просить правительство и императора дозволить имъ самимъ грабить пруссаковъ, увѣряя, что они вполнѣ достигнутъ цѣли. До сихъ поръ свѣжо еще въ памяти, какъ неистовствовала по этому случаю вѣнская журналистика, вообразившая будто бы Ригеръ жаловался императору за подозрѣніе вѣрности чеховъ австрійскому правительству, и по случаю такъ-называемаго славянскаго конгреса.

Возвратившись въ Прагу, гдѣ въ то время земское собраніе приступило опять къ своимъ прерваннымъ кампаніей засѣданіямъ, Ригеръ предложилъ проектъ о томъ, чтобы собраніе приняло на себя заботу относительно опустошенныхъ войною округовъ; этимъ онъ вызвалъ повсемѣстныя окружныя собранія для сбора въ пользу этихъ округовъ натурою и деньгами. Проектъ его былъ наконецъ принятъ и оказался столько практическимъ и до такой степени благодѣтельнымъ, что въ непродолжительномъ времени было отправлено въ наиболѣе опустошенныя войною области до 12 тысячъ мѣръ хлѣба и до 60 тысячъ злотыхъ деньгами.

Слѣдующее затѣмъ посѣщеніе Чехіи австрійскимъ императоромъ побудило Ригера къ новой дѣятельности. Будучи избранъ единодушно, за годъ до этого событія, въ старосты Хотѣборскаго

округа, онъ вызвалъ теперь всѣхъ старостъ Чехіи въ Прагу для поздравленія императора; собравшись на земское совѣщаніе, они избрали его ораторомъ для поздравленія монарха отъ имени этого высокопочтеннаго и украшеннаго лучшими и достойнѣйшими мужами собранія; вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было выразить передъ монархомъ общественное желаніе, чтобы онъ благоволилъ принять подъ свою защиту дальнѣйшее развитіе самостоятельныхъ народныхъ учрежденій, на что императоръ согласился, и отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о самоправленіи и природномъ развитіи народной свободы.

Около этого же самаго времени обнаружилась несостоятельность театральнаго чешскаго устава, отчасти по тѣмъ неудобствамъ, съ которыми сопряжено всякое начинаніе, отчасти же по нерадѣнію управителей. Когда двое изъ такихъ управителей одинъ за другимъ оказались несостоятельными, тогда Ригеръ созвалъ друзей и любителей театра, и совѣтовалъ имъ, чтобы они передали это народное учрежденіе въ распоряженіе общества и критики, и сами взялись бы дружно за его финансовую и артистическую часть; это было приведено въ исполненіе въ минувшемъ году.

19-го ноября того же года было объявлено пятое засѣданіе чешскаго сейма, первымъ дѣломъ котораго было составленіе адреса на имя императора и короля Чехіи. Усилія Ригера утвердить, по крайней-мѣрѣ въ тогдашнемъ положеніи, солидарность между народною партіею и самостоятельною шляхтою на началѣ равноправности на основаніи исторіи государственнаго права чешской земли и короны, а также на основаніи ихъ самостоятельности, опредѣленной октябрьскимъ дипломомъ, увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ въ прошломъ засѣданіи, и только благодаря этому соединенію было достигнуто согласіе большинства по народнымъ и государственнымъ вопросамъ. Равнымъ образомъ только теперь, и только благодаря этому же соединенію партій, было достигнуто знаменитое согласіе большинства относительно адреса, въ которомъ отстаивались достойнымъ и рѣшительнымъ образомъ права народа и короны чешской—права, которыя, въ числѣ другихъ ораторовъ, защищалъ и Ригеръ въ своей знаменитой рѣчи 6-го декабря. Ригеръ находился также въ числѣ депутатовъ, вручившихъ адресъ императору въ Вѣнѣ. Въ томъ же засѣданіи сейма Ригеръ былъ референтомъ земскаго собранія относительно лѣсного закона, который также былъ принятъ при его содѣйствіи.

За свои громадныя услуги Ригеръ получилъ, какъ мы уже видѣли, не мало непріятностей, но за то видѣлъ и много знаковъ вниманія; такъ въ 1864 году, по случаю празднованія 1000-лѣтія

Россіи, государь императоръ Александръ II подарилъ ему орденъ св. Анны, а въ 1865 году «королевское чешское общество наукъ» сдѣлало его своимъ чрезвычайнымъ членомъ. Харьковскій университетъ сдѣлалъ его также своимъ почетнымъ членомъ.

Изъ многочисленныхъ портретовъ Ригера самый лучшій есть тотъ, который былъ изданъ въ 1849 году Манесомъ, съ надписью: «*будемъ надѣяться!*» (Nadejme se!). Хорошая біографія его составлена Ю. В. Яномъ и изд. 1861 въ Литомышлѣ.

О Ригерѣ, по всей справедливости, можно сказать, что его жизнь есть вѣрное отраженіе стремленій и судебъ чешскаго народа за послѣднюю четверть столѣтія, въ эпоху, когда народъ чешскій съ такимъ трудомъ добивается своихъ правъ и своего мѣста въ ряду цивилизованныхъ европейскихъ народовъ.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ Г. ТУРГЕНЕВА.

Дымъ. Повѣсть. *И. С. Тургенева.* «Русск. Вѣстн.» 1867. Мартъ.

Главный герой этой повѣсти есть очевидно Литвиновъ: его чувствамъ, волненіямъ и дѣйствіямъ отведено въ разсказѣ самое большое мѣсто; ему достается то, чтò достается только избраннымъ, именно любовь—даже не одной, а двухъ, далеко выдающихся надъ общимъ уровнемъ женщинъ, ослѣпительной Ирины и ангельской Татьяны; наконецъ изъ его мыслей, изъ его разсужденій о собственныхъ его приключеніяхъ, взято и самое слово «Дымъ», которымъ такъ многознаменательно обозначена повѣсть.

Итакъ, хотя ошибка невольно напрашивается, но ошибиться невозможно: Литвиновъ — главное лицо. Чтò же это за герой?

Подобно прежнимъ героямъ г. Тургенева, это мелкопомѣстный владѣлецъ, человѣкъ средней руки; подобно прежнимъ героямъ, онъ взятъ въ цвѣтущую эпоху жизни—главныя событія совершаются съ нимъ, когда ему наступаетъ тридцать лѣтъ. Но затѣмъ начинается новое. Литвиновъ, какъ оказывается, человѣкъ *положительный* (стр. 127), *предусмотрительный, благоразумный* (стр. 108), *честный и справедливый* (стр. 95), *человѣкъ прямой и всегда говорящій правду* (стр. 72), *человѣкъ живой, а не мертвая кукла* (стр. 67 и стр. 74), *дѣльный, нѣсколько самоувѣренный малый* (стр. 8), *спокойный и простой* (стр. 11).

Вотъ какими похвальными чертами рисуется герой. Онъ стоитъ далеко выше окружающей его толпы юношей, такъ что и смѣло обрываетъ ихъ, какъ власть имущій, и возбуждаетъ ихъ удивленіе. Восторженный Бамбаевъ такъ говоритъ о немъ съ пріятелями: «Видите вы этого человѣка? Это камень! Это скала!! Это гранитъ!!!...» (стр. 86).

Ну, а дальше? Какіе взгляды, какіе вкусы у этого человѣка? По тщательномъ изслѣдованіи оказывается, что Литвиновъ не имѣетъ никакихъ политическихъ убѣжденій (стр. 19) и равнодушенъ къ родной словесности (стр. 147). У этого по-

ложительнаго человѣка существуетъ, однакоже, одно пристрастіе. «Поживъ въ деревнѣ, онъ пристрастился къ хозяйству», и потому отправился за границу и тамъ четыре года изучалъ агрономію и технологію (стр. 10).

Вотъ вамъ и весь герой. Въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ благоразумія и честности. Этому человѣку нѐ о чемъ думать и нѐчего говорить, и онъ дѣйствительно ничего не говоритъ, а только слушаетъ, что̀ говорятъ другіе. Совершенно ясно, что, несмотря на похвалы, расточаемыя Литвинову и авторомъ и другими лицами, авторъ не могъ даже порядочно заинтересоваться такою будничною, безцвѣтною личностію. Тургеневу ли не знать, какъ рисуются интересныя лица, Рудины, Базаровы, какъ схватывается въ нихъ каждая черта, каждое слово, каждое движеніе, и какъ все вмѣстѣ составляетъ отчетливый, ясный образъ! Въ отношеніи къ Литвинову авторъ и не пытается сдѣлать что либо подобное, и образа передъ нами никакого нѣтъ.

Между тѣмъ вѣдь ясно, что въ немъ авторъ хотѣлъ изобразить одного изъ представителей современной молодёжи, изъ тѣхъ трезвыхъ или отрезвленныхъ людей, которые теперь нужны для Россіи, которые имѣютъ принести пользу своимъ землякамъ (стр. 10), которымъ въ настоящую минуту принадлежитъ дѣятельность, жизнь, будущность. Но, какъ видно, не знаетъ этихъ людей художникъ, или и знаетъ, да нѣтъ у него къ нимъ сердечнаго вниманія.

Съ Литвиновымъ, судя по его натурѣ, не должно бы случаться никакихъ особыхъ приключеній; «но, какъ замѣчаетъ авторъ, природа не справляется съ логикой, съ нашею человѣческою логикой; у ней есть своя, которой мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ» (стр. 127). Вотъ въ силу такого-то таинственнаго, но всесильнаго и неотразимаго дѣйствія природы (мысль истинно-поэтическая!) и сбылись съ Литвиновымъ происшествія, о которыхъ разсказываетъ повѣсть.

Представительницею таинственной природы является нѣкоторая Ирина и по справедливости приковываетъ къ себѣ все вниманіе художника и все сочувствіе читателей. Ирина весьма сильно заинтересовалась Литвиновымъ — гораздо сильнѣе, чѣмъ интересуются имъ и авторъ и читатели — и тѣмъ чуть-было не погубила героя. Два раза она сходится съ Литвиновымъ: въ первый разъ она чуть не вышла за него замужъ, во второй разъ чуть не убѣжала съ нимъ отъ своего мужа. И въ томъ и въ другомъ случаѣ гибель Литвинова была бы неизбѣжна. Въ самомъ дѣлѣ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ Литвиновъ отдается Иринѣ весь,

всѣмъ существомъ своимъ; Ирина же скоро чувствуетъ, что не можетъ отдаться Литвинову вся, всѣми своими мыслями, чувствами и потребностями. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Литвиновъ цѣликомъ заполоненъ только частью Ирины, только внѣшнею ея прелестью, обаяніемъ красоты; души ея онъ не понимаетъ и по складу своего ума совершенно неспособенъ понять ее и сродниться съ нею. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ два раза эта женщина обращала на него порывы своей страстности, послѣ того, какъ онъ даже владѣлъ ею, она все-таки не стала для него понятною и знакомою: черезъ два года въ его душѣ Ирина «поблѣднѣла и скрылась, и только *смутно чуялось* Литвинову *что-то опасное* подъ туманомъ, постепенно окутавшимъ ея образъ» (стр. 153).

Въ первый разъ, когда Иринѣ довелось сойтись съ Литвиновымъ, она была семнадцатилѣтней дѣвушкой, а онъ двадцатилѣтнимъ юношей, студентомъ. Красота Ирины была такъ поразительна, что «онъ влюбился въ нее, какъ только увидалъ ее» (стр. 36). Съ ея стороны вѣроятно было не то; любовь къ Литвинову явилась какъ отзывъ на его любовь, какъ первое пробужденіе женскаго сердца. Какъ бы то ни было, онъ счастливъ, онъ ея женихъ. Но въ дѣвушкѣ говорятъ еще другіе инстинкты. Она возмущается тѣмъ, что сама ходитъ замарашкой, что Литвиновъ часто бываетъ вовсе не distingué. Не то съ Литвиновымъ: «Ирина вполнѣ завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. Онъ словно попалъ въ водоворотъ, словно потерялъ себя... Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, *можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ мужемъ*, и какая выйдетъ изъ Ирины жена, и *правильны ли отношенія между ними*, онъ не могъ рѣшительно; *кровь* его загорѣлась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь, что̀ будетъ!» (стр. 39).

И все-таки—какая сила и нѣжность въ чувствѣ Ирины! Наступаетъ минута испытанія — балъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ будетъ и дворъ. Ирина отказывается ѣхать. Такъ вѣрно знаетъ она себѣ цѣну, такъ хорошо понимаетъ, что̀ можетъ случиться на этомъ балѣ. Для Литвинова она отказывается отъ дороги, открытой ей *въ высшій свѣтъ*.

Литвиновъ ничего не понимаетъ. Онъ самъ уговариваетъ Ирину ѣхать на балъ. Вѣроятно и тогда уже мечтавшій объ агрономіи и равнодушный къ русской словесности, онъ не имѣетъ на столько воображенія, чтобы представить, что̀ дѣлается и можетъ сдѣлаться въ душѣ Ирины, чтобы приревновать ее къ

этому блеску, въ которомъ она будетъ жить нѣсколько часовъ, въ которомъ не онъ, а что-то другое можетъ до конца наполнить ея душу.

Его непониманіе раздражаетъ Ирину.

«— Помните, говоритъ она ему, вы сами этого желали.»

Затѣмъ она требуетъ, чтобы его не было на балѣ.

«— Покоряюсь, отвѣчаетъ со вздохомъ Литвиновъ и спохватившись, прибавляетъ: — Ирина, ты какъ будто сердишься?

«— О, нѣтъ, я не сержусь. Только ты... Она вперила въ него свои глаза, и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія» (стр. 42).

Очевидно, въ этомъ недоконченномъ «ты»... и въ этомъ взглядѣ содержится приговоръ Литвинову. Ирина ищетъ надъ собою власти и управы и ясно чувствуетъ, что она не найдетъ ихъ въ Литвиновѣ. Уже совсѣмъ одѣтая на балъ, она еще разъ отдается во власть и распоряженіе его и опять встрѣчаетъ покорный отказъ. Тогда она уже перестаетъ и слушать его и глядѣть на него.

Несмотря на все это, Ирина ужасно страдаетъ; она плачетъ цѣлую ночь, она во всемъ обвиняетъ себя и пишетъ Литвинову, чтобы онъ простилъ ее, что она его не стòитъ.

Литвиновъ же уже на третій день послѣ бала, послѣ того, какъ Ирина дважды отказалась его видѣть, все еще ничего не понимаетъ.

«Ирина не хочетъ меня видѣть, безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ: — это ясно; но почему же? *Что такое могло произойти на этомъ злополучномъ балѣ?*»

И понимаетъ все только тогда наконецъ, когда прочиталъ ея записку.

«Все это естественно, думаетъ онъ; я всегда этого ожидалъ... (Онъ лгалъ передъ самимъ собою, замѣчаетъ авторъ: *онъ никогда ничего подобнаго не ожидалъ*)».

Онъ сомнѣвается въ ея страданіяхъ:

«Плакала?... Она плакала... О чемъ она плакала? Вѣдь она не любила меня!» (стр. 47).

Но и въ самомъ порывѣ отчаянія, онъ чувствуетъ ея превосходство.

«Она, она меня не стòитъ... Вотъ какъ!» (стр. 48).

Очевидно, еслибъ она рѣшилась удовольствоваться Литвиновымъ, то онъ былъ бы въ ея рукахъ, никогда бы ея не понялъ и былъ бы несчастливъ.

Проходитъ десять лѣтъ. Литвиновъ опять счастливъ. Онъ изучилъ агрономію и технологію; у него есть невѣста, подруга его

дѣтства, Татьяна Шестова, которая неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть ради нѣкотораго довершенія образованія, тоже находится за границею, въ Дрезденѣ, гдѣ и приняла его предложеніе. Литвинову предстоитъ жениться и вступить на новое поприще, къ которому онъ вполнѣ готовъ. Онъ спокоенъ и веселъ.

А Ирина? Ирина не нашла себѣ счастья. Она вступила въ высшій свѣтъ, и даже въ силу какихъ-то странныхъ обстоятельствъ, на которыя авторъ набрасываетъ покровъ, заняла въ этомъ свѣтѣ высокое и твердое мѣсто. Это видно изъ того, какъ она помыкаетъ своимъ мужемъ, посылая его къ какому-то графу, котораго называетъ дуракомъ (стр. 70), изъ того, что презрительно смѣется надъ мужемъ, когда тотъ вздумалъ приревновать ее (стр. 93), изъ того, что она обѣщаетъ Литвинову, если тотъ хочетъ, найти занятія въ Петербургѣ (стр. 143). Но, занимая высокое и твердое положеніе въ высшемъ свѣтѣ, Ирина глубоко несчастлива, потому что находитъ этотъ свѣтъ пустымъ, глупымъ и бездушнымъ. У нея нѣтъ въ немъ никакихъ привязанностей; единственный ея пріятель, Потугинъ, взятъ ею изъ другого міра. Это мелкій чиновникъ изъ семинаристовъ, человѣкъ надломленный жизнью и глубоко симпатичный.

И вотъ они случайно встрѣчаются послѣ десятилѣтней разлуки. Литвиновъ все забылъ, душа его полна новыми чувствами и заботами. Ирина ничего не забыла; «среди блеска, который ее окружаетъ», она слѣдила за судьбою Литвинова, и никто не успѣлъ загладить и вытѣснить изъ ея души этого воспоминанія. Поэтому Литвиновъ встрѣчается съ нею холодно, а она ужасно ему обрадовалась.

Но при первой встрѣчѣ пустые аристократы, среди которыхъ онъ застаетъ ее, возмущаютъ его гордость, «его честную, плебейскую гордость» (стр. 58), въ которой, однако, слишкомъ много щекотливости и слишкомъ мало самоувѣренности, и онъ рѣшается нейти къ ней. Однакоже и тутъ, несмотря на свою холодность и даже отвращеніе, онъ не могъ не замѣтить душевной силы и прелести Ирины. «Почему, думаетъ онъ, на ней не лежитъ того противнаго свѣтскаго отпечатка, которымъ такъ рѣзко отмѣчены всѣ тѣ другіе? Почему, ему сдается, она какъ будто скучаетъ или груститъ или тяготится своимъ положеніемъ? Она въ ихъ станѣ, но она не врагъ» (стр. 59).

Литвиновъ опять ничего не понимаетъ. «Литвиновъ взялся за книгу», пишетъ авторъ, вѣроятно за агрономическую, и конечно не нашелъ въ ней разъясненія своихъ мыслей.

А какъ должно было поразить Ирину то, что онъ нейдетъ къ ней! Когда наконецъ Потугинъ привелъ къ ней Литвинова, она такъ

выражаетъ свою радость: «Наконецъ-то, наконецъ одинъ человѣкъ, живой человѣкъ, который нашего ничего не знаетъ! И порусски можно съ нимъ говорить, хоть дурнымъ русскимъ языкомъ, да русскимъ, а не этимъ вѣчнымъ, приторнымъ, противнымъ, петербургскимъ французскимъ языкомъ!» (стр. 67).

Но Литвиновъ начинаетъ чувствовать опасность и тяжело упирается. Онъ не кланяется Иринѣ, встрѣтивъ ее въ горахъ. Больно подстрекаетъ это Ирину.

«Мнѣ стало, говоритъ она ему на третьемъ свиданіи, уже слишкомъ невыносимо, нестерпимо, душно въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ завидномъ положеніи, о которомъ вы говорите; встрѣтивъ васъ, живаго человѣка, послѣ всѣхъ этихъ мертвыхъ куколъ, я обрадовалась какъ источнику въ пустынѣ»... (стр. 74).

«Я протягиваю къ вамъ руку какъ нищая, я милостыни прошу, а вы...

«Я требую малаго, очень малаго... только немножко участія, только чтобы не отталкивали меня, душу дали бы отвести»... (стр. 75).

А что же Литвиновъ? «Онъ не могъ себѣ дать яснаго отчета въ томъ, что́ онъ ощущалъ». «Чудачки эти свѣтскія женщины, думалъ онъ; никакой въ нихъ нѣтъ послѣдовательности»... (стр. 76).

Происходитъ еще свиданіе, на которомъ Ирина показываетъ Литвинову большой свѣтъ, и затѣмъ все кончено. Литвиновъ не спитъ ночь въ тяжелыхъ думахъ. «Онъ еще удивлялся и недоумѣвалъ, пишетъ авторъ, а вотъ уже передъ нимъ, словно изъ мягкой, душистой мглы выступалъ плѣнительный обликъ, поднимались лучистыя рѣсницы—и тихо, неотразимо вонзались ему въ сердце волшебные глаза, и голосъ звенѣлъ сладостно, и блестящія плеча, плеча молодой царицы дышали свѣжестію и жаромъ нѣги»... (стр. 96).

Литвиновъ влюбленъ, какъ говорится, по уши.

Все ясно, все отчетливо въ душѣ Ирины. Пусть читатели перечтутъ тѣ немногія, но удивительныя страницы, гдѣ она является на сцену. Она не даромъ говоритъ Литвинову при первой же встрѣчѣ, что она «ни въ чемъ не перемѣнилась». Какая искренность, простота въ каждомъ ея словѣ! Сколько задушевности, теплоты, живой, такъ-сказать, горячей прелести!

Напротивъ, все смутно и тяжело въ душѣ Литвинова. Онъ отдается страстному чувству несвободно, не радуясь этому наплыву и избытку жизни, а стараясь подавить его и сохранить свое спокойствіе. Дѣло въ томъ, что любовь Литвинова только половинчатая. Онъ не сочувствуетъ, не сострадаетъ Иринѣ, онъ

скорѣе боится ее и смотритъ на нее, какъ на существо болѣе сильное. Его покорила одна ея красота. Опять онъ чувствуетъ, какъ въ Москвѣ, что онъ попалъ въ руки Ирины, что онъ «тотчасъ попалъ въ водоворотъ» (стр. 97).

Литвиновъ понимаетъ, что ему слѣдуетъ уѣхать, но онъ хитритъ самъ съ собою, какъ хитрятъ люди влюбленные, и идетъ къ Иринѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобы проститься, а втайнѣ съ тѣмъ, чтобы признаться ей въ любви и посмотрѣть, что̀ будетъ. Дѣйствіе, произведенное признаніемъ на Ирину, опять совершенно ясное и отчетливое; на лицѣ ея, закрытомъ руками, происходило вотъ что̀: «и страхъ и радость выражало оно, и какое-то блаженное изнеможеніе и тревогу; глаза едва мерцали изъ подъ нависшихъ вѣкъ, и протяжное, прерывистое дыханіе холодило раскрытыя, словно жаждавшія губы...»

Когда черезъ два часа онъ вернулся къ ней, она съ своей стороны признается ему въ любви. Дѣйствіе, произведенное на него признаніемъ, вполнѣ сообразно съ его состояніемъ. «Литвиновъ пошатнулся, словно кто его въ грудь ударилъ». И далѣе: «онъ задыхался: восторгъ, но восторгъ безотрадный и безнадежный, давилъ и рвалъ его грудь» (стр. 103).

Послѣ признаній Литвиновъ рѣшается ѣхать, потому что, какъ сказала Ирина, оставаться опасно, страшно... Литвиновъ, конечно, и уѣхалъ бы, точно такъ, какъ онъ уѣхалъ черезъ тр[illegible] дн[illegible]. Но не такъ рѣшила Ирина. Она идетъ къ Литвинову, и тотъ «побѣжденъ, побѣжденъ внезапно...» (стр. 105).

Въ ней загорѣлась удивительная нѣжность къ этому человѣку. Ей было ужасно жаль его и тогда въ Москвѣ, и теперь, и вотъ она рѣшилась всѣмъ пренебречь, всѣмъ пожертвовать, чтобы только его осчастливить (стр. 129). Чувства Ирины вполнѣ выражаются въ словахъ, сказанныхъ ею Литвинову на другой день.

«— О мой милый! ты не знаешь, какъ я тебя люблю, но вчера я только долгъ свой заплатила, я загладила прошедшую вину... Ахъ! я не могла отдать тебѣ мою молодость, какъ бы я хотѣла, но никакихъ обязанностей я не наложила на тебя, ни отъ какого обѣщанія я не разрѣшила тебя, мой милый! Дѣлай что хочешь; ты свободенъ какъ воздухъ, ты ничѣмъ, ничѣмъ не связанъ; знай это, знай!» (стр. 114).

Какая беззавѣтная, безконечная нѣжность! Въ отвѣтъ на эти слова Литвиновъ говоритъ:

«— Но я не могу жить безъ тебя, Ирина; я твой на вѣки и навсегда со вчерашняго дня... Только у ногъ твоихъ я могу дышать...

«Онъ трепетно припалъ къ ея рукамъ. Ирина посмотрѣла на его наклоненную голову».

«— Ну, такъ знай же, что и я не пожалѣю никого и ничего. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ. Я тоже на вѣкъ твоя... твоя».

И такъ любовь, всесильная страсть покорила себѣ эти существа и взяла верхъ надъ всѣми прежними связями и отношеніями. Литвиновъ отказывается отъ своей невѣсты и своей будущности. Ирина нарушила свой супружескій долгъ и готова покинуть свое блестящее положеніе.

Но что же дѣлать дальше? На минуту страсть покрыла все и не даетъ любящимся видѣть своего положенія. Но безвыходность этого положенія должна же раскрыться, и она раскрывается очень быстро, благодаря душевному разладу, происходящему въ душѣ Литвинова. Ирина весьма справедливо замѣчаетъ, что это «человѣкъ, который самъ не знаетъ, что происходитъ въ его душѣ» (стр. 130). И художникъ, правдиво изображающій безобразіе его чувствъ, невольно приходитъ къ заключенію, что «людямъ положительнымъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью» (стр. 127). Въ самомъ дѣлѣ, Литвиновъ не хотѣлъ любить Ирину и полюбилъ; не хотѣлъ овладѣть ею, и владѣлъ; не хотѣлъ отказываться отъ Татьяны и отказался. Надѣлавши такихъ дѣлъ, которыхъ не слѣдовало бы дѣлать, и весьма последовательно считая себя за то воромъ и подлецомъ, Литвиновъ думаетъ поправить все тѣмъ, что увезетъ Ирину и навсегда соединится съ нею, то-есть думаетъ все поправить дѣломъ, которое всего менѣе слѣдуетъ ему дѣлать, которое окончательно погубило бы и его и Ирину.

Ирина согласна. Она первая написала ему, что готова пойдти за нимъ на край свѣта. Но гдѣ же ему, такому слабому, «безвозвратно покоренному», съ такой сумятицею въ головѣ и сердцѣ, увлечь за собою такую сильную женщину! И потомъ, чѣмъ онъ наполнитъ ея жизнь, чѣмъ замѣнитъ тотъ блескъ, который теперь ее окружаетъ?

Литвиновъ колеблется и пишетъ Иринѣ письмо, въ которомъ проситъ подумать и «не брать на себя ношу не по плечамъ». Когда онъ потомъ приходитъ къ ней, и, заставши ее въ слезахъ, проситъ объявить ему приговоръ, она невольно мѣряетъ глазами его душу.

«Не гляди на меня такими глазами, говоритъ онъ ей... Они напоминаютъ мнѣ прежніе московскіе глаза.»

«Ирина вдругъ покраснѣла и отвернулась, какъ будто сама чувствуя что-то неладное въ своемъ взорѣ» (стр. 139).

Литвиновъ, по обычаю, не понимаетъ, что приговоръ уже ска-

занъ. Но Иринѣ не хочется выйти изъ-подъ обаянія; она, плача, все обѣщаетъ Литвинову и начинаетъ ласкать его. «День нашъ — вѣкъ нашъ», говоритъ она благоразумному юношѣ, и тотъ ничего не возражаетъ на такое неблагоразумное правило.

И до того потерялся Литвиновъ, до того его отуманила страсть, что онъ не видитъ практической несбыточности дѣла, которое затѣялъ. Онъ попадаетъ въ комическое положеніе человѣка, несмѣющаго самому себѣ сознаться въ нелѣпости своихъ плановъ. По художественной правдивости, авторъ, столь много восхваляющій своего героя, изобразилъ, однако, его и въ эту минуту, изобразилъ съ сожалѣньемъ, но не безъ язвительности. Литвиновъ, положительный, практическій Литвиновъ идетъ къ банкиру занимать деньги! потомъ играетъ въ рулетку; «и онъ дѣйствительно, замѣчаетъ авторъ, — округлилъ свой капиталъ, спустивъ излишніе двадцать-восемь гульденовъ» (стр. 142). Разумъ его не былъ однако заглушенъ до конца, до полной слѣпоты. «Противъ его воли, мимо его воли, что-то несерьёзное, почти комическое проступало, просачивалось сквозь всѣ его размышленія, точно самое его предпріятіе было шуточнымъ».

Такимъ оно и оказалось. Ирина написала ему, что не можетъ бѣжать съ нимъ, не въ силахъ оставить свѣтъ, въ которомъ она живетъ.

Послѣ бури, поднятой въ немъ этимъ письмомъ, Литвиновъ наконецъ принимаетъ твердое рѣшеніе уѣхать. (Вообще рѣшительности въ немъ очень много, по словамъ автора). Онъ извѣщаетъ Ирину, что отказывается отъ нея, и дѣйствительно уѣзжаетъ, то-есть, онъ поступаетъ, наконецъ, такъ, какъ слѣдуетъ, и перестаетъ дѣлать то, чего дѣлать не слѣдовало.

Проходитъ два года. Литвиновъ опять счастливъ, какъ и слѣдуетъ быть счастливымъ человѣку положительному. Онъ мирится со своею прежнею невѣстою, женится на ней и благоденствуетъ, прилагая къ дѣлу свои агрономическія познанія.

А Ирина? Ирина попрежнему несчастлива, попрежнему блистаетъ въ большомъ свѣтѣ, попрежнему ненавидитъ и язвитъ его. Можетъ быть, она попрежнему даже слѣдитъ за Литвиновымъ; но только никого нѣтъ, кто бы занялъ въ ея сердцѣ какое-нибудь мѣсто. Литвиновъ очень ошибся, когда въ порывѣ негодованія думалъ, что «его замѣнитъ тучный генералъ, или господинъ Финиковъ» (стр. 144).

Вотъ и вся басня новой повѣсти г. Тургенева. Чему же сія басня научаетъ? Кому въ ней сочувствовать и кого осуждать?

Не пожалѣть ли Литвинова? Но за что же? Очевидно, такимъ людямъ легко живется на бѣломъ свѣтѣ. Обыкновенное ихъ со-

стояніе есть состояніе спокойствія, веселости и нѣкоторой самоувѣренности. Конечно, Ирина заставляетъ его нѣсколько страдать. Но у благоразумнаго юноши достало духу тотчасъ (черезъ три дня) оторваться отъ своей соблазнительницы, и затѣмъ, вся эта исторія не оставила на немъ никакой мрачной тѣни, никакого неизгладимаго слѣда.

Другое дѣло Ирина. Она гораздо памятливѣе, и не питаетъ особенно свѣтлаго взгляда на жизнь. Когда Литвиновъ приходитъ къ ней послѣ своего мучительно-вырвавшагося признанія, она говоритъ ему:

«— Жить вообще не легко, Григорій Михайловичъ, какъ вы полагаете?» (стр. 102).

«— Какъ кому!» грубо отвѣчаетъ непроницательный юноша, желая намекнуть, что ей, вѣроятно, жить легко, а вотъ ему— такъ очень тяжело. Но, судя по правдивому изображенію художника, Иринѣ не обошлись безъ страданій ея встрѣчи съ Литвиновымъ, и даже нѣтъ сомнѣнія, что на ея долю выпали болѣе жгучія, болѣе живыя мученія. Вспомните сцены, когда Потугинъ уводитъ ее отъ квартиры Литвинова, и когда она прибѣгаетъ къ отъѣзжающему вагону. Литвиновъ постоянно считаетъ себя правымъ и имѣющимъ на Ирину какія-то права; она же всегда кается какъ виноватая, какъ нанесшая рану любимому существу.

Но Тургеневъ давно уже научилъ насъ, какъ судить въ подобныхъ случаяхъ. Мораль, которую онъ такъ долго проповѣдовалъ, которую онъ развилъ и разъяснилъ въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ произведеній, заключается въ томъ, что если мужчина не успѣваетъ вполнѣ овладѣть женщиною, добиться отъ нея полной, беззавѣтной любви, то значитъ, онъ ея не стоитъ, онъ такъ слабъ, такъ малъ, что не можетъ наполнить собою ея душу. Слѣдовательно, Литвинову по дѣломъ досталось. Онъ пигмей передъ Ириною, какъ весьма выразительно и намекаетъ ему на это философствующій Потугинъ: «человѣкъ слабъ, женщина сильна», говоритъ онъ ему въ видѣ предостереженія (стр. 84).

Человѣкъ слабъ, женщина сильна; природа имѣетъ свою непостижимую для насъ логику — вотъ единственная мораль нашей басни. Она извлечена изъ нашей русской жизни, и показываетъ намъ, что у насъ бываютъ женщины, въ которыхъ природа воплощаетъ свою таинственную силу, женщины съ такимъ обиліемъ душевной мощи и прелести, съ такою сіяющею внутреннею и внѣшнею красотою, что передъ ними все покоряется, и высшій и низшій свѣтъ, какъ будто передъ урожденными царицами, что Потугины и Литвиновы внезапно теряютъ передъ ними все свое

благоразуміе и рѣшительность. Эти женщины иногда изливаютъ избытокъ своей душевной жизни на такихъ людей, какъ Литвиновъ; но онѣ не могутъ навсегда остановиться на Литвиновыхъ, ка̀къ бы искренно этого ни хотѣли; надъ Финиковыми же и изящными генералами онѣ смѣются въ глаза, и потому остаются всю жизнь несчастными и страдающими, такъ-какъ нигдѣ не находятъ себѣ полнаго отвѣта, равноправной силы.

И такъ, Тургеневъ къ числу прежнихъ своихъ женскихъ образовъ, которые онъ одинъ умѣетъ рисовать съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, присоединилъ новый, который, по прелести и по несчастливой судьбѣ, станетъ рядомъ съ Наташей (въ «Рудинѣ»), «Асей», Лизой (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»), Еленой (въ «Наканунѣ»)...

Но что̀ же это? Куда мы зашли, слѣдуя однако по стопамъ поэта, руководясь его ясными указаніями? Мы пришли къ заключеніямъ, которыя прямо противорѣчатъ *словамъ* поэта, буквальнымъ выраженіямъ его повѣсти. Насколько всѣ лица повѣсти хвалятъ Литвинова, настолько же они осуждаютъ Ирину. Только самъ поэтъ, самъ разсказчикъ не рѣшился коснуться ея ни единымъ словомъ. Но, по словамъ Потугина, эта женщина *испорчена до мозга костей* (стр. 84); ея недовольство своимъ положеніемъ Литвиновъ называетъ *развращенною меланхоліею модной дамы* (стр. 142); наконецъ сама она, вѣчно виноватая и вѣчно кающаяся Ирина пишетъ, что *ядъ слишкомъ глубоко проникъ въ нее*, что видно нельзя *безнаказанно въ теченіе многихъ лѣтъ дышать этимъ воздухомъ* (стр. 143). И такимъ образомъ вся повѣсть превращается, въ глазахъ Литвинова, въ разсказъ *о безнравственности высшаго свѣта* и *о гибели, уготовляемой свѣтскими дамами неопытнымъ юношамъ* (стр. 118).

Посмотримъ, однако, въ чемъ состоитъ эта испорченность, этотъ ядъ. Образъ Ирины далеко не дорисованъ художникомъ, но тѣ черты, которыя онъ успѣлъ набросать, очень ясны. Ирина любитъ роскошную, блестящую свѣтскую жизнь. Но роскошь, какъ замѣчаетъ одна изъ героинь г. Тургенева (Зенаида, въ «Первой Любви»)—красива, слѣдовательно имѣетъ непререкаемое право на любовь. Въ самомъ «Дымѣ» графъ Рейзенбахъ весьма остроумно замѣчаетъ по поводу этого, что «медъ сладокъ» (стр. 48). Что же касается до пустоты и пошлости, скрывающейся подъ блескомъ и роскошью въ высшемъ свѣтѣ, то Ирина ихъ ненавидитъ всею душою. На ней самой не лежитъ «противнаго свѣтскаго отпечатка» (стр. 59); «она никогда не гнушалась людей низко поставленныхъ, и графиня не разъ пеняла ей за ея излишнюю, *московскую фамильярность*» (стр. 120); Ирина даже не равнодушна къ русскому языку (стр. 67).

И такъ гдѣ же испорченность? Не въ томъ ли, что она полюбила Литвинова? Да вѣдь это новое доказательство правильности ея симпатій, если судить по словамъ автора. Итакъ, все обвиненіе противъ Ирины заключается въ томъ, что она не ушла съ Литвиновымъ. Но спрашивается, взамѣнъ той, хотя призрачной, но блестящей жизни, которую она любила, что̀ предлагалъ ей съ своей стороны Литвиновъ? Какой міръ, какую жизнь, какую дѣятельность, какую пищу для жадной души? Ничего, кромѣ собственной особы. Ну, если этого оказалось мало, то не другіе же виноваты. Литвиновъ даже не Рудинъ съ его неистощимымъ, увлекательнымъ энтузіазмомъ, не Базаровъ, съ которымъ, по выраженію Одинцовой, «говоришь точно по краю пропасти ходишь»; Литвиновъ просто потерявшійся мальчикъ; изъ-за чего же тутъ жертвовать жизнью?

А вѣдь она чуть не пожертвовала! Чѣмъ жалѣть Литвинова, не лучше ли немножко ее пожалѣть? Мы рѣшительно становимся на сторону почтеннаго Созонта Ивановича, который такъ хорошо знаетъ Ирину; замѣтивъ отношенія ея къ Литвинову, онъ говоритъ ему: «Но я за нее боюсь... я боюсь за нее» (стр. 119).

— Много чести, господинъ Потугинъ, иронически отвѣчаетъ Литвиновъ.

Но какъ бы то ни было, честь эта досталась господину Литвинову. Возьмемъ дѣло съ этой, такъ-сказать, мужской точки зрѣнія. Тогда окажется, что «Дымъ» повѣствуетъ о томъ, какъ обольстительные юноши, подобные Литвинову, опасны для свѣтскихъ дамъ, какъ одинъ изъ нихъ чуть не погубилъ до конца одну изъ блистательнѣйшихъ царицъ великосвѣтскаго общества.

Вотъ мы и довели до конца это трудное разбирательство. Мы изложили дѣло подробно, для того, чтобы читатель могъ отчетливо судить, на сколько правильно заключеніе, выводимое изъ разсказанныхъ событій самимъ авторомъ. Это заключеніе онъ влагаетъ въ размышленія Литвинова, которымъ тотъ предается, уѣзжая изъ Бадена и глядя на дымъ, вылетающій изъ трубы паровоза.

«Онъ глядѣлъ — глядѣлъ и странное напало на него размышленіе... Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ; никто не мѣшалъ ему. «Дымъ, дымъ», повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, *собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно все русское*» (стр. 150).

Положительно нѣтъ ничего въ повѣсти, что̀ оправдывало бы такое странное размышленіе, даже ничего такого, что̀ вязалось бы съ нимъ.

Не дымъ ли высшій свѣтъ? Конечно, не дымъ, если въ немъ

являются такія сильныя и прелестныя женщины, какъ Ирина. Обладая всѣмъ, что̀ есть хорошаго въ этомъ свѣтѣ, онѣ протестуютъ противъ его пошлости и пустоты, онѣ неустанно язвятъ его и ищутъ для себя какого нибудь выхода. Эти ищущія и страдающія силы, конечно, представляютъ прекрасный задатокъ. Какъ искренни онѣ въ своихъ исканіяхъ, видно изъ того, что будь Литвиновъ крошечку пошире и покрѣпче, Ирина отдалась бы ему безвозвратно.

Что̀ же касается до низшаго свѣта, то тутъ дѣла обстоятъ еще благополучнѣе. Оказывается, что тутъ, при помощи одного изученія агрономіи и технологіи, можно быть веселымъ, спокойнымъ и нѣсколько самоувѣреннымъ, можно почти неотразимо привлекать къ себѣ царицъ высшаго общества, невидящихъ вокругъ себя подобныхъ свѣтлыхъ личностей, и наконецъ, можно достигнуть полнаго счастья, можно найти дѣвушку, у которой «золотое сердце, истинно ангельская душа» (стр. 116), и навсегда соединить съ нею свою судьбу.

Серьёзно, мы находимъ въ повѣсти Тургенева слишкомъ много счастья; на этотъ разъ онъ слишкомъ на него расточителенъ. Ни одного изъ прежнихъ своихъ героевъ онъ не надѣлялъ счастьемъ такъ легко и такъ надолго, какъ Литвинова. Кромѣ несчастнаго Инсарова, такъ быстро умершаго, Тургеневъ даже не женилъ ни одного изъ своихъ героевъ и не давалъ имъ удачи въ любви. Мы уже говорили, какая здѣсь крылась мораль. Мораль все та же со временъ Онѣгина и Татьяны. Русское общество имѣетъ такъ мало крѣпкихъ основъ, такъ сильно поражено различными недугами, что въ немъ трудно быть счастливымъ, ибо для счастья требуется прочный строй жизни, требуется атмосфера, въ которой бы спокойно и свободно могли раскрываться душевныя силы.

Какъ не сказать послѣ этого, что Литвинову дешево досталось его счастье. Современные недуги прошли мимо его, и никакое сильное внутреннее стремленіе не безпокоило его.

Итакъ, откуда же отчаянная мысль, что все человѣческое дымъ? Нужно говорить правду, эта мысль не Литвинова, а самого г. Тургенева. Вотъ уже третье произведеніе, въ которомъ проглядываетъ эта мысль. «Призраки», «Довольно», «Дымъ» — все это варіяціи на старинную тему: *суета суетъ и всяческая суета*. Въ «Дымѣ» авторъ развиваетъ ее почти такъ же, какъ древній Экклезіастъ:

«Все дымъ и паръ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущно-

сти все то же, да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то, и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая».

Не то же ли говоритъ Экклезіастъ:

«Что́ пользы человѣку во всемъ трудѣ его, которымъ онъ трудится подъ солнцемъ? То, что̀ было, есть то же, что̀ будетъ; и то, что̀ сдѣлано было, есть то же, что̀ сдѣлано будетъ; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ».

Мысль хотя не новая, какъ видитъ читатель, но хорошая; нельзя запретить поэту смотрѣть на вещи съ этой стороны, если къ тому влечетъ его душевное настроеніе. Нужно только, чтобы мысль была выражаема съ надлежащею силою и поэтическою ясностію. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. «Призраки» есть наиболѣе правильное изъ этихъ произведеній. Эллисъ, сама воплощенная поэзія, носитъ поэта по землѣ, показываетъ ему современный міръ и воскрешаетъ передъ нимъ грозныя картины исторіи. Съ тоскою и уныніемъ отворачивается поэтъ отъ настоящаго и прошедшаго, и наконецъ, встрѣчаетъ смерть и отдается ужасу при мысли о ничтожествѣ всего на свѣтѣ.

Въ «Довольно» мысль о суетѣ суетъ выражена на голо, и не оправдана поэтически, а обставлена холодными и слабыми разсужденіями (см. «Отеч. Зап.» 1866 г. № 23).

Наконецъ, въ «Дымѣ», какъ мы видѣли, она ни мало не связана съ предметомъ, которому посвященъ разсказъ. Литвиновъ и проповѣдь о ничтожествѣ всего земнаго — можно ли не видѣть здѣсь явнаго разногласія?

Что̀ не связано, то такъ несвязнымъ и остается. Разсуждая о суетѣ мірской, Литвиновъ ни мало не думаетъ пояснять свои разсужденія событіями своей жизни, но вдругъ начинаетъ говорить о совершенно другихъ вещахъ, совершенно до него некасающихся. Вотъ продолженіе его страннаго размышленія:

«*Другой вѣтеръ подулъ, и бросилось все въ противоположную сторону*, и тамъ опять та же безустанная, тревожная — и ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что̀ съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ высоко и низко-поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей — *и даже все то, что̀ проповѣдывалъ Потугинъ*... дымъ, дымъ и больше ничего» (тамъ же).

Вѣтеръ перемѣнился! Вотъ отчего все и показалось дымомъ, показалось опять таки не въ глазахъ Литвинова, а въ глазахъ

г. Тургенева; вотъ слово, объясняющее весь смыслъ романа, настоящій ключъ къ его загадкѣ.

Чтó же это за вѣтеръ? Конечно, дѣло здѣсь не о томъ, что Ирина измѣнила Литвинову, или что онъ измѣнилъ Татьянѣ и т. п. Нѣтъ, Литвиновъ ни съ того ни съ сего начинаетъ размышлять о тѣхъ партіяхъ, спорахъ и крикахъ, въ которыхъ не принималъ ни малѣйшаго участія, которые не имѣли никакого отношенія къ исторіи его любви, и о которыхъ, поэтому, намъ и не пришлось до сихъ поръ говорить. Въ романѣ выведена на сцену цѣлая толпа лицъ всевозможныхъ оттѣнковъ, консерваторовъ, либераловъ, радикаловъ и пр.; есть даже одинъ спиритъ. Консерваторы, спириты и т. п. группируются около Ирины; радикалы и революціонеры около нѣкотораго Губарева. Сказать что нибудь объ этихъ лицахъ нѣтъ никакой возможности, до того слабо они обрисованы; объ иномъ ничего и не узнаешь, кромѣ того, что у него *гнусный затылокъ*; три генерала различаются тѣмъ, что одинъ тучный, другой раздражительный, а третій снисходительный и т. д. По справедливому замѣчанію одного человѣка со вкусомъ, повѣсть г. Тургенева представляетъ большую картину, на которой не вполнѣ дописано прелестное лицо Ирины, другихъ же лицъ совсѣмъ нѣтъ, и тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, поставлены мѣломъ кружки вмѣсто головъ и линіями обозначено положеніе тѣла. Вотъ эти-то люди и составляютъ *дымъ*, а отнюдь не Ирина и Литвиновъ, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго.

Куда же несется этотъ дымъ? И какая случилась перемѣна вѣтра, въ силу которой дымъ, какъ и подобаетъ дыму, понесся въ другую сторону? Къ сожалѣнію, едва-ли кто найдетъ въ повѣсти ясные отвѣты на эти вопросы. Одно только ясное и опредѣленное указаніе нашли мы по сему предмету. Продолжая утѣшать себя размышленіями о важныхъ матеріяхъ, Литвиновъ между прочимъ думаетъ:

«Вотъ въ Гейдельбергѣ теперь (1862) болѣе сотни русскихъ студентовъ; всѣ учатся химіи, физикѣ, физіологіи, ни о чемъ другомъ и слышать не хотятъ... а пройдетъ пять-шесть лѣтъ, и пятнадцати человѣкъ на курсахъ не будетъ у тѣхъ же знаменитыхъ профессоровъ... Вѣтеръ перемѣнится, дымъ хлынетъ въ другую сторону... дымъ... дымъ... дымъ!» (стр. 152).

«Предчувствія Литвинова сбылись — прибавляетъ авторъ. Въ 1866 году было въ Гейдельбергѣ учащихся русскихъ въ лѣтній семестръ 13, въ зимній 12».

Другое указаніе авторъ сдѣлалъ невольно, обмолвившись. Именно Потугинъ очень горячится въ одномъ мѣстѣ противъ повѣсти

г-жи Кохановской *Рой на Спокоњ.* Но эта повѣсть появилась въ 1864 году, а г. Потугинъ, предполагается, философствуетъ противъ нея въ 1862 г. Итакъ эпохи нѣсколько смѣшаны въ повѣсти, и все показываетъ, что ея тенденціи ничуть не ограничиваются чертою 1862 года, а простираются и до настоящихъ дней. Вслушайтесь еще разъ въ рѣчи Потугина, вникните въ намеки, разсѣянные въ повѣсти, и вы наконецъ поймете, о какой *перемѣнѣ вѣтра* глубокомысленно разсуждаетъ Литвиновъ.

Да, вотъ оно что! Дѣйствительно вѣтеръ-то перемѣнился, дѣйствительно несетъ въ другую сторону. Это фактъ очевидный, обширный, ясный, общеизвѣстный. До 1862 года движеніе, постепенно возрастая, шло въ одну сторону; послѣ 1862 года, оно поворотило и пошло въ другую. Если ужь говорить о перемѣнахъ вѣтра, то сейчасъ же придетъ на мысль эта перемѣна, передъ которой всѣ другія ничтожны; опустить ее или не имѣть ея въ виду невозможно.

Увидѣвъ эту перемѣну, столь крутую, неожиданную, поразительную, г. Тургеневъ воскликнулъ изъ своего прекраснаго далека: суета сустъ и всяческая суета! Все человѣческое—дымъ, а все русское—дымъ по преимуществу!

Теперь, когда мы вскрыли внутреннюю подкладку повѣсти, такъ-сказать ея нервъ, намъ легко уже будетъ судить о тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ выражаются не поэтическія, а публицистическія мнѣнія. Въ этой повѣсти все задѣто, всѣ наши партіи, почти всѣ явленія нашей жизни, и высшій свѣтъ и учащаяся молодёжь, и Глинка и Телушкинъ, и проч. и проч. Можно подумать, что для отвѣта на всѣ эти бранчивые и брезгливые отзывы придется воевать съ г. Тургеневымъ цѣлые годы, придется спорить безъ конца. Но дѣло гораздо проще и не требуетъ особенно сильныхъ военныхъ приготовленій.

Не мало въ «Дымѣ» выходокъ противъ людей и мнѣній, принадлежащихъ къ движенію до 1862 года; но несравненно многочисленнѣе, продолжительнѣе и сравнительно сильнѣе выходки противъ мнѣній и настроеній, получившихъ верхъ послѣ 1862 года. Увы! Не равнодушенъ нашъ поэтъ и не до конца искренно онъ исповѣдуетъ, что все прахъ и суета. Вѣтеръ перемѣнился и все понесло въ другую сторону; «все дымъ» шепчетъ поэтъ; но, несмотря на это успокоительное изрѣченіе, перемѣна очевидно раздражила поэта, и онъ написалъ повѣсть *противъ господствующаго вѣтра.*

Ясно какъ день, что въ повѣсти слышна раздражительность; ясно какъ день, что эта раздражительность направлена противъ господствующаго вѣтра. Этотъ вѣтеръ, вѣроятно, слышится г.

Тургеневу, какъ и всякому, въ каждомъ листкѣ любой русской газеты. Это вѣтеръ противный обличительному и самооплевательному, вѣяніе нѣкоторой народной гордости и самоувѣренности, бо̀льшее уваженіе къ нашей исторіи, бо̀льшая вѣра въ насущныя силы Россіи, бо̀льшая надежда на ея будущность. Говоря литературными формулами, всѣ мы до 1862 года были болѣе или менѣе западниками, а послѣ этого года всѣ болѣе или менѣе стали славянофилами. Вотъ та превратность земныхъ вещей, которая не нашла себѣ сочувствія въ душѣ нашего поэта.

Но—трудно плыть противъ вѣтра! Кто же обратитъ вниманіе на эти брезгливыя и мелкія выходки, когда жизнь, сама жизнь, сама исторія увлекаетъ насъ, когда то, надъ чѣмъ издѣвается г. Тургеневъ, не находится вдалекѣ отъ насъ, не составляетъ предмета нашихъ наблюденій со стороны, а составляетъ часть насъ самихъ, составляетъ то, чѣмъ мы живемъ и волнуемся?

Мы, напримѣръ, прилежно изучаемъ расколъ; литература по расколу растетъ и мы вникаемъ въ нравственныя причины, которыя его породили и такъ тѣсно связаны съ самою глубью нашего народнаго духа, а намъ вдругъ предлагаютъ такое остроумное мнѣніе: «Видятъ люди: большого мнѣнія о себѣ человѣкъ, вѣритъ въ себя, приказываетъ — главное приказываетъ; стало быть онъ правъ, и слушаться его надо. *Всѣ наши расколы, наши Онуфріевщины да Акулиновщины точно такъ и основались. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ*» (стр. 27).

Мы, напримѣръ, оказались способными къ естественнымъ наукамъ. Имена нашихъ натуралистовъ почетно извѣстны въ ученомъ мірѣ; въ нашихъ университетахъ каѳедры по этимъ наукамъ всѣ заняты, заняты людьми, стоящими на уровнѣ современныхъ знаній. А объ этомъ разсуждается такъ: «теперь мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... *Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное;* такая уже видно наша натура. Но главное дѣло, чтобы былъ у насъ баринъ» (стр. 26).

Мы, напримѣръ, любимъ музыку Глинки; серьёзный, строгій музыкальный вкусъ развивается въ нашей публикѣ; являются композиторы съ своеобразными, неподдѣльными талантами; мы встрѣчаемъ ихъ съ восторгомъ, и будущность русской музыки намъ кажется несомнѣнною. А намъ говорятъ на это: «о, убогіе дурачки-варвары, для которыхъ не существуетъ преемственность искуства!» (79). То-есть, какъ же, дескать, вы надѣетесь, что у васъ будетъ русская музыка, когда ея еще нѣтъ? Забавное разсужденіе! Вѣдь только на то и можно надѣятся, чего еще нѣтъ.

Но она есть, русская музыка! Самъ Созонтъ Ивановичъ говоритъ, что Глинка чуть было не «основалъ русской оперы». А что, какъ въ дѣйствительности онъ ее основалъ, и вы ошибаетесь? Съ какимъ вы длиннымъ тогда останетесь носомъ! Шутка ли—*русская опера!*

Вообще замѣчанія г. Потугина иногда остроумны, но въ цѣломъ удивительно мелки и поверхностны и доказываютъ, что русская жизнь можетъ показаться дымомъ только тому, кто этою жизнью не живетъ, кто не участвуетъ самъ ни въ едпномъ ея интересѣ. Темна, бѣдна русская жизнь — кто говоритъ! Но отъ этого русскимъ людямъ, какъ людямъ живымъ, бываетъ трудно и тяжело жить, а не летятъ они по вѣтру съ легкостію дыма. Въ самыхъ шатаніяхъ и увлеченіяхъ, которыя повидимому хочетъ казнить г. Тургеневъ своею повѣстью, мы очень серьёзны, доводимъ дѣло до конца, часто дорого-дорого за него платимся, и слѣдовательно, доказываемъ, что мы живемъ и хотимъ жить, а не несемся куда вѣтеръ повѣетъ.

Если же смутно и странно наше умственное и нравственное настроеніе, если все бродитъ у насъ, какъ чреватый хаосъ, то это не значитъ еще, что все это одинъ дымъ. Внимательный наблюдатель долженъ признать, что благодаря нынѣшнему царствованію, дѣйствительно вскрылись всѣ язвы, которыя мы носили въ своемъ тѣлѣ, воображая себя вполнѣ здоровыми; мы знаемъ теперь свои болѣзни и еще болѣе — появились нѣкоторыя черты, обозначились извѣстныя точки, указывающія намъ на складъ въ будущемъ нашего постепенно обновляющаго нравственнаго организма. Еще много дыму пускается на эти черты, но онѣ все яснѣе и яснѣе проступаютъ изъ-подъ него.

Собственно здѣсь мы могли бы кончить нашъ разборъ. Мы видѣли изъ самой повѣсти, что жизнь русская въ ней нимало не казнится, и знаемъ, что выходки дѣйствующихъ лицъ относятся къ такому важному перелому и перевороту въ этой жизни, что никакъ не могутъ представлять собою серьёзное сужденіе о немъ. Но положимъ, что въ «Дымѣ» дѣйствительно казнится русская жизнь, какъ полагаетъ самъ авторъ. Тогда спрашивается, во имя чего же она казнится? Передъ какимъ свѣтлымъ и опредѣленнымъ идеаломъ ея явленія оказываются мутнымъ дымомъ, летящимъ по вѣтру? Въ повѣсти есть очень бойкія указанія на этотъ идеалъ, такъ что ихъ невозможно оставить безъ вниманія. Возьмемъ главное, центральное мѣсто, которое повидимому должно объяснять всѣ остальныя замѣчанія, разсѣянныя въ повѣсти.

Бесѣдуютъ Потугинъ и Литвиновъ, то-есть два лица, къ ко-

торымъ авторъ относится совершенно сочувственно, и въ бесѣдѣ своей касаются самыхъ общихъ вопросовъ. Потугинъ весьма жестко отозвался о славянофилахъ вообще и о г-жѣ Кохановской въ особенности; тогда Литвиновъ замѣчаетъ:

«— Послѣ того, что̀ вы сейчасъ сказали, мнѣ нечего спрашивать, къ какой вы принадлежали партіи и какого вы мнѣнія о Европѣ» (стр. 29).

И такъ Потугинъ принадлежитъ къ нѣкоторой *партіи*, и Литвиновъ ни мало надъ нимъ за это не смѣется, хотя, по его мнѣнію, *русскимъ еще рано имѣть политическія убѣжденія или воображать, что мы ихъ имѣемъ* (стр. 20). Притомъ Литвиновъ такъ проницателенъ, что даже вполнѣ угадываетъ *мнѣніе Потугина о Европѣ*. Любопытно! Въ чемъ же состоитъ это мнѣніе?

«Потугинъ приподнялъ голову (*очевидно, движеніе гордости и увѣренности*).

«— Я удивляюсь ей (Европѣ) и преданъ ея началамъ до чрезвычайности и нисколько не считаю нужнымъ это скрывать».

Казалось бы, за этою смѣлою и открытою рѣчью немедленно должно было послѣдовать хотя какое-нибудь указаніе на предметы, передъ которыми преклоняется Потугинъ. Онъ долженъ былъ бы хоть намекнуть, *въ чемъ* онъ удивляется Европѣ, и *какимъ* началамъ онъ такъ преданъ. Вѣдь Европа велика, и чего-чего въ ней нѣтъ! Какія начала разумѣетъ Потугинъ? Англійское начало самоуправленія или французское начало администраціи? Свободу печати или систему предостереженій? Народность или космополитизмъ? Соціализмъ или политическую экономію? Ужь не начала ли 89 года, на которыя любитъ ссылаться французскій императоръ? Что-нибудь и какъ-нибудь да долженъ бы былъ обозначить Потугинъ.

Ничуть не бывало. Онъ совершенно довольствуется тѣмъ, что̀ сказалъ. Онъ начинаетъ хвалиться тѣмъ, что смѣло всѣмъ высказываетъ это свое мнѣніе (какое? желательно бы знать), и съ нѣкоторымъ азартомъ такъ продолжаетъ рѣчь:

«Да-съ, да-съ, я западникъ, я преданъ Европѣ; то-есть, говоря точнѣе (посмотримъ!), я преданъ образованности, той самой образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются, цивилизаціи — да, да, это слово еще лучше — *и люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой любви, другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ*. (Видите, какъ горячо!) Это слово: ци...ви...ли...зація (Потугинъ отчетливо, съ удареніемъ, произнесъ каждый слогъ), и понятно, и чисто и свято, а другіе всѣ, народность тамъ, что ли, слава, кровью пахнутъ... Богъ съ ними!»

И такъ г. Потугинъ преданъ той цивилизаціи, которая противоположна народности, славѣ и другимъ словамъ, пахнущимъ кровью. Кто пойметъ подобную складную рѣчь? *Народность* есть начало, какъ извѣстно, заправляющее современною исторіею Европы. Но этому началу г. Потугинъ не преданъ. *Слава* никогда никакимъ началомъ не была. Ужь не разумѣетъ ли здѣсь г. Потугинъ la gloire militaire французовъ, которая дѣйствительно пахнетъ кровью? Если такъ, то значитъ воинственности французовъ онъ не сочувствуетъ. Но чему же онъ сочувствуетъ и чему преданъ?

Цивилизаціи, ци-ви-ли-заціи.

Признаемся, это намъ невольно напомнило то, какъ г. Анучкину, любителю французскаго языка и тонкаго обращенія, понравилось слово Сицилія (въ «Женитьбѣ» Гоголя). «Сицилія—обращается онъ къ Жевакину—вотъ вы говорите Сицилія, какъ же это Сицилія...»

Да, хорошія бываютъ слова!

Между тѣмъ, собесѣдникъ Потугина вполнѣ удовлетворяется его словами. Онъ какъ будто до тонкости узналъ мнѣнія Потугина о Европѣ, и потому, оставляя исчерпанный сюжетъ, обращаетъ разговоръ на любезное отечество.

«— Ну, а Россію, Созонтъ Иванычъ, свою родину, вы любите?

«Потугинъ провелъ рукой по лицу.

«— Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу».

Прекрасно. Спрашивается, послѣ подобныхъ словъ какой вопросъ долженъ быть предложенъ Созонту Ивановичу? Казалось бы, любопытствующій Литвиновъ долженъ былъ спросить: что̀ же вы въ Россіи страстно любите, и что̀ вы въ ней ненавидите? Какія стороны вы находите свѣтлыя, и какія темныя?

Но ничуть не бывало. Можно подумать, что опять Литвиновъ какъ будто до тонкости узналъ мнѣнія Потугина о Россіи, что онъ угадалъ ихъ. Однако, нѣтъ.

«Литвиновъ пожалъ плечами.

«— Это старо, Созонтъ Иванычъ, это—общее мѣсто».

Совершенно справедливое замѣчаніе. Литвиновъ ничего не узналъ, и не могъ узнать изъ такого общаго мѣста, что Россія имѣетъ и темныя и свѣтлыя стороны. Собесѣдникамъ, очевидно, слѣдуетъ пуститься въ частности; тогда разговоръ будетъ интереснѣе. Но не тутъ-то было. Созонтъ Ивановичъ возражаетъ:

«— Такъ что̀ жь такое? Что̀ за бѣда? Вотъ чего испугались! Общее мѣсто! Я знаю много хорошихъ общихъ мѣстъ». И проч.

На это, конечно, слѣдовало бы отвѣчать, что никто общихъ мѣстъ не пугается, и никто не отрицаетъ ихъ достоинствъ; но только никто же на общихъ мѣстахъ не останавливается и не считаетъ ихъ выраженіемъ яснаго и опредѣленнаго мнѣнія о частномъ вопросѣ.

Вмѣсто того, Литвиновъ нападаетъ на Потугина съ той точки, будто взглядъ его устарѣлъ.

«— Байроновщина, перебилъ Литвиновъ: — романтизмъ тридцатыхъ годовъ».

На это Потугинъ побѣдоносно отвѣчаетъ цитатою изъ Катулла, которая неопровержимо доказываетъ, что его общее мѣсто есть дѣйствительно очень общее мѣсто. Затѣмъ онъ начинаетъ горячиться по поводу Россіи точно такъ, какъ прежде горячился по поводу Европы.

«Да-съ—говоритъ онъ—я и люблю и ненавижу свою Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вотъ ее покинулъ: нужно было провѣтриться немного послѣ двадцатилѣтняго сидѣнья за казеннымъ столомъ, въ казенномъ зданіи; я покинулъ Россію, и здѣсь мнѣ очень пріятно и весело: но я скоро назадъ поѣду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не расти на ней морошкѣ!»

Вотъ и понимайте, какъ знаете! Литвиновъ, однако, вполнѣ довольствуется этою тирадою, и разговоръ переходитъ на другіе предметы.

Какъ не подивиться послѣ этого русскимъ людямъ! Вотъ изъ толпы набитыхъ дураковъ и безпардонныхъ болтуновъ выходятъ двое умныхъ людей. Одинъ изъ нихъ только что язвительно подсмѣялся надъ своими соотечественниками за то, что у нихъ вѣчно «возникаетъ вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да *въ такихъ общихъ чертахъ*, *отъ яицъ Леды*, *бездоказательно*, *безвыходно*» (стр. 26). Но о чемъ же бесѣдуютъ сами два умника?

— Какого вы мнѣнія о Европѣ? спрашиваетъ одинъ.

— Хорошаго мнѣнія, отвѣчаетъ другой. — Только вотъ не люблю, когда что-нибудь кровью пахнетъ.

— А о Россіи?

— Многое одобряю, но многое и порицаю.

Ну, можетъ ли быть еще что-нибудь общѣе этихъ общихъ чертъ и общихъ мѣстъ?

Приглядитесь еще немножко, и вы увидите, что разговаривающіе сами не понимаютъ своего отношенія къ предметамъ рѣчи. Что за вопросъ: какого вы мнѣнія о Европѣ? Развѣ *на европейской точкѣ зрѣнія* можно быть какого-нибудь хорошаго или дур-

наго мнѣнія разомъ о всей Европѣ, о всѣхъ ея государствахъ, дѣлахъ и партіяхъ? Вопросъ есть нелѣпость для всякаго, кто не считаетъ Европу особымъ міромъ, развившимся изъ особыхъ началъ, напримѣръ положимъ изъ римской цивилизаціи, и кто не противополагаетъ этому міру нѣкотораго другого міра. Для настоящаго европейца Европа есть все, всецѣлый міръ, и онъ называетъ и чувствуетъ себя европейцемъ только передъ людьми, которыхъ считаетъ чуждыми настоящей исторической жизни, передъ китайцами, малайцами, неграми. Среди же Европы никто себя европейцемъ не величаетъ и если питаетъ какія-нибудь мнѣнія о Европѣ вообще, то эти мнѣнія для него равнозначительны съ мнѣніями о состояніи и развитіи человѣчества вообще.

Точно такъ никакой настоящій западникъ не называетъ себя западникомъ. Слово это придумано славянофилами и означаетъ людей, отрицающихъ существованіе у насъ народныхъ началъ. Но никто не станетъ опредѣлять себя однимъ отрицаніемъ. Всякій западникъ назоветъ себя вамъ или конституціоналистомъ, или республиканцемъ, демократомъ, соціалистомъ и т. д., но никто не назоветъ себя просто западникомъ. Никто не скажетъ, что онъ держится *западныхъ* началъ; всякій скажетъ, что онъ держится общечеловѣческихъ началъ, и именно такихъ-то и такихъ-то.

И такъ о чемъ же разсуждаютъ умные люди г. Тургенева? Согласно съ славянофильскими понятіями, они вообразили, что можно отнестись къ Европѣ, какъ къ особому *единому* міру, и согласно съ славянофильской терминологіей, именуютъ себя *западниками*. Въ смыслѣ славянофиловъ какой бы вы западной теоріи ни держались, вы все-таки будете западникъ, человѣкъ, держащійся началъ особаго европейскаго міра. Вотъ почему Потугинъ вмѣсто всякихъ мнѣній твердитъ только одно:—я западникъ, я европеецъ!

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ разгадка: умные люди не столько пылаютъ любовью къ цивилизаціи, сколько нерасположеніемъ къ славянофильской теоріи. Они разсуждаютъ о вопросахъ этой теоріи, употребляютъ ея же формулы, но заявляютъ свое полное несогласіе съ нею. Своего же за душой у нихъ пока ничего нѣтъ.

Приведемъ еще одно поясненіе. Ни одинъ французъ, ни одинъ нѣмецъ, конечно, не задаетъ своему соотечественнику такого неопредѣлительнаго и въ сущности ничего незначащаго вопроса: какого вы мнѣнія о Европѣ? Но есть одинъ народъ, въ настоящую минуту конечно первый изъ народовъ міра, въ которомъ встрѣчается нѣчто подобное нашимъ русскимъ разговорамъ. Это англичане.

Когда англичанинъ въ первый разъ отправляется съ своего острова на материкъ Европы, то по возвращеніи, или среди самого материка, онъ слышитъ отъ своихъ соотечественниковъ вопросъ: ну, что вы скажете *о континентѣ*? Какъ вы находите континентальную жизнь, континентальные порядки?

Понятно, на какомъ взглядѣ опираются подобные вопросы. Все не англійское, все чуждое тѣхъ широкихъ, крѣпкихъ, правильно развитыхъ, ясно-сознаваемыхъ началъ, которыми проникнута англійская жизнь, должно являться англичанину чужимъ міромъ, міромъ, держащимся на какихъ-то иныхъ началахъ, слѣдующимъ въ жизни иной, не англійской логикѣ. Тутъ является такая опредѣленная противоположность, что континентъ сливается въ глазахъ англичанина въ одно цѣлое, все его разнообразіе покрывается однимъ общимъ колоритомъ

Спрашивается теперь, въ такомъ ли смыслѣ Потугинъ и Литвиновъ сообщаютъ другъ другу свои *мнѣнія о Европѣ*? Увы! Оказывается, что передъ нами не два образованныхъ европейца, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе, свое profession de foi, осуществленію котораго и посвящаетъ свои мысли и труды; но это также и не два образованныхъ русскихъ, сознающихъ своеобразіе своей народности и размышляющихъ объ отношеніи ея къ *иному* міру, къ Европѣ. Нѣтъ, они всего скорѣе похожи на какихъ нибудь попавшихъ въ Европу сіамцевъ, или японцевъ, которые въ каждой странѣ ея одинаково чувствуютъ себя не европейцами; это дѣйствительно *убогіе дурачки-варвары*, которые столбенѣютъ въ тупомъ и неопредѣленномъ удивленіи къ зрѣлищу, раскрывающемуся передъ ними, люди, восхищающіеся цивилизаціею вообще въ противоположность варварству, господствующему въ ихъ темномъ отечествѣ.

Но неужели же мы, русскіе, находимся въ такомъ положеніи? Опять замѣтимъ, что только глядя на русскую жизнь со стороны можно было такъ поверхностно понять это отношеніе. Въ дѣйствительности, въ настоящую минуту ни одинъ русскій человѣкъ *не можетъ* стоять въ такомъ отношеніи къ Европѣ, въ какое ставитъ себя почтенный Созонтъ Иванычъ. Потому что вѣдь скоро будетъ двѣсти лѣтъ, какъ мы явились въ Европу такими точно варварами-дурачками, и съ той поры много воды утекло. Съ тѣхъ поръ, какихъ вліяній мы не пережили, кому не подражали, кого не передразнивали! Мы и передъ гробомъ Ришельё преклонялись, и писали «Наказъ» въ духѣ энциклопедистовъ, мы проникались и началами 89 года, и началами первой имперіи, мы когда-то «Гегеля изучали и знали Гёте наизусть», мы были бойцами республики 48 года, и потомъ плакали о ея

паденіи, какъ о гибели кровныхъ нашихъ надеждъ; мы всегда сочувствовали лучшимъ, избраннѣйшимъ умамъ Европы, но вообще каждому ея крупному явленію мы непремѣнно платили и платимъ дань; мы платимъ ее, напримѣръ, теперь и Наполеону III и свободной торговлѣ Англіи и т. д.

И чѣмъ дальше, тѣмъ шире и глубже этотъ наплывъ, какъ это и въ порядкѣ вещей. Этотъ вѣтеръ вѣетъ сильно. И мы все яснѣе и яснѣе понимаемъ его дѣйствіе, потому что переживаемъ это дѣйствіе на себѣ, на своихъ костяхъ и своей плоти. Мы знаемъ, что вліяніе Европы вызываетъ не одни свѣтлыя явленія; мы перенесли отъ него и переносимъ нетолько явленія жалкія, смѣшныя, пустыя и безплодныя, но и мрачныя и грустныя до высочайшей степени, и слѣдовательно, мы не можемъ стоять въ такомъ идиллическомъ отношеніи къ вліянію Европы, какъ Созонтъ Ивановичъ.

Но есть у насъ другой вѣтеръ, тоже постепенно усиливающійся, но далеко еще недостигшій силы для равноправной борьбы съ западнымъ вѣтромъ. Это—вѣяніе того, что г. Тургеневъ нѣкогда остроумно назвалъ «черноземною силою», вѣяніе духа нашей народности. Отъ времени до времени мы, гнущіеся какъ тростникъ отъ западнаго вѣтра, обнаруживаемъ силу упругости, выпрямляемся и даже наклоняемся въ другую сторону отъ вѣтра, потянувшаго съ востока. Естественная реакція умовъ и душъ, но главное — столкновенія съ Европою, ходъ событій, неизбѣжно заставляющій дѣйствовать насъ, насъ, въ другое время готовыхъ стереться съ лица земли, слетѣть съ нея подобно дыму, даютъ у насъ просторъ этому вѣтру. Его дѣйствія мы тоже знаемъ, ибо переносимъ ихъ на себѣ, на своей плоти и своихъ костяхъ, и все яснѣе различаемъ темныя и свѣтлыя явленія, имъ порождамыя.

Эти два вѣтра не случайны, какъ видитъ читатель. Существованіе именно ихъ, а не какихъ другихъ вѣтровъ, всего лучше показываетъ, что не *дымъ* все русское, что не капризъ случая вертитъ нами. Напротивъ, кто живетъ среди борьбы этихъ направленій, для кого она составляетъ насущную задачу, радость и горе, для того должны показаться дымомъ слова и разсужденія, отрицающія серьёзность нашей жизни.

Н. Страховъ.

ДЫМЪ.

Здѣсь нѣкогда, могучій и прекрасный,
Шумѣлъ и зеленѣлъ волшебный лѣсъ —
Не лѣсъ, а цѣлый міръ разнообразный,
Исполненный видѣній и чудесъ.

Лучи сквозили, трепетали тѣни;
Не умолкалъ въ деревьяхъ птичій гамъ;
Мелькали въ чащѣ быстрые олени,
И ловчій рогъ взывалъ повременамъ.

На перекресткахъ, съ рѣчью и привѣтомъ,
На встрѣчу намъ, изъ полутьмы лѣсной,
Обвѣянный какимъ-то чуднымъ свѣтомъ,
Знакомыхъ лицъ слетался цѣлый рой.

Какая жизнь, какое обаянье!
Какой для чувствъ роскошный, свѣтлый пиръ!
Намъ чудились нездѣшнія созданья,
Но близокъ былъ намъ этотъ дивный міръ.

И вотъ опять къ таинственному лѣсу
Мы съ прежнею любовью подошли.
Но гдѣ же онъ? Кто опустилъ завѣсу,
Спустилъ ее отъ неба до земли?

Что это? призракъ, чары ли какія?
Гдѣ мы? и вѣрить ли глазамъ своимъ?
Здѣсь дымъ одинъ, какъ пятая стихія,
Дымъ—безотрадный, безконечный дымъ!

Кой-гдѣ насквозь торчатъ по обнаженнымъ
Пожарищамъ уродливые пни,
И бѣгаютъ, по сучьямъ обожженнымъ,
Съ зловѣщимъ трескомъ, бѣлые огни...

Нѣтъ, это сонъ! Нѣтъ, вѣтерокъ повѣетъ
И дымный призракъ унесетъ съ собой,
И вотъ опять нашъ лѣсъ зазеленѣетъ,
Все тотъ же лѣсъ, волшебный и родной.

***

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Закавказье *отъ 1803—1806 года* Н. Дубровина. *Печатано на счетъ правительства и удостоено совѣщательнымъ комитетомъ главнаго штаба наибольшей денежной преміи въ 500 руб. Спб. 1866.*

Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ результаты, извлеченные авторомъ изъ разработки разныхъ офиціальныхъ документовъ, которые онъ нашелъ въ нашихъ архивахъ. На этомъ основаніи г. Дубровину удалось составить довольно подробное повѣствованіе объ эпохѣ присоединенія Грузіи къ Россіи. А чтобы сдѣлать свой разсказъ полнѣе, онъ начинаетъ его съ первыхъ шаговъ русскаго владычества на Кавказѣ. Сообщимъ нѣкоторыя черты изъ книги г. Дубровина.

Начало русской власти на Кавказѣ было положено въ 1559 г., основаніемъ на рукавѣ рѣки Терека крѣпости Тюмени или Терки. Бѣдственное положеніе Грузіи заставляло давно владѣтельныхъ князей ея обращаться за помощью къ Россіи, какъ странѣ единовѣрной; но частію громадное разстояніе, частію внѣшнія войны и недостатокъ людей и средствъ, не позволяли Россіи вступиться за Грузію. Царь Иванъ Грозный первый началъ обращать вниманіе на эту страну, особенно послѣ вступленія въ бракъ съ кабардинскою княжною, Марьею Темрюковною. Въ 1582 г., пятигорскіе черкесы отъ набѣговъ татарскихъ добровольно отдались подъ покровительство русскаго царя. При Θедорѣ Ивановичѣ, князья грузинскіе обѣщались выплачивать Россіи ежегодно дань мѣстными издѣліями, лишь бы находиться подъ россійскою державою. Въ царствованіе Бориса Годунова, князья грузинскіе возобновили присягу въ вѣрности Россіи, и Борисъ хотѣлъ сына обвѣнчать на грузинской царевнѣ Еленѣ,

а за племянника царя карталинскаго, Георгія, желалъ выдать дочь свою, несчастную царевну Ксенію. Но со смертію Бориса кончились всѣ его планы. «Господство турокъ въ Грузіи продолжалось почти до половины XVIII столѣтія. Послы царей кахетинскихъ, карталинскихъ и имеретинскихъ являлись безпрестанно въ Москву къ царямъ: Михаилу Ѳедоровичу и Алексѣю Михайловичу; но могла ли Россія подать дѣйствительную помощь столь отдаленному краю, въ то время, когда сама боролась съ ближайшими сосѣдями и имѣла много заботъ внутри государства? Несмотря на то, Грузія все-таки обращалась за помощію къ Россіи» (стр. 5). И грузинскіе князья присягали московскимъ царамъ въ вѣрности. Эпоха Петра-Великаго и по кавказскимъ дѣламъ составляетъ поворотный моментъ.

Петръ I-й, великій въ своихъ планахъ и предначертаніяхъ, стремился проложить торговый путь въ Индію черезъ Персію; поэтому онъ основалъ на Кавказѣ нѣсколько казачьихъ станицъ. Въ 1722 г. Петръ заложилъ на рѣкѣ Сулакѣ крѣпость Св. Креста; тамъ онъ получилъ подкрѣпленіе изъ 40 тысячъ калмыковъ и присоединивъ къ нимъ еще тысячу донцовъ, поручилъ походному атаману ихъ Краснощокову идти съ ними для наказанія тѣхъ городскихъ владѣтелей, которые участвовали въ нападеніи при слѣдованіи къ Дербенту. Краснощоковъ съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе. На слѣдующій годъ, успѣхи нашего оружія были самые блестящіе. Генералъ Матюшкинъ покорилъ весь Дагестанъ, Апшеронскій полуостровъ, ханство Ширванское, Баку, области: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Казалось, что Россія, въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ царствованія Петра-Великаго, стала твердою ногою при подошвѣ Кавказа, и что покореніе приморскихъ областей Каспія, упрочивая завоеванія, давало возможность продолжать покореніе Кавказа. Но завоеванія эти были въ сущности рановременны и отяготительны. Россія, не имѣя возможности удержать ихъ за собою, вынуждена была, вслѣдствіе ганжинскаго мирнаго договора Турціи съ Томасъ-Куни-Ханомъ (шахомъ Надиромъ), уступить Персіи всѣ каспійскія провинціи, покоренныя Петромъ, въ томъ числѣ Дербентъ и крѣпость Св. Креста. Границею обѣихъ державъ остался сѣверо-восточный рукавъ Терека — такъ-называемый старый Терекъ (стр. 7—8). Персія и Турція вытѣсняли русскихъ съ Кавказа, такъ что въ царствованіе Анны Ивановны уступлены были имъ всѣ завоеванія Петра. При императрицѣ Екатеринѣ II, по Тереку устроенъ былъ рядъ укрѣпленій или *кавказская линія*; она перенесена была въ 1791 г. на р. Кубань. Въ 1792 г., полуостровъ Тамань и все пространство отъ устьевъ Кубани до крѣпости Устьлабинской отдано было остаткамъ запорожскихъ казаковъ, вѣрно служившихъ Россіи въ послѣднюю турецкую войну. Казаки эти образовали тамъ черноморское казачье войско. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII столѣтія, границу Россіи съ Кавказомъ составляла линія Кавказская, отъ устьевъ Терека до впаденія р.

Лабы въ Кубань, и черноморское казачье войско отъ этого пункта до впаденія Кубани въ Черное море. Главное управленіе линіею сосредоточивалось первоначально въ городѣ Екатериноградѣ, который въ 1786 г. былъ назначенъ губернскимъ городомъ Кавказской области, составлявшей, вмѣстѣ съ областью Астраханскою, губернію Кавказскую. Но уже въ 1790 г. всѣ присутственныя мѣста перенесены были изъ Екатеринограда въ Астрахань.

Со вступленіемъ на престолъ императора Павла I, Кавказская губернія была переименована въ Астраханскую, и начальникъ линіи имѣлъ пребываніе въ Георгіевскѣ, который съ 1802 г., когда образовалась опять Кавказская губернія, назначенъ былъ губернскимъ городомъ и постояннымъ мѣстомъ пребыванія начальника линіи.

Занятая устройствомъ линіи и положившая далѣе этой черты не распространять своихъ владѣній, Россія не могла сдѣлать исключенія для Грузіи, подпавшей опять подъ власть персіянъ. Персидскій шахъ Надиръ, побѣдою при Багдадѣ въ 1733 г., возвратилъ Персіи прежнія ея владѣнія, и занялъ Грузію, гдѣ поставилъ царемъ Теймураза, бывшаго царя кахетинскаго. Смерть шаха Надира (1747 г.) освободила отъ зависимости персіянъ Грузію, а также и Дагестанъ, южная часть котораго и Ширванъ распались въ это время на отдѣльныя ханства: дербентское, кубанское, бакинское, ширванское, шекинское и ганжинское, сдѣлавшіяся независимыми и самостоятельными. Сбросивъ иго персидское, Грузія подверглась новымъ набѣгамъ и разореніямъ: съ востока—отъ лезгинъ и хана Аварскаго, сильнаго владѣльца въ Дагестанѣ; съ запада — отъ турокъ. Временно-соединенныя въ одно царство при Теймуразѣ (1735 г.), Кахетія и Карталинія отдѣлились одна отъ другой въ 1744 г., когда Теймуразъ уступилъ Кахетію сыну своему Ираклію; но это послѣднее раздѣленіе Грузіи было непродолжительно. Въ 1760 г. Теймуразъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ вскорѣ и умеръ, а Ираклій сдѣлался царемъ грузинскимъ подъ именемъ Ираклія II.

Въ первые годы своего царствованія, Ираклій успѣшно отражалъ набѣги враговъ и даже помогалъ русскимъ войскамъ, которыя въ 1769 г. подъ начальствомъ графа Тотлебена перешли хребетъ Кавказскихъ горъ, для дѣйствія противу турокъ, и черезъ Грузію проникли въ Имеретію.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ (1774) освободилъ Грузію отъ притязаній Турціи. По этому же миру, Имеретія и Мингрелія были признаны независимыми, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ владѣтелей. Но русскія войска, окончивъ военныя дѣйствія, удалились изъ Грузіи, и она опять осталась на жертву своихъ постоянныхъ враговъ, персіянъ и горцевъ, которые продолжали опустошать эту страну. Царь Ираклій II, предвидя невозможность противостоять съ слабыми своими силами окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ врагамъ, искалъ защиты Россіи,

*

какъ державы единовѣрной, подъ покровительство которой и былъ принятъ, по договору, заключенному въ Георгіевскѣ, 24-го іюля 1783 г. (стр. 9—11).

Но и послѣ этого, лезгины уводили до 300 семействъ грузинскихъ въ горы. Ираклій просилъ у Павла I четыре тысячи войска русскаго, для защиты единовѣрцевъ, принять Грузію подъ свое покровительство и утвердить наслѣдникомъ престола сына Иракліева. Извѣстно, что Павелъ I признавалъ безполезнымъ имѣть русскія войска въ Грузіи. Со смертію Ираклія (1798 г.), положеніе Грузіи нетолько не улучшилось, но напротивъ сдѣлалось еще болѣе того затруднительнымъ, какъ отъ раздоровъ, происходившихъ въ многочисленной семьѣ царской, такъ и отъ угрожающей опасности Грузіи со стороны персіянъ.

Сынъ Ираклія, Георгій, вступилъ на грузинскій престолъ подъ именемъ Георгія XIII, и самъ подалъ поводъ къ семейному раздору. Онъ началъ съ того, что захватилъ въ свои руки брата своего, царевича Александра, который распускалъ слухъ, что займетъ Тифлисъ и сдѣлается царемъ Карталиніи. Александръ успѣлъ уйдти въ Душетъ, а прочіе царевичи, братья Георгія, признали его царемъ, при условіи сохранить въ полной силѣ завѣщаніе покойнаго Ираклія, по которому братья Георгія должны были быть его преемниками по старшинству рода. Георгій XIII просилъ мачиху свою, царицу Дарью, помирить его съ царевичемъ Александромъ. Дарья обѣщала исполнить просьбу, но послѣдній остался непреклоненъ и удалился въ Борчалы, а потомъ въ Имеретію. Георгій сталъ подозрѣвать царицу Дарью въ дурныхъ замыслахъ противъ него, отнялъ у нея деревни и отдалъ ихъ своей женѣ. Георгія утвердилъ русскій царь на престолѣ Грузіи, и послалъ туда свои войска. Когда здоровье Георгія стало дѣлаться хуже и хуже, то сынъ его Давыдъ хлопоталъ захватить власть въ свои руки. Больной царь, видѣвшій всѣ эти интриги и раздоры, не находилъ другого спасенія для Грузіи, какъ передать ее въ полное подданство и зависимость Россіи на *вѣчныя времена*, какъ сказано въ манифестѣ 1800 г. Въ это время, пространство Грузіи не превышало 280 верстъ отъ востока къ западу, и 300 верстъ отъ сѣвера къ югу. Народонаселеніе страны было до 160,000 душъ.

Несмотря на опубликованный манифестъ (1801 г.), раздоры грузинскихъ царевичей продолжались. Давыдъ грабилъ и своевольствовалъ, и народъ былъ радъ, когда кто нибудь изъ царевичей уѣзжалъ въ Россію. Александръ I, по восшествіи на престолъ, вопросъ о присоединеніи Грузіи передалъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который рѣшилъ устроить въ Грузіи временное правительство и отправить генерала Кнорринга для осмотра страны. «Императоръ Александръ не согласился съ мнѣніемъ государственнаго совѣта; онъ колебался еще въ разрѣшеніи этого вопроса. По мнѣнію императора, одна сила не давала никакого права присоединить къ имперіи страну, если

сами жители ея того не желали, и потому вопросъ о присоединеніи Грузіи вторично переданъ былъ императоромъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, при чемъ генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ заявлено было совѣту о «крайнемъ отвращеніи е. и. в. на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой собственности» (стр. 23). Но государственный совѣтъ рѣшилъ опять дѣло попрежнему, и государь согласился съ его мнѣніемъ. По прибытіи въ Грузію, Кноррингъ образовалъ тамъ временное правительство и отстранилъ отъ дѣлъ правленія князя Давыда, который старался съ того времени вредить русскимъ всѣми силами. Послѣ опубликованія перваго манифеста, Кноррингъ началъ созывать къ себѣ знатныхъ жителей Тифлиса и приводить къ присягѣ, а городъ окружилъ войскомъ. Многіе изъ бояръ не хотѣли присягать; генералъ приказалъ арестовать знатнѣйшихъ и отобрать у вдовствующей царицы Маріи царскія регаліи. «Народъ остался въ уныніи какъ отъ поступковъ Кнорринга, такъ и отъ совершенно чуждаго для него порядка веденія дѣлъ, начавшихся съ образованіемъ новаго правленія въ Грузіи» (стр. 33). Досада грузинъ росла; особенно дворянство недовольно было «образомъ трактованія дѣлъ». Лица царскаго дома, преимущественно Давыдъ царевичъ, своими происками волновали народъ, такъ что жители Кахетіи хотѣли управляться сами безъ помощи русскихъ. Бывшіе въ Петербургѣ царевичи просились обратно въ Тифлисъ; ихъ не отпустили; они стали писать въ Грузію: «всѣхъ знатныхъ людей, князей, дворянъ и мужиковъ тамошнихъ хотятъ перевесть и поселить здѣсь, а здѣшнихъ казаковъ 1,400 дворовъ переводятъ въ Грузію» (стр. 39). Волненія усиливались, такъ что купцы въ Тифлисѣ заперли лавки; грузины ожидали посторонней помощи противъ русскихъ. Они выбрали себѣ царемъ Іулона и просили Александра I, чтобы возстановить у нихъ царственный родъ Багратіоновъ, тысячу лѣтъ бывшій въ странѣ. Аресты производились въ большихъ размѣрахъ. Поводомъ къ волненію было то, что народъ, непривыкшій къ самоуправленію, брошенъ былъ на произволъ судьбы. Главные начальники дѣлъ гражданскихъ въ Грузіи замѣстили всѣ должности своими родственниками.

Произволъ и безпорядки были большіе. Вотъ какъ изображаетъ г. Дубровинъ общее положеніе дѣлъ въ Грузіи: «Съ открытіемъ русскаго правленія всѣ товары и жизненные припасы въ Грузіи вздорожали; курсъ золота чрезвычайно понизился, а серебра вовсе не стало. Въ этомъ недостаткѣ монеты обвиняли Коваленскаго (одного изъ важнѣйшихъ представителей русской администраціи), имѣвшаго сдѣлку съ самымъ богатымъ въ Тифлисѣ купцомъ Бегтабеговымъ. Въ домѣ правителя открыто размѣнивалась серебряная монета, собираемая съ жителей въ казенное вѣдомство. Въ небольшой промежутокъ времени своего правленія Коваленскій успѣлъ изыскать средства, чтобы ску-

пить всю шерсть въ Грузіи, имѣя въ виду сбыть ее съ выгодою на строившуюся въ Тифлисѣ суконную фабрику. Всѣмъ извѣстно было, что фабрика эта строилась подъ именемъ казенной, а между тѣмъ на постройку ея употребляли матеріалъ изъ стѣнъ царскаго дворца, разореннаго въ послѣднее вторженіе въ Грузію Аги-магомедъ-Хана, но принадлежавшаго царевичу Давыду.

«Царевичъ Давыдъ жаловался на произволъ Коваленскаго, на расхищеніе его собственности, а Коваленскій приказывалъ ломать стѣны и строить изъ нихъ суконную фабрику.

«Злоупотребленіе чиновниковъ доходило до крайнихъ предѣловъ. Общее ослабленіе и несостоятельность тамошняго правительства все болѣе и болѣе обнаруживались. Въ присутственныхъ мѣстахъ, грузинъ нетолько бранили публично, но даже били. По одному подозрѣнію, ихъ хватали, связывали назадъ руки, накидывали на шею петлю и какъ уголовныхъ преступниковъ уводили за 50 верстъ и далѣе. Чиновники и офицеры силою увозили женщинъ и дѣвицъ изъ селеній и насиловали ихъ.

«Ко всѣмъ этимъ неурядицамъ и причинамъ народнаго негодованія, присоединялось еще и то, что въ Грузію было послано нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Каждое изъ нихъ имѣло у себя секретную инструкцію, и нерѣдко два лица имѣли инструкціи противоположныя по сущности порученія. Каждый, наблюдая другъ за другомъ и не завися ни отъ кого, кромѣ министерства, распоряжался самостоятельно по своему усмотрѣнію» (стр. 51, 52, 53).

На мѣсто Кнорринга назначенъ былъ главноуправляющимъ князь Цицiановъ, чтобы привести въ порядокъ запутанныя дѣла и уничтожить злоупотребленія. Цицiановъ, по происхожденію изъ грузинъ, родился въ Москвѣ и воспитывался въ тамошнемъ университетѣ; онъ былъ хорошо образованъ по своему времени и успѣлъ заслужить славу храбраго воина на поприщѣ брани. Цицiановъ на первый разъ, вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ, считалъ необходимымъ вызвать въ Россію всѣхъ царевичей, чтобы успокоить волненія въ Грузіи. Онъ началъ съ царицы Марьи, которая всѣмъ заправляла Но какъ она, такъ и другіе члены царскаго дома отказались ѣхать въ Россію; Цицiановъ сталъ выпроваживать ихъ силою. Прошелъ слухъ, что царица Марья хотѣла бѣжать къ хевсурамъ, преданнымъ царскому дому. «Цицiановъ приказалъ поставить у дома царицы караулъ, и объявилъ ей, что намѣреніе ея открыто, и что на слѣдующее утро она должна оставить Тифлисъ. Въ шесть часовъ утра, 19-го апрѣля, генералъ-майоръ Лазаревъ прибылъ въ домъ царицы и, удаливши всѣхъ ея окружающихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вошелъ въ ея комнату, гдѣ и объявилъ Маріи причину своего прибытія. Царица, принявъ его непріязненно и холодно, отвѣчала рѣшительно, что она ѣхать не хочетъ. Оставивъ для убѣжденія царицы квартирмейстера Сурокова, знавшаго грузинскій языкъ, самъ Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣй-

шихъ распоряженій по отправленію царицы. Лишь только Суроковъ подошелъ къ царицѣ, какъ царевичъ Жабраилъ и царевна Тамара, выхватя подъ платьемъ ихъ скрытые кинжалы, бросились на Сурокова и прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Лазаревъ, услышавшій шумъ, поспѣшилъ въ комнату, и подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постели, съ просьбою унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ самой царицы ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ до того подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лазаревъ только могъ перебѣжать комнату и палъ мертвый на порогѣ ея. «Царица Марія — пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ—имѣла причины лично негодовать на Лазарева за разныя оскорбленія, причиняемыя ей, при всѣхъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась даже неоднократно князю Цыціанову, но не получила отъ него никакого удовлетворенія».

Объ этомъ происшествіи дали тотчасъ же знать князю Цыціанову и коменданту. Всѣ, кромѣ главнокомандущаго, поспѣшили прибыть на мѣсто. Князь Орбеліановъ началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова; тогда полиціймейстеръ Сургуновъ завернулъ свою руку въ толстую папаху (шапку), подошелъ къ царицѣ и вырвалъ у нея кинжалъ. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ царевна Тамара бросилась къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ и, желая воспрепятствовать Сургунову въ отнятіи у царицы кинжала, промахнулась и ранила свою мать въ правое плечо. Марія схватила кинжалъ, бывшій въ рукахъ у дочери, чтобы, какъ сама говорила, умертвить себя, но обрѣзала только себѣ руки и тотчасъ же была обезоружена, а вмѣстѣ съ нею обезоруженъ былъ царевичъ Жабраилъ. Несмотря на все случившееся, царица все-таки была отправлена въ тотъ же день изъ Тифлиса. По отъѣздѣ ея, и по осмотрѣ комнаты, найдены скрытыя въ постели заряженные ружья и пистолеты». Царица Марья отправлена была въ Воронежъ и заключена въ монастырь, и только послѣ восьмилѣтняго заключенія, ее освободили и позволили жить ей въ Москвѣ.

Разнесся слухъ, что царевичъ Александръ, бѣжавшій съ лезгинами въ Джаро-Бѣлоканы, подговариваетъ ихъ ударить на Грузію. Вслѣдствіе этого, отправлено было туда русское войско и бѣлоканцы перешли въ подданство Россіи, а князь Александръ бѣжалъ въ Персію. Послѣ этого Цыціановъ тщетно хотѣлъ взять Баку, важную гавань на Каспійскомъ морѣ, которая впослѣдствіи рѣшила судьбу его жизни. При политическихъ смутахъ, произошли безпорядки и въ дѣлахъ церковныхъ. По смерти армянскаго патріарха Іосифа (1801 г.), армянскіе чиновники и народъ хотѣли избрать патріархомъ константинопольскаго архіепископа Даніила. Но намѣстникъ эчміадзинскаго монастыря Давыдъ склонилъ, при посредствѣ подарковъ, эриванскаго хана въ свою пользу. Ханъ заставилъ армянъ вооруженною рукою избрать Давыда въ патріархи. Въ Россію прислано было духовное завѣ-

щаніе Іосифа о томъ, чтобы католикосомъ послѣ него былъ Давыдъ; вѣрность этого завѣщанія подтверждена была подъ присягою четырьмя ахріепископами. Основываясь на этомъ, русское правительство признало патріархомъ Давыда; но вскорѣ обнаружилось, что завѣщаніе было ложное. Александръ I, желая, чтобы глава армянскаго духовенства избранъ былъ волею народа, согласился признать патріархомъ Даніила. Но эриванскій ханъ задержалъ и передалъ его въ руки Давыда, отозвавъ въ Эчміадзинъ. Давыдъ, «завладѣвъ всѣми сокровищами эчміадзинскаго монастыря, разсылалъ ихъ на подарки Баба-Хану и хану эриванскому, стараясь склонить ихъ на свою сторону. Армянское духовенство, нерасположенное къ Давыду, было истязуемо, и народъ обложенъ насильственною податью, назначенною на содержаніе Давыда. Могамедъ-ханъ, уговоренный Давыдомъ, приглашалъ Даніила въ Эчміадзинъ, съ цѣлію, какъ оказалось впослѣдствіи, умертвить его на дорогѣ въ своихъ владѣніяхъ» (стр. 116). Несмотря на волю правительства, начальникъ Грузіи Коваленскій дѣйствовалъ въ пользу Давыда вмѣстѣ съ уѣзднымъ казначеемъ Тифлиса, армяниномъ Бегтабеговымъ, который обогащалъ себя и карманъ Коваленскаго. Онъ постарался скрыть тайную переписку и выдавалъ билеты послу Давыда дьякону, который возмущалъ народъ тѣмъ, что изъ Тифлиса ѣздилъ въ Эчміадзинъ по дѣламъ Давыда. Но угроза Циціанова хану эриванскому имѣла сильное дѣйствіе, и Даніилъ былъ тотчасъ освобожденъ, и послѣ непродолжительнаго и надменнаго упорства, признанъ ханомъ патріархомъ.

Циціановъ дѣятельно хлопоталъ о занятіи русскими войсками Эривани, Нахичевани, Шуши и проведеніи границы по рѣкамъ Курѣ и Араксу. Онъ заботился о заведеніи фабрикъ суконныхъ и кожевенныхъ насчетъ комисаріатскихъ суммъ, чтобы одѣвать и обувать войско на мѣстѣ. Но его предположенія признаны несвоевременными и отложены до болѣе благопріятной минуты. Князь Циціановъ послѣ этого всѣми силами сталъ заботиться объ удобствахъ сообщенія Грузіи съ кавказскою линіею. Высчитывая всѣ выгоды проведенія дороги, Циціановъ оцѣнилъ издержки на ея устройство приблизительно въ 200 т. рублей. Государь отложилъ и этотъ планъ до времени и первой возможности по запутанности дѣлъ. «Вообще относительно проведенія дорогъ князь Циціановъ употреблялъ всѣ усилія къ ихъ улучшенію. Трудами войскъ и, частію, мѣстныхъ жителей онъ успѣлъ провести дорогу изъ укрѣпленія Сурама до Кутаиса, столицы Имеретіи, на протяженіи 100 верстъ, черезъ горы и густые лѣса. Дорога эта открыла свободное сообщеніе съ Имеретіею и Мингреліею» (стр. 126).

Циціановъ хотѣлъ просвѣтить грузинскій народъ образованіемъ, отправилъ нѣсколько армянъ и грузинскихъ дворянъ въ московскій университетъ для обученія медицинской наукѣ и заботился объ учрежденіи общихъ народныхъ училищъ. Относи-

тельно этого предмета весьма интересное свѣдѣніе сообщаетъ г. Дубровинъ. Онъ пишетъ: «По донесенію бывшаго правителя Грузіи, Коваленскаго, въ Тифлисѣ было открыто училище еще 22-го сентября 1802 года, и въ немъ оказалось желающихъ учиться 45 мальчиковъ. Коваленскій написалъ «правила для учащихъ и учащихся», и раздѣлилъ ихъ на 26 пунктовъ. Правила эти оказались несоотвѣтствующими потребностямъ края. Грубыхъ и необразованныхъ мальчиковъ хотѣли сразу сдѣлать нетолько грамотными, но и знающими геометрію, географію, исторію и другіе предметы. Вмѣстѣ съ азбукой и паралельно съ нею читались и эти предметы; учителями назначены были канцелярскіе служители. Вообще Коваленскій думалъ, что однимъ почеркомъ пера можно всю Грузію сдѣлать образованною. Въ правилахъ своихъ онъ расписалъ, какъ каждый учитель долженъ слѣдить за учениками и преподавать, а ученикамъ, жившимъ въ своихъ домахъ у родителей и родственниковъ, въ тѣхъ же правилахъ назначилъ когда вставать, какъ мыться, чесаться и Богу молиться, и какъ идти въ классъ; доказывалъ, что ученику, идущему къ классъ, необходима книга и перо, и доказательство свое очень неудачно подкрѣплялъ тѣмъ, что ученикъ безъ книги и пера все равно, что солдатъ безъ ружья (стр. 127—128). Но вслѣдствіе этихъ дикихъ распорядковъ, мальчики перестали посѣщать школу, и домъ училищный отданъ былъ подъ военный постой. Цицiановъ, пріѣхавъ въ Тифлисъ, не нашелъ этого училища, хотя Коваленскій и писалъ красно объ открытіи училищъ. Князь заботился о введеніи русскаго языка въ Грузіи, и открылъ въ Тифлисѣ новое училище; ему отдана была типографія, заведенная царемъ Иракліемъ II. Цицiановъ предписалъ уменьшить сборы податей, по желанію самого народа, наблюдать, чтобы эти сборы производились не съ двора, а съ селенія. Онъ учредилъ карантины и заставы для предупрежденія наносныхъ прилипчивыхъ болѣзней. Предположено было для развитія торговли уничтожить внутреннія пошлины. Но одною изъ важныхъ заботъ Цицiанова въ Грузіи было принятіе мѣръ къ прекращенію эпидемической прилипчивой горячки, появившейся въ 1802 г. въ войскѣ. Онъ распорядился не допускать въ городъ и не выпускать изъ него никого безъ билетовъ. Онъ доносилъ: «Здѣшнее духовенство первое подаетъ примѣръ, оставляя церкви, запирая оныя и убѣгая скрытно изъ города. И когда я о семъ обстоятельствѣ сообщилъ католикосу Антонію, дабы онъ, духовною властію своею, воспретилъ такое неустройство, приводящее народъ въ большое колебаніе, то вмѣсто ожидаемаго отъ него слѣдствія, получилъ словесно и письменно настоятельную просьбу выпустить его самого изъ города. Сколько ни стараюсь внушить ему неблагопристойность и соблазнъ такого поступка въ то время, когда нужны для народа примѣры твердости, архипастырскому сану его приличные, дабы вывести обывателей изъ заблужденія, но не вижу никакого успѣха; и,

наконецъ, вынужденъ буду согласиться на его просьбу, ибо малодушное его здѣсь присутствіе болѣе разсѣеваетъ страха, нежели упованія въ народѣ. Вчерашняго числа 8 здѣшнихъ макалаковъ армянскихъ или первѣйшихъ граждадъ, подали черезъ коменданта прошеніе, настоятельно требуя, основываясь на прежнихъ обычаяхъ, распустить городъ, объятый страхомъ, съ позволеніемъ ѣхать, куда кто пожелаетъ. Видя, что невозможно уничтожить подобныя, безразсудныя требованія иначе, какъ примѣромъ строгости, далъ я предписаніе коменданту арестовать помянутыхъ макалаковъ, посадить ихъ на гауптвахту и содержать ихъ сутки на хлѣбѣ и водѣ» (стр. 134—135). Цыціановъ велѣлъ жителямъ города выѣхать только въ сады, расположенные по р. Курѣ; больныхъ приказалъ собрать въ одинъ госпиталь и поставить около садовъ кордонъ, чтобы никого не пропускать безъ осмотра. «Въ домахъ, послѣ больныхъ, велѣно было окуривать, раскрывать кровли, а послѣ умершихъ сожигать пожитки» (стр. 135). Болѣзнь оказалась моровой язвой, и народъ, несмотря на всѣ предосторожности и распоряженія, бросился въ горы, такъ что князю оставалось прибѣгнуть къ военной силѣ для порядка, но онъ на это не рѣшился.

Между тѣмъ, лезгины дѣлали постоянныя нападенія на Грузію и угоняли скотъ; джарцы и бѣлоканцы не исполняли условій подданства, подтвержденныхъ клятвой. Взятіе Ганджи, предположеніе о занятіи Поти и движеніе войскъ къ Эривани побудили шаха персидскаго соединиться съ грузинскими царевичами Александромъ и Теймуразомъ, и выставить войско—до 60 тыс. человѣкъ. Царевичи эти писали письма къ знатнымъ лицамъ въ Тифлисъ, чтобы они приняли участіе въ движеніи и выѣзжали имъ на встрѣчу. Вотъ примѣръ: «Любезный братецъ, Асланъ Орбеліановъ, писалъ царевичъ Теймуразъ: - что тебѣ, балагуру, сдѣлалось, что тебя не могъ я отдѣлить отъ дѣтей; вѣдь у тебя и тѣхъ отняли и увезли въ Россію. Чего ты ищешь въ Тифлисѣ? Правда, жена у тебя очень красива, не отлучайся отъ нея. Ты смѣялся надо мною, но я уѣхалъ оттуда; веду теперь шаха, сына его и весь Иранъ, а ты изъ дому не можешь вылѣзть за двери, *ты шаршавый!*» (стр. 300). Но, несмотря на гордыя надежды грузинскихъ царевичей, войска персидскія были прогнаны, и Эривань не взята только потому, что не достало провіанту. «Эриванскій ханъ, видя съ одной стороны взятіе Нахичевани, а съ другой стороны—нахожденіе Баку, Шеку и Шуму въ подданствѣ Россіи и сборъ войскъ въ Бамбакской провинціи, долженъ былъ неминуемо покориться» (стр. 354). Зная нравы и жестокости хановъ и мелкихъ владѣльцевъ, Цыціановъ круто обращался съ ними, принималъ серьёзныя и рѣшительныя мѣры противъ ихъ своеволія. Такъ, когда одинъ изъ владѣтелей бѣлоканскихъ, элисуйскій султанъ, дѣйствовалъ измѣннически противъ русскихъ, князь писалъ ему, между прочимъ: «Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими отго-

ворками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, котораго на тебя наложено сто литръ въ годъ, то быть ему въ Сибири, а я, доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ великаго моего государя императора, дотолѣ буду желать кровію твоею мои сапоги вымыть» (стр. 357). Царевичи не переставали происками волновать народъ, а самовластіе земской полиціи побуждало къ возстаніямъ осетинскія племена. Но вскорѣ царевичи Іулонъ и Парнаозъ попались въ плѣнъ и отправлены были въ Россію.

Мало-по-малу мелкія ханства признавали подданство Россіи. До какой степени дѣйствія русскихъ съ персіанами и горцами исполнены были труда, опасностей и самоотверженія, показываетъ слѣдующій разсказъ участника въ тогдашнихъ военныхъ тревогахъ: при отступленіи ночью, «на пути встрѣтилась канава, черезъ которую невозможно было перевезти орудій и не было лѣсу, изъ чего можно было сдѣлать мостъ. Четыре солдата согласились добровольно лечь въ канаву и чрезъ нихъ перевезли орудія—двое изъ нихъ умерли, а двое остались живы» (стр. 429).

Подчиняя постепенно мелкія ханства Россіи, Циціановъ постепенно заботился о внутреннемъ порядкѣ Грузіи. Онъ заботился объ открытіи гимназіи въ Тифлисѣ и сформированіи коннаго грузинскаго полка. Сухопутныя и водныя сообщенія края, рыбные промыслы, торговля и промышленость, чугунные заводы, аптеки и ботаническій садъ — все это онъ хотѣлъ завести и устроить, несмотря на безпрерывныя войны. По его предложенію, заведено было штурманское училище въ Астрахани; онъ старался облегчать народъ въ платѣ повинностей, улучшить бытъ дворянъ и магометанскаго духовенства и русскаго чиновничества въ Грузіи. Управленіе краемъ онъ приноравливалъ къ обстоятельствамъ, характеру и духу народному. Онъ писалъ: «Въ азіатцѣ ничто такъ не дѣйствуетъ, какъ страхъ, яко единственное послѣдствіе силы. И такъ, по мнѣнію моему, ожидая, при помощи божіей, перемѣны нравовъ и обычаевъ азіатскихъ, съ перемѣною цѣлыхъ и нѣсколькихъ поколѣній, хоть на 30 лѣтъ, страхъ, строгость, справедливость и безкорыстіе должны быть свойствами или правилами здѣшняго народоправленія. Въ теченіе сего времени стараться вводить кротчайшіе нравы и любовь къ ближнему, а потому и къ общему благу; но не иными какими способами, какъ щедрыми наградами тѣхъ, кои что-нибудь сдѣлаютъ къ общей пользѣ» (стр. 467).

Къ сожалѣнію, этотъ умный и дѣятельный правитель Грузіи недолго распоряжался краемъ. Въ жестокой лихорадкѣ Циціановъ пошелъ съ войсками къ Баку, чтобы принудить хана къ сдачѣ крѣпости. «Абдулъ-Гуссейнъ-Бекъ объявилъ Циціанову, что ханъ его, съ покорностію, пріемлетъ всѣ милости государя, и на другой день выдастъ ключи крѣпости чрезъ почтенныхъ обывателей бакинскихъ. Князь Циціановъ, поутру 8-го февраля, въ сопровожде-

ніи караула изъ 200 чел., назначеннаго для занятія Баку, приблизился къ колодцу, отстоящему въ полуверстѣ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Бакинскіе старшины подали ему ключи, хлѣбъ-соль и просили главнокомандующаго лично успокоить ихъ хана насчетъ прощенія за оказанное имъ сопротивленіе. Князь Цпціановъ принялъ хлѣбъ-соль, согласился видѣться съ Гуссейнъ-Кули-Ханомъ и возвратилъ ключи крѣпости съ тѣмъ, чтобы самъ владѣлецъ вручилъ ему. Немедленно ханъ выѣхалъ изъ крѣпости, въ сопровожденіи Ибрагимъ-Бека, Касимъ-Бека, Ага-Керимъ-Бека, Сеитъ-Бека и Амиръ-Гамирзы; Цпціановъ пошелъ ему на встрѣчу безъ свиты, въ сопровожденіи подполковника Эристова и одного казака. Едва они сблизились, какъ по знаку, данному коварнымъ ханомъ, Ибрагимъ-Бекъ выстрѣлилъ въ Цпціанова изъ пистолета, Сеитъ-Бекъ и Амиръ-Гамирза въ Эристова, а прочіе довершили убійство. Одинъ казакъ успѣлъ лишь ускакать. Въ то мгновеніе бакинцы съ страшнымъ крикомъ сдѣлали залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ—по отряду, стоявшему у колодца, а убійцы утащили съ собою тѣла погибшихъ, и отрѣзавъ голову князю Цпціанову, отослали ее съ торжествомъ, въ подарокъ къ шаху персидскому. Тѣло Цпціанова было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ» (стр. 478—479). Г. Дубровинъ справедливо говоритъ, что въ три года создалъ онъ великое тѣло отъ моря Чорнаго до Каспійскаго, отъ хребта кавказскихъ горъ до р. Куры и Аракса, и, безъ сомнѣнія, съумѣлъ бы вдохнуть въ него великую душу.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе «Закавказья». Совѣтуемъ каждому образованному человѣку прочитать это дѣльное сочиненіе г. Дубровина, полное высокаго интереса и рисующее картину дѣйствій русскихъ на Кавказѣ яркими чертами. Мы уже сказали, что сочиненіе это составлено преимущественно на основаніи офиціальныхъ документовъ. Читатель будетъ заинтересованъ блестящей картиной дѣйствій русскихъ на Кавказѣ, и поневолѣ увлечется разсказами офиціальныхъ донесеній. Но если мы припомнимъ, какъ хороши были донесенія даже въ ближайшее къ намъ время крымской кампаніи, то не такъ легко поддадимся повѣствованію «Закавказья». Авторъ, конечно, хорошо сдѣлалъ, что представилъ много матеріаловъ о дѣлахъ русскихъ за Кавказомъ; но его можно заподозрить въ односторонности, потому что онъ не дѣлаетъ критической оцѣнки сообщаемымъ даннымъ. Въ этомъ виновата, безъ сомнѣнія, нетронутая почва: при недостаточности матеріаловъ, трудно взяться за критическую разработку. Во всякомъ случаѣ, эта книга, повторяемъ, имѣетъ большой интересъ и для историка, и для человѣка, любящаго свое отечество, и читается съ удовольствіемъ. Мы увѣрены, что еслибы она появилась въ поэтическое время «Кавказскихъ плѣнниковъ», «Хаджи-Абрековъ», «Джелалединовъ», то на нее напали бы съ жадностью; но и страшно раз-

очаровались бы въ ней, какъ книгѣ сухой, не поэтической. Теперь же въ прозаическое время и царства фактовъ книга будетъ пользоваться уваженіемъ, несмотря на указанные нами недостатки.

Вертоградъ духовный, *съ изложеніемъ отвѣтовъ Ивана Θедорова Пошехонова на вопросы поморцевъ и романовцевъ безпоповскаго толка. Съ присовокупленіемъ къ симъ отвѣтамъ разбора и замѣчаній, составленныхъ основателемъ спасопреображенскаго монастыря*, игуменомъ Парθеніемъ. *Москва. 1866.*

После «Вертограда церковнаго», неутомимый игуменъ Парθеній, поразитель раскола «мечемъ духовнымъ», издалъ нынѣ «Вертоградъ духовный». Книга эта довольно толстая (340 стр.); но она могла бы быть на цѣлую треть тоньше, еслибы не наводнена была голословными, растянутыми, повторяющими одно и то же на десять ладовъ, «замѣчаніями на отвѣты Пошехонова», самого творца «Вертограда». За то отецъ Парθеній до такой степени «ревнуетъ по православію», что борцы раскола являются предъ нимъ вовсе не фанатиками. Если не скупы на брань эти послѣдніе, то и игуменъ Парθеній сильно слабъ на жосткое слово противъ иномыслія. Онъ, кажется, приписываетъ даже особенное значеніе полемической брани, стараясь заградить ею уста противника. Сильно бранится отецъ Парθеній. Раскольники безпоповцы, а по мѣстамъ и поповцы, то и дѣло честятся имъ «злѣйшими еретиками, какихъ не было и въ древнія времена, еретиками горше жидовъ, горше Лютера и Кальвина, невѣрующими поганами, безстыдными людьми, чистыми язычниками, врагами человѣчества»; или обращается такое вразумленіе къ нимъ: «безумные! что вы безсовѣстно такъ лжете»? Расколъ — это, по игумену Парθенію, «сила вражія, по божію попущенію, постигшая русскій народъ». Отецъ Парθеній любитъ также поцензорски относиться къ мыслямъ старообрядцевъ, считая совершенно достаточнымъ сказать имъ, въ видахъ пораженія: «въ этомъ отвѣтѣ они совсѣмъ запутались»; «здѣсь впали въ пустословіе»; въ другомъ мѣстѣ: «написали неправду» и т. д. Игуменъ Парθеній пресерьёзно доказываетъ, что троеперстіе передали намъ сами апостолы, хотя и соглашается, что «обряды богослуженія появились въ церкви постепенно, а не вдругъ»; опровергаетъ неправоту раскольничьяго перстосложенія тѣмъ, что о немъ не упоминается въ евангеліи; отождествляетъ понятіе о соборной церкви съ «епископскою»; утверждаетъ, что извѣстное окружное посланіе писалъ лжеархіепископъ Антоній, нѣсколько разъ отплевывавшійся отъ него; *сочиняетъ* новые толки въ расколѣ; вообще оправдываетъ на своихъ «замѣчаніяхъ» то, что̀ отнесено имъ къ раскольникамъ, то-есть, что замѣчанія эти основаны «на сыпучемъ песвѣ, даже и не на пескѣ, а просто на воздухѣ». Назвалъ же отецъ Парденій свою книгу Вертоградомъ духовныхъ «потому, что какъ въ вертоградѣ земномъ, насажденномъ разными плодоносными дре-

вами и благоуханными прекрасными цвѣтами, плѣнительными для взора, и другими растеніями, полезными для хозяина, иногда находятся и непотребныя растенія: терніе и крапива и другія безполезныя и даже вредныя растенія. Такъ точно и въ семъ вертоградѣ духовномъ, наполненномъ плодами духовными, собранными изъ божественнаго писанія, изъ преданія св. апостолъ и изъ ученія св. отецъ. есть и душевредное мудрованіе расколоучителей поморцевъ и Пошехонова»

Это душевредное мудрованіе сочинитель «Вертограда» надѣется уничтожить слѣдующими мѣрами: «въ устраненіе всякихъ лживыхъ нареканій и раскольническихъ клеветъ — говоритъ онъ — намъ въ православной церкви должно обратить строгое вниманіе на себя самихъ и на св. наши храмы (если клеветы, такъ зачѣмъ же обращать на нихъ, а потомъ и на себя, вниманіе?): 1) исполнять всѣ церковныя службы по уставу, безъ опущенія; 2) тоже строжайше исполнять въ церквахъ по всему государству; 3) всему священному чину: архіереямъ, архимандритамъ, протоіереямъ, іереямъ и діаконамъ *запретить* а) *подстригать усы*, б) *запретить употребленіе табаку*, *нюхать и курить; а причетникамъ* (?) *носить свѣтлую одежду и употребленіе табаку*, в) строжайше предписать всему духовенству истово ограждать себя крестнымъ знаменіемъ; 4) ввести во всей Россіи по церквамъ (гдѣ возможно и удобно) столповое пѣніе, къ которому вся Россія благоговѣетъ; 5) чтобы ни въ одномъ Божіемъ храмѣ не было вновь *итальянскаго письма*, а всѣ иконы были бы греческаго иконописанія». А «когда такое благочиніе установится въ православной церкви, *расколоучителей же будутъ прибирать къ мѣстамъ*, тогда расколъ — пишетъ отецъ Пареенiй—самъ собою исчезнетъ».

Сказаннаго совершенно довольно для того, чтобы убѣдиться, что напрасно отецъ игуменъ трудился надъ сочиненіемъ своихъ «замѣчаній». Но сдѣланное имъ изданіе «отвѣтовъ Пошехонова», какъ историческаго памятника, не будетъ лишнимъ.

Иванъ Ѳедорычъ Пошехоновъ, знаменитый старообрядческій иконописецъ, славился писательствомъ своимъ въ средѣ раскольничьяго міра въ концѣ прошлаго столѣтія. Его «отвѣты на 95 вопросовъ безпоповщинскаго поморскаго толка, и на 10 вопрошеній поморскаго толка романовцевъ» (Ярослав. губ.), не потеряли своего значенія въ бѣглопоповщинѣ и доселѣ. Правду сказать, въ нихъ нѣтъ ничего похожаго ни на литературныя достоинства, ни на проблески дарованія; ни это самое обыкновенное схоластическое произведеніе раскольничьяго начетчика; но виноватъ не Пошехоновъ въ томъ, что изъ ничего не сотворить ничего. Какъ ни верти расколъ свою обрядовую догматику — не вдохнуть ему въ нее жизни, не создать ему правильно организованной церкви. Никакой талантъ не будетъ для этого силенъ. Другое дѣло—бытовая сторона раскола; здѣсь раскольничій писа-

тель прочнѣе можетъ чувствовать подъ собою почву. Но Пошехоновъ не касался ея, и явился плохимъ защитникомъ бѣглопоповства. Тѣмъ не менѣе «отвѣты Пошехонова» все-таки—очень многознаменательное явленіе въ исторіи движенія раскольничьей мысли. Когда издано было знаменитое «окружное посланіе» въ Москвѣ, всѣ привѣтствовали его, какъ нѣчто небывалое въ расколѣ. А между тѣмъ, вотъ что писалъ о «великороссійской церкви» цѣлый почти вѣкъ назадъ Иванъ Ѳедоровичъ Пошехоновъ: «мы не отвергаемъ отъ великороссійскія церкве священнодѣйствуемое крещеніе; но пріемлемъ за *божественное и святое, и спасительное»;* «мы видимъ, что четыреконечное знаменіе креста (четвероконечный крестъ) издревле присно во христовой церкви имѣется; мы изобразительство креста, изображаемое съ залогомъ воспоминанія Христова за насъ страданія, четыреконечное и трисоставное (то-есть православное и старообрядческое), почитаемъ и исповѣдаемъ, якоже св. апостолы и св. отцы почитаху и якоже предаетъ св. церковь Христова». Послѣ того Пошехоновъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ употребленія въ древности четырехконечнаго креста, и дѣлаетъ такой конечный выводъ: «здѣ можно всякому видѣть, иже образительство креста, четвероконечно изображаемое, въ воспоминаніе Христова страданія, почитающіи не Христовымъ знаменіемъ, но именующе четырерожнымъ и никоніанскимъ, и печатію вмѣняюще антихристовою, послѣдуютъ врагамъ креста Христова и отступникамъ, и невѣрникамъ св. каѳолической церкви». Не менѣе рѣшительно отвергаетъ Пошехоновъ безпоповское ученіе объ антихристѣ. «Церковь великороссійская—говоритъ онъ—на литургіи, принося освящаемый агнецъ, глаголетъ сице: въ воспоминаніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и проч. (пропускаемъ другія указанія). Какое мѣсто тутъ можетъ быть антихристу, гдѣ всѣ глаголы—божественныя, евангельскія и въ воспоминаніе Господа нашего Іисуса Христа и спасительнаго его страданія. А понеже св. отцы не творятъ таковаго, яко же вы (безпоповцы), уподобленія безмѣстнаго и на римскій опреснокъ, но называютъ, якоже показахомъ, св. причащеніемъ; убо вы сицевая глаголете не отъинуду, но токмо отъ духа лесча и антихристова»... Пошехоновъ признаетъ также одинаково спасительнымъ писать имя Іисусъ и по православному, и по старообрядческому, употреблять двоеперстіе и троеперстіе; вообще доказываетъ, что великороссійская церковь есть истинная церковь, что въ ней священство обрѣтается полностію, и что старообрядцы бѣгаютъ не отъ церкви, но отъ соблазновъ, внесенныхъ въ нее черезъ церковное преданіе (какіе это соблазны, въ «отвѣтахъ» не объясняется).

Странно, однако, при такомъ отношеніи къ церкви, Пошехоновъ является все-таки защитникомъ бѣгствующаго священства и проповѣдуетъ возможность обходиться расколу безъ епископовъ. По одной-ли это традиціи дѣлается вообще передовыми писателями раскола? Вопросъ, нуждающійся въ разрѣшеніи...

Самъ Пошехоновъ не ужился съ расколомъ. Онъ кончилъ единовѣріемъ; въ единовѣріи теперь и его семейство.

О Θеодоритовомъ словѣ. *Опытъ библіографическаго изслѣдованія о двуперстіи. Свящ. Іоанна Виноградова. М. 1866.*

Замѣчанія на книгу о Θеодоритовомъ словѣ. *Отт. изъ «Душеполезнаго Чтенія».*

Книга отца Виноградова въ дѣйствительности содержитъ гораздо больше того, что̀ означено въ ея заглавіи. Это цѣлое историческое изслѣдованіе о двуперстіи. Старообрядцы скоро обратили на него вниманіе; но, къ несчастію, не для того, чтобы разубѣдиться въ своемъ обрядоборствѣ, а для того, чтобы еще съ большею самоувѣренностію обрядоборствовать, и къ этому подала поводъ книга самого же отца Виноградова, хотѣвшаго, конечно, достигнуть совсѣмъ другой цѣли и трудившагося для этой другой цѣли очень много. Не совладѣлъ, кажется, онъ съ своимъ предметомъ... Изслѣдованіе о происхожденіи двуперстія основано на двухъ, взаимно уничтожающихъ себя, ипотезахъ. Первая заключается въ томъ, что на Востокѣ двуперстіе обязано своимъ началомъ ереси несторіанъ (V в.): «нѣтъ сомнѣнія — говоритъ отецъ Виноградовъ — что несторіане измѣнили православный обычай трехперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, какъ несоотвѣтствующій ихъ лжеученію о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ; поэтому и приняли перстосложеніе двуперстное, которое наглядно показывало раздѣльность двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ» (въ этомъ состояла сущность ереси). Но только на этой наглядности и основано «нѣтъ сомнѣнія» автора и, стало-быть, отвергнуть эту его ипотезу сто̀итъ небольшого труда. Ипотеза вторая нѣсколько доказательнѣе; но, къ сожалѣнію, больше служитъ защитѣ старообрядства, чѣмъ православія. Она состоитъ въ томъ, что двуперстное перстосложеніе нашло главный себѣ оплотъ въ римской церкви, и оттуда перенесено къ намъ. Судя по многочисленнымъ доказательствамъ отца Виноградова, двуперстіе дѣйствительно существовало на Западѣ; но такъ-какъ существованіе это началось еще очень задолго до отдѣленія западной церкви отъ восточной (въ VI в.), то-есть въ ту еще пору, когда она признавалась Востокомъ вполнѣ православною, то, стало-быть, двоеперстіе не заключаетъ въ себѣ ничего, ни неправославнаго, ни предосудительнаго, ни новоизмышленнаго—скажутъ старообрядцы. Но не въ томъ еще дѣло: какъ доказать, что двоеперстіе явилось у насъ съ Запада, несмотря на все предубѣжденіе русскихъ встарину ко всему западному — явилось и защищалось, какъ кровная наша собственность? Вопросъ этотъ видимо затруднялъ о. Виноградова, и онъ долженъ былъ ограничиться, въ рѣшеніи его, тѣмъ, что свалилъ все дѣло на происки и ловкость іезуитовъ. «Безуспѣшность открытаго старанія латинскихъ мисіонеровъ—говоритъ онъ—подчинить своему папѣ россіанъ, *конечно* (вотъ и доказательство),

заставляла пользоваться и малѣйшимъ разногласіемъ въ обрядахъ между православными. Чтобы усилить это разногласіе стоило только людямъ, *сознательно отдавшимся латинству*, защитить двуперстіе отъ обличеній въ происхожденіи сего обычая отъ латинъ; а это легко было сдѣлать при двухъ условіяхъ—именно: 1) представивъ свидѣтельства, что двуперстіе есть не латинскій обычай, а древній греческій; и 2) указавъ на такое положеніе руки благословляющей у самихъ латинъ, которое бы всего меньше подходило къ двуперстію. Выполнены ли эти условія?» Выполнены, отвѣчаетъ авторъ изслѣдованія. И это, по мнѣнію о. Виноградова, было очень легко; потому что «не было недостатка въ лицахъ, которыя тайно разсѣевали вражду между православными, печатая для сего то, что со времени Стоглава могло служить предмстомъ несогласія». Охъ, эти іезуиты! «Извѣстно — продолжаетъ о. Виноградовъ — что у нихъ цѣль освящаетъ всяческія средства: обыкновенно ловкій іезуитъ бралъ на себя личину православнаго и, въ отстраненіе подозрѣнія, готовъ былъ лицемѣрно порицать многое изъ того, что не правилось русскимъ у латинъ (напримѣръ, обливаніе въ таинствѣ крещенія), всячески стараясь, въ то же время, поколебать ихъ убѣжденіе относительно тѣхъ или другихъ православныхъ обрядовъ, вызвать между ними самими споры, несогласія, и поселить ненависть къ нимъ въ тѣхъ, кои изъ среды православныхъ умѣли открыть и показать въ истинномъ свѣтѣ незваннаго гостя, какъ врага православія». Да, іезуиты у о. Виноградова дѣйствуютъ такъ ловко, что даже заправляютъ опозиціею противъ исправителей нашихъ книгъ и обрядовъ, а русскіе являются только ихъ слѣпыми орудіями. Итакъ, «не очевидно ли—пишетъ нашъ авторъ — что спутанное ученіе о перстосложеніи составляетъ неотъемлемую собственность писца, неразумно *ревновавшаго о латинскомъ двуперстіи*, двуперстіи, которое и «доселѣ поддерживается въ расколѣ *благодаря хитрому и тайному ученію латинъ*», окружившихъ, конечно, и Максима Грека «людьми, православіе коихъ было очень сомнительно»...

На взглядъ всякаго, теоріи о. Виноградова такого свойства, что съ одинаковымъ правомъ онѣ и могутъ и не могутъ имѣть практическое приложеніе, пока не будутъ чѣмъ нибудь доказаны. Съ ними не мудрено случиться и такой печальной участи, какая, по изысканіямъ самого же о. Виноградова, постигла бывшую во всеобщемъ ходу ипотезу о происхожденіи нашего двуперстія отъ армянъ—ипотезу, «основанную на устномъ показаніи какихъ-то торговцовъ и принятую безъ всякаго изслѣдованія». Что до насъ, то ужь если пускаться въ предположенія, гораздо вѣроятнѣе допустить, что двуперстіе есть прямо таки россійское произведеніе. Дѣло въ томъ, что раскольники отвергаютъ троеперстіе, главнымъ образомъ, въ силу тождества священническаго благословенія съ «мірскимъ» перстосложеніемъ. Расколъ прежде всего ратуетъ противъ именословнаго, то-есть

священническаго перстосложенія (для благословенія). И, при томъ стремленіи міряпъ къ вторженію въ дѣла церковныя, до уничтоженія почти церковнаго учительства своихъ пастырей, которое замѣчается въ допетровской исторіи, скорѣе же допустить, что міряне завладѣли, такъ-сказать, священническимъ перстосложеніемъ, считая свое неполнымъ — чѣмъ предполагать, что іезуиты водворили въ Россіи двуперстіе.

Нашъ изслѣдователь двуперстія сочиняетъ *ипотезы* же и для защиты троеперстія—ипотезы одинаково бездоказательныя, какъ и приведенныя выше, и опять-таки, къ сожалѣнію, мало служащія защитѣ православнаго обряда. Такъ о. Виноградовъ утверждаетъ, что троеперстіе явилось у насъ, какъ оппозиція покойнаго жидовства и ересей Бакшина и Косого. Утвержденіе это зиждется на томъ, что, въ противность ученію жидовствующихъ и Бакшина съ Косымъ (они отвергали троичность лицъ въ Богѣ), «сему крайнему безумію, *нужно* было для людей безграмотныхъ преподать краткое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясное изложеніе главныхъ догматовъ вѣры, которые бы ежедневно нѣсколько разъ сами собою напоминались; *нужно* было православнымъ указать противъ неправомыслящихъ такое наглядное обличеніе, которое могло бы быть сподручнымъ для каждаго»... Развѣ не могутъ отсюда раскольники, съ ихъ предубѣжденіемъ противъ троеперстія, сдѣлать выводъ, что, стало-быть, до ереси жидовствующихъ, то-есть до XV вѣка, троеперстнаго сложенія, вызваннаго случайными обстоятельствами, не было прежде, по крайней-мѣрѣ, во всеобщемъ употребленіи?... Но о. Виноградовъ какъ будто нарочно не видитъ слабости своей теоріи, проводя ее съ какою-то особенною настойчивостію черезъ всю свою книгу. И тогда какъ въ началѣ книги высказывается она имъ лишь въ формѣ *вѣроятнаго* предположенія, въ срединѣ и концѣ является *дѣйствительнымъ* «обличеніемъ ереси жидовствующихъ и Бакшина съ Косымъ», и на этомъ дѣйствительномъ обличеніи *строятся* дальнѣйшіе выводы со всевозможными натяжками. Напримѣръ, нашелъ о. Виноградовъ въ одной рукописи на полѣ крестъ, и уже дѣлаетъ заключеніе, что поставившій этотъ крестъ былъ защитникомъ троеперстія. Для своихъ цѣлей онъ прибѣгаетъ къ рѣшительнымъ анахронизмамъ, доказывая, напримѣръ, что «сборники въ старину составлялись не кое-какъ, а съ *разумнымъ сознаніемъ* благопотребности всего собираемаго». Нельзя не упомянуть при этомъ, что о. Виноградовъ, ратуя противъ обрядоборства раскольниковъ, самъ обрядоборствуетъ, пускаясь въ разъясненіе, «гдѣ будетъ земля, когда внизу, подъ перстомъ наклоненнымъ (разумѣется, старобрядческое перстосложеніе), будетъ означаться тремя соединенными перстами, то-есть двумя меньшими съ большимъ, не земля, а св. Троица»?... Но страннѣе всего въ изслѣдованіи о. Виноградова то, что, доказывая происхожденіе двуперстія и отъ латинства, онъ самъ же первый, съ какой-то непонятной опрометчивостью, уничтожаетъ

вѣроятность своей теоріи: извѣстно, напримѣръ, что русскіе терпимѣе были къ западу въ Новгородѣ и Псковѣ; кажется, черезъ Новгородъ и вести бы ему двуперстіе; но, нѣтъ, онъ прямо утверждаетъ, что въ Новгородѣ о двуперстіи не было и помина...

Ограничиваясь изложенными общими замѣчаніями о книгѣ о. Виноградова, мы не будемъ входить въ подробности, которыя желающій можетъ прочесть въ брошюрѣ, названной нами въ заголовкѣ: «Замѣчанія на книгу о Ѳеодоритовомъ словѣ»—замѣчанія, явившіяся, говорятъ, въ печати по иниціативѣ одного очень важнаго духовнаго лица и весьма терпимо, повидимому, относящіяся къ старому обряду.

ИНТЕРЕСЫ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАПАДѢ.

Нынѣшніе ледники и ледяной періодъ. Шарля Мартенса.

Ученіе о ледникахъ, ихъ первоначальномъ, громадномъ распространеніи въ такъ-называемый ледяной періодъ, о постепенномъ ограниченіи ихъ до предѣловъ, занимаемыхъ ими въ настоящее время, наконецъ, точное опредѣленіе великой роли, которую ихъ передвиженіе и таяніе играло въ очертаніяхъ земной поверхности—все это получило стройный видъ лишь въ очень недавнее время. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ, еще даже и не подозрѣвали близкой аналогіи между ледниками Альпъ и Пиринеевъ и ледниками странъ полярныхъ, которые носили названіе ледяныхъ горъ (ice bergs). Самъ Соссюръ въ своей исторіи Альповъ ограничился лишь простымъ наблюденіемъ и описаніемъ тамошнихъ ледниковъ, не прибѣгая къ помощи опытовъ. Настоящее изученіе ледниковъ начинается со времени достопамятнаго пребыванія Агассица, Десора и Фохта на ледникѣ Аары, съ 1840 до 1845, съ изслѣдованія Джемсомъ Форбесомъ ледянаго моря въ Шамуни и съ послѣдующихъ ученыхъ работъ Дольфусъ-Оссе (Dolfus-Ausset), Гопкинса, Тиндалля, Эд. Колломба, Джона Балля и др. Результаты этихъ-то трудовъ, давшіе ученію о ледникахъ видъ строгой, математической отрасли знанія, изложилъ въ нынѣшнемъ году Шарль Мартенсъ въ трехъ большихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Revue des deux Mondes* *. Мы постараемся извлечь изъ нихъ существенные выводы, подтверждающіе, между прочимъ, еще разъ справедливость геологиче-

* Les Glaciers actuels et la periode glaciaire. par. Ch. Martins. Revue des Deux Mondes. 1867. №№ 15 Janvier, 1-e Février и 1-e Mars.

*

скаго ученія, столь блистательно развитаго Лайеллемъ, и старающагося объяснить всѣ великіе перевороты въ земной корѣ исконною дѣятельностью тѣхъ же самыхъ естественныхъ причинъ, которыя продолжаютъ свою дѣятельность и нынѣ.

Соображаясь съ общимъ планомъ изложенія Шарля Мартенса, мы также будемъ сначала говорить о нынѣшнихъ ледникахъ, затѣмъ о состояніи ледниковъ въ такъ-называемый ледниковый или ледяной періодъ и, наконецъ, о флорѣ и фаунѣ въ этомъ періодѣ.

«Ледники — говоритъ Шарль Мартенсъ — это ледяныя рѣки, которыя исходятъ изъ вѣчныхъ снѣговъ, вѣнчающихъ высокія горы или облегающихъ полюсы; они въ этомъ отношеніи похожи на двѣ изъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, Нилъ и св. Лаврентія, которыя берутъ свое начало въ обширныхъ внутреннихъ озерахъ и изливаютъ въ моря ихъ воды. Величина и положеніе ледниковъ очень разнообразны, смотря по различію широты. Въ жаркихъ или умѣренныхъ поясахъ они существуютъ только на высокихъ цѣпяхъ горъ и расположены въ горныхъ долинахъ, ближайшихъ къ главнымъ вершинамъ. Таковы ледники Альповъ, Пиринеевъ, Кавказскихъ, Гималайскихъ, Тибетскихъ горъ и Кордильеровъ. Въ холодныхъ странахъ, какъ въ Норвегіи, Лапландіи, Новой Зеландіи или Огненной землѣ, уже горы, относительно невысокія, изобилуютъ ледниками. Наконецъ земли, наиболѣе близкія къ тому или другому поясу, Шпицбергенъ, Гренландія, полярная Америка, а также земли Адель, Викторія и Грагамъ, открытыя вокругъ южнаго полюса, можно сказать, погребены подъ ледяною корою: ледники наполняютъ тамъ нетолько горныя долины, но и возвышенныя плоскости, спускаясь до самыхъ береговъ морскихъ».

Представляя собою неисчерпаемые водные резервуары, ледники служатъ источниками самыхъ значительныхъ рѣкъ Европы и Азіи, представляя ту особенность, что въ жаркое время они еще усиливаютъ свое водоснабженіе. Постоянные ледники обоихъ полюсовъ играютъ и другую чрезвычайно важную роль въ экономіи природы: они регулируютъ температуры земли, охлаждая потоки нагрѣтаго воздуха, притекающіе отъ тропиковъ, и возвращая ихъ назадъ въ противоположномъ направленіи.

Что касается величины ледниковъ и мѣста ихъ положенія въ горныхъ цѣпяхъ, то, какъ уже замѣчено выше, въ этомъ отношеніи встрѣчается чрезвычайное разнообразіе. На невысокихъ боковыхъ горныхъ цѣпяхъ, идущихъ паралельно главнымъ кряжамъ Альпійскихъ горъ, а также въ центральной цѣпи Пиринейскихъ горъ, можно видѣть небольшіе ледники, лежащіе въ углубленіяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, и непревосходящіе величиною обыкновенную городскую площадь. Соссюръ назвалъ такія массы льда *ледниками второго разряда.* Они обыкновенно не достигаютъ долинъ и держатся на крутыхъ бокахъ горныхъ вершинъ.

Съ другой стороны въ Гималайяхъ, гдѣ высота горныхъ массъ

уравновѣшиваетъ вліяніе значительно жаркаго пояса (30° южной широты), существуютъ громадные ледники, хотя и не спускающіеся ниже высоты 3,000 метровъ надъ уровнемъ моря. Ледникъ Біафо, напримѣръ, представляетъ ледяную рѣку въ 103 километра (около 96 верстъ) ширины. Въ сравненіи съ подобными массами даже наибольшіе изъ альпійскихъ кажутся мелкими.

На Кавказѣ встрѣчаются также обширные ледники, которые достигаютъ даже воздѣлываемыхъ долинъ, хотя нижняя часть ихъ по большей части не переходитъ высоты 2,185 метровъ надъ уровнемъ моря.

Общій законъ, какъ уже замѣчено было выше, состоитъ въ томъ, что ледники спускаются ниже по мѣрѣ удаленія отъ экватора. Такимъ образомъ Скандинавія, хотя главный горный хребетъ ея и не высокъ сравнительно, представляетъ уже ледники обширныхъ размѣровъ и лежащіе на высотѣ только 580 метровъ надъ моремъ. Но даже еще и при 70° сѣверной широты, какъ напримѣръ въ углубленіи залива Іоккуль (Iöckul), ледники еще не достигаютъ моря. Но на Шпицбергенѣ (77° — 81° сѣвер. шир.) уже всѣ долины заняты ледниками, которые нетолько спускаются до поверхности моря, но даже и выходятъ за предѣлы берега, такъ что, наконецъ, при отливѣ, выдавшаяся оконечность ихъ, не будучи уже достаточно поддерживаема водою, часто обрушивается въ море. Одна изъ образовавшихся такимъ путемъ плавающихъ массъ льда, которую Шарль Мартенсъ изслѣдовалъ въ 1838 году, имѣла 18 километровъ (около 15 верстъ) длины и до 5 километровъ ширины. Таково и вообще происхожденіе тѣхъ обширныхъ массъ плавающихъ льдовъ, которыя представляютъ столь сильныя и опасныя препятствія къ плаванію въ полярныхъ странахъ. Въ Гренландіи, напримѣръ, мореплаватели видѣли на берегахъ до пятнадцати ледяныхъ массъ, готовыхъ оторваться и спуститься въ море. Каждая изъ нихъ представляла отъ своего начала до 400 метровъ длины, а вдавшаяся въ воду часть ея имѣла не менѣе 50 метровъ высоты, но такъ-какъ значительная часть ея была кромѣ того подъ водою, то можно вообще считать высоту ледяной массы отъ 350 до 450 метровъ. Эти-то массы, оторвавшись, и образуютъ, наконецъ, тѣ громадные плавающіе льды Баффинова залива, которые часто превышаютъ мачты судовъ. Громаднѣйшій изъ ледниковъ въ цѣломъ мірѣ есть ледникъ Гумбольдта, лежащій въ проливѣ Смита, къ сѣверу отъ Баффинова залива: онъ занимаетъ вдоль берега пространство между 79° и 80° сѣвер. широты, въ 111 километровъ (болѣе 100 верстъ).

Подобные же ледники, хотя и меньшихъ размѣровъ, находятся тамъ и сямъ на островахъ, разсѣянныхъ между Баффиновымъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ. Одинъ изъ нихъ, лежащій въ бухтѣ Коцебу, къ сѣверо-западу отъ Берингова пролива и изслѣдованный въ 1850 г. Зееманомъ, натуралистомъ съ судна *Herald*, представляетъ замѣчательную особенность. Надъ

конечнымъ краемъ этого ледника англійскіе моряки съ изумленіемъ увидѣли массу глины отъ 1 до 7 метровъ толщины, лежащую непосредственно на льду; на глинѣ лежалъ слой торфа, покрытый кустарниками, верескомъ и травами въ полной зелени, съ примѣсью мха и лишайныхъ растеній. Уже самъ по себѣ этотъ клочокъ почвы на ледяной массѣ былъ замѣчательнымъ геологическимъ документомъ, но кромѣ того въ глиняномъ слоѣ Зееманъ и его спутники нашли кости слона, лошади, лося, сѣвернаго оленя и мускуснаго быка *.

Переходя въ Азію, мы встрѣчаемъ ледники въ горахъ Камчатскихъ, но, какъ свидѣтельствуетъ русскій ученый Миддендорфъ **, не находимъ ни одного ледника по всему протяженію Сибири, омываемому Ледовитымъ моремъ. Фактъ, который трудно объяснить. Далѣе ледники встрѣчаются въ Новой-Землѣ и даже въ Алтайскомъ горномъ хребтѣ.

Южный полюсъ, также какъ и сѣверный, окруженъ ледниками, но водный элементъ преобладаетъ тамъ, или, по крайней мѣрѣ, массы земли тамъ, на которыхъ образуются плавающіе льды, еще мало извѣстны. Однако изъ путешествій Ведделя, д'Урвиллса и Джемса Росса мы уже знаемъ, что земли, близкія къ южному полюсу, покрыты также ледниками, спускающимися до самаго моря и низвергающимися постепенно въ море. Далѣе къ сѣверу ледники встрѣчаются въ Огненной землѣ и вдоль Магелланова пролива. На югѣ Чили, подъ 46° южной широты, Дарвинъ видѣлъ также ледники, доходящіе до берега. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ мы о ледникахъ Новой Зеландіи, благодаря изслѣдованіямъ д-въ Гааста и Гектора и д-ра Гохштеттера, геолога ученой экспедиціи, ѣздившей на австрійскомъ корраблѣ *Наварра*. Ледники тамъ во многомъ напоминаютъ альпійскіе.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, нынѣшнее географическое распредѣленіе ледниковъ. Перейдемъ къ изученію физическихъ явленій, ими представляемыхъ.

Сравненіе ледниковъ съ ледяными потоками или рѣками есть не простое фигурное выраженіе. Уже издавна альпійскіе горные жители замѣчали, что эти страшныя ледяныя массы двигаются. Но лишь въ недавнее время трудами Агассица и Десора, Форбеса и Тиндалля, законы этого движенія опредѣлены съ строгою точностью. Оказалось, что ледники движутся точно также, какъ и рѣки, т.-е. тѣмъ быстрѣе, чѣмъ они глубже, и притомъ это движеніе происходитъ быстрѣе въ срединѣ, чѣмъ по краямъ, скорѣе на поверхности, чѣмъ на днѣ. Такъ, напримѣръ, доказано несомнѣнными наблюденіями, что ледникъ Аары въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится павильонъ Агассица, подвигается въ теченіе года

---

* Seemann: *Botany of the voyage of H. M. S. Herald*, 1852.

** *Sibirische Reisen*. S. IV, p. 439.

среднимъ числомъ на 71 метръ въ срединѣ и на 33 метра по краямъ. На своемъ нижнемъ концѣ этотъ ледникъ движется медленнѣе, именно проходитъ только 39 метровъ; скорость эта возвышается къ верху, доходя до 75 метровъ въ началѣ ледника. Точно также несомнѣнно доказано, что ледяное море Шамуни, противъ Монтанвера, передвигается ежегодно на 147 метровъ приблизительно. Мы не считаемъ нужнымъ приводить разнообразныхъ случаевъ изъ путешествій по ледникамъ, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о постоянномъ и правильномъ передвиженіи всей массы извѣстныхъ ледниковъ.

Такимъ образомъ фактъ поступательнаго движенія ледниковъ можетъ считаться твердымъ пріобрѣтеніемъ науки. Посмотримъ теперь, въ какой степени удовлетворительно объясненъ способъ, какимъ совершается это движеніе. Было предложено много теорій съ этою цѣлью, но всѣ онѣ мало по малу оказались несостоятельными, за исключеніемъ одной, принадлежащей Форбесу и которую англичане называютъ теоріею тягучести, вязкости (*viscous theory*). Эта послѣдняя долгое время пользовалась общимъ признаніемъ. Мы передадимъ сущность ея словами самаго Форбеса.

«Ледъ—говорилъ онъ—не есть вещество твердое, крѣпкое, несжимаемое; это тѣло пластическое, подобное меду, патокѣ, вару, полужидкой смолѣ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ ледникъ не формуется въ томъ скалистомъ ложѣ, гдѣ онъ заключенъ? Какъ только это ложе съуживается, самый ледникъ сжимается, вытягивается и такимъ образомъ проходитъ этимъ ущельемъ. Почти всѣ большіе ледники Швейцаріи представляютъ образчики такихъ съуженій. Въ Шамуни, Талефрскій ледникъ проходитъ узкое ущелье между горою *du Couvercle* и мысомъ иглы Талефрской, достигающимъ до Камня Беранже. Это ущелье имѣетъ не болѣе 600 метровъ ширины при входѣ, но выше ледникъ занимаетъ 4,200 метровъ ширины. Поэтому, очевидно, ледъ долженъ имѣть пластическія свойства для того, чтобы онъ могъ пройти въ этой ущелинѣ, гдѣ его діаметръ уменьшается въ 7 разъ противу прежняго. Ледникъ Великана (Du Géant) проходитъ такое же ущелье между Пти-Роньонъ и Черною-Иглой. Ледникъ Мондоланскій, напротивъ, расширяется при входѣ въ долину Ферре, выступая изъ тѣснаго прохода, какъ-бы заграждавшаго ему путь. Наконецъ нижній Гриндельвальдскій ледникъ обходитъ мысъ Стьереггъ (Stieregg), а ледникъ Зерматтскій (Zermatt) принимаетъ формы боковъ Риффельберга: такимъ образомъ очевидно, что вообще ледники представляютъ тѣ же явленія, какъ и названныя выше пластическія, полужидкія вещества.»

Есть и другое обстоятельство, которое Форбесъ приводитъ въ подтвержденіе своей теоріи. Если смотрѣть съ извѣстной высоты на ледникъ, не очень изломанный и не заваленный обломками съ сосѣднихъ горъ, то на поверхности его замѣчаются черныя линіи, имѣющія форму параболъ или готическихъ сво-

довъ, которыхъ выпуклая сторона обращена къ низу. Эти линіи, которыя англичане называютъ *грязными полосами* (dirt bands), очень легко видны на многихъ ледникахъ. Форбесъ считаетъ эти линіи за однородныя съ тѣми, какія образуются на медленно текущей жидкой смолѣ или даже на городскихъ ручьяхъ, когда ихъ теченіе задерживается какимъ либо препятствіемъ. Подобныя же линіи замѣчаются наконецъ иногда на поверхности текущей лавы. Всѣ эти явленія Форбесъ счелъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ правильности своего взгляда на текучее свойство льдовъ.

Впрочемъ, ближайшее сравненіе свойствъ настоящихъ тягучихъ жидкостей съ ледяною массою и нѣкоторыя особенности въ движеніи ледниковъ обнаружили въ послѣднее время несостоятельность и теоріи Форбеса. Укажемъ на одно обстоятельство изъ многихъ. Еслибы ледники были тягучими, полужидкими массами, они конечно двигались бы *быстрѣе* тамъ, гдѣ покатость круче. Но наблюденія показываютъ противное: такъ Десоръ нашелъ, что малый Грюнбергскій ледникъ, составляющій притокъ Аарскаго, спускается по отлогости въ 30—50 градусовъ наклоненія со скоростью не болѣе 22 метровъ въ годъ; между тѣмъ какъ самъ Аарскій ледникъ, котораго среднее наклоненіе есть 4°, подвигается однако на 77 метровъ въ годъ. Несообразность этого явленія съ теоріею тягучести замѣтилъ первый Гопкинсъ. Но окончательно переработать теорію движенія ледниковъ выпало на долю Джону Тиндаллю, знаменитому англійскому физику.

По его изслѣдованіямъ ледъ ледниковъ оказывается ни тягучимъ, ни полужидкимъ, но есть вещество сжимающееся и пластическое. Всѣмъ извѣстно изъ дѣтскихъ воспоминаній, что можно дѣлать шарики изъ снѣга, который есть не что иное, какъ размельченный ледъ; всякій изъ насъ помнитъ конечно также, что эти снѣжные шары уменьшались отъ сжиманія. Раціональное объясненіе этихъ-то простыхъ, всѣмъ извѣстныхъ наблюденій и составляетъ настоящую теорію образованія и движенія ледниковъ. Первые строго научные опыты надъ нимъ сдѣлалъ знаменитый Фарадей; онъ показалъ, что если въ воду, при температурѣ нуля или нѣсколько выше, положить измельченнаго льду и сжимать эти частички вмѣстѣ, то онѣ вновь сплавляются; если же производить это давленіе гидравлическою машиною въ 40 или 50 атмосферныхъ давленій, то образуется плотный кусокъ льду гораздо меньшаго объема противъ массы измельченнаго льда. Это явленіе Фарадей назвалъ *regelation*. Тиндалль усовершенствовалъ опытъ Фарадея. Помѣщая мелкій ледъ въ чугунный цилиндръ и подвергая его сильному давленію посредствомъ плотно входящаго поршня, онъ получилъ ледяной, плотный цилиндръ, котораго форма измѣнялась потомъ, смотря по формѣ другихъ сосудовъ, въ которыхъ онъ подвергался вновь давленію. Такимъ образомъ можно постепенно сдѣлать изъ куска льда цѣлую статую. Опыты Тиндалля были съ успѣхомъ повторены во Фран-

ціи физикомъ Треска. Установленная такимъ образомъ теорія вполнѣ объясняетъ всѣ явленія, замѣчаемыя въ движеніи ледниковъ. Допустивъ въ ледяной массѣ пластичность и сжимаемость, мы поймемъ, почему она приспособляется въ своихъ формахъ къ очертаніямъ береговъ, между которыми заключена, какимъ образомъ масса льда измѣняетъ свою форму, вступая въ болѣе тѣсный проходъ и уступая давленію верхней массы, а также, сообразно встрѣченнымъ препятствіямъ, какъ именно ледяная масса обходитъ встрѣченный на пути выступъ, такъ-сказать перевертываясь вся, почему прибрежныя части ея и отстаютъ отъ средины. Далѣе при этомъ легко объясняется образованіе разщелинъ, которыя замѣтны всегда на ледникахъ у подошвы мысовъ. Ясно, что при вращеніи около встрѣченнаго препятствія всего ледника, болѣе отдаленныя отъ точки вращенія части его вращаются быстрѣе, вслѣдствіе чего происходитъ извѣстное напряженіе и наконецъ разрывъ частей по линіямъ перпендикулярнымъ къ расходящимся лучамъ. Наконецъ теоріею *regelation* объясняются вполнѣ удовлетворительно такъ-называемые *ледяные каскады*, которые давно обращали на себя вниманіе своей оригинальною красотою, но объ объясненіи которыхъ мало заботились доселѣ. Очевидно, что, вступая вдругъ на рѣзко крутой скатъ, ледникъ долженъ весь растрескаться и образовать отдѣльныя призмы, положу, острія, кубы, раздѣленные глубокими трещинами. Но вступивъ снова на болѣе отлогій путь, онъ вновь сростается подъ вліяніемъ давленія и поверхность его принимаетъ обычную ровную и безопасную для путешественниковъ поверхность.

Весьма интересный вопросъ, возникающій здѣсь, состоитъ въ томъ, какимъ же именно образомъ происходитъ сростаніе частицъ льда какъ въ опытѣ Тиндалля, такъ и въ большемъ размѣрѣ, при дальнѣйшемъ движеніи той разбитой массы льда, какую мы замѣчаемъ въ ледяныхъ каскадахъ.

Теоретическое объясненіе этого явленія, сдѣланное Карно и потомъ вполнѣ подтвержденное опытами Уильяма Томсона, Тиндалля и Гельмгольца, состоитъ въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что ледъ занимаетъ пространство бо́льшее противъ воды, изъ которой онъ образуется. Поэтому-то бутылка, и даже бомба, наполненныя водою, лопаются, когда эта послѣдняя замерзаетъ. Но давленіе увеличиваетъ количество силы, необходимое для расширенія, то-есть для удаленія другъ отъ друга частицъ воды при переходѣ ея изъ жидкаго въ твердое состояніе. Эта сила въ свою очередь заключается въ самой водѣ *въ формѣ тепла*. Такимъ образомъ, будучи подвергнутъ болѣе или менѣе сильному давленію, ледъ принужденъ заимствовать у воды большее количество теплоты, чѣмъ это нужно въ томъ случаѣ, когда онъ не испытываетъ никакого внѣшняго давленія, находясь, напримѣръ, подъ колоколомъ воздушнаго насоса. Окончательнымъ образомъ ясно, что температура воды, подвергнутой давленію, должна быть въ минуту замерзанія ниже воды, под-

вергающейся замерзанію безъ всякаго давленія. Вычисленіемъ дознано, что эта степень пониженія температуры равняется $^{3}/_{400}$ стоградуснаго термометра или 0°,0075 для давленія въ одну атмосферу.

Мы не будемъ описывать здѣсь интересныхъ опытовъ Тиндалля и Гельмгольца *, подтвердившихъ несомнѣннымъ образомъ точность сейчасъ приведенныхъ теоретическихъ соображеній, и обратимся съ нашею теоріею прямо къ явленіямъ, происходящимъ въ ледникахъ.

Ледникъ есть не что иное, какъ смѣсь воды и льда, котораго температура постоянно держится на точкѣ замерзанія. Такимъ образомъ онъ представляетъ среду, нѣсколько отличную отъ той, надъ которой производились предыдущіе опыты. Но что же именно происходитъ здѣсь при давленіи? По объясненію Джемса Томсона, професора въ Бельфастѣ, объясненію, подтвержденному точными опытами надъ смѣсью льда и воды, подвергнутыхъ вмѣстѣ давленію въ закрытомъ и плотномъ цилиндрѣ, температура смѣси при давленіи понижается точно также, какъ и въ предыдущихъ опытахъ; но разница въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ вода, переходя въ состояніе льда, заимствуетъ нужный для этого излишекъ тепла не у себя только, но также и у льда, съ которымъ смѣшана. Эта теплота распускаетъ часть льда и дѣлается скрытою, какъ выражались прежде; но въ свою очередь ледъ, охлажденный вслѣдствіе заимствованія у него теплоты, замораживаетъ слой воды, отдѣляющій его отъ ближайшаго куска льда, и оба куска спаиваются тѣмъ плотнѣе, чѣмъ сильнѣе давленіе. Всѣ эти явленія, конечно, не могли бы имѣть мѣста въ ледникахъ, еслибы масса ихъ состояла изъ одного сухого порошка снѣга, имѣющаго температуру ниже нуля. Что такой снѣгъ не годится для снѣжныхъ шаровъ, это извѣстно каждому русскому мальчику, но нужны были усилія великихъ изслѣдователей чтобы точнымъ образомъ объяснить законы этого явленія и увидѣть ихъ непосредственное приложеніе въ объясненіи внутренняго процеса ледниковыхъ массъ и способовъ ихъ передвиженія.

Составъ массы ледника неоднороденъ: вещество его или ледъ имѣетъ иногда губчатое строеніе, легко, полно воздушныхъ шариковъ и имѣетъ бѣлый матовый цвѣтъ, иногда оно болѣе твердо, плотно и имѣетъ небесно-голубой цвѣтъ. Полосы послѣдняго вещества среди остальной бѣлой массы, долго были предметомъ ученыхъ преній и споровъ, самыхъ оживленныхъ, не совсѣмъ оконченныхъ даже и въ наше время. На основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, Шарль Мартенсъ такъ объясняетъ образованіе голубыхъ полосъ льда. Прежде всего нужно замѣтить, что всякій ледникъ есть въ сущности не что иное, какъ

---

* Довольно подробное описаніе опытовъ съ сжиманіемъ льда и рисунки апаратовъ, при этомъ употребляемыхъ, смотри въ изданныхъ въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ: *Популярныхъ статьяхъ Гельмгольца.*

наслоеніе снѣжныхъ слоевъ, образующихся каждую зиму и мало-по-малу образующихъ изъ себя сначала настъ (névé), а потомъ и ледяную массу вслѣдствіе спаиванья, просачиванья воды и давленія верхнихъ слоевъ. Голубыя полосы въ массѣ ледниковъ и суть тѣ части ихъ, въ которыхъ, вслѣдствіе особыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, процесъ окончательнаго превращенія въ ледъ совершился вполнѣ. Просачивающаяся вода вытѣсняетъ изъ ноздреватой массы воздухъ, затѣмъ вышеописаннымъ способомъ замерзаетъ сама и превращаетъ бѣлую массу въ чистый ледъ. Шарль Мартенсъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ въ ледникѣ Фаульгорна, какъ одинъ слой его массы, куда постоянно проникала съ сосѣднихъ скалъ вода, превратился постепенно въ чистую голубую массу, между тѣмъ, какъ верхній слой той же массы, неимѣвшій прямого сообщенія съ почвой, остался бѣломатовымъ.

Такова въ существенныхъ чертахъ теорія образованія, строенія и физическихъ свойствъ ледниковыхъ массъ, разработанная въ послѣдніе двадцать-пять лѣтъ; выше мы изложили географическое распредѣленіе ледниковъ въ наше время, и такимъ образомъ имѣемъ болѣе или менѣе полную картину современнаго состоянія ледниковъ. Чтобы окончательно дополнить однако эту картину и приготовить переходъ къ тому отдаленному времени, которое новѣйшіе геологи называютъ ледниковымъ періодомъ, и когда ледниковыя массы играли болѣе видную и обширную роль въ образованіи очертаній земной поверхности, намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ передвиженіяхъ ледниковъ, которыя совершаются и понынѣ, а также совершались несомнѣнно во времена уже историческія.

Выше мы убѣдились, что всѣ ледники движутся съ большею или меньшею правильностью и постоянствомъ. Но очевидно, что еслибы при этомъ не существовало какихъ либо особыхъ обстоятельствъ, ледники наконецъ вышли бы въ долины изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они теперь находятся. Этого, однако, не происходитъ и ледники по крайней-мѣрѣ съ давнихъ временъ остаются приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ. Явленіе это объясняется очень просто тѣмъ, что ледники таютъ преимущественно на своемъ нижнемъ концѣ, и что таяніе уравновѣшиваетъ поступательное движеніе ледниковъ. При этомъ, очевидно, могутъ быть три случая, зависящіе отъ соотношенія между собою борящихся началъ. И дѣйствительно, ледники представляютъ намъ явленія и почти совершенной неподвижности и преобладающаго поступательнаго движенія и, наконецъ, движенія регрессивнаго, при чемъ всѣ эти виды явленій могутъ очевидно имѣть мѣсто въ разныя времена въ одномъ и томъ же ледникѣ. Одно изъ любопытнѣйшихъ явленій этого рода представляютъ ледники Шамуни. Начиная съ 1846 года они постоянно подвигались впередъ, а въ 1854 году выдвинулись уже въ долину угрожающимъ образомъ такъ, что обитатели деревушки Дебоссонъ (des Bossons),

соименной сосѣднему леднику, уже подумывали покинуть свои жилища. Но съ 1854 года, вслѣдствіе теплыхъ лѣтъ и безснѣжныхъ зимъ, ледникъ значительно началъ отступать, такъ что ретроградное движеніе его въ теченіе послѣднихъ лѣтъ представляло уже въ прошломъ году 332 метра.

Въ то же время, какъ нижняя конечность ледниковъ исчезаетъ отъ таянія, та же причина уничтожаетъ постоянно довольно значительный верхній ихъ слой. Этимъ объясняется, между прочимъ, замѣчательное появленіе новыхъ камней на поверхности ледниковъ, давно уже извѣстное горнымъ жителямъ и путешественникамъ подъ названіемъ *ледниковыхъ столовъ.*

Поступательное или ретроградное движеніе ледниковъ хотя и не совершается въ правильные промежутки времени, однако представляетъ извѣстную періодичность. Самою большею знаменитостью въ этомъ отношеніи пользуется ледникъ Фернахтфернеръ (Vernagtferner), лежащій въ верху долины Ётцъ (Oetz), въ австрійскомъ Тиролѣ. Лѣтомъ 1843 года, онъ, подвигаясь впередъ, соединился съ маленькимъ ледникомъ Рофенъ, отъ котораго въ настоящее время отдѣленъ полосою земли. Соединившись въ то время вмѣстѣ, они начали быстро спускаться въ долину. Жители ея перепугались. Они знали по преданію, что въ 1600, 1667 и 1772 годахъ этотъ ледникъ подвигался съ такою же быстротой и кончилъ тѣмъ, что преградилъ путь ручью, который и превратился въ озеро. Назначена была комисія, которая нашла, что быстрота движенія ледника возрастала чрезвычайно и лѣтомъ 1845 года доходила до 9,92 метровъ въ день. Наконецъ 14-го іюня вода нашла себѣ проходъ подо льдомъ и съ этого времени до іюня 1848 года озеро два раза въ годъ наполнялось водою и пустѣло. Въ 1854 году ледникъ, впрочемъ, вынужденъ былъ подчиниться общему закону и начать свое отступательное движеніе, которое, можетъ быть, не окончилось еще и теперь, такъ-какъ въ 1667 году періодъ этого послѣдняго продолжался цѣлыхъ тридцать-четыре года.

Что касается силы поступательнаго движенія ледниковъ, то, за исключеніемъ самыхъ твердыхъ горныхъ породъ, ничто не можетъ противостоять подвигающемуся леднику. Эд. Колломбъ въ сентябрѣ 1848 года былъ свидѣтелемъ опустошеній, сдѣланныхъ ледникомъ Алетшскимъ (*d'Aletsch*), самымъ длиннымъ въ Швейцаріи, въ еловомъ лѣсу, лежавшемъ по его лѣвому берегу на пространствѣ 4 километровъ (болѣе $3^1/_2$ верстъ). «Подрѣзанное подъ самый корень — говоритъ онъ — дерево падаетъ и увлекается движеніемъ ледника. Тѣ, которыя попадаются между льдомъ и прилежащими скалами, быстро разщепляются; тѣ, которыя падаютъ на поверхность ледника, уносятся имъ далѣе и по пути втягиваются въ его внутренность. На оконечномъ откосѣ ледника они вновь появляются изъ его нѣдръ: одни до половины увязшія въ ледяной массѣ, другія совершенно освобожденныя; послѣднія выбрасываются наружу и увлекаются водя-

нымъ потокомъ. На всѣхъ кора ободрана и сами они изломаны; остается только главный стволъ и большія изогнутыя и обезображенныя вѣтви». Если ледникъ выдвигается въ долину, онъ вздираетъ дернъ, свертывая его трубкой; попадающійся на пути домъ срывается и разламывается. Такимъ образомъ, преданіе указываетъ на многія деревушки и отдѣльныя строенія, погребенныя подо льдомъ.

Мы видѣли выше, что поступательное или ретроградное движеніе ледниковъ зависитъ преимущественно отъ перевѣса въ борьбѣ той или другой изъ двухъ силъ. Разнообразныя условія, благопріятствующія усиленію массы и давленію ледника или увеличенію его таянія, еще не изслѣдованы подробно и обстоятельно; но все заставляетъ думать, что еще въ недавнюю сравнительно эпоху жизни земли существовали условія, нарушившія въ теченіе извѣстнаго періода равновѣсіе между указанными двумя силами въ пользу прогрессивнаго движенія ледниковъ. Въ это время горные ледники успѣли спуститься въ долины; ледники полярные вторглись въ сѣверныя страны Европы и Америки, цѣльный ледяной покровъ обнималъ полюсы: это была та эпоха, которую геологи называютъ древнимъ распространеніемъ ледниковъ или *ледниковымъ періодомъ*.

Для людей, мало знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ ученія о ледниковомъ періодѣ и вообще съ тѣми пріемами, какими дѣлаются правильныя заключенія изъ настоящаго о давнопрошедшемъ, самый первый вопросъ въ этомъ дѣлѣ естественно долженъ состоять въ томъ, какимъ именно образомъ могли ученые удостовѣриться въ нѣкогда бывшемъ широкомъ распространеніи ледниковъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нынѣ ихъ вовсе не существуетъ? Путь разсужденій, однако, въ настоящемъ случаѣ чрезвычайно простъ и логиченъ. Прежде всего были замѣчены, внѣ области нынѣшняго распространенія ледниковъ, нѣкоторыя измѣненія въ очертаніяхъ и рельефѣ земной поверхности, подобныя тѣмъ, какія производятся постоянно на нашихъ глазахъ швейцарскими и савойскими ледниками. Отсюда было весьма естественно заключить, что нѣкогда ледники выходили далеко за тѣ тѣсные предѣлы, въ которыхъ они остаются болѣе или менѣе неподвижно со временъ историческихъ. Подробное изслѣдованіе результатовъ нынѣшней дѣятельности ледниковъ и сравненіе ихъ съ слѣдами предполагаемой нѣкогда болѣе широкой дѣятельности ледяныхъ массъ, какъ нельзя болѣе подтвердили первоначальное предположеніе. Разсмотримъ же сначала, каковы именно несомнѣнные и наглядные результаты нынѣшней дѣятельности ледниковъ.

Прежде всего ледникъ, спускаясь ущельемъ въ долину, полируетъ, бороздитъ и обтираетъ, закругляетъ горныя породы, замыкающія его съ боковъ и покрываемыя его массою. Орудіе, употребляемое при этомъ ледникомъ, состоитъ изъ камней, падающихъ съ сосѣднихъ горъ. Попавъ между боками ледника и со-

сѣдними скалами или подъ исподъ ледяной массы, эти камни сами измельчаются и стираются при движеніи такъ, что, наконецъ, совершенно играютъ роль шлифовальнаго порошка. И скалы, среди которыхъ происходило движеніе ледника, и форма крупныхъ камней, составляющихъ извѣстную долю полирующей каменной массы, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды сейчасъ описаннаго процеса. Первыя часто называются именемъ, которое имъ далъ еще Соссюръ, именно волнистыми горными породами (*roches moutonnées*); вторые извѣстны подъ названіемъ бороздчатыхъ или обтертыхъ камней (cailloux frottés ou rayés).

Обратимся теперь къ такъ-называемымъ *моренамъ*. Подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, дождя, снѣга, теплоты, замерзанія и таянья и химическихъ агентовъ, въ видѣ кислорода и угольной кислоты, почти всѣ горныя породы разлагаются постепенно, распадаются и обваливаются. Эти, часто громадные, обломки падаютъ на края ледника. Еслибы этотъ послѣдній оставался неподвижнымъ, падающіе обломки накоплялись бы на немъ безпорядочными массами; но, вслѣдствіе поступательнаго его движенія, они располагаются въ извѣстномъ порядкѣ. Каменныя глыбы располагаются на его поверхности довольно правильными рядами, паралельными берегамъ, или накопляются въ видѣ большихъ поперечныхъ плотинъ у подошвы его конечнаго ската — это и есть такъ-называемыя *морены*. Однѣ, поверхностныя, раздѣляются на боковыя и срединныя, смотря по занимаемому ими положенію на ледникѣ; другія, сходящіяся вмѣстѣ при концѣ ледника или накопляющіяся у его подошвы, называются конечными или передними моренами. Камни различнаго вида и величины, медленно и спокойно переносимые такимъ образомъ на поверхности ледника, сохраняютъ, конечно, вполнѣ свою первоначальную форму. Подъ названіемъ эрратическихъ камней они составляютъ верхнія морены, въ противоположность вышеописаннымъ изборожденнымъ и стертымъ камнямъ, которые составляютъ морены нижнія, глубокія.

Описанный сейчасъ процесъ дастъ намъ полную картину того вида почвы, который она должна имѣть послѣ того, какъ занимавшій ее ледникъ растаетъ и уничтожится. Поэтому ясно, что повсюду, гдѣ мы найдемъ полную совокупность указанныхъ чертъ или, по крайней-мѣрѣ, соединеніе многихъ изъ нихъ, мы имѣемъ полное право предполагать тамъ существованіе нѣкогда ледника въ движеніи. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ настоящее время точно опредѣлены всѣ различія, прежде смѣшивавшіяся, между аналогическимъ же дѣйствіемъ водъ и собственно ледниковъ, такъ что признаки дѣятельности этихъ послѣднихъ могутъ быть узнаваемы несомнѣннымъ образомъ.

Съ этими данными приступимъ теперь къ изслѣдованію мѣстностей, гдѣ предполагается существованіе въ древнее время нынѣ исчезнувшихъ ледниковъ. Начнемъ съ ледниковъ альпійскихъ.

Наблюдатель, находящійся на ледяномъ морѣ Шамуни или на ледникѣ Аары и осматривающій оттуда отшлифованныя и изборожденныя явнымъ дѣйствіемъ ледниковъ горныя породы долинъ, скоро удостовѣряется, что эти слѣды достигаютъ весьма значительной высоты на бокахъ долины, часто на нѣсколько сотъ метровъ надъ его головою *. Отсюда онъ совершенно правильно заключаетъ, что ледникъ былъ нѣкогда гораздо толще и вообще больше теперешняго; при этомъ, само собою разумѣется, онъ долженъ былъ и простираться въ то время далеко за тѣ предѣлы, въ которыхъ заключенъ со временъ историческихъ. Это убѣжденіе получаетъ окончательную достовѣрность, когда замѣчаются явные слѣды движенія ледника гораздо ниже той мѣстности, гдѣ онъ оканчивается теперь. Близь Шамуни такое очевидное продолженіе морены нынѣшняго ледника des Bois представляетъ мѣстность, нынѣ покрытая лѣсомъ и на которой находятся селеніе Лавангли и огромный эрратическій камень, извѣстный подъ названіемъ Камня Лисболи (*Pierre de Lisboli*). Мы не можемъ, къ сожалѣнію, приводить другихъ примѣровъ, изъ опасенія чрезмѣрно увеличить статью.

Теперь пусть читатель перенесется мысленно въ вершину любой изъ альпійскихъ горныхъ долинъ, къ истокамъ всѣхъ рѣчекъ и рѣкъ, каковы Рона, Арва, Рейнъ, Ааръ, Рейссъ, Линтъ, Иннъ, Тессинъ, двѣ Дуары, Адда и Адиджъ. Если онъ потрудится спуститься внизъ по долинѣ, повсюду онъ встрѣтитъ явные слѣды ледника, нѣкогда занимавшаго ее. Окончательно онъ придетъ несомнѣнно къ тому же убѣжденію, которое высказалъ впервые Жанъ де-Шарпантье, и которое въ первое время было встрѣчено общимъ недовѣріемъ, а теперь считается однимъ изъ наиболѣе твердыхъ положеній геологіи, именно, что нѣкогда вся цѣпь Альповъ была покрыта ледниками въ видѣ такой же сплошной коры, какою покрыты нынѣ горы Шпицбергена.

Осмотримъ съ этой точки зрѣнія нѣкоторые главнѣйшіе изъ альпійскихъ ледниковъ, и начнемъ съ сѣвернаго склона Альповъ. Прежде всего, на самомъ сѣверѣ, мы находимъ ледникъ Рейна, который, какъ показываютъ самыя положительныя данныя, начинался съ высотъ Сент-Готара и Piz Val-Rhein'а, гдѣ нынѣ лежатъ источники передняго и задняго Рейна, затѣмъ обѣ вѣтви его соединялись въ Рейхенау въ Гризонахъ. Соединенная масса этихъ ледниковъ простиралась прежде до Сарганца, но здѣсь раздвоивалась: главная часть шла прямо до озера Констанскаго, другая же вѣтвь спускалась въ долину, занимаемую озеромъ Валленштадтъ, гдѣ встрѣчалась съ ледникомъ Линты. Этотъ послѣдній, начинаясь въ горахъ кантона Гларисъ, покрывалъ южную часть кантона Цюрихскаго, простираясь нѣсколько далѣе нынѣшняго города Цюриха, мѣстность котораго представляетъ не-

* На 131 метръ выше верхней части Аарскаго ледника. Смотри таблицу А. въ *Nouvelles études sur les glaciers*, Агассица.

сомнѣнные признаки лицевыхъ, переднихъ моренъ. Къ югу отъ Линтскаго ледника лежалъ еще бóльшій ледникъ Рейссы, который, спускаясь съ высотъ Сент-Готара и проходя по долинѣ, повсюду носящей слѣды его, занималъ мѣстности кантоновъ Ури, Швицъ, Цугъ, Луцернскаго и кантона Ааргау, заключая въ своихъ предѣлахъ многочисленныя озера этихъ мѣстностей, какъ, напримѣръ, озеро Четырехъ Кантоновъ, Цугское, Земпахъ, Бальдекъ и др. Затѣмъ мы снова встрѣчаемся съ древнимъ ледникомъ Аары, о которомъ было уже говорено выше и котораго крайнія морены находятся въ Бернѣ и его окрестностяхъ.

Эрратическій бассейнъ Роны извѣстенъ съ наиболѣе давнихъ временъ; онъ представляетъ также самые характерные, рѣзко обозначенные слѣды и, наконецъ, принадлежитъ къ самымъ обширнымъ въ Швейцаріи; поэтому мы разсмотримъ его съ нѣкоторою подробностью. Впереди его крайней нынѣшней морены насчитываютъ четыре древнія полукруглыя морены, перерѣзанныя водными потоками, составляющими источники Роны. Эти морены свидѣтельствуютъ о различныхъ положеніяхъ ледника уже въ историческое время. Послѣдняя изъ нихъ, нынѣ отдаленная отъ ледника на 500 метровъ, соотвѣтствуетъ положенію ледника въ 1817 году. Въ эту эпоху онъ касался возвышенія, состоящаго изъ волнистыхъ горныхъ породъ, и нынѣ защищающаго гостинницу и селеніе вокругъ нея. Древнѣйшій ледникъ простирался далѣе въ Валезскую долину, огороженную съ одной стороны Альпами Бернскими, а съ другой Лепантинскими или Пеннинскими Альпами. Обѣ эти горныя цѣпи были покрыты ледниками, которыхъ было до 66, и которые всѣ были притоками Ронскаго ледника, входя въ него съ двухъ сторонъ.

Обломки горныхъ породъ, разсѣянные на поверхности описанной равнины, ясно указываютъ на происхожденіе ихъ изъ той, или другой горной цѣпи. Ихъ нельзя смѣшать. Тѣ, которые занесены съ Альповъ Пеннинскихъ, не встрѣчаются на правомъ берегу Роны; а тѣ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ Альпамъ Бернскимъ, не попадаются вовсе на лѣвомъ берегу. Морены остаются такъ же ясно отличными, какъ и морены настоящихъ ледниковъ. Каждый грузъ матеріаловъ продолжаетъ непрерывно свой путь по тому боку ледника, куда онъ попалъ первоначально. Слѣды двигавшейся нѣкогда ледяной массы несомнѣнны на всемъ пути ея.

У Мартиньи ледникъ круто поворачивалъ направо. Принявъ въ себя могущественный ледяной притокъ Сен-Бернара и Монблана, онъ съ страшною силою напиралъ на гору, стоявшую прямо на его пути. Стѣны этой горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошелъ между ними ледникъ, поднимаются огромными отвѣсами. На своемъ дальнѣйшемъ пути ледникъ отложилъ на правомъ краю своемъ огромныя известковыя глыбы, описанныя Жаномъ де-Шарпантье. Наибольшій изъ извѣстныхъ ему, сохранившійся и нынѣ, имѣетъ 17 метровъ длины, 16 ширины и 20 вышины. Объемъ

его равняется 5,522 кубическимъ метрамъ. Происхожденіемъ своимъ онъ, очевидно, обязанъ уступамъ возвышенностей Моркль и des Dialberets, возлѣ которыхъ онъ проходилъ. На лѣвомъ берегу встрѣчаются точно также обломки горныхъ породъ, явно принадлежащіе сѣверному скату Монблана. Нѣкоторые изъ нихъ громадны. Таковъ, напримѣръ, обломокъ, называемый Pierre-des-Marmettes, подаренный валезскимъ правительствомъ Шарпантье и украшенный нынѣ флагомъ. Онъ имѣетъ до 2,076 кубическихъ метровъ объема.

Достигнувъ восточной оконечности Женевскаго озера, близъ Вилльнёва, ледникъ Роны раскинулся въ видѣ вѣера по низменной Швейцаріи, которую и покрылъ эрратическими обломками, занесенными имъ съ Валезскихъ горъ, и другими слѣдами своего прохожденія. Несомнѣнно, что вода и ледъ образовали здѣсь почву, способную къ воздѣлыванію, но въ этой приготовительной работѣ природы ледъ, очевидно, игралъ бо́льшую и полезнѣйшую роль, соединяя въ одной и той же мѣстности обломки горныхъ породъ самаго разнообразнаго происхожденія, и такимъ образомъ доставляя растительности самую богатую пищу. Виноградники, производящіе извѣстныя вины de la Côte и невшательское, растутъ на почвѣ, явнымъ образомъ образовавшейся изъ отложеній древнихъ ледниковъ. Окончательныя, крайнія морены Ронскаго ледника достигали скатовъ Юры, гдѣ и встрѣчаются многочисленные эрратическіе обломки, которыхъ составъ явно указываетъ на ихъ часто весьма отдаленное происхожденіе.

Ледниками Арвы и Изеры мы и окончимъ обозрѣніе древнихъ ледниковъ на сѣверномъ склонѣ Альповъ. Соединившись при концѣ своемъ съ ледникомъ Роны, оба первые тотчасъ же сталкивались съ Изерскимъ. Гора Сіонъ, раздѣльный пунктъ водъ, впадающихъ въ озеро Леманъ и д'Аннеси, была мѣстомъ соприкосновенія трехъ сейчасъ названныхъ ледниковъ. Громадный ледникъ Изеры простирался до Ліона, оставивъ повсюду несомнѣнные слѣды своего протяженія.

Перейдемъ къ ледникамъ южнаго склона Альповъ. Каждому изъ главныхъ водныхъ потоковъ итальянской стороны Альповъ соотвѣтствовалъ въ древности ледникъ, простиравшійся болѣе или менѣе далеко въ равнину *. Первый изъ нихъ есть ледникъ Dora-Riparia, въ долинѣ Сюзъ (Suze). Какъ только путешественникъ проѣдетъ озера Мон-Сениса и начинаетъ спускаться по итальянскому склону, онъ повсюду встрѣчаетъ несомнѣнные признаки древняго присутствія ледниковъ. Наконецъ, онъ также легко узнаетъ конечную морену древняго ледника Дора-Рипаріи, въ формѣ дуги, лежащей между Риволи и Піанецца.

* Изслѣдованіе пространства древнихъ ледниковъ съ этой стороны Альповъ произведено трудами Бартоломео Гастальди, Габріэля де-Мортилье, Т. Цолликофера, Джіованни Омбони, Энрико Пагліа, аббата Стоппани и самого Шарля Мартенса.

Далѣе по теченію нынѣшней Дора-Бальтеа, спускаясь далеко въ равнину, лежалъ другой ледникъ, имѣвшій свое главное русло на южномъ склонѣ Мон-Блана, и принимавшій въ себя боковые притоки изъ долинъ Мон-Розы и изъ горъ de Cogne. Этотъ ледникъ съ южной стороны вполнѣ соотвѣтствовалъ сѣверному леднику Роны, но, не встрѣчая, подобно первому, естественныхъ препятствій, онъ не представлялъ такой изломанной линіи, и спускался ровнымъ, величественнымъ амфитеатромъ, котораго самая широкая поперечная линія обозначена по краямъ городами d'Ivrée и de Caluso. Конечная морена его лежитъ дугою между двумя озерами: Вивероне и Кандія (de Viverone и de Candia).

Далѣе лежалъ большой ледникъ, который начинался изъ Пеннинскихъ Альповъ, на пространствѣ между Мон-Розъ, Симплономъ и Гриесомъ (le Gries), и спускался въ долину Domo-d'Ossola. Всѣ эти соединенные ледники доходили до озера Маджіоре, здѣсь дѣлились на двѣ вѣтви и, наконецъ, своими конечными моренами образовали южныя границы этого озера. Обѣ вѣтви этого ледника занимали все пространство, гдѣ теперь находятся озера Маджіоре, Варезе и Лугано. Близь Порлеццы и Комо обширная морена этого ледника встрѣчалась съ мореною ледника Адды, который, съ высотъ Сплугена (Splugen), спускался долиною Chiavenna, и на сѣверной оконечности Комо соединялся съ огромнымъ ледникомъ, наполнившимъ долину Valteline. Оба ледника занимали бассейнъ нынѣшняго озера, на которомъ слой льда имѣлъ 700 метровъ толщины, какъ ясно показываютъ оставшіяся на этой высотѣ занесенныя издалека каменныя глыбы.

Сравнительно малый ледникъ спускался долиной Camonica, между Бергамомъ и Бресчіею; но другой, соотвѣтствующій нынѣшнему Гардскому озеру, представлялъ обширные размѣры. Всѣ возвышенности въ окрестностяхъ Песьеры суть морены. Представляя собою оборонительную линію Венеціи, онѣ были театромъ кровопролитныхъ дѣйствій между французами, нѣмцами и итальянцами. Лонато, Кастильоне, Сан-Мартино, Сольферино лежатъ на моренѣ. Передъ сольферинской битвой, австрійцы занимали восточную сторону этой морены и французы принуждены были вытѣснить ихъ съ этихъ высотъ. Отступая къ Веронѣ, побѣжденные прошли амфитеатръ морены во всю его ширину.

Наконецъ, послѣдняя большая конечная морена, которую мы можемъ указать на южной сторонѣ Альповъ, есть морена, образованная ледникомъ, спускавшимся съ Карнійскихъ Альповъ долиною Тальяменто: она занимала обширный участокъ, лежащій къ сѣверу отъ города Удине.

Въ предыдущемъ изложеніи древняго состоянія альпійскихъ ледниковъ рѣчь шла постоянно какъ-бы объ одномъ ледниковомъ періодѣ. Это было сдѣлано для того, чтобы, по возможности, упростить изложеніе. Въ сущности было двѣ такихъ эпохи. Первая, болѣе продолжительная, есть та, въ теченіе которой ледники Роны и Изеры перешли Юру и достигли Ліона. Въ ту

же эпоху ледникъ Рейна достигъ Вогезскихъ горъ. Морены, большія эрратическія глыбы принадлежатъ второй эпохѣ. Между этими двумя ледниковыми періодами, которыхъ точнаго времени мы не можемъ опредѣлить, была промежуточная эпоха, весьма похожая на нынѣшнюю. Въ это срединное время дубы, сосны, ели и лиственницы росли, какъ и нынѣ, напримѣръ, въ Швейцаріи; но животныхъ, наполнявшихъ въ то время лѣса, нынѣ уже не существуетъ. Мы не можемъ распространяться здѣсь болѣе ни о двухъ ледяныхъ періодахъ въ альпійской горной системѣ, ни о промежуточномъ между ними періодѣ, но замѣтимъ только, что строгими доводами въ пользу ихъ дѣйствительнаго существованія наука обязана Освальду Гееру, цюрихскому ботанику и геологу. Переходимъ къ древнимъ ледникамъ остальныхъ изъ главнѣйшихъ горныхъ системъ въ Европѣ.

И вопервыхъ, къ Пиренейской горной цѣпи. Выше мы видѣли, что въ настоящее время ледники тамъ даже не спускаются въ долины, а висятъ на высокихъ склонахъ горъ. Между тѣмъ, было несомнѣнно время, когда они покрывали всю горную цѣпь. Не останавливаясь вовсе на доводахъ, которыми доказывается древнее распространеніе ледниковъ въ этой горной системѣ, мы просто перечислимъ тѣ главнѣйшіе изъ тамошнихъ древнихъ ледниковъ, которыхъ существованіе признано строгою наукой.

Самый обширный изъ нихъ былъ тотъ, который, начинаясь съ амфитеатровъ Гаварни и Трумузы, спускался къ Люзу (Luz), гдѣ принималъ въ себя притокъ Барежскій, потомъ у Пьерефетта соединялся съ ледникомъ Котеретскимъ. Оттуда соединенные ледники спускались въ обширную долину *Argelez* и достигали Лурда. Шарль Мартенсъ свидѣтельствуетъ, что по изслѣдованію, сдѣланному имъ вмѣстѣ съ Колломбомъ, крайній предѣлъ ледника проходилъ черезъ нынѣшнія селенія Пейрузъ, Лубажакъ, Адè, Жюлозъ и Арсизак-ès Англь. Остальные древніе ледники Пиренеевъ, повидимому, не спускались изъ горныхъ долинъ въ равнину, или по крайней-мѣрѣ, изслѣдованія не представляютъ еще достаточной точности для опредѣленія предѣловъ ихъ древняго распространенія.

Точно также, на другомъ склонѣ Перенеевъ, есть указаніе на обширное распространеніе ледниковъ въ древнія времена. Изслѣдованія испанскаго геолога Казіано де-Прадо доказываютъ только, что послѣдніе слѣды ледниковаго періода встрѣчаются въ горахъ Галиціи. Далѣе, въ Африкѣ Атласская цѣпь горъ и горы Кабильскія, въ которыхъ такъ явны слѣды дѣйствія водъ, не представляютъ однако вовсе эрратической почвы. Такимъ образомъ, послѣднюю грань древняго распространенія ледниковъ вокругъ горныхъ цѣпей, приходится поставить въ Испаніи подъ 42°. Очевидно, что эта грань подвинулась бы значительно далѣе къ экватору, еслибы Испанія или южная Италія обладали горами болѣе возвышенными, и материками болѣе обширными.

*

Намъ остается, для полноты обзора, разсмотрѣть, хотя самымъ краткимъ образомъ, древніе ледники Вогезскихъ горъ и Юры.

Возвышенные уступы Альповъ и Пиренеевъ еще сохраняютъ, какъ мы видѣли, хотя и въ зародышномъ видѣ, ледники, прежде простиравшіеся на огромныя пространства. Но даже и такихъ зачатковъ нѣтъ на горахъ Вогезскихъ, которыхъ самые возвышенные пункты не подымаются выше 1,500 метровъ надъ уровнемъ моря. Поэтому снѣгъ исчезаетъ совершенно на этихъ горахъ въ лѣтнее время. Есть, однако, явные слѣды существованія и здѣсь ледниковъ въ древнее время, но замѣчательно, что морены ихъ совершенно соотвѣтствуютъ моренамъ нынѣшнихъ ледниковъ, такъ что по всѣмъ вѣроятіямъ, самые ледники были и въ ледяной періодъ не обширнѣе нынѣшнихъ швейцарскихъ.

Что касается юрской цѣпи, которой возвышеннѣйшіе пункты достигаютъ вышины 1,617 до 1,720 метровъ, то несомнѣнно, что она также имѣла въ ледниковый періодъ свои собственные ледники, но слѣды ихъ очень мало замѣтны по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, юрскія возвышенности были очевидно заняты громадными ледниками Роны и Изеры, которыхъ слѣды и трудно различать съ слѣдами собственныхъ ледниковъ Юры. Вовторыхъ, самая цѣпь вся известковаго состава, и потому также трудно отличать эрратическія глыбы отъ обломковъ мѣстныхъ.

Въ горахъ Овернскихъ и Севеннскихъ геологи напрасно до сихъ поръ отыскивали слѣдовъ ледяного періода. Можетъ быть, вслѣдствіе малаго возвышенія этихъ цѣпей и южнаго ихъ положенія, на нихъ и не существовало никогда ледниковъ, а можетъ быть также слѣды ихъ, вслѣдствіе особыхъ позднѣйшихъ условій, окончательно исчезли.

Обращаясь къ другимъ частямъ свѣта, мы повсюду встрѣчаемъ явные слѣды древняго обширнаго протяженія ледниковъ, по крайней-мѣрѣ въ горныхъ цѣпяхъ столь высокихъ, что онѣ имѣютъ ледники еще и въ нынѣшнее время. Такъ это несомнѣнно можно сказать о горныхъ цѣпяхъ Кавказа, Гималайя, Кордильеровъ, Новой Зеландіи. Но всѣ они изслѣдованы еще такъ мало, что не представляютъ столь точныхъ и обстоятельныхъ данныхъ для опредѣленія бывшихъ предѣловъ распространенія ледниковъ, чтобы на основаніи ихъ можно было дѣлать строгіе выводы. Укажемъ, однако, на два изъ новѣйшихъ открытій этого рода въ Америкѣ.

На берегахъ южной части Чили, подъ 43° южной широты, усмотрѣны въ первый разъ Дарвиномъ многочисленныя глыбы гранита, занесенныя, очевидно, съ Кордильеровъ. Докторъ Фонкъ нашелъ ихъ въ особенно большомъ количествѣ при входѣ въ узкій заливъ Релонкови и противъ каждой изъ горныхъ долинъ, спускающихся съ Кордильеровъ *.

* *Petermann's Geographische Mittheilungen.* 1866, p. 469.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фактовъ этого рода открытъ недавно * профессоромъ Агассицомъ въ Бразиліи. Холмы Тихука (*Tijuca*), возвышающіеся на 550 метровъ надъ уровнемъ моря и лежащіе въ 10 верстахъ отъ Ріо-Жанейро, покрыты эрратическими глыбами, столь же характеристичными, какъ и эрратическія глыбы Новой Англіи.

Послѣ этого краткаго, но по возможности полнаго обозрѣнія древнихъ ледниковъ въ центральныхъ материковыхъ горныхъ хребтахъ намъ остается разсмотрѣть древнее состояніе ледниковъ полярныхъ, представляющихъ, какъ мы видѣли, даже и нынѣ явленія самыя громадныя и поразительныя, а въ ледниковую эпоху, конечно, достигавшія такихъ размѣровъ, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ правильное понятіе.

Прежде всего очертимъ общія границы древняго распредѣленія сѣверныхъ полярныхъ ледниковъ, и потомъ займемся болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ ихъ частей, а также тѣми доказательствами, на которыхъ основывается убѣжденіе въ существованіи ледниковъ, именно въ описываемыхъ размѣрахъ.

Въ эпоху ледниковаго періода, весь Скандинавскій полуостровъ включая сюда и Данію, отъ Сѣвернаго мыса до Копенгагена, Финляндія и Восточная Россія отъ Нѣмана до Бѣлаго Моря, Шотландія и Ирландія цѣликомъ, Англія до Бристольскаго канала, были погребены подъ сплошною ледяною корою, подобно тому, какъ это продолжается и понынѣ на Шпицбергенѣ. Въ сѣверной Америкѣ Лабрадоръ, Канада и нынѣшніе Соединенные Штаты до широты Нью-Йорка (40° 42'), одинаковой съ Мадридомъ, представляли также сплошное ледяное море, изъ котораго лишь по мѣстамъ выставлялись обнаженныя отъ льда возвышенія. Что касается Азіи, то для распространенія тамъ ледниковъ въ древности, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Наконецъ, у южнаго полюса, окруженнаго водою, ледяная кора не могла лежать на твердой землѣ и, вѣроятно, покрывала море, отчего и слѣдовъ ея, конечно, не могло остаться.

Начнемъ же съ изученія древнихъ ледниковъ въ Скандинавіи и Финляндіи. Въ эпоху наибольшаго распространенія ледниковъ вся Норвегія, Швеція, Финляндія и Восточная Россія до Ладожскаго озера, составляли дно ледниковъ. Вслѣдствіе того, всѣ безъ исключенія твердыя горныя породы носятъ на себѣ тѣ явные слѣды движенія ледяныхъ массъ, какіе были исчислены выше. Та сторона ихъ, которая подвергалась напору (*stoss-side*, какъ называютъ ее скандинавскіе геологи), округлена и обыкновенно обращена къ сѣверу, напротивъ крутая сторона (*lee side*), не подвергшаяся дѣйствію рѣзца, обращена къ югу. Въ Финляндіи, волнистой, но представляющей мало рѣзкихъ неровностей, на-

---

* *Annual Report of the Museum of comparative Zoologie at Harvard College*. 1865. Boston. 1866.

правленіе бороздъ идетъ съ сѣверо-запада къ юго-востоку [1]. Въ Скандинавіи гребень горъ, составляющій ось этого полуострова, раздѣлялъ ледяную оболочку на двѣ вѣтви, восточную и западную. Поэтому, въ Швеціи борозды идутъ по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, какъ въ Финляндіи, а въ Норвегіи съ сѣверо-востока къ юго-западу: въ обѣихъ странахъ, начинаясь съ вершинъ горъ, онѣ доходятъ до самаго моря. Само собою разумѣется, что эти два направленія не вездѣ безусловно выдержаны; разныя обстоятельства могли нѣсколько измѣнять ихъ [2]. Во многихъ береговыхъ мѣстахъ, когда вода совершенно спокойна, можно слѣдить на извѣстномъ протяженіи продолженіе этихъ бороздъ и подъ водой, точно также онѣ замѣтны и на значительной высотѣ; такъ въ Соерфіордѣ онѣ еще очень видны на 470 метрахъ надъ поверхностью моря. Такъ-какъ самый заливъ въ этихъ мѣстахъ имѣетъ 375 метровъ глубины, то ясно, что толщина ледяного слоя въ древнюю пору имѣла до 850 метровъ, если онъ спускался въ море не тая, какъ это происходитъ съ ледниками гренландскими, при температурѣ воды ниже нуля. Сказанная толщина, впрочемъ, вовсе не должна насъ удивлять, такъ-какъ Ринкъ [3] видѣлъ самъ въ Гренландіи ледники толщиною въ 630 метровъ.

Всѣ путешественники-натуралисты согласно свидѣтельствуютъ о существованіи ледовыхъ бороздъ на широкой плоской возвышенности, раздѣляющей Швецію съ Норвегіей и возвышающейся среднимъ числомъ на 1,000 футовъ надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ онѣ встрѣчаютя повсюду, а мѣстами даже и выше, что прямо доказываетъ существованіе въ древнее время здѣсь сплошной ледяной коры. Мало того, другіе несомнѣнные факты показываютъ, что въ первый ледяной періодъ, Скандинавія не была полуостровомъ, а составляла сплошной материкъ съ Финляндіею и Даніею, что затѣмъ существовалъ другой періодъ, когда все это пространство было затоплено моремъ. Далѣе наступилъ въ Скандинавіи второй ледняковый періодъ, которымъ мы теперь и займемся.

Съ давнихъ поръ замѣчены, какъ любопытные предметы, многочисленныя каменныя глыбы, разсѣянныя въ песчаныхъ равнинахъ сѣверной Германіи и европейской Россіи. Никто не зналъ, откуда онѣ занесены и какъ попали на свои нынѣшнія мѣста, но уже издавна они поражали народное воображеніе и играли большую роль въ мистическихъ обрядахъ друидскаго культа. Нынѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ онѣ перенесены льдомъ въ ледниковый періодъ. Постараемся объяснить, какъ именно

[1] *Nordenskiold: Beitrag zur Kenntniss der Schrammen in Finnland.* 1863.

[2] Для нагляднаго изученія этихъ направленій въ одной изъ частей Норвегіи см. карту, приложенную къ сочиненію Секса, подъ заглавіемъ *Traces d'une époque glaciaire dans les environs du Hardangerfiord*. Christiania. 1866.

[3] *Description du Groenland*, S. 1-er, p. 14.

это происходило, но предварительно, держась принятой системы объяснять всѣ геологическія явленія нынѣ дѣйствующими силами, укажемъ на однородныя явленія, происходящія и въ наше время.

Полярные ледники, достигающіе самаго моря, какъ на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи, обрушиваются понемногу въ воду собственною тяжестью или дѣйствіемъ волнъ: ихъ обломки, какъ мы видѣли, и образуютъ тѣ массы льдовъ, которыя носятся, повинуясь приливу и отливу, морскимъ токамъ или вѣтрамъ. Это такъ-называемые пловучіе льды, *icebergs*. Часто эти льды носятъ на своей поверхности или въ массѣ обломки горныхъ породъ, попавшія въ нихъ на мѣстѣ ихъ образованія. Уже прежніе мореплаватели, Франклинъ, Россъ, Парри сообщали извѣстія объ этихъ пловучихъ льдахъ, нагруженныхъ каменьями и большими глыбами. Но особенно внимательно изслѣдовалъ ихъ * Кэнъ. По его изслѣдованіямъ нѣкоторыя изъ этихъ *icebergs* оказались громадныхъ размѣровъ. Такъ одна изъ льдинъ, которую онъ увидѣлъ при входѣ въ губу Дюнера, въ Баффиновомъ заливѣ, должна, вмѣстѣ съ подводною своею частью, вѣсить до 1 мильярда 220 мильйоновъ метрическихъ центнеровъ (столько же, или даже нѣсколько болѣе пудовъ). Бо́льшая часть этихъ ледяныхъ горъ содержитъ на себѣ или въ себѣ каменные обломки, которые и падаютъ съ нея, по мѣрѣ таянія, при передвиженіи въ болѣе теплыя полосы. Такимъ-то образомъ безчисленныя количества этихъ ледяныхъ горъ, спускающихся вдоль Баффинова залива, складываютъ свои каменныя ноши въ глубинѣ Атлантическаго океана до широты Асорскихъ острововъ, или даже по берегамъ Лабрадора, Новой Земли и Канады, до широты города Галифакса. Случайное стеченіе обстоятельствъ показало, что путешествіе одной такой ледяной массы изъ глубины Баффинова залива до средины Атлантическаго океана, продолжается уже нѣсколько лѣтъ.

Стоитъ только вообразить себѣ, что когда либо океанъ перемѣстится и нынѣшнее дно его, засыпанное обломками, станетъ твердою землею. Оно представитъ тогда будущему изслѣдователю именно всѣ тѣ явленія, какія мы видимъ въ настоящее время въ равнинахъ Россіи, сѣверной Германіи, на восточныхъ берегахъ Англіи, на сѣверномъ берегу Финистере. Изученіе современныхъ явленій съ этой точки зрѣнія приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что древніе ледники Скандинавіи и Финляндіи доходили до Балтійскаго моря, котораго берега были ниже нынѣшнихъ. Въ Германіи это море достигало Богемскихъ горъ, въ древней Польшѣ до Карпатовъ, въ Россіи до Урала. Часть восточнаго берега Англіи и сѣвернаго Финистере находились также подъ

---

* *The Grinnel expedition in search of sir John Franklin, a personal narrative*, by Elisa Kont Kane M. D. U. S, N., 1854.

водою. Въ Европейской Россіи эрратическія глыбы покрываютъ поверхность, ограничиваемую кривою линіею, идущею отъ Кёнигсберга до Архангельска. Эта линія проведена твердою рукою такихъ ученыхъ, какъ Мурчисонъ, де-Вернёль и Кейзерлингъ, которые повсюду, на берегахъ Двины и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ эрратическихъ глыбъ, нашли и другое, столь же вѣрное указаніе древняго распространенія моря, именно присутствіе арктическихъ морскихъ раковинъ.

Британскіе острова, начиная съ сѣвера Шотландіи до широты Лондона, покрыты несомнѣнно почвою, образовавшеюся изъ ледовыхъ наносовъ. Англичане называютъ ее *drift*. Это уже несомнѣнно доказываетъ происходившую здѣсь нѣкогда дѣятельность ледяныхъ массъ. Но явленіе усложняется и здѣсь, какъ и въ Скандинавіи, бывшимъ нѣкогда поднятіемъ и потомъ пониженіемъ материка, или *subsidence*, какъ говорятъ англичане. Вообще моря, окружающія Англію, довольно мелки и уже въ 1834 году Ганри де-ла-Бешъ составилъ любопытную карту, исправленную потомъ Ляйэллемъ и которая представляла огромныя измѣненія, которымъ бы подверглись очертанія британскихъ острововъ при поднятіи ихъ только на 180 метровъ. Тогда этотъ архипелагъ составилъ бы сплошной континентъ съ Франціею и Англіею, а отъ Скандинавіи отдѣлялся бы лишь узкимъ каналомъ. Такое поднятіе а вмѣстѣ и соединеніе Франціи съ Англіею дѣйствительно существовало, геологически говоря, въ самое недавнее время, какъ это самымъ точнымъ образомъ доказано изслѣдованіями Констана Прево и д'Аршіака. Въ это-то время континентальныя растенія и животныя проникли на большую часть британскихъ острововъ, и лѣса, подобные германскимъ, покрыли холмы Англіи. Но еще прежде, именно въ эпоху перваго ледяного періода, существовало болѣе раннее глубокое пониженіе почвы не менѣе какъ на глубину 420 метровъ и затѣмъ поднятіе ея. Въ эту пору лишь горы Шотландіи, княжества Уэльскаго, Кумберланда и Ирландіи оставались непокрытыми водою и полярные льды приносили къ этимъ немногимъ и мелкимъ островамъ свои каменныя ноши изъ Гренландіи и Шпицбергена и складывали ихъ по берегамъ или на днѣ. Холодное море содержало въ это время тѣ же раковины, какія водятся въ полярныхъ водахъ. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, приводить здѣсь тѣхъ доводовъ, на которыхъ несомнѣнно утверждается высказанное предположеніе, и обратимся къ ближайшему періоду геологическихъ переворотовъ британскихъ острововъ. Послѣ того, какъ эта группа острововъ успѣла населиться континентальными животными и растеніями, она вновь подверглась пониженію до уровня низшаго противъ нынѣшняго, и потомъ снова поднялась. Береговыя невысокія террасы (sea-margins), встрѣчаемыя по берегамъ Англіи и Шотландіи, представляютъ намъ ясное свидѣтельство этого послѣдняго поднятія. Такимъ образомъ, впродолженіе ледяного періода (въ которомъ нужно считать двѣ

ясно раздѣльныя половины: періодъ пловучихъ льдовъ и періодъ образованія мѣстныхъ ледниковъ), произошло на британскихъ островахъ по крайней-мѣрѣ четыре измѣненія ихъ уровня, относительно водъ: два въ періодъ пловучихъ сѣверныхъ льдовъ, два въ эпоху своихъ, мѣстныхъ ледниковъ. Само собою разумѣется, что такое усложненіе явленій, характеризующихъ ледяной періодъ, должно было значительно затруднить дѣло геологовъ по разрѣшенію задачи, которой посвящена эта статья, и только постепенныя усилія такихъ изслѣдователей, какъ Ляйелль, Мурчисонъ, Эдвардъ Форбесъ, Джемсъ Галлъ (Hall), Бэкландъ (Buckland), Луи Агассицъ, Чарльзъ Макларенъ, Робертъ Чемберсъ (Chambers), Томасъ Джемисонъ (Jamisson) и др. успѣли привести вопросъ о ледяномъ періодѣ на британскихъ островахъ до того простаго и яснаго рѣшенія, какъ изложено выше.

Мы не останавливаемся на ледниковомъ періодѣ въ Сѣверной Америкѣ, такъ-какъ мнѣнія ученыхъ по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ этого вопроса здѣсь еще не окончательно установились, а также изъ опасенія слишкомъ распространить наше извлеченіе, имѣющее единственно въ виду представить главные результаты ученія о ледниковой эпохѣ, въ томъ видѣ, по крайней-мѣрѣ, въ какомъ оно находится теперь.

Для полноты обзора теоріи ледниковъ изложимъ вкратцѣ то, что̀ можетъ быть предположено съ достовѣрностію о современныхъ ледниковой эпохѣ флорѣ и фаунѣ, а также о вѣроятности существованія человѣка въ эту весьма отдаленную пору.

Мы уже видѣли выше, что, такъ-называемый, ледниковый періодъ былъ не болѣе, какъ расширеніемъ предѣловъ ледниковъ гораздо далѣе ихъ нынѣшнихъ границъ; поэтому весьма естественно предположить уже съ разу, что въ этотъ періодъ пространства, занимаемыя ледниками, представляли одинаковыя условія для флоры и фауны съ такими странами, гдѣ присутствіе ледниковъ составляетъ и нынѣ явленіе постоянное: таковы Шпицбергенъ, Гренландія и полярная Америка. Разсмотримъ же вкратцѣ населяющихъ эти страны нынѣ животныхъ и растенія. Общій характеръ ихъ тотъ, что то и другое царство представляютъ мало разнообразія и отдѣльныхъ видовъ, но значительное число особей. Впрочемъ, даже и число видовъ не такъ уже ограничено, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда; даже въ полярной Америкѣ, подъ 74^0 широты, водится еще 9 млекопитающихъ сухопутныхъ, 31 видъ птицъ и 83 вида явнобрачныхъ растеній, изъ которыхъ 58 водятся и на Шпицбергенѣ. Что касается Гренландіи, то тамъ водится значительно болѣе видовъ и растеній и животныхъ. Въ томъ же приблизительно видѣ мы должны себѣ представлять флору и фауну средней Европы въ ледниковый періодъ, пользуясь, конечно, также указаніемъ ихъ состоянія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ледники сохраняются и понынѣ. Не приводя всего, что̀ можно сказать въ этомъ послѣднемъ отношеніи, укажемъ на одинъ примѣръ: «на самомъ верх-

немъ конусѣ Фаульгорна въ бернскомъ Оберландѣ, на возвышеніи 2,683 метровъ, флора еще состоитъ изъ 132 видовъ явнобрачныхъ. Въ Пиренеяхъ, на южномъ Пикѣ Бигорры, возвышающемся на 2,877 метровъ, Рамонъ нашелъ 72 вида явнобрачныхъ на небольшомъ пространствѣ. Извѣстно, сколько видовъ растеній и животныхъ водится въ Альпахъ близь самыхъ ледниковъ, такъ-сказать, въ ихъ предѣлахъ. Очевидно поэтому, что и въ такъ-называемую ледниковую эпоху, растительная и животная жизнь не прекращалась въ теченіе долгаго холоднаго періода; она только выражалась въ другихъ формахъ: одни виды погибли, другіе удержались. Вторженіе новыхъ растеній населило затѣмъ вновь страны, нѣкогда покрытыя льдомъ; нѣкоторыя животныя, какъ сѣверный олень, мускусный быкъ, россомаха переселились на сѣверъ; другія, какъ бегемоты, слоны, погибли. Но два изъ нихъ, мамонтъ и носорогъ особаго вида, сохранились еще погребенными въ своемъ цѣломъ видѣ въ сѣверной Сибири. Русская академія наукъ знаетъ хорошо научную цѣну остатковъ этого рода, и довольно удовлетворительный результатъ экспедиціи, снаряженной ею для отысканія цѣлаго мамонта, о которомъ прошелъ слухъ, уже конечно извѣстенъ образованному міру.

Вопросъ о древности человѣческаго рода и о существованіи его въ ледяную эпоху, разработанъ довольно подробно въ послѣднее время въ цѣлыхъ большихъ трудахъ, отчасти извѣстныхъ русской публикѣ и, между прочимъ, въ періодическомъ изданіи Мортилье *. Изъ нихъ, кажется, несомнѣнно можно вывесть, что человѣкъ уже существовалъ по крайней-мѣрѣ во второй ледяной періодъ, то-есть въ эпоху разсѣянія эрратическихъ глыбъ по равнинамъ Германіи и Россіи, хотя есть немаловажныя указанія на остатки его дѣятельности и гораздо ранѣе, какъ, напримѣръ, древняя хижина, найденная въ 1819 году въ Швеціи.

Мы не будемъ исчислять различныхъ мѣстностей, гдѣ отыскиваются каменныя орудія, во всякомъ случаѣ, доказывающія весьма древнее существованіе на землѣ человѣческаго рода, хотя и недающія точныхъ указаній объ отношеніи этого періода къ эпохѣ льдовъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти орудія, относимыя къ такъ-называемому *каменному періоду* человѣка, были сопровождаемы костями древнихъ, нынѣ уже угасшихъ или выселившихся изъ тѣхъ мѣстъ животныхъ, и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя прямо доказываютъ, что въ то время, какъ, напримѣръ, пиренейскіе ледники спускались въ равнину, тамъ были жители, промышлявшіе охотою за слонами, носорогами, гіэнами, пещерными медвѣдями и дѣлавшіе себѣ одежду и оружіе изъ ихъ шкуры и костей.

Если, такимъ образомъ, существованіе ледяного періода можно считать доказаннымъ самымъ положительнымъ и обстоятельнымъ

* M. Mortiller: Materiaux pour servir à l'histoire positive et philosophique de l'homme. 1865, 1867.

образомъ, то раждается весьма естественно вопросъ, какимъ же образомъ ученые объясняютъ общую или мѣстныя причины, производившія то пониженіе температуры, которое было причиною широкаго распространенія области нынѣшнихъ ледниковъ.

Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что, на сколько удовлетворительно разработанъ вопросъ о ледникахъ и ледяномъ періодѣ съ своей фактической стороны, на столько же слабо все, что́ сдѣлано еще до сихъ поръ относительно вопроса о причинахъ, вызвавшихъ то состояніе температуры на земной поверхности, какимъ въ свою очередь произведена была ледниковая эпоха. Укажемъ, однако, кратко на нѣкоторыя изъ главныхъ ипотезъ, какія были предлагаемы для разрѣшенія вопроса. И прежде всего мы принуждены установить здѣсь различіе между двумя родами этихъ ипотезъ: однѣ относятся къ цѣлому земному шару, другія къ частнымъ, мѣстнымъ условіямъ извѣстныхъ странъ.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о вторыхъ. Относительно, напримѣръ, Альповъ и Пиренеевъ было сдѣлано предположеніе, что онѣ прежде были значительно выше. Такое предположеніе весьма вѣроятно, относительно собственно вершинъ, принимая въ соображеніе, что всѣ горы съ теченіемъ времени, очевидно, болѣе или менѣе терпятъ отъ разрушительнаго дѣйствія физическихъ причинъ и что материкъ вообще подвергается пониженіямъ и повышеніямъ, какъ доказываютъ примѣры скандинавскаго полуострова, Англіи и Америки. Но очевидно, что это объясненіе не годится, напримѣръ, для Сѣверной Америки, непредставляющей большихъ неровностей и гдѣ ледники, стало-быть, развивались независимо отъ степени высоты горъ.

Для объясненія древняго протяженія швейцарскихъ ледниковъ, Арнольдъ Эшеръ изъ Линты предложилъ ипотезу, которая справедливо обратила на себя вниманіе ученыхъ. Замѣчая, что снѣгъ исчезаетъ на Альпійскихъ горахъ весною подъ вліяніемъ юго-восточнаго, очень теплаго вѣтра, называемаго *foehn* (отъ древняго *Favonius*) и дующаго изъ Сахары, онъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что въ ледниковую пору Сахара несомнѣнно была еще подъ водою, а слѣдовательно, не существовалъ и теплый вѣтеръ, противодѣйствующій нынѣ дальнѣйшему распространенію ледниковъ. Но это объясненіе, очевидно, не можетъ быть распространено на всѣ другія мѣстности образованія ледниковъ. Точно то же приходится сказать и объ ипотезѣ несуществованія извѣстнаго гольф-стрема въ пору образованія ледниковъ Англіи, Шотландіи и Скандинавіи.

Очевидно, что должны были существовать какія-либо общія причины для всего земного шара, въ обоихъ его полушаріяхъ. Но какія же? Говорили сначала, что причиною была постепенная трата солнцемъ своей нагрѣвающей силы. Но тогда откуда же взялась вновь теплота послѣ періода ледниковъ? ибо именно это-то обстоятельство и составляетъ сущность вопроса, какъ замѣчаетъ Эдуардъ Колломбъ. Остается предположить, что теплота

солнца можетъ быть увеличиваема по временамъ, вслѣдствіе падающихъ на него астероидовъ, что и усиливаетъ его теплоту неравномѣрнымъ образомъ. Говорили также, что въ эпохи ледниковъ наша планета могла проходить болѣе плотныя космическія пространства, сильнѣе задерживавшія солнечную теплоту. Но гдѣ доказательства? Англійскій астрономъ Джемсъ Кролль предложилъ недавно еще слѣдующую ипотезу. Принимая въ соображеніе, что эксцентрицитетъ земной орбиты подверженъ измѣненіямъ, онъ, на основаніи формулъ Леверье, опредѣлилъ, что этотъ эксцентрицитетъ 2,000 столѣтій тому назадъ равнялся 3,000 земныхъ радіусовъ, вмѣсто 800, которымъ онъ равенъ нынѣ. Эта-то разница, по его мнѣнію, и могла быть причиною эпохи ледниковъ. Читатель самъ можетъ представить себѣ, какія измѣненія такая разница эксцентрицитета могла бы произвести для лѣта и зимы въ каждомъ полушаріи и на сколько эта ипотеза удовлетворительна для объясненія эпохи холода на всемъ земномъ шарѣ.

Можно бы привести и еще нѣсколько болѣе или менѣе остроумныхъ ипотезъ, но не пора ли заключать статью, смиренно сознавшись, что если относительно ученія о ледникахъ и ледовой порѣ многое уже сдѣлано, то не мало еще существеннаго остается разрѣшать потомству на основаніи, можетъ быть, еще неизвѣстныхъ намъ данныхъ.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Нѣмецкія дьяконисы («Правосл. Обозр.» № 12 1866).— Росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ началѣ царствованія Екатерины II («Сборникъ свѣдѣній по министерству финансовъ». Книги I, II и III).

Церковное учрежденіе дьяконисъ, какъ извѣстно, относится къ самымъ первымъ временамъ христіанства, еще ко временамъ апостольскимъ. Впослѣдствіи это учрежденіе пришло въ забвеніе, такъ что сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ исторіи. Но нашему вѣку, въ числѣ другихъ его хорошихъ дѣлъ, суждено было возстановить это прекрасное учрежденіе, и судя по всему, оно должно болѣе и болѣе распространяться по всѣмъ странамъ цивилизованнаго міра.

Первые шаги возстановленнаго учрежденія были очень скромны. Первый институтъ былъ основанъ въ Кайзерсвертѣ на Рейнѣ, простымъ и бѣднымъ лютеранскимъ священникомъ Флиднеромъ. Этотъ институтъ сдѣлался потомъ центромъ множества учрежденій подобнаго рода, разсѣянныхъ въ разныхъ странахъ Европы, Азіи, Африки и Америки. Пасторъ Флиднеръ, впродолженіе

всей своей жизни, усердно трудился въ пользу основаннаго имъ учрежденія, и его трудамъ оно, главнымъ образомъ, обязано было своими успѣхами. Чтобы видѣть громадность этихъ успѣховъ, довольно обратить вниманіе на то, что кайзерсвертское учрежденіе, основанное въ 1836 году, въ годъ смерти основателя въ 1864 году имѣло 425 дьяконисъ, на попеченіи которыхъ находилось болѣе 30,000 человѣкъ, разнаго рода страдальцевъ и нуждающихся—стариковъ, малолѣтнихъ дѣтей, нищихъ, заключенныхъ и т. п.; основный капиталъ общины возросъ до 500,000 талеровъ, а ежегодная раздача субсидій до 100,000. Черезъ годъ послѣ смерти пастора Флиднера, въ Кайзерсвертѣ собрались представительницы отъ 21 общины дьяконисъ для разсужденія объ общихъ цѣляхъ и средствахъ; здѣсь были дьяконисы изъ разныхъ мѣстъ Германіи, изъ Италіи, изъ Малой Азіи, изъ Палестины (изъ Іерусалима), изъ Стокгольма, изъ Египта и изъ разныхъ пунктовъ Сѣверной Америки. Существованіе всѣхъ этихъ, хотя вполнѣ независимыхъ общинъ, обязано своимъ началомъ доброму примѣру Кайзерсверта, по образцу общины котораго всѣ онѣ устроены. Въ настоящее время въ христіанскомъ мірѣ извѣстны до 30 общинъ съ 1,600 дьяконисами.

Дѣятельность дьякониссхихъ общинъ направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы подавать пособіе всякаго рода страдающимъ, но это не составляетъ исключительной ихъ обязанности. Кромѣ этого, онѣ заняты еще воспитаніемъ юношества и даже приготовленіемъ искусныхъ воспитателей и преимущественно воспитательницъ. Кайзерсвертскій институтъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ учрежденій:

1) *Госпиталь*, который существуетъ со времени самого учрежденія общины; число больныхъ ежегодно простирается до 750. Здѣсь помѣщаются одержимые всякими болѣзнями, несмотря на ихъ заразительность или отвратительность; не принимаются только неизцѣлимо больные. Впрочемъ, только одна треть больныхъ содержатся насчетъ института. Остальныя двѣ трети платятъ за свое содержаніе и леченіе, но платятъ самую ограниченную сумму, отъ 12 до 18 копеекъ въ день. Всѣ обязанности относительно больныхъ исполняются исключительно дьяконисами, на попеченіи которыхъ находятся, какъ мужчины такъ и женщины. Дьяконисы служатъ и за фельдшеровъ, и за аптекарей и даже отчасти за докторовъ и операторовъ. Только тогда дѣло поручается врачу и фельдшеру, когда врачебное искусство дьяконисъ оказывается недостаточнымъ, или когда женская стыдливость не позволяетъ имъ дѣлать какія-нибудь операціи больнымъ мужчинамъ.

2) *Больница для женщинъ*, одержимыхъ душевными болѣзнями; она содержится исключительно на деньги, получаемыя за леченіе больныхъ, и въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе изъ всѣхъ другихъ заведеній Кайзерсверта. При ней находится до 40 дьяконисъ; въ леченіи играетъ важную роль сколько собственно

медицинское пользованіе, столько же и заботливость дьяконисъ о больныхъ, неимѣющая границъ, вслѣдствіе чего леченіе отличается замѣчательными успѣхами.

4) Для исправленія падшихъ женщинъ существуетъ *магдалинское убѣжище.* Пять дьяконисъ завѣдуютъ этимъ заведеніемъ; женщины, доказавшія свое раскаяніе въ прежнемъ образѣ жизни и твердое намѣреніе никогда къ нему не возвращаться, препровождаются въ домы родителей или получаютъ должности, соотвѣтственныя ихъ способностямъ въ самомъ Кайзерсвертѣ и институтѣ.

5) *Сиротскій пріютъ* для дѣвицъ преимущественно средняго, образованнаго сословія. Дѣвицы, воспитывающіяся въ этомъ пріютѣ, очень часто по окончаніи воспитанія сами избираютъ тернистый путь дьяконисъ, и изъ нихъ вышло много дьяконисъ, отличающихся особенною ревностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Но при этомъ нужно замѣтить, что вступленіе въ общину дьяконисъ предоставляется самой полной свободѣ поступающихъ; здѣсь нѣтъ ничего похожаго на нравственное насиліе, вслѣдствіе котораго юныя воспитанницы католическихъ женскихъ монастырей, не достигнувши совершеннолѣтія, избираютъ монашескую жизнь. Кромѣ того для спеціальнаго приготовленія существуетъ *школа дьяконисъ*, въ которую поступаютъ какъ воспитанницы сиротскаго пріюта, такъ и другія дѣвицы. Для поступленія требуется возрастъ не менѣе 18 лѣтъ и конфирмація.

6 и 7) *Школа для дѣтей* вмѣстѣ *съ учительскою семинаріею.* Дѣти, обучающіяся въ школѣ, большею частію принадлежатъ къ мѣстному населенію; обученіемъ занимаются дамы и дѣвицы, непринадлежащія къ институту, но на время поступающія въ школу въ качествѣ учительницъ, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи съ большимъ успѣхомъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, своихъ собственныхъ или чужихъ. Впродолженіе своего существованія съ 1836 года учительская семинарія приготовила такимъ образомъ болѣе тысячи учительницъ и воспитательницъ, которыя заняли мѣста учительницъ въ элементарныхъ школахъ, гувернантокъ въ институтахъ или классныхъ дамъ въ высшихъ училищахъ для дѣвицъ.

Кромѣ того, при институтѣ существуетъ свой собственный *рабочій домъ*, въ которомъ сосредоточивается производство всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для заведенія, такъ что Кайзерсвертъ представляетъ свой малый міръ, который самъ себя во всемъ удовлетворяетъ. Но благодѣтельное дѣйствіе этого малаго міра очень широко, оно распространяется почти на всѣ части свѣта; отъ Кайзерсверта въ разныхъ мѣстахъ зависятъ до 300 дьяконисъ, которыхъ онъ содержитъ и руководитъ, и которыя въ разныхъ мѣстахъ приводятъ въ исполненіе нравственныя теоріи своей метрополіи. Замѣчательнѣйшія учрежденія, подвѣдомственныя Кайзерсверту, слѣдующія:

Госпитали въ Іерусалимѣ и Александріи, гдѣ ежегодно поль-

зуется около 1,000 больныхъ всѣхъ націй и религій; но гораздо большему числу больныхъ подаютъ помощь эти врачебныя заведенія на домахъ, разсылая больнымъ безплатно лекарства, и дѣлая имъ всякіе другіе виды медицинскаго пособія.

Сиротскіе пріюты находятся въ Альтдорфѣ (въ Швейцаріи), въ Іерусалимѣ, въ Бейрутѣ (въ Сиріи). Пансіоны для высшаго образованія дѣвицъ въ Смирнѣ (въ М. Азіи) на 200 воспитанницъ, въ Бейрутѣ, во Флоренціи, Дюссельдорфѣ; въ Берлинѣ Кайзерсвертскій институтъ имѣетъ *убѣжища* и *школы* для женщинъ и дѣвицъ рабочаго класса.

Кромѣ учрежденій, зависящихъ отъ Кайзерсверта, есть много другихъ вполнѣ самостоятельныхъ, дѣйствующихъ своими собственными средствами. Такія учрежденія разсѣяны по всей Европѣ, преимущественно въ Германіи. Обыкновенно они устроиваются вполнѣ по образцу учрежденій Кайзерсверта; всею ихъ дѣятельностью завѣдуютъ общины дьяконисъ, налагающія на себя тѣ же самыя обязанности, какія несутъ дьяконисы Кайзерсверта. Всѣ дьякониссія общины устроены въ земляхъ протестантскихъ, или реформатскихъ, слѣдовательно онѣ имѣютъ немного общаго съ женскими монастырями католической Европы. Эти монастыри, какъ извѣстно, также занимаются дѣлами благотворительности, обученіемъ дѣвицъ и т. п. Но дѣятельность ихъ далеко не можетъ быть названа столь плодотворною отчасти потому, что католическія монахини слишкомъ заражены духомъ нетерпимости и пропаганды, частію потому, что онѣ связаны разными монастырскими постановленіями, иногда непозволяющими имъ оставить ограду монастыря. Эти недостатки и эти ограниченія не существуютъ для дьяконисъ; въ дѣлѣ благотворительности онѣ одинаково относятся къ протестантамъ, католикамъ, даже не христіанамъ. Оттого и успѣхи гораздо болѣе значительные сопровождаютъ ихъ дѣятельность и ихъ собственное существованіе. 30 лѣтъ назадъ дьяконисы, если были извѣстны въ Германіи, то только со стороны церковной исторіи; необыкновенное распространеніе ихъ въ слишкомъ небольшой промежутокъ времени объясняется исключительно ихъ успѣхами, въ свою очередь обусловленными ихъ прекрасною, цѣлесообразною организаціею.

Какъ образецъ ихъ дѣятельности, мы приведемъ изъ одной клерикальной нѣмецкой газеты описаніе ихъ трудовъ въ пользу больныхъ и раненыхъ во время кампаніи прошедшаго года, когда онѣ въ одно время трудились въ лазаретахъ какъ прусской, такъ и австрійской арміи.

«Болѣе 200 дьяконисъ—пишутъ въ упомянутой газетѣ—заботятся о раненыхъ и больныхъ въ полевыхъ лазаретахъ. Онѣ образовали изъ себя сплошную цѣпь отъ Рейна до Вѣны и далѣе до венгерской границы, отъ сѣвера до юга нашего отечества. На всемъ этомъ протяженіи мы видимъ добровольныхъ труженицъ изъ всѣхъ главныхъ дьякониссяихъ учрежденій на нѣмецкой землѣ. Виѳаніи въ Берлинѣ и Бреславлѣ, Кёнигс-

бергъ, Галль, Людвигсшафтъ, Штетинъ, Дармштадтъ, Аугсбургъ, Шпейеръ, Штутгардтъ, Карлсруэ, Кайзерсвертъ на Рейнѣ отправили сестеръ милосердія къ полямъ битвъ. Одинъ Кайзерсвертъ выслалъ въ походные лазареты до 56 дьяконисъ, и кромѣ того болѣе 30 сестеръ назначилъ для ухода за ранеными, помѣщенными въ больницахъ этого института. Въ Южной Германіи состояли на попеченіи дьяконисъ госпитали въ Дермбахѣ, Киссингенѣ, близь Вюрцбурга, въ Вертгеймѣ, въ Королевствѣ Саксонскомъ—въ Лебау, Бауценѣ, Дрезденѣ, въ Богеміи и Моравіи—въ Горицѣ, Брюннѣ, Обровицѣ и Люнденбургѣ, въ Венгріи—въ Пештѣ. Сюда же относятся прусскіе резервные лазареты въ Дюссельдорфѣ, Визлирѣ, Минденѣ и Берлинѣ. Въ Богеміи и Моравіи дьяконисы простирали свое служеніе до самоотверженія; цѣлыя сотни солдатъ, зараженныхъ холерою, тифозными горячками и другими эпидемическими болѣзнями, состояли на ихъ попеченіи. Самымъ прекраснымъ вознагражденіемъ для добровольныхъ труженицъ была трогательная любовь и безусловная признательность къ нимъ со стороны обязанныхъ паціентовъ. Даже австрійскіе католики большею частію, въ первый разъ видѣвшіе дьяконисъ, стали теперь смотрѣть на евангеликовъ совсѣмъ другими глазами, чѣмъ прежде. Кайзерсвертскія дьякониcы, служащія въ Австріи и Венгріи, имѣли самый восторженный пріемъ въ Пештѣ, куда онѣ прибыли во время военныхъ безпокойствъ. Между тѣмъ, нужно замѣтить, что даже мадьярскіе протестанты относились доселѣ съ какимъ-то недовѣріемъ и холодностью къ дьякониссъкимъ учрежденіямъ. Но теперь кайзерсвертскія дьякониcы самымъ дѣломъ своего служенія больнымъ и раненымъ познакомили венгерцевъ съ благотворнымъ своимъ институтомъ и заставили полюбить его. Подъ ихъ присмотромъ состояло до 14,000 австрійскихъ солдатъ, раненыхъ и зараженныхъ холерой близь Офена и Пешта. Дьякониcы распредѣлились частію по лазаретамъ, куда свозятъ больныхъ, частію по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ эпидемія сильно свирѣпствовала, какъ Триръ, Эленъ, Верденъ, Франкфуртъ на Одерѣ, Эрфуртъ и т. п.»

Всѣ эти извѣстія объ обществахъ дьяконисъ мы тѣмъ болѣе считаемъ важными, что у насъ самихъ въ послѣднее время начали говорить о чемъ-то похожемъ, и въ нашемъ обществѣ, въ виду того, что вся Европа вооружается болѣе, нежели когда нибудь, возникла мысль объ уходѣ за больными и ранеными со стороны самихъ членовъ общества, независимо отъ правительства. Протестантскія общества дьяконисъ представляютъ намъ хорошій примѣръ, которому стоитъ подражать. Надобно лишь, чтобы подражаніе было не наружнымъ только, какъ у насъ почти всегда бываетъ, а внутреннимъ, существеннымъ. Но съ другой стороны само собою приходитъ въ умъ сравненіе, которое въ состояніи навести на очень нерадостныя мысли. Въ то время, какъ въ Германіи процвѣтали и усилива-

лись общины дьяконисъ съ ихъ благотворной дѣятельностью, что особеннаго происходило въ обществѣ русскихъ образованныхъ женщинъ? Здѣсь появились нигилистки съ ихъ дѣятельностью, которая весьма мало походитъ на дѣятельность дьяконисъ.

— Изъ другихъ спеціальныхъ журналовъ обратимъ вниманіе на Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству министерства финансовъ, который въ послѣднихъ своихъ нумерахъ напечаталъ нѣсколько извѣстій о бѣдствіяхъ Россіи за нѣкоторые годы прошлаго столѣтія. Хотя редакція Сборника печатаетъ свои извѣстія безъ всякой обработки ихъ, тѣмъ не менѣе они сами по себѣ представляютъ значительный интересъ, преимущественно для сравненія тогдашняго положенія русскихъ финансовъ съ нынѣшними.

Оказывается, что въ 1762 году (годъ вступленія Екатерины II на престолъ) Россія имѣла:

Доходовъ 15.350,000 руб., расходовъ 16.502,000 рублей.

Излишекъ расходовъ (около 1.150,000) былъ покрытъ суммами, оставшимися въ распоряженіи правительства вслѣдствіе прекращенія участія Россіи въ семилѣтней войнѣ.

Огромная часть доходовъ была поглощаема содержаніемъ войска—10.400,000; другою значительною статьею расходовъ было содержаніе двора и «въ комнату Ея Величества»—около 1.750,000 рублей.

Въ 1763 году сумма доходовъ простиралась до 19 милліоновъ, а сумма расходовъ до 17 мил. Излишекъ доходовъ до 2 мил.

Въ 1764 г. доходы 16 мил.; расходы 17 мил., излишекъ расходовъ 1 мил.

« 1765 г. доходовъ 20 мил., расходовъ 19 мил.

« 1766 и 1767 доходовъ по 21 мил., расходовъ по 20 мил.

« 1768 доходовъ и расходовъ по 21 мил.

« 1769 доходовъ 23 мил., расходовъ 22 мил.

Такимъ образомъ, если мы примемъ среднюю цифру доходовъ послѣднихъ годовъ въ 300 милліоновъ, то мы найдемъ, что сумма ихъ впродолженіе столѣтія увеличилась въ 15 разъ. Но сумма расходовъ въ то же время увеличилась еще больше, потому что въ прошломъ столѣтіи почти всегда сумма доходовъ превосходила сумму расходовъ, тогда какъ теперь всегда происходитъ противное.

Свѣдѣнія за приведенные годы Сборникъ представляетъ безъ подробностей; а за слѣдующіе 2 года онъ представляетъ подробную роспись доходовъ и расходовъ въ родѣ той, которая въ настоящее время ежегодно публикуется. Но роспись прошлаго столѣтія представляетъ ту особенность, что въ ней какъ доходы, такъ, и еще болѣе, расходы не систематизируются, а подводятся подъ особыя рубрики, которыя слѣдуютъ одна за другой по мѣрѣ того, какъ онѣ образовались историческимъ путемъ, т.-е. по мѣрѣ того, какъ подати налагались. Въ росписи расходовъ замѣчательно еще то, что они пріурочиваются по частямъ къ отдѣльнымъ статьямъ доходовъ. Такъ, напримѣръ, на военскіе расходы въ

1771 году отпускаются слѣдующія суммы, записанныя подъ отдѣльными рубриками: 6 мил. изъ подушныхъ, 1 мил. изъ камеръ-коллегіи ежегодныхъ, 200 т. изъ статсъ-конторы, 200 т. изъ солянаго сбора и т. д.

Всѣхъ доходовъ	въ 1770	году	было	25.000,000	руб.
«	« 1771	«	«	26.000,000	«
« Расходовъ	« 1770	«	«	25.000,000	«
«	« 1771	«	«	28.000,000	«

По частямъ доходы представляютъ слѣдующій видъ за 1771 годъ:

1) Подушныхъ	7.000,000 р.
2) Таможенныхъ	3.000,000 «
3) Питейнаго и отъ канцелярскихъ сборовъ	7.000,000 «
4) Прочихъ *разныхъ* сборовъ	700,000 «
5) Сборовъ на жалованье статскимъ чинамъ	300,000 «
6) Съ барокъ и проч. *топорныхъ* судовъ	15,000 «
7) Оброка съ крестьянъ (казенныхъ) по 2 р. въ годъ	1.200,000 «
8) Сборъ Альбертовыхъ талеровъ въ Остзейскомъ краѣ на военное время	170,000 «
9) Съ купечества на военное время	180,000 «
10) Бергъ-Колленскаго дохода	250,000 «
11) На содержаніе 6 почтовыхъ становъ съ Ингерманландіи	10,000 «
12) Соляного сбора	1.900,000 «
13) Вѣдомства коллегіи-экономіи, съ синодальныхъ, монастырскихъ, архіерейскихъ и церковныхъ крестьянъ	2.100,000 «
14) Изъ слободско-украинской губерніи	300,000 «
15) Съ крестьянъ дворцовыхъ и собственныхъ (?) вотчинъ	1.000,000 «
16) Провіантомъ и фуражемъ съ Малоросіи и Остзейскаго края	190,000 «
17) Въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ собственныхъ доходовъ	800,000 «
Всего по всей имперіи	26.737,000 руб.

Расходы на 1771 годъ распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) Почти вся подушная подать поглощается воинскими расходами и содержаніемъ кадетскаго корпуса.

2) Таможенные доходы (3 мил.) употреблены въ главный коммисаріатъ, въ кабинетъ, въ адмиралтейство, фельдмаршалу графу К. Г. Разумовскому, на содержаніе Ладожскаго канала, мостовъ и прорубей, на жалованье таможенной канцеляріи и пр.

3—9) Статьи дохода отъ 3-й до 9-й, находившіяся въ вѣдомствѣ статсъ-конторы (8 мил.), распредѣлены не менѣе разнообразнымъ способомъ и отчасти для тѣхъ же самыхъ назначеній,

напримѣръ, на воинскіе расходы, на канцелярію *опекунства иностранныхъ*, въ адмиралтейство, въ академію художествъ, на шпалерную мануфактуру, за взятые въ казну мѣдные заводы, на команду, учрежденную при камеръ-коллегіи, на отпускъ въ Кяхту вина, на команду и шлюпку при камеръ-конторѣ, на плату за вино, на чрезвычайные расходы въ адмиралтейство, на піонерный батальонъ, на предохраненіе отъ моровой язвы, на храненіе вина, откупщику московскихъ бань по причинѣ ихъ запечатанія и пр. Сюда же отнесены нѣкоторые недоборы, выставленные въ росписи въ видѣ расходовъ. Вообще эта рубрика своимъ разнообразіемъ превосходитъ даже всѣ остальныя.

10) Статья десятая доходовъ (бергъ-коллежскій доходъ) расходуется по именнымъ указамъ; доходы «почитаются въ отпуску всѣ».

11) Сборъ съ Ингерманландіи на содержаніе почтъ расходуется по назначенію.

12) Соляной сборъ идетъ въ комнату ея величества, на воинскіе расходы и на расходы по доставкѣ соли.

13) О доходахъ коллегіи экономіи въ росписи сказано, что они употреблены для возложенныхъ на нее ежегодныхъ расходовъ и чрезвычайныхъ расходовъ. Очень жаль, что роспись не показываетъ, куда именно тратились доходы коллегіи экономіи; это было бы любопытно, потому что эти доходы поступали съ имѣній, отобранныхъ передъ тѣмъ у монастырей и церквей.

14) Доходы Слободско-украинской губерніи употреблены, главнымъ образомъ, на воинскіе расходы и въ незначительной части на харьковскій коллегіумъ.

15) Доходы съ дворцовыхъ крестьянъ (1 мил.) присоединяются къ доходамъ дворцовой канцеляріи.

16) Фуражъ и провіантъ, собранные съ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ «полагаются въ расходѣ».

17) Расходы доходовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ перечисляются такъ же подробно, какъ и самые доходы, и тратятся отдѣльными суммами, какъ они показаны и въ росписи, въ которую они введены въ видѣ весьма подробномъ. Такъ указано, напримѣръ, что доходы обер-егермейстерской канцеляріи (800 р.) употреблены на содержаніе при обер-егермейстерскомъ корпусѣ церкви и церковнослужителей (200 р.) и на покупку зайцевъ и куропатокъ для выпуска около С.-Петербурга (600 р.). Замѣчательно, что эта послѣдняя издержка, какъ она ни умѣренна, превосходитъ втрое всѣ издержки на содержаніе церкви и церковнослужителей.

Изъ другихъ примѣровъ строгой пунктуальности росписи (впрочемъ, только въ мелочахъ, а не въ существенномъ) укажемъ на слѣдующій: смета подушной подати на 1771 годъ сдѣлана на основаніи дѣйствительнаго поступленія 1770 года, 7.117.725 р. 40 к. Эту цифру и слѣдовало бы поставить въ смету на 1771-й годъ; но между тѣмъ императрица освободила какія-то два лица

отъ подушной подати, простиравшейся въ то время до 95 коп. съ души, съ двухъ душъ это составляетъ 190 копеекъ. Эту сумму роспись вычитаетъ изъ поступленія 1770-го года и на 1771-й годъ не принимаетъ смету въ 7.117,725 р. 40 к., такъ что получается смета въ 7.117,723 р. 50 к.

Вообще подробная роспись 1770 и 1771 годовъ страдаетъ какъ недостаткомъ системы, такъ и тѣмъ, что не обращая вниманія на крупныя суммы расходовъ, каковы, напримѣръ, расходы доходовъ коллегіи экономіи, старается недостатокъ точности въ этихъ случаяхъ замѣнить перечисленіемъ частныхъ и мелочныхъ расходовъ или недоборовъ, каковы покупка куропатокъ, содержаніе шлюпки или недоборъ 190 к. вслѣдствіе освобожденія двоихъ лицъ отъ подушной подати.

Желательно было бы, чтобы Сборникъ свѣдѣній по министерству финансовъ не остановился на публикаціи приведенныхъ росписей; чтобы онъ продолжалъ публиковать росписи слѣдующихъ годовъ и всякія другія данныя, которыя, вѣроятно, еще найдутся въ архивѣ министерства, подвергая ихъ въ то же время нѣкоторой разработкѣ, такъ чтобы безполезнаго повторенія не было, а интересныя данныя не оставались бы въ темнотѣ архивовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Характеръ нашей внутренней политики за двѣ истекшія недѣли.—Пребываніе въ Москвѣ Государя Императора и пріемъ, сдѣланный тамъ Государынѣ Цесаревнѣ.—Пріѣздъ короля эллиновъ и обрученіе его съ великой княжной Ольгой Константиновной.—Политическое значеніе этого событія.—Новая размѣнная монета.—Вопросъ объ антагонизмѣ сословій.—С.-Петербургское губернское собраніе дворянства.—Этнографическая выставка.—Прибытіе славянскихъ гостей.—Прощаніе архіепископа Платона съ рижскою его паствою.—Финляндскій сеймъ.—Законъ о свободѣ вѣроисповѣданій.—Результатъ преній о проектѣ новаго закона для финляндской печати.—Люксембургскій вопросъ.—Впечатлѣніе, произведенное его рѣшеніемъ.—Восточный вопросъ.—Франція.—Съѣздъ государей въ Парижѣ.—Пруссія и Германія.—Австрія.—Италія.—Англія.—Билль о реформѣ.—Вопросъ о европейскомъ обезоруженіи.—Послѣднія извѣстія изъ Мексики.

8 мая.

Главныя, или, вѣрнѣе сказать, официальныя событія нашей внутренней политики за истекшія двѣ недѣли отличались праздничнымъ и даже торжественнымъ характеромъ. Поѣздка Государя Императора въ Москву и представленіе нашей первопрестольной столицѣ юной супругѣ Государя Наслѣдника Цесаревича, да пріѣздъ его величества короля эллиновъ и его обрученіе съ великой

княжной Ольгой Константиновной — вотъ самые выдающіеся факты этого рода. Съ нихъ мы и начнемъ нашу хронику, отодвинувъ на второй планъ другіе факты и событія внутренней политики, какъ были они отодвинуты все это время и въ общественномъ мнѣніи.

Пріемъ, сдѣланный москвичами государю и августѣйшей молодой четѣ, его сопровождавшей, былъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, необыкновенно восторженный. На торжественномъ въѣздѣ государыни цесаревны толпились, несмотря на неблагопріятную погоду, огромныя массы народа; на пути слѣдованія поѣзда, домы были изукрашены флагами, эмблемами, цвѣтами и проч. Цѣлый рядъ празднествъ послѣдовалъ за этимъ въѣздомъ. Балъ у московскаго генерал-губернатора, балъ въ дворянскомъ собраніи, балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, торжественные спектакли въ обоихъ московскихъ театрахъ, гулянье въ Сокольникахъ, все это слѣдовало почти непрерывно одно за другимъ. Промежутки времени между празднествами были посвящены смотрамъ, обзору московскихъ учебныхъ заведеній, новыхъ судебныхъ мѣстъ, пріему разныхъ депутацій и т. д. Высокіе посѣтители ѣздили, между прочимъ, по обычаю, въ Троице-Сергіевскую лавру, и посѣтили всероссійскую этнографическую выставку въ день ея открытія. Все это придало Москвѣ необыкновенно оживленный видъ... 2-го мая, государь императоръ, великій князь наслѣдникъ съ супругою и великій князь Владиміръ Александровичъ возвратились въ Петербургъ, гдѣ ожидалъ уже ихъ прибывшій за два дня передъ тѣмъ (30-го апрѣля) король эллиновъ Георгій I-й. Еще до прибытія его, въ городѣ ходили слухи о томъ, что его королевское величество ѣдетъ къ намъ съ тѣмъ, чтобъ предложить свою руку старшей дочери великаго князя Константина Николаевича, великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ. О такомъ намѣреніи короля Георгія намекали и иностранные журналы... Оказалось, что слухи и намеки были справедливы. 4-го мая, во время смотра войскъ на Царицыномъ Лугу, государь императоръ объявилъ войскамъ объ обрученіи короля Георгія съ великой княжной Ольгой Константиновной, и на другой день извѣстіе это было обнародовано въ офиціальныхъ журналахъ.

Врядъ ли надо говорить, что вѣсть о предстоящемъ бракѣ короля эллиновъ съ русскою великою княжною произвела самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ. Причины такого впечатлѣнія довольно сложны, но вполнѣ понятны. Хотя, собственно говоря, въ наше время брачные союзы между особами, принадлежащими къ царственнымъ домамъ различныхъ странъ, и утратили уже свое прежнее значеніе, но все-таки нельзя отрицать, что въ данныхъ случаяхъ, семейныя связи, создаваемыя такими союзами, могутъ имѣть извѣстное вліяніе на общій ходъ политическихъ дѣлъ. Съ этой точки зрѣнія, бракъ греческаго государя съ русскою великою княжною долженъ считаться событіемъ много обѣщающимъ въ будущемъ. Между нами и греками существуетъ

крѣпкая и старинная связь, основанная на единовѣріи и на одинаковости интересовъ обоихъ народовъ на Востокѣ. Для грековъ присутствіе турокъ въ Константинополѣ—положительная преграда къ развитію и усиленію ихъ государства, для насъ оно — причина утраты нашего значенія и могущества на Черномъ Морѣ. Вслѣдствіе этого, мы не можемъ не сочувствовать грекамъ въ ихъ національныхъ и политическихъ стремленіяхъ, не можемъ не желать, чтобы между Россіей и Греціей существовала постоянно и неразрывно самая тѣсная дружба, основанная на поводахъ постоянно дѣйствующихъ, и потому самому постоянно ея поддерживающихъ. Въ этомъ отношеніи, брачный союзъ короля эллиновъ съ русскою великою княжною долженъ считаться событіемъ, какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для поддержанія нашей дружбы съ греками. Отпуская въ Аѳины юную княжну, отрасль нашего царственнаго дома, мы, конечно, еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ станемъ слѣдить за гражданскою и политическою жизнью народа, среди котораго будетъ она жить. Что же касается до грековъ, то для нихъ союзъ короля Георгія съ русскою *православною* принцессою сулитъ то, чего они давно уже ждутъ, и чего никакъ не удавалось имъ добиться до сихъ поръ, то-есть основанія *православной* королевской династіи. Обстоятельства, при которыхъ совершилось созданіе греческаго королевства, сдѣлали необходимымъ выборъ иновѣрнаго короля, Оттона баварскаго. Правда, вступая на престолъ, Оттонъ обязался, что наслѣдникъ его приметъ православіе, но судьбѣ не угодно было исполнить тогда надежды грековъ. Католикъ Оттонъ, женатый на лютеранкѣ, дѣтей не имѣлъ, и принужденъ былъ назначить своимъ наслѣдникомъ родственника своего, баварскаго принца, тоже *католика*. Сомнѣніе въ томъ, что этотъ наслѣдникъ отречется отъ католичества при вступленіи на престолъ и перейдетъ въ православіе, было одною изъ главныхъ причинъ низверженія короля Оттона... Король Георгій, вступая на престолъ и присягая конституціи, далъ опять присягу, что потомство его будетъ воспитано въ православной вѣрѣ. Греки, конечно, вполнѣ вѣрили искренности такого обѣщанія, но многихъ изъ нихъ не могла не смущать мысль о томъ, какъ оно будетъ исполнено, если юный король вступитъ въ бракъ съ иновѣрною принцессою. Отъ дѣтей, воспитанныхъ въ религіи, чуждой обоимъ ихъ родителямъ, трудно ожидать искренней преданности этой религіи... Вотъ почему бракъ короля Георгія съ *православною* княжною такъ радуетъ грековъ. Они увѣрены теперь, что будущій наслѣдникъ греческаго престола, воспитанный въ вѣрѣ его матери, будетъ искренно православнымъ принцемъ, вполнѣ заслуживающимъ названія *благовѣрнаго*. Они знаютъ теперь, что у нихъ будетъ православная династія, и такъ-какъ этимъ они обязаны Россіи, то, конечно, и не могутъ не быть благодарны ей.

Вотъ почему бракъ короля Георгія съ великою княжною Ольгою Константиновной составляетъ событіе первостепенной важ-

ности въ политическомъ мірѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдствія этого брака будутъ имѣть, хотя и не прямое, но весьма важное вліяніе на разрѣшеніе восточнаго вопроса въ смыслѣ, благопріятномъ для турецкихъ христіанъ. Имъ устанавливается тѣсная солидарность между русскимъ и греческимъ народомъ, солидарность несравненно болѣе важная, чѣмъ та, которую создавали въ старое время семейные союзы царственныхъ домовъ. Повторяемъ, въ наше время политическое значеніе такихъ союзовъ, говоря вообще, значительно ослабѣло, но у этого правила есть исключенія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные союзы ведутъ за собой сближеніе и обобщеніе интересовъ народовъ.

Возвращаясь къ прибытію въ Петербургъ короля Георгія, мы сообщимъ въ короткихъ словахъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ событіи. Его королевское величество пріѣхалъ сюда 30-го апрѣля въ 3 часа пополудни, и былъ встрѣченъ на станціи находившимися въ то время въ столицѣ великими князьями. 2-го мая онъ ѣздилъ на встрѣчу государя императора, возвратившагося въ этотъ день изъ Москвы, и въ тотъ же день вечеромъ сдѣлалъ предложеніе великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ. 4-го мая, онъ былъ назначенъ шефомъ 1-го пѣхотнаго невскаго полка, и явился въ мундирѣ этого полка на майскомъ парадѣ. Въ видѣ оказанія королю особой почести, государь императоръ самъ лично велъ войско передъ его королевскимъ величествомъ. Здѣшніе греки являлись къ королю съ депутаціей, поднесшей ему поздравительный адресъ, на который Георгій I-й отвѣчалъ погречески съ замѣчательною чистотою произношенія. Его королевское величество посѣтилъ всѣ здѣшніе театры. Кромѣ того, 1-го мая онъ былъ на екатерингофскомъ гуляньѣ, а 6-го присутствовалъ на литургіи и молебнѣ въ здѣшней греческой церкви. На второй же день своего прибытія, вечеромъ, король былъ обрадованъ вѣстью о значительной побѣдѣ кандіотовъ надъ войсками Омера-Паши, о которой мы будемъ говорить нѣсколько ниже.

Изъ правительственныхъ мѣропріятій за время, истекшее съ напечатанія нашей послѣдней хроники, мы должны упомянуть о двухъ высочайшихъ указахъ, предписывающихъ выпускъ новой размѣнной монеты, серебряной и мѣдной. Эта монета отличается отъ прежней тѣмъ, что серебряная заключаетъ въ себѣ менѣе чистаго серебра, а мѣдная гораздо легче вѣсомъ.

Выпускъ новой серебряной размѣнной монеты объясняется слѣдующими причинами. Существовавшая до 1861 года мелкая серебряная монета чеканилась изъ серебра 83⅓ пробы. Эта монета, какъ извѣстно, стала быстро исчезать изъ обращенія вскорѣ послѣ заключенія парижскаго мира. Наплывъ бумажныхъ денегъ дѣлалъ выгоднымъ вывозъ ея за границу, и въ 1861 году было признано необходимымъ понизить дѣйствительную цѣнность мелкихъ серебряныхъ денегъ. Вмѣсто прежней пробы, стали чека-

нить мелкую монету изъ серебра 72 пробы, надѣясь что эта монета удержится въ обращеніи и вывозима не будетъ. Надежды эти однако не исполнились. Потому ли, что все болѣе увеличивавшееся пониженіе цѣнности бумажнаго рубля дѣлало выгоднымъ вывозъ и серебра 72 пробы, или по другимъ причинамъ, новая монета тоже вскорѣ начала исчезать изъ обращенія, и нынѣ признано необходимымъ понизить еще дѣйствительную цѣнность размѣнной монеты и чеканить ее изъ серебра 48 пробы. Новая монета сохраняетъ прежній рисунокъ съ тою лишь разницею, что гуртъ у нея зубчатый. На первый разъ предписано выпустить этой монеты на 6.000,000 р. сер., ограничивъ обязательный ея пріемъ въ частныхъ сдѣлкахъ суммою въ *три рубля серебромъ*. На казначейство это ограниченіе не распространяется, и при платежахъ податей и сборовъ новая монета должна быть принимаема по нарицательной цѣнѣ на всякую сумму. Послѣдующіе выпуски новой монеты могутъ быть производимы министромъ финансовъ не иначе, какъ входя каждый разъ съ особымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

Что же касается до новой мѣдной размѣнной монеты, то выпускъ ея мотивируется въ указѣ правительствующему сенату тѣмъ, что нынѣшняя мѣдная монета «не имѣетъ при своемъ объемѣ и вѣсѣ нужнаго для обращенія удобства».

Вслѣдствіе этого упомянутымъ указомъ предписано чеканить впредь мѣдную монету въ пятьдесятъ рублей изъ пуда мѣди, такъ чтобъ пяти-копеечникъ содержалъ въ себѣ 3 зол. 80,640 долей, трехкопеечникъ—2 зол. 29,184 долей, двухкопеечникъ—1 зол. 51,456 дол., копейка—73,728 дол., полкопейки—36,864 дол. и четверть копейки 18,432 дол.

Такъ-какъ прежняя мѣдная монета чеканилась въ размѣрѣ 32 рублей серебромъ на пудъ мѣди, то слѣдовательно новая монета понижается противъ нея въ своей дѣйствительной цѣнности болѣе чѣмъ на 50 %, такъ-какъ прежде для выпуска ста рублей мѣдною монетою надобно было 3 пуда 5 фунтовъ мѣди, а нынѣ понадобится только 2 пуда...

Обязательный пріемъ новой мѣдной монеты въ частныхъ сдѣлкахъ и уплаты казначействамъ—тотъ же самый, что и для новой размѣнной серебряной монеты, правила о послѣдующихъ ея выпускахъ—такіе. Выпустить новой мѣдной монеты предполагается на три мильйона рублей серебромъ. Рисунокъ ея измѣненъ противъ прежняго.

Выпускъ новой монеты съ значительно пониженною дѣйствительною стоимостію, есть мѣра не противорѣчащая правиламъ финансовой науки. Разность между нарицательною и дѣйствительною стоимостью размѣнной монеты давно уже существуетъ въ Европѣ и составляетъ явленіе въ особенности распространенное для монеты серебряной. Такъ-называемый биллонъ, то-есть сплавъ мѣди съ серебромъ, давно уже употребляется въ Европѣ для чеканки размѣнной монеты. Этотъ сплавъ

въ нѣкоторыхъ государствахъ (особенно въ Германіи) содержитъ въ себѣ незначительное количество серебра и дѣйствительная стоимость его несравненно ниже нарицательной. Монета изъ биллона съ теченіемъ времени теряетъ даже совершенно свой серебряный цвѣтъ и дѣлается похожею на мѣдную (это особенно замѣтно въ мелкихъ монетахъ Баваріи, Гессен-Касселя, Кобург-Готы и т. д.), что однакожь не мѣшаетъ деньгамъ изъ биллона ходить всюду безпрепятственно по нарицательной цѣнѣ. Какъ билонная монета, такъ и мѣдная, неимѣющая по вѣсу металла своей нарицательной цѣнности, относится къ разряду *условныхъ знаковъ* денежнаго обращенія, всюду признанныхъ и всюду принятыхъ. Надо замѣтить однакожь, что въ Западной Европѣ обращеніе этихъ условныхъ знаковъ совпадаетъ съ обильнымъ обращеніемъ золотой и настоящей серебряной (крупной) монеты, и служитъ преимущественно для ея размѣна. Россія поставлена въ нѣсколько иное положеніе. Золота во внутреннемъ обращеніи у насъ почти совсѣмъ нѣтъ, монеты изъ чистаго серебра (рубли, полтинники и четвертаки) тоже составляютъ величайшую рѣдкость. Всѣ разсчеты, уплаты и сдѣлки производятся бумажными деньгами, такъ что прежняя мелкая серебряная монета (72 пробы) составляла единственный денежный знакъ, хоть отчасти подходящій къ своей нарицательной цѣнности. Нашъ народъ уже привыкъ къ такому порядку вещей и врядъ ли даже замѣтилъ первое пониженіе пробы, такъ-какъ монета изъ серебра 72 пробы вполнѣ сохраняла свой серебристый цвѣтъ. Новая монета изъ биллона 48 пробы, будетъ обладать этимъ свойствомъ въ меньшей степени. Она скоро приметъ тусклый оттѣнокъ, особенно на своихъ выпуклыхъ частяхъ (хотя отливать мѣдью, какъ въ иностранномъ биллонѣ)... И теперь уже, черезъ нѣсколько дней послѣ выпуска, монета эта, побывавъ въ нѣсколькихъ рукахъ. Очень можетъ случиться, что въ массѣ простого народа это обстоятельство современемъ затруднитъ обращеніе новой монеты, потому что ея не чисто серебристый цвѣтъ будетъ вводить въ сомнѣніе насчетъ ея подлинности.

Дѣлая наши замѣчанія, мы, конечно, вовсе не думаемъ предсказывать какое либо вредное вліяніе выпуску новыхъ условныхъ денежныхъ знаковъ, а приводимъ только наши соображенія, на которыя наводитъ насъ въ особенности то обстоятельство, что указы о выпускѣ новой размѣнной монеты, противъ всеобщаго ожиданія, вовсе не подняли прочнымъ образомъ нашего заграничнаго курса. Правда, вслѣдъ за обнародованіемъ указа о новой серебряной монетѣ, курсъ этотъ довольно быстро поднялся до 3 фр. 40 сантимовъ за рубль, но черезъ нѣсколько дней опять упалъ на 5 сантимовъ и до сихъ поръ остается въ такомъ положеніи.

Все это не мѣшаетъ, однакожь, новой финансовой мѣрѣ принести весьма значительную непосредственную выгоду нашему государственному казначейству. Дѣйствительно, оно получаетъ по ея

милости возможность выпустить немедленно на 9 мильйоновъ рублей размѣнныхъ знаковъ, употребивъ на это такое количество металла, котораго при прежней пробѣ серебряной монеты и вѣсѣ мѣдной хватило бы едва на половину этой суммы. Экономія, получаемая такимъ образомъ, доходитъ до 4 мильйоновъ серебромъ слишкомъ, а при послѣдующихъ выпускахъ новой монеты приметъ еще значительнѣйшіе размѣры. Въ нашемъ затруднительномъ финансовомъ положеніи такая экономія весьма важна, потому что при ней явится возможность усилить вообще выпускъ размѣнной монеты, и при ея помощи извлечь изъ обращенія хоть часть бумажныхъ денегъ...

Внѣ области оффиціальныхъ событій, въ теченіе двухъ истекшихъ недѣль стоялъ на очереди прежде всего вопросъ объ отношеніи различныхъ сословій между собою. Вопросъ этотъ былъ поднятъ, такъ-сказать, съ двухъ сторонъ: вопервыхъ, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ по поводу толкованій извѣстнаго закона 21-го ноября, и вовторыхъ, преніями въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи... Изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ, однакожь, заключать, что упомянутые циркуляръ и пренія ставили прямо этотъ вопросъ. Циркуляръ, напротивъ, устранялъ мысль о существованіи антагонизма между сословіями въ земствѣ, а пренія касались этого вопроса только косвенно и велись собственно о томъ, слѣдуетъ ли дворянству назначить комисію для рѣшенія вопроса: желательно или нѣтъ для дворянъ принять участіе въ натуральной повинности другихъ сословій при переложеніи ея въ денежную? Такимъ образомъ, собственно объ отношеніяхъ сословій между собою не было рѣчи, а между тѣмъ случилось, однакоже, такъ, что вопросъ этотъ выдвинулся самъ собою на первый планъ. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе стало обнаруживаться въ нѣкоторыхъ кружкахъ стремленіе разобщить интересы дворянскаго сословія съ интересами всего остального земства, и, несмотря на сдержанность преній, происходившихъ недавно въ с.-петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, это стремленіе отразилось на нихъ до такой степени, что вопросъ о возможности антагонизма и борьбы интересовъ между сословіями выдвинулся впередъ съ замѣчательною опредѣленностію. Въ самомъ дѣлѣ, на обсужденіе собранія былъ представленъ довольно странный вопросъ. Откинувъ всѣ ораторскія украшенія, замаскировывавшія его сущность, онъ можетъ быть формулированъ въ слѣдующемъ видѣ: «Въ земскихъ собраніяхъ серьёзно поднимается вопросъ объ уравнительной раскладкѣ земскихъ повинностей. Такая раскладка привлечетъ дворянъ къ уплатѣ этихъ повинностей — желательно ли это для дворянъ?»... Посмотримъ же, къ какимъ выводамъ приводитъ постановка такого вопроса.

Земскія собранія совершенно справедливо признаются и закономъ и общественнымъ мнѣніемъ представителями интересовъ всего русскаго земства. Хотя между ними и не существуетъ ни-

какой легальной связи, никакой, закономъ признанной солидарности, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что одинаковое желаніе, выраженное большинствомъ такихъ собраній, имѣетъ полное право считаться выраженіемъ желанія большинства русскаго народа... Во всякомъ случаѣ, желаніе того или другого собранія должно считаться выраженіемъ желанія всего выбравшаго его земства. Допустивъ такую посылку, мы придемъ къ убѣжденію, что уравненіе повинностей составляетъ желаніе всего земства, представителями котораго являются собранія, признавшія необходимость такого уравненія. Дворянство составляетъ часть земства, участвуетъ въ его собраніяхъ, и по своему развитію имѣетъ въ нихъ весьма вліятельный голосъ. Спрашивается послѣ этого, какимъ образомъ въ дворянскомъ собраніи можетъ быть поднятъ вопросъ о томъ, желательно или нѣтъ для дворянъ, то-есть части земства, то, чтó признано уже необходимымъ *всѣмъ* земствомъ вообще? Тутъ, очевидно, является или путаница понятій, или скрытое желаніе отдѣлить свои интересы отъ интересовъ прочихъ частей земства.

До сихъ поръ у насъ не существовало, къ счастію, открытаго антагонизма сословій. Въ высокихъ реформахъ нынѣшняго царствованія, всѣ сословія единодушно и по мѣрѣ своихъ силъ трудились надъ общимъ дѣломъ. Правда, и въ печати, и въ обществѣ раздавались иногда слова: дворянскія права, дворянскіе интересы, но слова эти дико звучали въ ушахъ развитыхъ людей, и очевидно, не имѣли никакого вліянія на ходъ совершавшихся реформъ, которыми косвенно отмѣнялись многія изъ этихъ правъ, начиная отъ права владѣть людьми и до права подвергаться за уголовныя преступленія другимъ наказаніямъ, чѣмъ прочія сословія.

Никому и въ голову не приходило, чтобъ можно было отстаивать крѣпостное состояніе крестьянъ, или тѣлесныя наказанія для простого народа, на томъ основаніи, что ихъ отмѣненіе уничтожаетъ особенныя права дворянъ... Говорить такія чудовищныя вещи не рѣшался никто, и это предвѣщало, казалось, въ будущемъ полное сліяніе интересовъ всѣхъ сословій. Между тѣмъ теперь оказывается, что нѣкоторые изъ дворянъ вовсе не находятъ страннымъ отстаивать свое право на участіе въ земскихъ повинностяхъ, право, созданное уже уничтожившимся порядкомъ вещей, и о которомъ, казалось бы, не слѣдовало и упоминать въ настоящую минуту, какъ не упоминается о правѣ владѣть людьми...

Мы готовы вѣрить, что господа, поднимающіе вопросъ о томъ, желательно ли для дворянъ участіе въ земскихъ повинностяхъ, вовсе не намѣрены возбуждать антагонизма между сословіями, но не можемъ не обратить ихъ вниманія на то обстоятельство, что ихъ образъ дѣйствія можетъ вызвать этотъ антагонизмъ, хотя бы и противъ ихъ воли. Въ самомъ дѣлѣ, поднимать вопросъ о томъ, желательно ли для *части* то, чтó признано необходимымъ *всѣмъ цѣлымъ*, развѣ не значитъ стремиться къ обособленію этой части,

къ *выдѣленію* ея изъ упомянутаго цѣлаго. Какія же послѣдствія можетъ имѣть подобное стремленіе? Если *часть* стремится къ отдѣльной организаціи во имя того, что интересы ея не сходятся съ интересами *прочихъ частей*, она, очевидно, становится въ антагонизмъ съ ними. Если дворяне, какъ сословіе, а не какъ отдѣльныя личности, захотятъ поднять вопросъ о томъ, желательно ли для нихъ то, что̀ признано необходимымъ земствомъ, они выдѣляются изъ него и противопоставляютъ общимъ земскимъ интересамъ свои собственные, а отъ этого до вражды сословій уже недалеко.

Все это мы говоримъ вовсе не въ упрекъ с.-петербургскому губернскому собранію дворянства. Оно поняло неловкость и неумѣстность поднятаго вопроса и рѣшило большинствомъ (правда, очень незначительнымъ), что комисіи для обсужденія упомянутаго выше вопроса вовсе не слѣдуетъ назначать. При этомъ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій интересный эпизодъ. Во время преній о назначеніи комисіи, одинъ изъ членовъ замѣтилъ весьма справедливо, что труды ея не поведутъ ровно ни къ чему, такъ-какъ комисія представитъ ихъ результатъ слѣдующему собранію, которое сойдется только черезъ *два года*, а земское собраніе порѣшитъ вопросъ объ уравненіи повинностей *гораздо раньше*, и рѣшеніе его войдетъ въ законную силу. Отрицать справедливость такого замѣчанія было невозможно, а между тѣмъ пренія продолжались...

Все это показываетъ, что въ средѣ нашего дворянскаго сословія есть еще извѣстное число лицъ, неуяснившихъ себѣ достаточнымъ образомъ все значеніе земской реформы. Мы останавливаемся именно на такой мысли, потому что рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобъ тутъ дѣйствовало желаніе противодѣйствовать этой реформѣ и парализировать ее.

Между тѣмъ разсмотрѣнный нами эпизодъ имѣетъ и свою утѣшительную сторону. Онъ обнаруживаетъ одно изъ великихъ и плодотворныхъ свойствъ земской реформы, именно дарованную высочайшею властію земству полную возможность измѣнить къ лучшему экономическій бытъ народа. Вопросъ объ уравненіи земскихъ повинностей, если только онъ будетъ разрѣшенъ земствомъ удовлетворительнымъ образомъ, составитъ самъ по себѣ новую и важную реформу. Онъ уничтожитъ неравенство сословій передъ обязанностію нести государственныя повинности, какъ уничтожили судебная реформа и отмѣна тѣлесныхъ наказаній неравенство сословій *передъ закономъ и судомъ*. Это будетъ *первая* реформа, совершонная законнымъ путемъ самою націею, а не правительствомъ, хотя, конечно, и съ разрѣшенія и даже *по желанію его*, какъ это должно заключить изъ словъ циркуляра г. министра внутреннихъ дѣлъ по поводу закона 21 января. Въ концѣ этого циркуляра говорится: «У насъ до сихъ поръ нигдѣ еще не собраны и не разработаны свѣдѣнія самыя необходимыя для правильной разверстки сборовъ... Поземельная собственность

обременена во многихъ случаяхъ нетолько вслѣдствіе значительнаго, но и вслѣдствіе *неуравнительнаго* обложенія... Правильнымъ основаніемъ раскладки можетъ служить только правильная уѣздная роспись имуществъ»...

Надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть въ этихъ словахъ циркуляра яснаго указанія на то, что правительство желаетъ *уравнительнаго* обложенія и надѣется, что оно будетъ произведено самими земскими собраніями. Эти слова вполнѣ подтверждаютъ сказанное нами выше о великомъ и плодотворномъ дѣлѣ, которое предоставлено почину земства...

Этнографическая выставка въ Москвѣ открылась подъ предсѣдательствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Въ нашей хроникѣ не мѣсто сообщать о подробностяхъ ея устройства. Выставка эта можетъ быть разсматриваема нами исключительно только какъ событіе, имѣющее связь съ умственнымъ движеніемъ нашего общества. Въ этомъ отношеніи значеніе ея весьма важно. Вопервыхъ, она вызвала посѣщеніе Россіи славянами изъ Австріи и Турціи... Но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ... Вовторыхъ, она составляетъ первую, и какъ оказывается, весьма удачную попытку сгруппированія въ одно цѣлое всѣхъ этнографическихъ особей нашего обширнаго отечества и единоплеменныхъ съ нами славянскихъ земель. Образовательное значеніе выставки такого рода весьма важно: она даетъ возможность каждому составить себѣ наглядное понятіе какъ о населеніи Россіи, такъ и о бытѣ единоплеменныхъ намъ славянъ — она указываетъ на то, до какой степени можетъ пріурочиваться славянское племя къ различнымъ условіямъ жизни въ самыхъ разнообразныхъ климатахъ и при самой разнородной обстановкѣ. Стоитъ только подумать, что бѣломорскій рыбакъ и болгаринъ — отрасли одного и того же племени, чтобъ понять, какіе богатые задатки для будущаго кроются въ этой способности славянъ пріурочивать себя къ различнымъ условіямъ жизни. Смѣло можно сказать, что славянская раса въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не уступаетъ расѣ англо-саксонской, создавшей въ Америкѣ такое сильное и богатое надеждами на будущее государство. Тутъ невольно вспомнится предсказаніе одного политическаго мечтателя, утверждавшаго, что изъ всѣхъ индо-европейскихъ расъ только двѣ имѣютъ за собою будущее, именно раса англо-саксонская и раса славянская, а что романское и германское племя осуждены сойдти съ историческаго поприща много-много черезъ пять или шесть вѣковъ...

Что же касается до посѣщенія Россіи славянами, то событіе это, вызванное именно московскою этнографическою выставкою, имѣетъ историческую важность и значеніе. Послѣ многихъ лѣтъ недовѣрія къ намъ и попытокъ создать себѣ самобытную политическую жизнь при посредствѣ иноплеменныхъ государствъ, послѣ эпидеміи партикуляризма, ничѣмъ неуступавшаго партикуляризму нѣмцевъ и приведшаго ихъ къ полному безсилію, славяне начинаютъ наконецъ понимать, что и для нихъ, какъ для нѣмцевъ,

необходимъ объединяющій центръ, и что такимъ центромъ можетъ быть только то славянское племя, которое съумѣло съиздавна выработать себѣ самостоятельную государственную жизнь, т.-е. племя великорусское. Въ послѣднее время признаки такого сознанія являются у славянъ все чаще и чаще, какъ въ измѣнившемся къ лучшему взглядѣ на Россію славянскихъ либеральныхъ журналовъ, такъ и въ попыткахъ сдѣлать русскій языкъ общимъ «культурнымъ» языкомъ всѣхъ славянъ. Въ такую минуту былъ особенно желателенъ лишенный всякаго политическаго характера поводъ для поѣздки славянскихъ представителей въ Россію, и этнографическая выставка пришлась какъ нельзя болѣе кстати.

Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, славяне уже въ Петербургѣ. Въ числѣ ихъ находятся и знаменитые политическіе дѣятели и высокоталантливые публицисты. Нѣтъ сомнѣнія, что при представляющемся имъ случаѣ они выскажутъ много такого, что̀ еще больше уяснитъ намъ значеніе переворота въ общественномъ мнѣніи славянства—переворота, заставляющаго протягивать намъ руку даже такихъ людей, какъ Юль Грегръ, бывшій редакторъ запрещенной нынѣ австрійскимъ правительствомъ чешской газеты «На̀родни Лѝсты», еще столь недавно нападавшій на москалей и защищавшій польскую справу. Грегръ и баронъ Вилани, тоже ѣдущій къ намъ—предводители такъ-называемой «молодой чешской партіи», разошлись съ Палацкимъ и Ригеромъ именно вслѣдствіе разности во взглядахъ на польское возстаніе. Въ то время, какъ маститые вожди чешскаго славянства съ рѣдкимъ тактомъ оцѣнили всю нелѣпость польскихъ притязаній и ихъ анти-либеральный характеръ, Грегръ и Вилани увлеклись революціоннымъ жаргономъ польскихъ агитаторовъ, не замѣчая, что за чамаркой довудцы пряталась сутана ультрамонтанскаго ксендза и кунтушъ помѣщика, угнетающаго безъ жалости хлоповъ. Молодые чешскіе демократы попали на одну удочку съ безчисленнымъ множествомъ либераловъ Европы. Но когда послѣ подавленія возстанія въ Польшѣ, ясновельможные паны стали подъ покровомъ графа Голуховскаго свирѣпствовать въ Галиціи надъ тамошнимъ русскимъ народомъ и отрекаться отъ всякой солидарности съ славянами въ угоду австрійскому правительству, чехи молодой партіи поняли свой промахъ, и снова возвратились къ Палацкому и Ригеру. Теперь они вмѣстѣ съ другими представителями славянства ѣдутъ къ намъ, громко заявляя этимъ прекращеніе всякой солидарности съ поляками и пониманіе духа реформъ, въ короткое время давшихъ такую огромную нравственную силу русскому народу, понявъ, что Россія подъ скипетромъ *такого* самодержца, каковъ нынѣшній государь нашъ, гораздо ближе къ созданному ими себѣ политическому идеалу, чѣмъ революціонная Польша съ ея ксендзами и ясновельможными довудцами, съ ея Чарторыйскими, Платерами и даже проходимцами-демократами во вкусѣ Мѣрославскаго.....

Отъ событій, происходящихъ въ центрѣ Россіи, перейдемъ къ тому, что́ дѣлается въ ея инородныхъ провинціяхъ. На нынѣшній разъ матеріалъ для этой части нашей хроники доставятъ намъ прибалтійскій край и Финляндія.

Въ прибалтійскомъ краѣ произошло одно событіе, хотя и принадлежащее, собственно говоря, къ области административныхъ перемѣнъ въ высшемъ русскомъ духовенствѣ, о которыхъ намъ обыкновенно не доводится говорить, но тѣмъ не менѣе получившее особое общественное значеніе отъ обстоятельствъ, при которыхъ оно совершилось.

Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ. Преосвященный епископъ рижскій Платонъ, пріобрѣвшій себѣ громкую извѣстность, особенно въ послѣднее время, энергическою защитою православныхъ интересовъ въ прибалтійскомъ краѣ, былъ переведенъ съ рижской каѳедры на каѳедру донскую и новочеркаскую. Извѣстіе объ удаленіи архіепископа произвело самое грустное впечатлѣніе на его паству. Отовсюду посыпались выраженія сочувствія и любви къ удалявшемуся архипастырю. Составлялись адресы, открывались подписки для поднесенія преосвященному Платону подарковъ, на память отъ рижскихъ русскихъ. Образъ дѣйствій архіепископа въ эти послѣдніе дни еще усиливалъ сожалѣніе о немъ. Онъ отличался христіанскою кротостію, смиреніемъ и благодушіемъ. Такъ преосвященный скромно отклонилъ прощальный обѣдъ, который хотѣли ему дать всѣ русскія сословія въ русскомъ общественномъ домѣ «Улей», но принялъ обѣдъ отъ семинаріи и духовенства, имѣвшій какъ-бы семейный характеръ. Свое небогатое имущество онъ роздалъ на разныя благотворительныя дѣла, не оставивъ безъ вклада ни одно изъ учрежденій, трудящихся надъ дѣломъ поддержанія православія въ западномъ краѣ — дѣломъ, которому такъ долго посвящалъ преосвященный Платонъ всю свою энергію и дѣятельность. Передъ отъѣздомъ своимъ архіепископъ началъ во всѣ воскресные и праздничные дни совершать богослуженіе въ которой нибудь изъ рижскихъ православныхъ церквей, и наконецъ 9-го апрѣля священнодѣйствовалъ въ послѣдній разъ въ каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ. На этомъ богослуженіи происходили трогательныя сцены, напоминавшія собою первые вѣка христіанства, когда между пастырями и ихъ паствами существовала такая тѣсная и неразрывная духовная связь... По окончаніи литургіи и молебствія архіепископъ вышелъ изъ алтаря царскими вратами, и поклонившись мѣстнымъ иконамъ, началъ прощальное слово къ своей паствѣ. Рѣчь преосвященнаго Платона отличалась трогательною простотою выраженій и отсутствіемъ всякаго витійства, такъ часто встрѣчающагося у духовныхъ ораторовъ. Онъ говорилъ просто, какъ будто велъ обыкновенную бесѣду, а между тѣмъ, каждое его слово производило потрясающее впечатлѣніе. Въ самомъ началѣ рѣчи, послѣ слова «долженъ теперь разстаться съ вами и можетъ быть на вѣки!»

присутствующіе залились слезами. Архіепископъ скромно заявилъ далѣе, что труды его по благоустройству епархіи не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ «по извѣстнымъ обстоятельствамъ», благодарилъ свою паству за любовь ея и послушаніе, напомнилъ, что болѣе 28 лѣтъ стоялъ онъ «на стражѣ православія въ западномъ и прибалтійскомъ краѣ и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ иновѣріемъ», и выразилъ свою благодарность Богу и государю за снятіе такого бремени и назначеніе его въ мирную страну, гдѣ онъ можетъ отдохнуть и успокоиться. Далѣе архипастырь обратился къ присутствующимъ, и увѣщевая ихъ не скорбѣть о его удаленіи, сказалъ: «умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ!»

При этихъ кроткихъ и трогательныхъ словахъ вся церковь зарыдала и самъ архіепископъ, взволнованный до слезъ, долженъ былъ остановиться.

Успокоившись, онъ продолжалъ обращеніемъ къ паствѣ и сказавъ: «Если же я неумышленно оскорбилъ васъ словомъ или дѣломъ или мыслію, то смиренно прошу простить меня по христіански», повергся ницъ по древнему русско-православному обычаю передъ своею паствой... Это преклоненіе престарѣлаго архипастыря, всѣми любимаго и уважаемаго, произвело невыразимое впечатлѣніе. Рыданія перешли въ стонъ, по разсказамъ очевидцевъ, которые прибавляютъ — и мы охотно имъ вѣримъ — что никто изъ присутствовавшихъ никогда не забудетъ этой минуты.

Мы сочли своей обязанностію занести этотъ эпизодъ въ нашу хронику по слѣдующей причинѣ. Проводы архіепископа Платона его рижскою паствою принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ разряду тѣхъ проявленій общественнаго русскаго мнѣнія, которымъ мы особенно дорожимъ, какъ признакомъ все болѣе и болѣе обозначающагося пробужденія къ самосознанію нашего общества. Не часты случаи, когда русское общественное мнѣніе можетъ высказываться безпрепятственно во всей своей силѣ. Мы далеко не имѣемъ для этого всѣхъ средствъ, которыми пользуется Западная Европа, а потому для непривычнаго глаза можетъ показаться, пожалуй, что наше общественное мнѣніе или не чувствуетъ потребности высказываться, или не находитъ поводовъ заявить о себѣ. Между тѣмъ такое мнѣніе совершенно невѣрно. Если въ большей части случаевъ наше общественное мнѣніе дѣйствительно молчитъ, то это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что оно лишено возможности высказаться. Когда такая возможность представляется случайно, мнѣніе это ни разу еще не уклонялось отъ своей нравственной обязанности. Такъ было въ эпоху польскаго возстанія и послѣ событія 4-го апрѣля; то же произошло, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, на карамзинскомъ юбилеѣ и во время филантропической агитаціи въ пользу кандіотовъ. Общественное мнѣніе заявляло о себѣ и по поводу нѣкоторыхъ процесовъ и по поводу разныхъ торжествъ, согласныхъ съ русскимъ

національнымъ чувствомъ; оно заявило теперь о себѣ въ Ригѣ и ужь, конечно, промолчать объ этомъ заявленіи было бы непростительно.

Замѣтимъ, между прочимъ, что архіепископъ Платонъ, по собственному своему сознанію изнемогшій въ борьбѣ съ иновѣріемъ и оставляющій свою епархію не въ томъ положеніи, въ какомъ онъ желалъ бы ее видѣть послѣ 18-тилѣтнихъ трудовъ на ея пользу—уже второй архипастырь, удаляющійся изъ рижской епархіи подъ этимъ впечатлѣніемъ, какъ это впрочемъ могутъ видѣть читатели изъ помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ статей объ экономическомъ и нравственномъ бытѣ балтійскихъ крестьянъ (Отеч. Записки апрѣль, книжка вторая стр. 793—797, въ особенности же 796, гдѣ упоминается объ отводѣ мѣстъ для православныхъ кладбищъ). Такая судьба дѣятельности православныхъ архипастырей въ епархіяхъ страны, составляющей часть *православнаго* государства, заслуживаетъ того, чтобъ надъ нею остановилось русское общественное мнѣніе, и мы вполнѣ понимаемъ чувство, взволновавшее рижскую православную паству при извѣстіи о новомъ назначеніи архіепископа Платона—чувство, которое было вѣроятно не чуждо избранію надписи на пастырскомъ жезлѣ, поднесенномъ преосвященному русскими, живущими въ Ригѣ, и гласящею «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы».

Въ другой окраинѣ Россіи, въ странѣ, отдѣленной отъ насъ нетолько національностію, но и государственнымъ строемъ, то-есть въ Финляндіи, мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить явленіе, совершенно противоположное ряду тѣхъ явленій, которыя дѣлали для преосвященнаго Платона столь нелегкимъ управленіе его эпархіею. Финляндскій сеймъ, засѣданія котораго, между прочимъ по множеству дѣлъ, продолжены до 19-го (31) мая, уже почти окончательно разсмотрѣлъ и принялъ новый законъ, которымъ вводится въ Финляндіи *свобода вѣроисповѣданій*. До сихъ поръ, по финляндскимъ законамъ, господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ Финляндіи признавалось евангелическо-лютеранское; отнынѣ всѣ христіане получаютъ въ Финляндіи одинаковыя гражданскія права, такъ что уже на слѣдующемъ сеймѣ представителями сословій могутъ явиться и послѣдователи православія. Законъ о свободѣ вѣроисповѣданій предложенъ сейму правительствомъ и встрѣченъ единодушнымъ сочувствіемъ всѣхъ сеймовыхъ сословій.

Совершенно иное впечатлѣніе произвелъ на финляндскій сеймъ другой проектъ закона, предложенный правительствомъ, именно проектъ новаго закона о печати. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, просвѣщенная часть финляндскаго общества откровенно высказалась о необходимости свободы печати во всеподданнѣйшемъ адресѣ государю императору, и просила объ отмѣнѣ предварительной цензуры. Когда собрался прошедшій сеймъ, ему предложенъ былъ законъ о печати, замѣнявшій эту цензуру. Хотя нѣкоторыя постановленія этого закона и были признаны сеймомъ необыкновенно-строгими и несовмѣстными съ господствую-

щимъ въ Финляндіи понятіемъ о правѣ, но сеймъ все-таки нашелъ, что предлагаемый законъ предпочтительнѣе произвола предварительной цензуры, и принялъ его. Представленный нынѣшнему сейму проектъ новаго закона о печати отличается, по мнѣнію представителей финляндскихъ сословій, усугубленіемъ строгостей прежняго закона. Комисія сейма, которой отданъ былъ на разсмотрѣніе проектъ, единодушно пришла къ убѣжденію, что онъ не можетъ быть принятъ безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Мнѣніе комисіи было представлено сейму, и два сословія, гражданское и крестьянское, тотчасъ же одобрили его. Оставалось ждать мнѣнія духовнаго и дворянскаго сословій. Представители этихъ сословій сначала колебались. Они даже отложили-было пренія и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали предложеніе высказаться въ пользу проекта на томъ основаніи, что иначе могутъ возникнуть опасности, угрожающія дальнѣйшему политическому развитію Финляндіи. Наконецъ открылись пренія духовнаго и дворянскаго сословій, при многочисленномъ стеченіи публики. На этихъ преніяхъ ни одинъ изъ ораторовъ духовенства не возвысилъ голоса въ защиту поправокъ, предложенныхъ комисіею, а архіепископъ предложилъ даже смотрѣть на эти поправки, какъ на простыя желанія, осуществленіе которыхъ должно предоставить будущему. Въ сущности духовенство не пришло ни къ какому ясному выводу и предоставило вопросъ времени. На преніяхъ дворянъ депутатъ Снэльманъ предложилъ принять проектъ закона о печати до слѣдующаго сейма, но вмѣстѣ съ тѣмъ обратиться всѣмъ сословіямъ съ всеподданнѣйшею просьбою къ государю императору и великому князю, измѣнить въ свое время утвержденный сеймомъ законъ. При окончательномъ голосованіи, предложеніе это было отвергнуто и измѣненія, предложенныя комисіею, приняты и одобрены большинствомъ 61 голоса противъ 20.

Такимъ образомъ большинство сословій (дворянское, городское и крестьянское) высказались окончательно противъ новаго закона о печати въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ правительствомъ, и одобрило поправки, предложенныя комисіею. Замѣчательно, что и меньшинство, то-есть духовное сословіе, не объявило себя за законъ, а ограничилось неопредѣленнымъ заявленіемъ, правда, несогласнымъ съ мнѣніями другихъ сословій, но отнюдь не одобряющимъ отвергнутый, или вѣрнѣе измѣненный ими законъ.

Единодушіе трехъ финляндскихъ сословій и осторожная сдержанность четвертаго изъ нихъ показываютъ, что общественное мнѣніе въ Финляндіи положительно не расположено къ какимъ бы то ни было стѣсненіямъ и ограниченіямъ свободы печати... Должно радоваться, что это общественное мнѣніе имѣетъ случай высказываться съ столь внушительною ясностію и съ увѣренностію въ своемъ вѣсѣ и вліяніи на дальнѣйшія судьбы финляндской печати. Сознаніе, что хоть въ одномъ уголкѣ нашего об-

ширнаго отечества общественное мнѣніе имѣетъ прямое вліяніе на дѣла, столь близко касающіяся гражданскаго развитія народа, должно поддерживать въ насъ надежду, что и мы современемъ будемъ пользоваться такими же удобствами, несомнѣнно благотворно дѣйствующими на духъ и развитіе общества.

Обратимся къ политикѣ иностранной.

Люксембургское столкновеніе, такъ сильно взволновавшее Европу и грозившее ей кровопролитною войною, кончилось благополучно и миролюбиво. Лондонская конференція, противъ всякаго ожиданія, порѣшила необыкновенно быстро съ вопросомъ, предложеннымъ на ея разсмотрѣніе. Нейтрализація Люксембурга признана необходимою для спокойствія Европы. Герцогство остается во владѣніи голландскаго короля, люксембургская крѣпость срывается или вѣрнѣе разрушается отчасти — такъ-какъ ея укрѣпленія вытесаны въ скалахъ и полное уничтоженіе ихъ стоило бы страшныхъ денегъ. Прусскія войска оставляютъ эту крѣпость немедленно послѣ обмѣна ратификацій. Трактатъ обо всемъ этомъ уже подписанъ и прусскимъ королемъ и императоромъ Наполеономъ.

Такимъ образомъ опасность, грозившая Европѣ, исчезаетъ, или лучше сказать откладывается, потому что конецъ люксембургскаго столкновенія отнюдь нельзя считать концомъ тѣхъ чувствъ недовѣрія, зависти и недоброжелательства, которыя заставили Францію поднять люксембургскій вопросъ, а Прусію принять въ немъ такое — не только угрожающее, но даже вызывательное положеніе. Нынѣ, конечно, можно уже почти съ полною увѣренностью утверждать, что войны между Франціею и Прусіею *изъ-за Люксембурга* не будетъ, но врядъ-ли кто рѣшится вывести изъ этого, чтобъ опасность такой войны миновала вовсе. Мы уже много разъ говорили, что Люксембургъ не болѣе какъ предлогъ для Франціи или, вѣрнѣе сказать, для императора Наполеона, чувствующаго настоятельную необходимость не допустить Прусію окончательно и безвозвратно сплотить около себя могущественную германскую имперію. Наполеонъ очень хорошо понимаетъ, что если г-ну Бисмарку удастся довести вполнѣ до конца свое гигантское предпріятіе, то значеніе Франціи въ Европѣ совершенно исчезнетъ. Имѣя у себя подъ бокомъ могущественнаго и честолюбиваго сосѣда, располагающаго огромною и прекрасно организованною арміею, крайне нецеремоннаго въ дипломатическомъ отношеніи и готоваго на всякія средства для достиженія своихъ цѣлей, какъ это доказала Прусія вербованіемъ венгерскаго легіона подъ начальствомъ Клапки во время послѣдней войны съ Австріею, Франція вынуждена будетъ постоянно посвящать всѣ свои силы на одно огражденіе своей собственной безопасности. О вліяніи на дѣла Европы при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи...

Помириться съ такою перспективою нелегко, и изъ того, что Наполеонъ уступилъ въ люксембургскомъ вопросѣ, вовсе еще не

слѣдуетъ выводить, что онъ помирился съ нею. Вызовъ, который онъ сдѣлалъ-было Прусіи переговорами объ уступкѣ Люксембурга Франціи, былъ сдѣланъ несвоевременно. Франція еще не готова къ борьбѣ, да кромѣ того война могла бы сильно повредить всемірной выставкѣ, на которую, говорятъ, почти исключительно разсчитываетъ императоръ для поправленія финансовыхъ дѣлъ страны, глубоко потрясенныхъ страшными непроизводительными издержками на мексиканскую экспедицію. Неудача этой затѣи только теперь даетъ себя вполнѣ знать въ финансовомъ отношеніи. До тѣхъ поръ, пока еще можно было надѣяться вернуть кое-что изъ затраченнаго, доходами съ вера-крусской таможни, пріобрѣтеніемъ Соноры и уплатами по мексиканскому займу, французскіе министры финансовъ могли еще кое-какъ натягивать въ своихъ бюджетахъ искуственное равновѣсіе или замаскировывать отчасти чудовищные дефициты, но теперь настала минута окончательнаго разсчета. Отъ Мексики болѣе уже нечего ожидать. Вера-Крусъ въ рукахъ хуаристовъ, Сонора не сегодня-завтра будетъ, говорятъ, продана американцамъ, облигаціи мексиканскаго займа обратились въ простую бумагу съ фантастическою виньеткою и ничего ровно невыражающими цифрами. Выкинувъ изъ бюджета приходовъ всѣ эти «мексиканскія надежды», придется сознаться въ небываломъ дефицитѣ, угрожающемъ странѣ чуть не банкротствомъ. Въ такую минуту весьма желательно, чтобъ приливъ денегъ отъ иностранцевъ хоть отчасти поддержалъ благосостояніе націи, на половину разоренной правительствомъ. Вслѣдствіе этого выставка для Наполеона вопросъ первой важности.

Другое дѣло, когда она кончится и когда, пользуясь этимъ временемъ, правительство успѣетъ вполнѣ приготовиться къ войнѣ. Тогда столкновеніе съ Прусіею сдѣлается для Наполеона вполнѣ желательнымъ, и трудно сомнѣваться въ томъ, что оно будетъ лучшимъ и, пожалуй, даже единственнымъ средствомъ заставить французовъ забыть о новой ошибкѣ, сдѣланной уже послѣ того, какъ Тьеръ произнесъ свое знаменитое «правительству не осталось болѣе сдѣлать ни одной ошибки».

Но это все еще впереди; въ настоящую минуту тучи, омрачавшія политическій горизонтъ, временно разсѣялись. Миръ обезпеченъ хоть на нѣсколько времени, благодаря лондонскому трактату, заключенному съ поспѣшностью, почти безпримѣрною въ исторіи дипломатическихъ сдѣлокъ. Прежде, чѣмъ разстаться на долго, а можетъ быть и навсегда съ люксембургскимъ вопросомъ, намъ остается только изложить въ короткихъ словахъ, какъ было принято заинтересованными въ дѣлѣ сторонами его рѣшеніе, состоявшееся на лондонской конференціи.

Во Франціи впечатлѣніе, имъ произведенное, было далеко не блистательно. Имъ не остались довольны ни партія мира, ни партія войны, на которыя разбилась въ послѣднее время французская либеральная оппозиція. Слѣдуя новымъ пріемамъ, соблю-

даемымъ относительно представительныхъ собраній съ тѣхъ поръ, какъ они лишены права адреса и получили право запросовъ, французское правительство, немедленно послѣ окончанія работъ лондонской конференціи, сдѣлало сенату и законодательному корпусу заявленіе о положеніи люксембургскаго вопроса. Заявленіе это было принято чрезвычайно холодно. Въ законодательномъ корпусѣ одинъ изъ усердныхъ членовъ большинства вздумалъ-было воскликнуть «очень хорошо», но на это одинокое восклицаніе былъ отвѣтомъ такой энергическій «chut!», отъ котораго, говорятъ, сильно покоробило министровъ.

Неудовольствіе, возбужденное развязкой люксембургскаго вопроса, до того сильно, что даже офиціозные журналы не рѣшаются затягивать своихъ обычныхъ хвалебныхъ гимновъ. Они говорятъ непривычно сдержаннымъ тономъ и даже съ нѣкоторою злобою отзываются о торжествѣ партіи мира, намекая, что непріятный для французскаго самолюбія исходъ дѣла есть результатъ агитаціи этой партіи. Между тѣмъ, фракція либеральной оппозиціи, настаивавшая на мирѣ, вовсе не въ восторгѣ и не думаетъ торжествовать.

Она, кажется, поняла, что сдѣлала сильную ошибку, агитируя противъ войны и доставивъ такимъ образомъ правительству возможность свалить на нее значительную часть отвѣтственности за свою новую позорную неудачу. Положеніе этой фракціи крайне неловко въ настоящую минуту. Желаніе ея исполнено, миръ сохраненъ, но на такихъ условіяхъ, которыя приводятъ въ негодованіе французовъ. Можно утвердительно сказать, что не такого исхода желала партія мира, но за то врядъ-ли можно сказать, *чего именно* она желала. Увлекшись желаніемъ идти во что бы то ни стало противъ правительства, которое она заподозрѣла въ желаніи войны, партія эта упустила изъ виду то обстоятельство, что у нея не было опредѣленной программы. Оппозиціонные сторонники войны, съ Эмилемъ-де-Жирарденомъ во главѣ, были гораздо болѣе послѣдовательны и, очевидно, имѣли опредѣленную цѣль. Они требовали войны съ Прусіею, вполнѣ сознавая, что такая война немыслима безъ народнаго ополченія, и понимая, что подобное ополченіе возможно только въ случаѣ, если Наполеонъ возвратится къ преданіямъ первой французской революціи и уничтожитъ всѣ стѣсненія народной свободы. Конечно, они хорошо понимали, что послѣ этого императору врядъ-ли удастся удержаться на престолѣ, но имъ въ сущности того и хотѣлось, такъ что требуя войны, они имѣли, повторяемъ, совершенно ясно опредѣленную цѣль.

Такъ или иначе, но всѣ, рѣшительно всѣ извѣстія согласны насчетъ того, что исходъ люксембургскаго дѣла принятъ во Франціи весьма неблагосклонно общественнымъ мнѣніемъ, всѣхъ безъ исключенія оттѣнковъ. Къ длинному списку промаховъ и ошибокъ политики Наполеона III за послѣдніе годы прибавилась еще одна весьма крупная статья, а для самолюбивой французской націи явилась еще одна новая причина неудовольствія на то положеніе, въ

которое поставилъ этою политикою Францію избранникъ всеобщей подачи голосовъ.

Въ Прусіи тоже не особенно восторгаются результатами лондонской конференціи. Хотя г-нъ Бисмаркъ одержалъ несомнѣнную дипломатическую побѣду надъ Франціей, но, разлакомившимся со времени Садовой нѣмцамъ, побѣда эта кажется недостаточно блистательною. Правда, Люксембургъ не достался французамъ, но пруссакамъ и всей унитарной германской партіи не того хотѣлось. Они ожидали или войны съ Франціею, или полнаго торжества, то-есть сохраненія прусскаго гарнизона въ люксембургской крѣпости и присоединенія Люксембурга къ Германскому Союзу. Вмѣсто этого Люксембургъ объявленъ нейтральнымъ, что́ дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ присоединеніе его къ «общему нѣмецкому отечеству»; прусскій гарнизонъ выводится изъ люксембургской крѣпости и самая крѣпость срывается, такъ что нѣмцамъ не удастся досадить французамъ въ той степени, какъ бы они этого желали.

Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣлавъ нѣкоторыя уступки въ своихъ требованіяхъ, г-нъ Бисмаркъ поступилъ и благоразумно и политично, отступивъ передъ необходимостью поставить на карту судьбу только что созданной имъ единой Германіи, но также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что это благоразуміе будетъ стоить ему значительной доли его недавно пріобрѣтенной популярности. Въ глазахъ нѣмецкаго общественнаго мнѣнія Бисмаркъ тѣмъ и герой, что самыя смѣлыя, доходившія до дерзости, выходки его увѣнчивались блестящимъ успѣхомъ. Для репутаціи, построенной на такихъ данныхъ, весьма опасна благоразумная осторожность въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Поддержать свое обаяніе надъ нѣмцами Бисмаркъ можетъ только цѣлымъ и непрерывнымъ рядомъ такихъ же эфектныхъ успѣховъ, какъ тотъ, который увѣнчалъ его объединительную затѣю. То, что́ со стороны другого дипломата было бы сочтено весьма почтенною побѣдою, съ его стороны будетъ, пожалуй, признано пораженіемъ или по меньшей мѣрѣ неудачею.

Итакъ плодъ трудовъ лондонской конференціи не доставилъ удовольствія ни одной изъ заинтересованныхъ въ люксембургскомъ вопросѣ сторонъ. Замѣчательнѣе всего, что и остальной Европѣ онъ не очень-то пришелся по сердцу. Всѣ чувствуютъ, что лондонскій трактатъ не устранилъ вполнѣ, а только отсрочилъ взрывъ вражды между Франціей и Прусіей; всѣ понимаютъ, что спокойствіе Европы вовсе не обезпечено этимъ трактатомъ. Совершенно понятно, и даже вполнѣ законно то чувство, которое въ виду неизбѣжной катастрофы побуждаетъ желать, чтобъ катастрофа эта разразилась какъ можно скорѣе. Именно такимъ чувствомъ была и остается до сихъ поръ проникнута Европа съ самаго начала люксембургскаго столкновенія, такъ что неудовольствіе ея на исходъ этого столкновенія тѣмъ болѣе понятно, что этотъ исходъ заставляетъ Европу снова обратить свое вниманіе на непріятный для нея во многихъ отношеніяхъ восточный вопросъ

Дѣйствительно, въ настоящую минуту у Европы нѣтъ болѣе повода отсрочивать и отклонять рѣшеніе этого вопроса. Приходится снова вернуться къ нему. Между тѣмъ, дѣла на Востокѣ приняли за это время такой оборотъ, который не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ пріятенъ для Западной Европы. Несмотря на хвастливыя обѣщанія и заявленія Порты, кандіотское возстаніе съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ войны за независимость. Омеръ-Паша, собиравшійся подавить кандіотское возстаніе однимъ ударомъ, самъ потерпѣлъ на дняхъ вмѣсто этого сильное пораженіе и былъ отброшенъ инсургентами отъ входа въ Сфакію. Заставить отступить многочисленную армію — дѣло не шуточное, и новая побѣда кандіотовъ показываетъ, что ихъ возстаніе вовсе еще не такъ близко къ концу, какъ старается увѣрить Европу турецкое правительство. Строгая блокада Кандіи, которою тоже хвалился Омеръ-Паша какъ могущественнымъ средствомъ покончить съ возстаніемъ, оказывается въ дѣйствительности вовсе не такою. Греческому пароходу «Аркадіонъ» удалось на дняхъ, несмотря на эту блокаду, провезти къ кандіотамъ провизію и припасы, и вывезти съ Кандіи болѣе сотни семействъ инсургентовъ. Въ то же время въ Константинополѣ произошло событіе, выставляющее въ яркомъ свѣтѣ отвращеніе грековъ отъ турецкаго владычества. Большинство христіанскихъ псевдо-делегатовъ, привезенныхъ силою въ Константинополь, бѣжало оттуда въ Грецію, составивъ торжественный протестъ противъ сдѣланнаго имъ насилія. Еслибъ исторія отправки кандійскихъ делегатовъ въ Константинополь не была фактомъ въ высшей степени грустнымъ и возмутительнымъ, то эпизодъ побѣга делегатовъ былъ бы необыкновенно комиченъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо учредительное собраніе, члены котораго обращаются въ бѣгство лишь бы только не имѣть чести засѣдать въ немъ!

Сгруппировавъ всѣ данныя насчетъ кандійскаго возстанія и образа дѣйствій Турціи, Европа не можетъ долѣе отрицать настоятельной необходимости покончить съ этимъ дѣломъ и не допускать долѣе турокъ до безполезнаго пролитія крови, неведущаго вовсе къ тѣмъ результатамъ, во имя которыхъ позволяли имъ дѣлать это доселѣ. Если до сихъ поръ, сосредоточивая всѣ свои силы и средства, Порта не съумѣла усмирить возставшихъ кандіотовъ, значитъ возстаніе ихъ—результатъ отчаянной рѣшимости скорѣе умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка, чѣмъ сдаться. Неужли же допустятъ такую бойню. Во имя чего? Во имя сохраненія турецкаго владычества надъ христіанами?

Европа врядъ-ли рѣшится открыто сознаться, что она желаетъ этого. Въ 1851 году еще былъ предлогъ вступиться за турокъ. Подвластные имъ христіане не возставали и защиту христіанскихъ интересовъ на Востокѣ брала съ своего собственнаго почина Россія, которую подозрѣвали въ честолюбивыхъ и опасныхъ для Европы замыслахъ. Нынѣ нѣтъ ничего подобнаго. Россія, хотя и съ прискорбіемъ, но бездѣйствуетъ; сами турецкіе христіане поднима-

ютъ свой протестующій голосъ противъ угнетателей. Какъ защищать и поддерживать Турцію, не сознавшись открыто, что подвластными ей христіанами жертвуютъ изъ одного опасенія, что освобожденіе ихъ нравственно усилитъ Россію? До такого безнравственнаго сознанія вѣроятно дѣло не дойдетъ, и Западной Европѣ придется, скрѣпя сердце, быть свидѣтельницею великаго переворота на Востокѣ, потому что за освобожденіемъ Кандіи неминуемо послѣдуетъ возстаніе Өессаліи, Эпира и Македоніи, а за нимъ поголовное возстаніе турецкихъ славянъ.

До сихъ поръ политика Россіи въ настоящемъ фазисѣ восточнаго вопроса было очень, а можетъ быть, даже и *слишкомъ* осторожна. Оцѣняя по достоинству причины такой осторожности, мы не можемъ однакоже не скорбѣть объ ихъ существованіи, потому что въ промедленіяхъ уходитъ драгоцѣнное время и, можетъ быть, ослабляется до извѣстной степени надежда турецкихъ христіанъ на нравственную помощь и поддержку Россіи. Очень может случиться также и то, что въ Западной Европѣ поймутъ выгоды такого положенія дѣлъ и что Англія, а еще скорѣе Франція, быстро измѣнивъ свою политику, возьмутъ въ свои руки интересы восточныхъ христіанъ. Тогда удобная минута окажется окончательно упущенною, и Россія опять будетъ изолирована отъ православнаго Востока.

Болѣе энергическій образъ дѣйствій нашего кабинета въ восточномъ вопросѣ, можетъ быть, былъ бы желателенъ и, во всякомъ случаѣ, не представляетъ для Россіи никакой опасности. Нѣсколько недѣль тому назадъ Тьеръ совершенно справедливо призналъ Россію вмѣстѣ съ Прусіей полновластными хозяевами положенія дѣлъ на Востокѣ. Обстановка, вырвавшая это признаніе у знаменитаго французскаго оратора, еще существуетъ, но можетъ исчезнуть не сегодня-завтра...: Объ этомъ стоитъ подумать, тѣмъ болѣе, что русское общественное мнѣніе непремѣнно пойдетъ за правительствомъ въ случаѣ, еслибъ оно признало нужнымъ болѣе энергическій образъ дѣйствія въ восточномъ вопросѣ...

Во внутренней политикѣ главныхъ иностранныхъ государствъ за это время не произошло ничего особенно выдающагося. О томъ, какъ принято было во Франціи рѣшеніе люксембургскаго вопроса, мы говорили уже выше. Помимо же этого вопроса, въ имперіи Наполеона не происходило ничего важнаго. Работы законодательнаго корпуса страшно затягиваются. Ни одинъ изъ важныхъ проектовъ законовъ, представленныхъ этому собранію правительствомъ, не разсмотрѣнъ еще окончательно съ тѣхъ поръ, какъ законодательный корпусъ принялъ законъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги. Проектъ преобразованія арміи, проектъ новыхъ законовъ о печати и о сходкахъ, до сихъ поръ еще разсматриваются въ комисіяхъ, и во многихъ начинаетъ являться опасеніе, что законы эти не будутъ утверждены въ нынѣшнюю сессію. Объ этомъ намекнулъ даже въ законодательномъ корпусѣ неугомонный Глэ-Бизуэнъ, этотъ застрѣльщикъ оппозиціи, и надо сознаться, что отвѣтъ министра на этотъ намекъ далеко не можетъ

считаться категорическимъ опроверженіемъ опасенія, выраженнаго оппозиціоннымъ ораторомъ.

Впрочемъ, французы утѣшаются въ настоящую минуту тѣмъ, что въ ихъ столицѣ должно произойти на дняхъ событіе необыкновенно эфектное, уже помимо его политическаго значенія, а именно съѣздъ государей, предлогомъ къ которому служитъ посѣщеніе всемірной выставки. Въ Парижъ ѣдутъ: императоръ россійскій и король прусскій; тамъ же будетъ находиться къ ихъ пріѣзду и принцъ уэльскій, являющійся, какъ увѣряютъ, представителемъ своей вѣнценосной матери, а вслѣдъ за этими высокими посѣтителями прибудетъ и король итальянскій. Такъ-какъ нѣкоторыхъ изъ государей сопровождаютъ ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, то по общему мнѣнію, цѣль ихъ поѣздки — политическая, и находится въ связи съ важными международными вопросами. Утверждаютъ даже, что Наполеонъ III намѣренъ воспользоваться посѣщеніемъ своихъ вѣнценосныхъ гостей, чтобы снова поднять свою любимую мысль объ европейскомъ конгресѣ. Справедливо ли такое извѣщеніе, и удастся ли Наполеону осуществить свою мысль— это покажетъ будущее. Въ настоящую же минуту можно только утверждать одно, а именно, что поѣздка государей въ Парижъ ни въ какомъ случаѣ не останется безъ важнаго вліянія на дѣла Европы, и хоть отчасти уменьшитъ запутанность международныхъ отношеній, возникшую изъ событій послѣдняго двадцатилѣтія.

Въ Пруссіи за это время произошло только одно политическое событіе, заслуживающее упоминанія. Прусскій сеймъ принялъ проектъ конституціи сѣверо-германскаго союза. Его примѣру послѣдовали парламенты многихъ изъ сѣверо-германскихъ государствъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ собраній проектъ былъ принятъ *даже безъ преній* и единогласно.

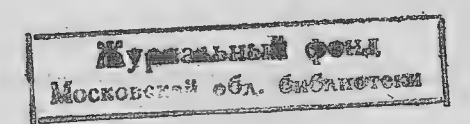
Въ Австріи идутъ послѣднія приготовленія къ коронаціи императора Франца-Іосифа. Въ Вѣнѣ открытъ рейхсратъ для сформированія обѣихъ палатъ. Торжественное открытіе рейхсрата императорскою тронною рѣчью послѣдуетъ 10-го мая, а затѣмъ, императоръ отправится въ Пештъ вѣнчаться короною св. Стефана. Венгры въ восторгѣ, да и есть отчего: они добились всего, чего требовали, не исключая даже и права угнетать залейтанскихъ славянъ, которые отданы окончательно на жертву этимъ потомкамъ Аттилы.

Итальянскій парламентъ занятъ трудами надъ бюджетомъ королевства, этой пенелопиной работой, которая до сихъ поръ еще не привела ровно ни къ чему. Король Викторъ-Эмануилъ, желая облегчить финансовыя тягости страны, отказался отъ 4 милліоновъ франковъ изъ содержанія, отпускаемаго ему государствомъ. Поѣздку короля въ Парижъ иностранные корреспонденты объясняютъ свиданіемъ съ Францомъ-Іосифомъ, который будто бы къ этому же времени долженъ посѣтить парижскую всемірную выставку.

Билль о реформѣ, предложенный торискимъ правительствомъ

англійскому парламенту, повидимому, пройдетъ. Министерство сдѣлало въ немъ новыя, и такія важныя поправки въ либеральномъ духѣ, что даже самъ Гладстонъ призналъ, какъ говорятъ, полную возможность принять измѣненный такимъ образомъ билль. Въ переговорахъ лондонской конференціи, Англія приняла на себя прекрасную роль. Когда соглашеніе по люксембургскому вопросу было достигнуто, она предложила всеобщее разоруженіе... Къ сожалѣнію, предположеніе это не встрѣтило того сочувствія, какого оно заслуживало, и было отклонено.

Послѣднія извѣстія изъ Мексики сообщаютъ о полномъ разбитіи имперіалистскихъ войскъ, смерти генерала Мирамона и удаленіи Максимиліана въъ Европу. По другимъ извѣстіямъ, бывшій императоръ раненъ и находится въ плѣну у хуаристовъ, которые требуютъ за него огромный выкупъ. Впрочемъ, всѣ эти извѣстія нуждаются сильно въ подтвержденіи.



HERZBERG, A. Nocturne. Op. 103. 75 c.
HESS, J. CH. Colibri, Polka pour les petites mains. 30 c.; Ave Maria, de *F. Schubert*. 75 c.
KETTERER, E. Nocturne-Mazurka sur un motif du ballet de la «Fidenzata Vallacca». Op. 190 75 c,; La Violette («Das Veilchen») de *Mozart*, Transcription. Op. 194. 75 c.; Valse des Fées. Op. 195. 1 r.; Toast, Chanson á boire. Op. 196. 85 c.; Rêve perdu, Ballade. Op. 197. 85 c.; Chanson mauresque. Op. 198. 85 c.
LACHNER, V. 42 Variationen über die C-dur-Tonleiter. Op. 42. In 2 Heften, jedes 1 r. 15 c.
LAZARE, M. 2-e Valse de salon. Op. 27. 1 r. 15 c.
LEYBACH, J. Magali, Grande Valse brillante. Op. 83. 85 c ; 2-me Bolero brillant. Op. 90. 1 r.; 6-me Nocturne. Op. 91. 85 c.
NEUSTEDT, CH. Sonatine, 1 Solo de concours. Op. 49. 75 c.; 3-me Rêverie. Op. 54. 60 c.; Marche triomphale. Op. 55. 75 c.; «La Flûte enchantée», 2 Transcriptions. Op. 56. № 1. Andante de la Flûte. 60 c.; № 2. Duo du 1-r Acte. 75 c.
RUMMEL, J. Bonbonnière des Pianistes, 30 Mélodies très faciles. № 1. *Verdi*. «Il Trovatore». 30 c.; № 2. (Miserere) 30 c.; № 3. «Les Vépres siciliennes». 30 c.; № 4. «Un Ballo in Maschera». 30 c.; № 5. «La Traviata». 30 c.; № 6. «Ernani». 30 c.; № 7. «I Lombardi». 30 c.; № 8. «I Masnadieri». 30 c.; № 9. «Aroldo» 30 c.; № 10. «Attilla». 30 c.; № 11. *Verdi*. «Macbeth». 30 c.; № 12. «Rigoletto». 30 c.; № 13. «Giovanna d'Arco». 30 c.; № 14. «Luisa Miller». 30 c.; № 15. «Simon Boccanerga» 30 c.; № 16. «I due Foscari». 30 c.; № 17. «La Forza del destino». 30 c.; № 18. *Rossini*. «Cenerentola». 30 c.; № 19. *Weber*. «Euryanthe». 30 c.; № 20. *Donizetti*. «Anna Bolena». 30 c ; № 21. *Auber*. «Gustave». 30 c.; № 22. *Bellini*. «Beatrice di Tenda». 30 c.; № 23. *Donizetti*. «Parisina». 30 c.; № 24. *Donizetti*. «Torquato Tasso». 30 c.; № 25. *Bellini*. «I Puritani». 30 c.; № 26. *Donizetti*. «Il Furioso. 30 c.; № 27. *Rossini*. «La Donna del lago. 30 c.; № 28. *Cimarosa*. «Il Matrimonio secreto.» 30 c.; 29. *Mozart*. «Le Nozze di Figaro». 30 c.; № 30. «Don Juan». 30 c.

8-й № «Отеч. Записокъ» сданъ въ Петербургѣ на почту въ слѣдующіе сроки:

На городскую почту	28	Апрѣля.
По тракту ближайшихъ къ Петербургу городовъ.	4	Мая.
» 2-му бѣлорусскому тракту	9	»
» тракту въ замосковные города	11	»